

ОКТЯБРЬ

История
одной
революции

common place

**В 1917 ГОДУ НАША
СТРАНА СДЕЛАЛА
ПЕРВЫЙ ШАГ
НА ПУТИ К ИСТИНЕ –
– НЕ БЫВАТЬ ЕМУ
ПОСЛЕДНИМ**

Егор Летов

common place

История
одной
революции

Москва
2017

УДК 785.7(470)
ББК 85.318
О 52

О 52 Октябрь. История одной революции —
М.: Common place, 2017. — 480 с.

ISBN 978-999999-0-17-2

В этой книге вы найдете хронику событий последних месяцев 1917 года в Петрограде, основанную на дневниках и мемуарах участников и очевидцев Октябрьской революции. В хронологической последовательности показаны предреволюционная ситуация в городе (голод и хаос на улицах Петрограда, рост антивоенных настроений в обществе, формирование красногвардейских отрядов, укрепление позиций сторонников Троцкого и Ленина), события 24-26 октября 1917 года (захват административных зданий Петрограда, штурм Зимнего дворца), попытки контрреволюционного восстания, а также столичный быт в первые недели большевистской власти. Некоторым революция представлялась концом света, некоторым — началом новой жизни, и чтобы получить о ней всестороннее представление, нужно взглянуть на события того времени глазами разных людей: обывателей, интеллигенции, иностранцев, сторонников и противников большевиков.

УДК 785.7(470)
ББК 85.318

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	7
ГЛАВА 1. ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД	16
ГЛАВА 2. 24-26 ОКТЯБРЯ. РЕВОЛЮЦИЯ	56
ГЛАВА 3. 26-31 ОКТЯБРЯ. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ	152
ГЛАВА 4. КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД	208
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РАССКАЗ АНАРХИСТА О ШТУРМЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА	262
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ЮНКЕРА	274
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН СМЕРТИ	392
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. КЕРЕНСКИЙ. САВИНКОВ. КРАСНОВ	414
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. НИКОЛАЙ II В ТОБОЛЬСКЕ	474

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА**

Лев Троцкий (1879-1940) — осенью 1917 года — большевик, председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, инициатор создания Петроградского военно-революционного комитета, один из главных руководителей Октябрьской революции. С 1923 года — лидер внутривластной левой оппозиции. В 1929 году выслан за пределы СССР. 20 августа 1940 года убит испанским агентом НКВД. Источники текста: Лев Троцкий «История русской революции» (издательство «Терра», 1997), Лев Троцкий «Моя жизнь» (издательство «ПРОЗАиК», 2014).

Константин Еремеев (1874-1931) — член РСДРП с 1903 года, участник Петроградского военно-революционного комитета, командовал отрядами Красной гвардии и революционных солдат при штурме Зимнего дворца со стороны Марсова поля. Источники текста: Константин Еремеев «Октябрьские дни. (Из воспоминаний)» / «Немеркнущие годы» (издательство «Советский писатель», 1957), Константин Еремеев «Осада Зимнего дворца» / «Это есть наш последний решительный бой» (Политиздат, 1987).

Иван Флеровский (1888-1959) — член РСДРП с 1905 года, в 1917 году работал в Кронштадтском комитете РСДРП(б). Источники текста: Иван Флеровский «Кронштадт в Октябрьской революции» / «Немеркнущие годы» (издательство «Советский писатель», 1957).

Владимир Бонч-Бруевич (1873-1955) — большевик, этнограф, исследователь русских религиозных сект, ближайший помощник В.И. Ленина. Источники текста: Владимир Бонч-Бруевич «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций» / «Немеркнущие годы» (издательство «Советский писатель», 1957).

Павел Дыбенко (1889-1938) — член РСДРП с 1912 года, матрос Балтийского флота с декабря 1911 года. Один из руководителей и активный участник защиты Петрограда от казачьих частей Петра Краснова. В 1921 году участвует в подавлении Кронштадтского восстания и крестьянского восстания в Тамбовской губернии. 26 февраля 1938 года был арестован и обвинен в военном заговоре и шпионаже в пользу США. Расстрелян 29 июля 1938 года. Источники

текста: Павел Дыбенко
«Великий переворот» /
«Октябрьское вооруженное
восстание в Петрограде»
(Лениздат, 1956).

Алексей Дорогов —
матрос, во время осады Зимнего
дворца передавал ультиматум
Временному правительству
от Военно-революционного
комитета. Источник текста:
«Воспоминания матроса Алексея
Антоновича Дорогова о взятии
Зимнего дворца» /
«Немеркнущие годы»
(издательство «Советский
писатель», 1957).

Иван Жига (1895-1949) —
большевик с 1914 года.
В 18 лет пошел на завод
молотобойцем, в 1915
мобилизован в армию. После
Октябрьской революции стал
писателем. Источник текста:
Иван Жига «В Октябрьские
дни» / «Немеркнущие годы»
(издательство «Советский
писатель», 1957).

В.П. Павлов — после
Октябрьской революции —
комиссар «Крестов» и других
тюрем Выборгской стороны.
Источник текста: В.П.
Павлов «Мои воспоминания
о «Крестах» / «Немеркнущие
годы» (издательство «Советский
писатель», 1957).

А. Хохряков (С. Боннар) —
председатель полкового

комитета Волынского полка.
Источник текста: А. Хохряков
«Из жизни Петроградского
гарнизона в 1917 году» /
«Октябрьское вооруженное
восстание в Петрограде»
(Лениздат, 1956).

**Владимир Антонов-
Овсеенко** (1883-1938) —
участник революционного
движения с 1901 года,
меньшевик, в 1917 году вступил
в партию большевиков. В
октябре 1917 года был избран в
состав Петроградского военно-
революционного комитета.
Участвовал в подготовке захвата
и штурме Зимнего дворца,
лично арестовывал Временное
правительство. Участник
подавления Тамбовского
восстания в 1921 году. Выступал
против усиления власти
Сталина. 12 октября 1937 был
арестован НКВД. Приговорен к
расстрелу «за принадлежность к
троцкистской террористической
и шпионской организации».
Расстрелян 10 февраля 1938
года. Источник текста: Владимир
Антонов-Овсеенко «Октябрьская
буря» / «Октябрьское
вооруженное восстание в
Петрограде» (Лениздат, 1956).

Григорий Чудновский
(1890-1918) — член
РСДРП с 1905 года, один
из руководителей взятия
Зимнего дворца. Погиб во
время наступления немецких
войск на Украину 8 апреля
1918 года. Источник текста:

Николай Подвойский «Год 1917» (Государственное издательство политической литературы, 1958).

Николай Подвойский (1880-1948) — член РСДРП с 1901 года. В октябре 1917 года — председатель Петроградского Военно-революционного комитета. Один из руководителей штурма Зимнего дворца. Источник текста: Николай Подвойский «Год 1917» (Государственное издательство политической литературы, 1958).

Георгий Благодравов (1896-1938) — в октябре 1917 года — комиссар Петропавловской крепости, орудия которой произвели обстрел Зимнего дворца. В 1937 году осужден за контрреволюционную деятельность. Расстрелян 16 июня 1938 года. Источник текста: Георгий Благодравов «Октябрьские дни в Петропавловской крепости» / «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Лениздат, 1956).

Освальд Дзенис (1896-1937) — осенью 1917 года — комиссар Павловского полка, участник штурма Зимнего дворца. В 1936 году арестован за «участие в антисоветской террористической группе». Расстрелян 10 марта 1937 года. Источник текста: Освальд Дзенис «Как мы брали Зимний дворец» /

«Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Лениздат, 1956).

Александр Ильин-Женевский (1894-1941) — шахматист, участник Первой мировой войны, осенью 1917 года — комиссар Гренадерского полка. Источник текста: Александр Ильин-Женевский «Октябрьская революция» / «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Лениздат, 1956).

А. Егоров — рабочий завода «Вакуум-Ойль». Источник текста: А. Егоров «Как мы боролись за Октябрь» / «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Лениздат, 1956).

И. Скоринко — молодой рабочий Путиловского завода, член Красной гвардии. Источник текста: Скоринко И. «Воспоминания рабочего об Октябре» / «Красная летопись» №6, 1923 (печатается по изданию Давид Мандель «Петроградские рабочие в революциях 1917 года», издательство «Новый хронограф», 2015).

Владимир Малаховский (1894-1940) — секретарь штаба Красной гвардии Выборгского района. После Октябрьской революции — историк. Последние годы жизни работал в Институте истории АН СССР. Источник текста: Владимир Малаховский

«Красногвардейцы Выборгского района» / «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Лениздат, 1956).

А.А. Игнатьев — в 1917 году солдат 6-го запасного саперного батальона, председатель батальонного комитета. Источник текста: А.А. Игнатьев «В ночь на 25 октября 1917 года» / «Это есть наш последний решительный бой» (Политиздат, 1987).

Федор Другов (1891-1934) — анархист, член Петроградского Военно-Революционного Комитета, участник штурма Зимнего дворца. После Октябрьской революции — сотрудник ВЧК. Источник текста: Другов Ф.П. «Анархисты в русской революции: Октябрьские дни в Смольном» / «Пробуждение», 1932, N 23-27.

Джон Рид (1887-1920) — американский журналист, социалист, свидетель штурма Зимнего дворца. Совершил около 20 агитационных поездок по США, выступая в защиту Октябрьской революции. Умер в Москве от сыпного тифа. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. Источник текста: Джон Рид «Десять дней, которые потрясли мир» (Госполитиздат, 1957).

Мадлен Доти (1877-1963) — американский юрист,

журналист, общественный деятель. В ноябре 1917 года в качестве военного корреспондента газеты «Нью-Йорк трибьюн» посетила Россию. Источник текста: «Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания» (издательство РОССПЭН, 2016).

Альберт Рис Вильямс (1883-1962) — американский публицист и журналист, друг Джона Рида, сторонник Октябрьской революции. Источник текста: Альберт Рис Вильямс «Путешествие в революцию» (издательство «Центрполиграф», 2006).

Джордж Бьюкенен (1854-1924) — британский дипломат, посол Великобритании в России в годы Первой мировой войны. Источник текста: Джордж Бьюкенен «Моя миссия в России» (издательство Центрполиграф, 2006).

Пьер Паскаль (1890-1983) — французский славист, лейтенант в годы Первой мировой войны, после двух ранений на фронте оказался глубоко в российском тылу: в апреле 1916 года был назначен во французскую военную миссию. Источник текста: Пьер Паскаль «Русский дневник: Во французской военной миссии (1916-1918)» (издательство «Гонзо», 2014).

Жак Садуль (1881-1956) — французский офицер, в сентябре 1917 был назначен

атташе при французской военной миссии в Петрограде. Член французской социалистической партии, сторонник большевиков. Источник текста: Жак Садуль «Записки о большевистской революции» (издательство «Книга», 1990).

Зинаида Гиппиус
(1869-1945) — писательница и поэтесса, одна из видных представительниц Серебряного века русской культуры, идеолог русского символизма. Источник текста: Зинаида Гиппиус «Собрание сочинений. Том 8. Дневники: 1893-1919» (издательство «Русская книга», 2003).

Михаил Пришвин
(1873-1954) — писатель, автор знаменитых «Дневников», которые он вёл в течение почти полувека. Источник текста: Михаил Пришвин «Дневники 1914-1917» (Издательство «Росток», 2007).

Павел Малянтович
(1869-1940) — осенью 1917 года — министр юстиции Временного правительства. До 1917 года участвовал в социал-демократическом движении, колебался между большевиками и меньшевиками. 25 октября 1917 года был арестован восставшими вместе с другими членами Временного правительства. Через день, как и другие министры-социалисты, был освобождён. В ноябре 1937 года арестован по обвинению в контрреволюционной деятельно-

сти. Расстрелян 22 января 1940 года. Источник текста: Павел Малянтович «В Зимнем дворце 25-26 октября 1917 года» / «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Лениздат, 1956).

Николай Суханов
(1882-1940) — осенью 1917 года — меньшевик, редактор газеты «Новая жизнь». В июле 1930 года арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, приговорен к 10 годам тюрьмы. В марте 1935 года оставшийся срок заключения был заменен ссылкой в Тобольск. В 1937 году арестован по ложному обвинению в связях с немецкой разведкой. Расстрелян 29 июня 1940 года. Источник текста: Николай Суханов «Записки о революции» (Издательство политической литературы, 1991).

Семен Ан-ский
(1863-1920) — настоящее имя Шлоймэ-Занвл (Соломон) публицист, этнограф, был близок к Партии социалистов-революционеров. Источник текста: Семен Ан-ский «После переворота 25 октября 1917 года» / «Октябрьская революция. Мемуары» (издательство «Терра», 1999).

Александр Керенский
(1881-1970) — осенью 1917 года — председатель Временного правительства, верховный главнокомандующий. Источник текста: Александр Керенский

«Россия на историческом повороте» (Издательство «Терра», 1996).

Борис Савинков

(1879-1925) — осенью 1917 года — управляющий военного министерства, военный губернатор Петрограда.

В прошлом — руководитель Боевой организации Партии социалистов-революционеров. После Октябрьской революции — участник белого движения. По официальной версии покончил жизнь самоубийством 7 мая 1925 в здании ВЧК на Лубянке. Источник текста: Борис Савинков «Борьба с большевиками» / «Воспоминания террориста» (издательство «ПРОЗАиК», 2013).

Петр Краснов

(1869-1947) — осенью 1917 года — генерал Русской императорской армии, командующий 3-м кавалерийским корпусом. Организатор похода казачьих частей на Петроград с целью подавления Октябрьского вооруженного восстания. Во время Гражданской войны — атаман Всевеликого Войска Донского. Во время Второй мировой войны — начальник Главного управления казачьих войск Имперского Министерства Восточных оккупированных территорий Германии. Повешен в Лефортовской тюрьме 16 января 1947 года. Источник текста: Петр Краснов «На внутреннем фронте» / «В боях и походах» (издательство «ПРОЗАиК», 2014).

Борис Никольский

(1870-1919) — деятель монархического движения, профессор юридического факультета Юрьевского университета. Расстрелян 11 июня 1919 года. Источник текста: Борис Никольский «Дневник» (издательство «Дмитрий Буланин», 2015).

Владимир Лопухин

(1871-1942?) — представитель известной аристократической фамилии, осень 1917 года — директор департамента Министерства иностранных дел. Источник текста: Владимир Лопухин «Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел» (издательство «Нестор-История», 2008).

Мария Бочарникова

— старший унтер-офицер 1-го Петроградского женского батальона. Источник текста: Мария Бочарникова «В Женском батальоне смерти» / «Добровольцы» (издательство «Русский путь, 2014).

Евгений Драшусов

(1885-1969) — морской офицер, из дворян. Источник текста: «Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания» (издательство РОССПЭН, 2016).

Борис фон Лайминг

— в 1917 году юнкер Михайловского артиллерийского военного училища. Источник текста: «Россия 1917 года в эго-документах:

Воспоминания» (издательство
РОССПЭН, 2016).

Александр Синегуб —
поручик Школы прапорщиков
инженерных войск. Источник
текста: Александр Синегуб
«Защита Зимнего Дворца» /
«Архив русской революции» Том 4
(издательство «Слово», 1922).

Николай Реден (Вреден)
(1901-1955) — воспитанник
Морского кадетского корпуса,
участник белого движения. Ис-
точник текста: Николай Реден
«Сквозь ад русской революции.
Воспоминания гардемарина.
1914-1919» (издательство «Цен-
трполиграф», 2006).

Глава 1

ПРЕ

ПЕ

ДРЕВОДЛЮ ЦИОННЫЙ ТРОГРАД

Город был настроен
нервно и
настораживался при
каждом резком шуме

ГЛАВА 1. ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД

Джон Рид

Сентябрь и октябрь — наихудшие месяцы русского года, особенно петроградского года. С тусклого серого неба в течение все более короткого дня непрестанно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая чем когда-либо ввиду полного развала городской администрации. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам — частью из экономии, частью из страха перед цепелинами — горят лишь редкие, скудные уличные фонари; в частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов, причем свечи стоят по сорок центов (цент по тогдашнему курсу равнялся 3-5 копейкам) штука, а керосина почти нельзя достать. Темно с 3 часов дня до 10 утра. Масса разбоев и грабежей. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану, вооружившись заряженными ружьями. Так было при Временном правительстве.

Николай Реден

В марте, когда неистовствовали уличные толпы, их нападению подверглись все тюрьмы, ворота которых широко открылись. Целью провозглашалось освобождение политических заключенных, однако не упускали случая воспользоваться ситуацией и уголовные преступники. К политическим ссыльным, возвращавшимся из Сибири, примыкали убийцы и грабители. Комиссии по опеке всех принимали как пострадавших за дело свободы. Перед профессиональными мошенниками, приезжавшими в Петроград, открывались неограниченные возможности. Не осталось ни одного из прежних средств сдерживания: полиция исчезла, ушла в прошлое паспортная система, уничтожили полицейские досье.

Поздней осенью 1917 года «дно» общества процветало. Ряды рецидивистов постоянно пополнялись новичками, которых со-

блзняла безнаказанность. Трамваи, политические митинги и публичные места кишели ворами-карманниками, частные дома и квартиры подвергались грабежам в дневное время, по вечерам на главных проспектах останавливали и раздевали прохожих. Не существовало правоохранительных учреждений, куда могли обратиться за защитой мирные граждане.

Наконец в порядке самообороны люди стали брать исполнение законов в свои руки, самосуд стал нормой. Карманник, схваченный в переполненном вагоне трамвая, не знал пощады. Разъяренные блюстители справедливости вытаскивали визжащую жертву наружу и учиняли скорый суд, в то время как вагоновожатый ждал, пока дело будет закончено.

Нередко я видел трясущуюся фигуру какого-нибудь воришки, с бледным лицом, в разорванной в клочья одежде, с кровью на разбитом лице, а вокруг — люди, со звериной злобой стремящиеся нанести еще удар. Пять, десять минут толпа неистовствует и топчется на месте. Затем, тяжело дыша и не глядя друг на друга, люди возвращаются на свои места, и трамвай, позванивая, продолжает свой путь. Если кто-нибудь решался оглянуться, то видел посреди улицы кровавую массу, которая уже ничем не напоминала человеческое существо.

Когда грабителя или налетчика заставляли на месте преступления, немедленно начиналась охота за ним. Каждый день на улицах Петрограда происходили десятки таких инцидентов. Они начинались с пронзительных криков:

— Вор! Держи вора! Убей его!

В одно мгновение эти крики подхватывали сотни глоток. Все бросали свои дела и принимали участие в погоне. Поскольку преследователи прибывали из боковых переулков, из соседних домов, у жертвы уйти от погони никаких шансов не оставалось. Рано или поздно преступника загоняли в какой-нибудь подъезд или погреб. Если он был вооружен, следовала осада, продолжавшаяся до тех пор, пока у него не заканчивались боеприпасы. Обычно преступник знал о своей участи и приберегал последнюю пулю для себя.

Мадлен Доти

Представитель американского военного управления в Петрограде рассказал мне о следующем инциденте, которому

он стал свидетелем. Одна женщина выбежала на улицу за пятнадцатилетним мальчиком. «Он украл мой бумажник; он украл мой бумажник!» — кричала она. Жалкий визжащий мальчишка бешено убегал от нее по улице. Он был пойман прохожими, собралась толпа. На незащищенную голову посыпался удар за ударом. Воздух наполнили детские вопли страха. Женщина в ужасе от того, что она натворила, бросилась обратно в дом. Еще раз она начала отчаянные поиски и вдруг откопала в темном углу пропавший бумажник. Она снова выбежала на улицу, размахивая бумажником и громко крича о своей ошибке. Но было слишком поздно: детские крики утихли; избитое и безжизненное тело только что бросили в канал. Болезненная досада охватила толпу. Ярость выросла в их сердцах. При царе их безжалостно избивали и мучили. Их наставником была грубая сила. Они бросились на женщину и применили единственный метод, который знали. Они избили ее до смерти и сбросили в канал.

Николай Реден

Беззаконие, подстерегающие вокруг опасности и частые сцены кровопролития, держали человеческую психику в постоянном напряжении. Люди передвигались в городе подобно диким зверям в джунглях — в постоянном ожидании внезапного нападения, всегда готовые бежать или наброситься на врага. Из-за этого люди попадали в крайне нелепые положения.

Идя домой в 2 часа ночи, один из моих приятелей услышал за собой шаги. Тревожное ощущение преследования заставило его идти быстрее. Незнакомец тоже ускорил шаг. Приятель замедлил движение, как и тот, что шел позади него. Вокруг никого не было, улица буквально вымерла. Чтобы не оказаться застигнутым врасплох нападением, мой приятель решил прибегнуть к хитрости: он выбрал подъезд и остановился, прислонившись там спиной к запертой двери. Чужак, отстававший на полквартила, сделал то же самое. В течение двух часов они стояли на жестокое морозе, следя друг за другом. Наконец, когда приятель выкурил последнюю сигарету, он решил нарушить молчание и крикнул:

— Чего вы ждете, черт побери?

— Я жду, когда вы пойдете дальше!

Приятель узнал голос неизвестного: это был родственник, с которым он проживал в одной квартире. Продрогшие до костей, но испытывая явное облегчение, они оба продолжили путь вместе. Пока они шли, приятель выслушал рассказ родственника о том, как его пугало поведение зловещей фигуры, маячившей перед ним.

В сложившейся обстановке стремление людей принимать меры предосторожности выглядело вполне естественным. Иногда же из опасений худшего они переходили от простой предосторожности к агрессии. Тогда происходили драматические сцены или забавные эпизоды. Один такой случай произошел с другом нашей семьи — полковником, человеком весьма представительным и грозным с виду.

Стоя на задней площадке переполненного трамвая, полковник вдруг заметил рядом с собой сомнительного вида субъекта. У него были плутоватые глаза, и полковник решил следить за ним в оба. Как раз в этот момент трамвай сделал резкий поворот. Незнакомец потерял равновесие и всей своей массой навалился на полковника. Когда чужак встал на ноги, полковник ощупал свой карман и обнаружил, что там нет золотых часов. Без малейшего колебания он схватил соседа за рукав и пробасил ледяным тоном:

— Отдай часы!

С неожиданной резвостью незнакомец вырвался, прыгнул с движущегося трамвая и побежал в направлении площади. Полковник стал его преследовать. Хотя и не первой молодости, он находился в хорошей физической форме и настиг похитителя посреди площади. Полковник схватил беглеца за воротник и свирепо прогромыхал:

— Отдай часы или убью!

Незнакомец поник, побледнел и трясущимися пальцами вытащил золотые часы с цепочкой. Полковник взял свою вещь, дал на прощание вору подзатыльник и, успокоившись, зашагал прочь с торжествующим видом. Однако он был раздосадован сверх меры, когда, вернувшись домой, обнаружил свои собственные часы преспокойно лежащими на столе, где они и были оставлены.

То ли полковник завладел собственностью другого человека, украденной карманником, то ли он запугал невинного человека

до такой степени, что тот расстался с собственными часами, — сказать невозможно. Но этот вопрос поднимался бесконечное число раз друзьями полковника, которых забавляло его смущение при каждом упоминании этого инцидента.

Грабежи, стрельба, линчевание и убийства стали частью повседневной жизни. Люди начинали осознавать, насколько разительно отклонилось их поведение от нормы, только тогда, когда сталкивались с инцидентами, столь же нелепыми, как упомянутый случай с часами.

В течение девяти месяцев сложный организм современного города упростился до примитивного состояния, в котором каждый отдельный человек был вынужден полагаться в целях самозащиты и обеспечения своей семьи исключительно на себя. Вся страна барахталась в котле анархии, пока большевики не почувствовали себя достаточно сильными, чтобы взять бразды правления в свои руки.

Джон Рид

С каждой неделей продовольствия становится все меньше. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10 рублей, т.е. по крайней мере доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во многих гостиницах и частных домах его не видали по целым месяцам. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку...

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться «хвост», главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей... Карлейль говорит в своей «Французской революции», что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в «хвостах». Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного», еще с 1915 года — и с тех пор «хвосты» появлялись время от времени, пока к лету 1917 года окончательно не вошли в порядок вещей. Подумайте, каково было этим кое-как одетым людям выстаивать целые дни напролет на скованных и выбеленных

морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму! Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недовольства... Разумеется, театры были открыты ежедневно, не исключая и воскресений. В Мариинском шел новый балет с Карсавиной, и вся балетоманская Россия являлась смотреть на нее. Пел Шаляпин. В Александрийском была возобновлена мейерхольдовская постановка драмы Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». На этом спектакле мне особенно запомнился воспитанник императорского пажееского корпуса в парадной форме, который во всех антрактах стоял навывert лицом к пустой императорской ложе, с которой уже были сорваны все орлы... Театр «Кривое зеркало» давал роскошную постановку шницлеровского «Хоровода».

Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву; однако в Петрограде каждую неделю открывались художественные выставки. Толпы женщин из среды интеллигенции усердно посещали лекции по искусству, литературе и популярной философии. У теософов был необычайно оживленный сезон. Армия спасения, впервые в истории допущенная в Россию, заклеивала все стены объявлениями о евангелических собраниях, одновременно изумлявших и забавлявших русскую аудиторию...

Как и всегда бывает в таких случаях, повседневная мелочная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции. Поэты писали стихи, но только не о революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта — о чем угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению. По коридорам и вестибюлям отелей расхаживали молодые, изящные и веселые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотым позументом и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить

наболевший вопрос о прислуге... Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее «товарищем»!

А вокруг них корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались как с животными и которой почти ничего не платили, обретала чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалование в среднем не превышало тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь. Но мало этого. В новой России каждый человек — все равно мужчина или женщина — получил право голоса; появились рабочие газеты, говорившие о новых и изумительных вещах; появились Советы; появились профессиональные союзы. Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петроградском Совете. Лакеи и официанты организовались и отказались от чаевых. Во всех ресторанах по стенам висели плакаты, гласившие: «Здесь на чай не берут» или: «Если человеку приходится служить за столом, чтобы заработать себе на хлеб, то это еще не значит, что его можно оскорблять подачками на чай».

На фронте солдаты боролись с офицерами и учились в своих комитетах самоуправлению. На фабриках приобретали опыт, и силу, и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком эти не имеющие себе подобных русские организации — фабрично-заводские комитеты. Вся Россия училась читать и действительно читала книги по политике, экономике, истории — читала потому, что люди хотели знать... В каждом городе, в большинстве прифронтовых городов каждая политическая партия выпускала свою газету, а иногда и несколько газет. Тысячи организаций печатали сотни тысяч политических брошюр, затопляя ими окопы и деревни, заводы и городские улицы. Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая разлагающая макулатура.

ра, а общественные и экономические теории, философия, произведения Толстого, Гоголя и Горького...

Затем — слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним «потоп французской речи», о котором пишет Карлейль, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи — в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов — кого угодно, о чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах, и в трамваях, повсюду...

А всероссийские съезды и конференции, на которые съезжались люди двух материков — съезды Советов, кооперативов, земств, национальностей, духовенства, крестьян, политических партий; Демократическое совещание, Московское Государственное совещание, Совет Российской республики... В Петрограде постоянно заседали три-четыре съезда сразу. Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были...

Мы приехали на фронт в XII армию, стоявшую за Ригой, где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были измощены; сквозь дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь почитать?»

Внешних, видимых признаков совершившейся перемены было много, но, хотя в руках статуи Екатерины Великой против Александринского театра торчал красный флажок, хотя над всеми общественными зданиями тоже развевались красные флаги, иногда, впрочем, выцветшие, а императорские вензеля и орлы были повсюду сорваны или прикрыты; хотя вместо свирепых городских улицы охраняла добродушная и невооруженная гражданская милиция, тем не менее еще сохранилось очень много странных пережитков прошлого.

Так, например, оставалась в полной силе табель о рангах Петра Великого, которой он железной рукой сковал всю Россию. Почти все, начиная от школьников, еще продолжали носить установленную прежнюю форменную одежду с императорскими орлами на пуговицах и петлицах. Около пяти часов вечера улицы заполнялись пожилыми людьми в форме, с портфелями. Возвращаясь домой с работы в огромных казармоподобных министерствах и других правительственных учреждениях, они, быть может, высчитывали, насколько быстро смертность среди начальства подвигает их к долгожданному чину коллежского асессора или тайного советника, к перспективе почетной отставки с полной пенсией, а может быть, и с Анной на шее...

Лев Троцкий

Все переменялось, и все осталось тем же. Революция потрясла страну, углубила распад, запугала одних, ожесточила других, но еще ничего до конца не смела, ничего не заменила.

Михаил Пришвин (10 октября)

Теперь всюду и все говорят о революции как о пропавшем деле и не считают это даже революцией.

— Неделю, — скажут, — была революция или так до похорон, а потом это вовсе не революция.

Простая женщина подошла в трамвае к важной барыне и потрогала ее вуальку на ощупь.

— Вот как они понимают свободу! — сказала барыня.

Лев Троцкий

Императорский Санкт-Петербург казался скорее погруженным в летаргический сон, чем мертвым. Чугунным монументам монархии революция вставила в руки красные флажки. Большие красные полотнища развевались над фронтонами правительственных зданий. Но дворцы, министерства, штабы жили совсем отдельно от своих красных знамен, которые к тому же под осенними дождями изрядно поблекли. Двуглавые орлы со скипетром и державой, где можно, сорваны, но чаще задрапированы или наспех покрашены. Они кажутся притаившимися. Вся старая Россия притаилась, с перекошенными от злобы челюстями.

Легковесные фигуры милицейских на перекрестках улиц чаще всего напоминают о перевороте, который смел «фараонов», похожих на живые монументы. К тому же Россия вот уже почти два месяца именуется республикой. Царская семья находится в Тобольске. Нет, февральский вихрь не прошел бесследно. Но царские генералы остаются генералами, сенаторы сенаторствуют, тайные советники ограждают свой сан, табель о рангах сохраняет свою силу, цветные околыши и кокарды напоминают о бюрократической иерархии, и желтые пуговицы с орлом отмечают студентов.

Остатки старых пиров еще очень обильны, и за большие деньги можно достать все. Гвардейские офицеры отчетливо щелкают шпорами и ищут приключений. В кабинетах дорогих ресторанов идут дикие кутежи. Прекращение электрического света в полночь не препятствует процветанию игорных клубов, где при старинных свечах искрится шампанское, сиятельные казнокрады обыгрывают не менее сиятельных немецких шпионов, монархические заговорщики пасуют пред семитическими контрабандистами, и астрономические цифры ставок отмечают одновременно размах разгула и размах инфляции.

Альберт Рис Вильямс

Как-то вечером Рид, Восков и я стояли на парапете моста и смотрели вниз, на Неву, которая быстро несла свои воды. Я сказал, что это напоминает вид с моста Вордсворта в Лондоне. На расстоянии виднелись шпили Адмиралтейства, дворцы и фантастические луковичные купола церквей. Сквозь туман до нас доносилась музыка.

— Вы это слышите? — спросил Рид.

— Да, слышу, — скрипучим голосом ответил Восков, прогнав прочь наш поэтический настрой. — Но я также слышу стоны массы рабов, которые строили этот город.

Владимир Малаховский (*секретарь штаба Красной гвардии Выборгского района*)

Красная гвардия существовала тогда на основах добровольчества. Для того чтобы в нее вступить, необходимо было иметь рекомендацию двух товарищей из рядов Красной гвардии или

членов социалистической партии или рекомендации фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Писаной конституции не существовало, если не считать опубликованного в апреле месяце в «Правде» устава, который касался в общих чертах организационной стороны, предлагая лишь объединяться в десятки, сотни и т.д. Но для всех были ясны задачи Красной гвардии и правила товарищества, — ее этика.

Между тем в Октябрьском перевороте Красной гвардии было суждено сыграть выдающуюся роль.

Мы решили использовать время на учебу, видя, насколько в этом нуждаются рабочие. Работая на оборону, рабочие не были мобилизованы, поэтому военной службы не проходили и, за малым исключением, не имели никакого знакомства с военным делом.

И вот началась муштровка. Сначала мы не решались злоупотреблять обучением на улицах и занимались в помещениях внутри завода. Так было на «Новом Лесснере», то же происходило и на других заводах.

Но вскоре, как только перешли от одиночного обучения к строю, мы вынуждены были выйти на улицу. Недолги были наши колебания, ибо особенно опасаться в нашем красном и сильном рабочем районе у нас не было оснований.

Таким образом нами быстро были захвачены полянки (свободные от застроек площади земли), которых имелось в Выборгском районе немало вблизи заводов.

На этих полянках мы развешивали свои шеренги, рассыпались строем, делали перебежки, наступления, маршировали, упражнялись во владении оружием. Работа кипела вовсю. Целый день инструктировали мы сменяющиеся рабочие отряды, надрывались до хрипоты, наподобие унтеров в запасных батальонах.

Нужно, впрочем, сказать, что среди нас был лишь один из, так сказать, командного состава — это подпрапорщик Соколов, кажется, убитый впоследствии. Остальные были исключительно рядовые и потому старались, как умели.

Альберт Рис Вильямс

Как и все в столице, мы настороженно и упорно ждали, что что-нибудь произойдет. Эта тревога ожидания была сродни лихорадке.

С одной стороны, существовала угроза беспорядков. Насилие, чуть ли не осязаемое, витало в воздухе. Сотни тысяч винтовок оставались в руках рабочих и матросов после разгрома Корниловского мятежа. На одном только Путиловском заводе 40000 рабочих ждали момента, чтобы выйти на улицы. На заводе «Гренада» почти вся рабочая масса была мобилизована в Красную гвардию. Напряжение было велико на заводе «Рено», на Обуховском заводе и в Сестрорецке. В конце каждой смены красногвардейцы маршировали и тренировались с ружьями и штыками либо собирались и обсуждали тактику или голод. Как и мы, они ждали сигнала.

Поскольку мы вычислили, что красногвардейцы первыми получат сигнал, мы продолжали наблюдать за ними.

— Насколько быстро они могут объединиться? — спросил я какого-то бородатого рабочего, наблюдая, как красногвардейцы стоят на фабричном дворе в ожидании инструктора. В руках они держали ружья, и пожилые мужчины стояли плечом к плечу с юными подмастерьями.

— Набор сейчас идет слишком медленно. Если он вообще есть. — Он умолк и оглядел меня. Лицо его было бесстрастным. Разочарование, удивление, может, даже некоторая досада, вероятно, были написаны у меня на лице, потому что я начал относиться к революции с некими собственническими мерками. В любом случае, старик вдруг улыбнулся и покровительственно сказал, словно сожалея о моем невежестве:

— Видишь ли, товарищ, почти все фабричные к концу августа вступили в Красную гвардию. И кого, как ты думаешь, мы сейчас можем призвать? Хозяев?

— А что вы делаете с ружьями во время рабочего дня? — спросил я.

— Многие из нас, слесарей, держат их на скамьях, а мы вешаем рядом с собой. В слесарной мастерской их грудой складывают в углу и носят их чехлы. Это напоминает лагерь, точно. О, мы спокойны, выполняем свою работу — однако мы не проспим, когда придет момент.

Кризис наполовину парализовал районы города. На улицах почти не было никакого движения вокруг Зимнего дворца, однако рабочие районы бурлили и кипели, огромные митинги соби-

рались у фабричных ворот или в зданиях, а небольшие митинги возникали на углах любых улиц. Но все же при возможных насилиях и при том, что фабрики напоминали военные лагеря, сохранялся некоторый порядок. Порядок не в германском смысле этого слова, но обычный беспорядок, который сходит за порядок в России. Как мне с некоторой гордостью сказал бородатый рабочий, они сделали свою работу. На многих заводах также были случаи стихийных выступлений — рабочие сажали управляющих в тачки и вывозили с фабрики. Это напоминало ответное обращение по отношению к организаторам рабочих или радикалам в захолустных районах моей родины, когда их, обмазанных дегтем и вываленных в перьях, вывозили из города по железной дороге. Все, что угодно, или ничто не могло удержать рабочих от того, чтобы не свалить злосчастного управляющего.

Из протокола заседания Петербургского комитета РСДРП(б) 15 октября

тов. Бубнов:

Общая оценка настроения в данный момент: мы приближаемся к развязке, кризис уже назрел, события начинают разворачиваться. Мы втягиваемся в схватку с силами, идущими против нас. Мы стоим накануне выступления. Родзянко заявляет, что они сдадут Питер для того, чтобы задушить революцию. Сегодня мы имеем результаты Московского совещания. Все направлено против нас. Керенский пускает дипломатические уловки, как то: вывод войск из Питера и др. Что касается выступления Родзянки, то это начало беспощадного похода против нас. Что касается нашего положения, то мы должны сказать, что сейчас все висит на волоске. Шесть месяцев революции привели нас к развалу. Вследствие этого народные массы начинают набрасываться на всех и на все. На это нам надо обратить сугубое внимание, и, чтобы эту стихию организовать, чтобы спасти революцию, нам надо взять власть в свои руки.

Мы пришли к моменту, когда взятие власти может дать нам средство вывести и революцию, и страну на творческую работу. Когда мы будем у власти, то свои лозунги должны будем воплотить, свою программу должны проводить в жизнь. Все меры сей-

час сводятся к тому, что мы должны все организовать. Когда мы будем у власти, то нам придется ввести массовый террор.

Назначать восстание нельзя, оно само выльется, если будут к тому подходящие условия. Последнее время только и толкуют о том, что большевики готовят восстание. Это стало общим достоянием. Но это нестрашно. Это показывает, что переходим к иной стадии борьбы. Надо немедленно осуществить целый ряд мер. Перед нами существенная задача — приспособление всей массовой агитации к условиям момента.

В агитации надо указать, что столкновение неизбежно. Мы имеем наиболее обостренный момент гражданской войны — вооруженное столкновение двух враждебных классов. Ради спасения революции мы должны вести политику не только оборонительную, но и наступательную. Один из наиболее выгодных способов — переход к наступлению. И мы должны учесть момент, когда выгоднее перейти в наступление. Надо в массах поселить тревогу и пробудить бдительность.

Нам надо улучшить связь с районами. Необходимо, чтобы центр был тесно связан с районами, а районы в свою очередь — с заводскими комитетами. Надо организовать систему дежурств. Надо быть приспособленными к условиям данного момента. Исполнительная комиссия предлагает районам выделить исполнительные комиссии, а также надо в районах создавать центры, куда войдут представители от районных советов, от думы, может быть, еще сильных воинских частей. Создав центр, нужно не только агитационно, но и организационно возбудить бдительность масс. Все элементы Красной гвардии должны быть приведены в готовность. Этот боевой центр решит, что ему надо предпринимать: нести караулы и многое другое.

Этот план, по-моему, не может вызывать возражений. Но, товарищи, вы можете победить в Петрограде и со своей победой остаться здесь. Необходимо обратить внимание на железнодорожных служащих и направить туда возможно больше сил.

тов. Невский:

Деревня не отшатнулась от нас, она только что стала к нам приходить. Из многих мест поступают сведения, что большевики

начинают приобретать популярность. Решающий момент в революции, конечно, играет рабочий класс. Это верно. Но нельзя не учитывать настроения масс. Ведь тогда вы не выиграете победу. В целом ряде губерний (Костромская, Рязанская) крестьяне заявляют, что в случае восстания они не дадут хлеба. Абсолютно ничего не сделано в том направлении, чтобы расшевелить деревню. Восстание, вооруженное выступление пролетариата здесь, в Питере, возможно. Весь гарнизон за Советом пойдет. Даже самые отсталые полки — Семеновский, например, — и тот выйдет. Гарнизон поднять можно, рабочие пойдут, конечно, даже впереди солдат, но ведь ясно, что ограничить восстание Питером только нельзя. Как Москва, вообще, как провинция отзовется на это? Может ли ЦК сказать, что нас поддержит вся Россия? Мы прекрасно понимаем, что назрел момент вооруженного выступления. Готовы ли мы? Имеем ли мы большинство, которое обеспечит свободу? Из этого доклада выяснилось одно, что готовности нет. И передо мной стал вопрос: если мы выступим, то будем отрезаны от России.

Резолюции, которые сейчас сотнями получаются из армии, ничего не значат, так как оттуда же приезжают делегации и говорят совсем другое. Боевого настроения в рабочих массах нет, а солдатская масса самая ненадежная. Нужно помнить о том, что наше наступление только тогда выиграет, когда в первые дни мы будем иметь огромный перевес.

тов. Харитонов:

В Красном селе, где у нас большая организация, из 5000 человек пойдут сюда 500 человек, а остальные останутся в Красном селе выжидать. В Кронштадте настроение сильно пало. Пьянство большое наблюдается даже среди наших товарищей.

тов. Слуцкая (Васильевский остров):

Относительно боевой подготовки могу сказать, что идет обучение по фабрикам и заводам. Выступать настроения нет.

тов. Лацис (Выборгский район):

В массах наблюдается серьезная сосредоточенность и ра-

бота. В районе помимо районного комитета сформировался центр. Организация его произошла снизу. В выступлении организационный аппарат должен быть впереди, масса нас поддержит.

тов. Наумов (Выборгский район):

Наблюдается недовольство в массах. Настроение удрученное, скрытое негодование в связи с тарифами, с эвакуацией, с расчетами с заводов. Настроение чрезвычайно сложное.

тов. Пахомов (2-й Городской район):

Настроение лучше, чем до 3-5 июля. Красная гвардия слишком слабо организована. Винтовок 50, патронов тысячи три. Обучаются 60-80 человек, записано гораздо больше.

тов. Равич (Московский район):

Настроение на заводах бесшабашное. Массы выйдут по призыву Совета, по призыву нашей партии выйдет мало.

тов. Гессен (Нарвский район):

Общая картина — стремления выйти нет. Там, где наше влияние велико, настроение бодрое, выжидательное. В отсталых массах равнодушие к политике. Но упадка авторитета нашей партии нет. Самодеятельность масс падает.

тов. Горелик (Нарвский район):

Упадок настроения не ослабил нашего влияния. Однако за нами не пойдут обеспеченные рабочие, так как в борьбе за тарифы рабочая масса не однородна. Надо заметить, что на Путиловском заводе энергично работают анархисты, так что рабочую массу трудно удержать в организованных рамках.

тов. с Обуховского завода:

Раньше Обуховский завод был опорой оборонцев. Теперь в настроении перелом в нашу пользу. На митинги, организуемые нами, приходит по 5-7 тысяч человек. Центр организации в Исполнительной комиссии подрайона. В Красную гвардию записано 2000 человек. Имеется 500 винтовок, пулемет, блин-

дированный автомобиль. Теперь Красную гвардию фильтруют. Организован революционный комитет. Завод безусловно выступит по призыву Петроградского Совета.

тов. Первухин (Охтинский район):

Боевого настроения, настроения выйти на улицу у рабочих нет. В заводах подняла голову черная сотня.

тов. Прохоров (Петербургский район):

Там, где наше влияние сильно, там настроение выжидательное, а где этого нет, там апатия, идет борьба с заводскими комитетами. В некоторых местах происходит борьба на экономической почве в связи с тарифами. С Красной гвардией дело обстоит плохо. Предполагается восстановить революционный комитет. Вообще, в районе полный развал. Даже если Совет призовет к выступлению, то некоторые заводы, как, например, наш, не выйдут.

тов. Аксельрод (Рождественский район):

Настроение выжидательное. Если будет наступление со стороны контрреволюции, то отпор дадим, но если будет призыв к выступлению, то не думаю, чтобы рабочие выступили. Настроение пало в связи с расчетами из-за эвакуации заводов. Заметно усилилось влияние анархистов.

Шлиссельбургский район:

Район маленький — всего 200 членов, но большинство масс пойдут за нами. Организована Красная гвардия, но записываются в нее неохотно, так как оружия мало. Охрану завода рабочие взяли на себя. По призыву Совета массы выйдут.

Железнодорожный район:

Недовольство Временным правительством на почве неудовлетворения требований об улучшении материального положения. Послали 13 товарищей для завязывания связей с провинциальными железнодорожными рабочими. Несколько товарищей уже вернулись и говорят, что политические дела на дорогах не блестящи.

Латышский район:

Членов партии 1200. Настроение бодрое. Много старых товарищей. По призыву ПК, а не Совета, масса выйдет.

Эстонский район:

У нас 400 человек членов. Боевое настроение особенно не высказывается, но и апатии также нет. По призыву ПК, ЦК наши товарищи выйдут.

Профессиональные союзы:

Нет почти ни одного союза, где бы наше настроение не возросло. Определенного боевого настроения в массах нет. Если будет наступление со стороны контрреволюции, то отпор будет дан, а сама масса в наступление не пойдет. Если Петроградский Совет призовет к выступлению, то массы пойдут за Советом.

тов. Первухин:

Организационные связи у нас очень плохи. Надо обратить внимание на железнодорожных рабочих и служащих почтово-телеграфных. Надо иметь в виду, что контрреволюция организована гораздо лучше нас.

тов. Зеликсон:

К вооруженному восстанию мы должны быть подготовлены, агитация не должна сеять тревогу. Мы должны подготовить Красную гвардию. Власть — это оружие, которым мы должны уметь владеть.

тов. Евдокимов:

Если вооруженное восстание мы не сделаем сейчас, то революция над нами поставит крест. Как бы мы сейчас ни говорили, а выступление неизбежно. Настроение может завтра же измениться. Сейчас массы не удовлетворены, от революции они ничего не получили. Массы сейчас не разбиты, так как они не испытали еще ни одной схватки (за исключением 3-5 июля) с буржуазией. Массы могут проявить громадную активность, так что никакая организация их не удержит. Надо все вопросы рассматривать в области практической подготовки к восстанию.

Николай Суханов

Главная работа велась, конечно, среди петербургских рабочих и солдатских масс. Собственно, они были уже вполне готовы. Они были и «сагитированы», и достаточно организованы. Они знали и свои лозунги, и свои задачи, и своих вождей. С ними «занимались» ежедневно все те же привычные, знакомые, получившие доверие люди. Ячейки, подрайоны, районы знали свои места.

Настроение?.. Да, все дело было в нем. И его надо было довести до точки кипения. Это делалось, и это было сделано. Популярные и способные агитаторы работали неустанно...

Лично Троцкий, отрываясь от работы в революционном штабе, летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский рабочий и солдат. Его влияние — и в массах, и в штабе — было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории.

Джон Рид

Действенным было то, что они (большевики) взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближайших действий. И вот в то время, как меньшевики-оборонцы и социалисты-революционеры опутывали себя соглашениями с буржуазией, большевики быстро овладели массами. В июле их травили и презирали; к сентябрю рабочие столицы, моряки Балтийского флота и солдаты почти поголовно встали на их сторону.

Альберт Рис Вильямс

Мы оказались рядом с плохо одетым рабочим, который тоже явно устал от речей.

— Спросите его, правы ли вы, что никто, кроме большевиков, сейчас не хочет работать, — проговорил Рид. Это было для него характерно — он любил верить все услышанное словами рабочих.

Я попытался остановить русского. Он бесстрастно, но пристально оглядел нас с ног до головы. Рид добавил пару слов из своего скудного запаса русского языка.

Его произношение было чудовищнее моего, чтобы не сказать больше. Рабочий снова посмотрел на двух странных молодых людей, выплюнул шелуху от семечек, покачал головой и медленно произнес:

— Не понимаю, чего вы спрашиваете. Это не мое правительство. Может, это ваша война, но не моя. Вы буржуи, — он так и сказал, буржуи, — а я — рабочий.

И ушел прочь.

Рид пришел в восторг. Он сказал, что одного последнего предложения было бы достаточно. Всех интеллектуальных эсеров и меньшевиков следовало забыть. История пройдет мимо них.

Джон Рид

День за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на «правительство гражданской войны». Однажды в воскресенье мы отправились в битком набитом паровике, тащившемся по морям грязи мимо угрюмых фабрик и огромных церквей, на казенный Обуховский военный завод, около Шлиссельбургского проспекта.

Митинг состоялся в громадном недостроенном корпусе с голыми кирпичными стенами. Вокруг трибуны, задрапированной красным, сгрудилась десятитысячная толпа. Все в черном. Люди теснились на штабелях дров и кучах кирпича, взбирались высоко вверх на мрачно чернеющие брусья. То была напряженно внимательная и громкоголосая аудитория. Сквозь тяжелые, темные тучи время от времени пробивалось солнце, заливая красноватым светом пустые оконные переплеты и море обращенных к нам простых человеческих лиц.

Луначарский — худощавый, похожий на студента, с чутким лицом художника объяснял, почему Советы должны взять власть. Только они могут защищать революцию от ее врагов, сознательно разрушающих страну, разваливающих армию, создающих почву для нового Корнилова.

Выступил солдат с Румынского фронта, худой человек с трагическим и пламенным выражением лица. «Товарищи, — кричал он, — мы голодаем и мерзнем на фронте. Мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться на смерть за свою революцию. Мы будем

держаться всеми силами, пока на помощь нам не поднимутся все народы мира! Скажите американским рабочим, чтобы они поднялись и боролись за социальную революцию!»

Потом встал Петровский, тонкий, медлительный и беспощадный:

«Довольно слов, пора переходить к делу! Экономическое положение очень плохо, но нам придется приспособиться к нему. Нас пытаются взять голодом и холодом, нас хотят спровоцировать. Но пусть враги знают, что они могут зайти слишком далеко; если они осмелятся прикоснуться к нашим пролетарским организациям, мы сметем их с лица земли, как сор!»

Большевистская пресса разрасталась с внезапной быстротой. Кроме двух партийных газет «Рабочий Путь» и «Солдат», стала выходить «Деревенская Беднота» — новая ежедневная газета для крестьян с полумиллионным тиражом, а с 30 (17) октября появился «Рабочий и Солдат».

Я отправился за реку, в цирк Модерн, на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины — все слушали с таким напряжением, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

«Товарищи! — кричал он, и в его истощенном лице и жестах отчаяния чувствовалась самая настоящая мука, — люди, стоящие наверху, все время призывают нас к новым и новым жертвам, а между тем тех, у кого есть все, не трогают.

Мы воюем с Германией. Пригласим ли мы германских генералов работать в нашем штабе? Ну а ведь мы воюем и с капиталистами, и все же мы зовем их в наше правительство...

Солдат говорит: «Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами».

Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы — рабочим, а власть — Советам, тогда мы будем знать, что у нас есть за что драться, и тогда мы будем драться!»

В казармах, на заводах, на углах улиц — всюду ораторствовали бесчисленные солдаты, требуя немедленного мира, заявляя, что, если правительство не сделает энергичных шагов, чтобы добиться мира, армия оставит окопы и разойдется по домам.

Представитель VIII армии говорил:

«Мы слабы, у нас осталось всего по несколько человек на роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир или снабжение... Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию...»

От 46-й Сибирской артиллерийской бригады: «Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их. Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого правительство запрещает нам даже говорить о таких вещах, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться...»

Борис Лайминг

Как-то раз пошел в цирк, где происходил митинг политического характера. Коммунистические ораторы с пеной у рта проповедовали преобладающей в аудитории массе солдат ленинские идеи и лозунги: «Товарищи, не будьте дураками, идите домой забирать землю от помещиков, долой Керенского и его министров-капиталистов, которые стараются послать вас на войну, братайтесь с немцами, требуйте мира, долой правительство, вся власть советам рабочих и солдатских депутатов, покажите буржуям, кто теперь господа и кто теперь царствует!!» По улицам часто стали ходить процессии с такими же лозунгами и еще худшими, как например: «Грабь награбленное!», а прохожие молчали, не организовывались, а правительство Керенского, засев в Зимнем дворце, боялось даже выйти на улицу и ничего, видно, уже поделать против этих демонстрантов не могло.

Евгений Драшусов

Почти на каждом углу и на середине улицы толпились кучки людей, преимущественно солдат и рабочих, с притуплено напряженными серыми лицами. В центре каждой группы ораторству-

ет, отчаянно жестикулируя, невзрачная, явно еврейского типа фигура, с воодушевлением выкрикивая весь несложный запас своих псевдо-истин. Тут же в толпе несколько растерянных истерических лиц, явно возмущенных и страдающих, но не решающихся выступить с возражением из-за непреодолимого страха перед этой, грызущей подсолнухи, тупой, непреодолимой силой.

Главная сущность пропаганды — это возбуждение ненависти и злобы, злобы и ненависти; краткий и торопливый выпад в области грядущего социалистического быта — и опять злоба, злоба и злоба. Жутко и омерзительно было слышать из уст этих ядовитых исчадий подполья проклятия и жестокие оскорбления того, что для тебя было и осталось святым. Но взглянешь на лица, неподвижные, напряженные, грозные, — и остывает горячий протест. Жуткий холод, бессилие и безнадежность овладевает душой. Тут только с поражающей ясностью раскрылась та бездна, которая была между нами и народом. Что им сказать, на что опереться? Слова, как бы сильны и красноречивы они ни были, повисли бы в воздухе, не вызвав желаемого отклика. Ведь те основания, те крайние истины, на которые речь должна была опереться, были бы для них заведомой ложью, злостным обманом, тем самым, что ими прежде всего и главным образом отвергнуто и предано проклятью. Молча и с тяжелой грустью отходишь прочь.

Лев Троцкий

Число большевиков в Петроградском Совете росло со дня на день. Мы уже достигали половины. Между тем в президиуме все еще не было ни одного большевика. Встал вопрос о переизбрании президиума Совета... Совет насчитывал далеко за тысячу членов. Голосование шло выходом в двери. В зале царилo чрезвычайное волнение. Дело шло не о президиуме. Дело шло о революции. Я прогуливался в кулуарах с кучкой друзей. Мы полагали, что нам до половины не хватит сотни голосов, и готовы были видеть в этом успех. Оказалось, что мы получили на сотню с лишним голосов больше, чем коалиция эсеров и меньшевиков. Мы были победителями. Я занял место председателя.

Зинаида Гиппиус

30 сентября

В стране нарастающая анархия...

«Дохлая» правительственная коалиция всем одинаково претит...

Керенский продолжает падение, а большевики уже бесповоротно овладели Советами. Троцкий — председатель.

Когда именно будет резня, пальба, восстание, погром в Петербурге — еще не определено. Будет.

Джон Рид

Смольный институт, штаб-квартира ЦИК и Петроградского Совета помещается на берегу широкой Невы, на самой окраине города. Я приехал туда в переполненном трамвае, который с жалобным дребезжанием тащился со скоростью улитки по затоптанным грязным улицам. У конечной остановки возвышались прекрасные дымчато-голубые купола Смольного монастыря, окаймленные темным золотом, и рядом — огромный казарменный фасад Смольного института в двести ярдов длиной и в три этажа вышиной с императорским гербом, высеченным в камне, над главным входом. Кажется, он глумится над всем происходящим...

При старом режиме здесь помещался знаменитый монастырь-институт для дочерей русской знати, опекаемый самой царицей. Революция захватила его и отдала рабочим и солдатским организациям. В нем было больше ста огромных пустых белых комнат, уцелевшие эмалированные дощечки на дверях гласили: «Классная дама», «IV класс», «Учительская». Но над этими дощечками уже были видны знаки новой жизни — грубо намалеванные плакаты с надписями: «Исполнительный комитет Петроградского Совета», или «ЦИК», или «Бюро иностранных дел», «Союз солдат-социалистов», «Центральный совет всероссийских профессиональных союзов», «Фабрично-заводские комитеты», «Центральный армейский комитет»... Здесь же находились центральные комитеты политических партий и комнаты для их фракционных совещаний.

В длинных сводчатых коридорах, освещенных редкими электрическими лампочками, толпились и двигались бесчисленные

солдаты и рабочие, многие из них сгибались под тяжестью тюков с газетами, прокламациями, всевозможной печатной пропагандой. По деревянным полам непрерывно и гулко, точно гром, стучали тяжелые сапоги... Повсюду висели плакаты: «Товарищи, для вашего же здоровья соблюдайте чистоту». На всех площадках и поворотах лестниц стояли длинные столы, загроможденные предназначенной для продажи печатной литературой всевозможных политических партий.

В обширной и низкой трапезной в нижнем этаже по-прежнему помещалась столовая. За 2 рубля я купил себе талон на обед, вместе с тысячью других стал в очередь, ведущую к длинным столам, за которыми двадцать мужчин и женщин раздавали обедающим щи из огромных котлов, куски мяса, груды каши и ломти черного хлеба. За 5 копеек можно было получить жестяную кружку чая. Жирные деревянные ложки лежали в корзинке. На длинных скамьях, стоявших у столов, теснились голодные пролетарии. Они с жадностью утоляли голод, переговариваясь через всю комнату и перекидываясь незамысловатыми шутками.

В верхнем этаже имелась еще одна столовая, в которой обедали только члены ЦИК. Впрочем, туда мог входить кто хотел. Здесь можно было получить хлеб, густо смазанный маслом, и любое количество стаканов чая.

В южном крыле второго этажа находился огромный зал пленарных заседаний. Во времена института здесь устраивались балы. Высокий белый зал, освещенный глазированными белыми канделябрами с сотнями электрических лампочек и разделенный двумя рядами массивных колонн. В конце зала — возвышение, по обеим его сторонам — высокие разветвленные канделябры. За возвышением — пустая золоченая рама, из которой вынут портрет императора. В дни торжеств на этом возвышении собирались вокруг великих княгинь офицеры в блестящих мундирах и духовенство в роскошных рясах.

25 (12) октября исполнительный комитет Петроградского Совета обсуждал при закрытых дверях вопрос об организации особого военного комитета. На следующий день солдатская секция Петроградского Совета выбрала комитет, который немедленно объявил все буржуазные газеты под бойкотом и вынес ЦИК признание за его борьбу против съезда Советов. 29 (16) октября

Троцкий на открытом заседании Петроградского Совета предложил формально утвердить Военно-революционный комитет.

«Мы должны, — сказал он, — создать специальную организацию, чтобы идти за ней в бой и умереть, если это понадобится...»

Лев Троцкий

Смольный командует все более твердо и властно, страстное сочувствие масс поднимает его. Центральное руководство охватывает непосредственно лишь верхние звенья той революционной системы, которая в совокупности своей должна завершить переворот. Самое важное совершается внизу и как бы само собою. Заводы и казармы — вот очаги истории в эти дни и в эти ночи. Выборгский район, как и в феврале, сосредоточивает в себе основные силы революции; в отличие от февраля, он имеет теперь свою мощную организацию, открытую и общепризнанную. Из кварталов, заводских столовых, клубов, казарм нити ведут к дому № 33 по Сампсониевскому проспекту, где помещаются районный комитет большевиков, Выборгский Совет и боевой штаб. Районная милиция сливается с Красной гвардией. Район полностью во власти рабочих. Если бы правительство разгромило Смольный, один Выборгский район мог бы восстановить центр и обеспечить дальнейшее наступление.

Альберт Рис Вильямс

Восков хриплым голосом, с оттенком своего привычного веселого пессимизма сказал:

— Мы пытаемся оседлать вихрь. Но нас так мало — горстка. Я часто слышу наши писклявые голоса в урагане. — Он улыбнулся, пожал плечами и добавил: — А вы знаете, что ураган остановить нельзя.

— Тогда ревите вместе с ним, товарищ! — закричал Рид и хлопнул его по плечу. Но затем добавил: — А что случится, если большевики не оседлают циклон? Другими словами, если организация большевиков решит на этот раз не устраивать восстания?

Каким бы уставшим ни был Восков, у него вспыхнули глаза, и, держа руку на ручке двери, он обернулся и посмотрел на нас:

— Люди в любом случае выйдут на улицы. Так же, как они

сделали в июле, без нас. В июле, когда мы пытались контролировать демонстрации, было слишком поздно. И тогда была лишь кровавая баня и репрессии. Но никакого восстания тогда не было, даже если бы мы его возглавили и установили контроль, оно все равно было обречено. А сегодня все по-другому.

Джон Рид

Необычайно бурным было затянувшееся на всю ночь заседание Петроградского Совета от 30 (17) октября, на котором я присутствовал. Явились все «умеренные» социалисты-интеллигенты, офицеры, члены армейских комитетов и члены ЦИК. Против них страстно и просто выступали рабочие, крестьяне и рядовые солдаты.

Один крестьянин рассказал о беспорядках в Твери, которые, по его словам, были вызваны арестом земельных комитетов. «Этот Керенский только покрывает помещиков, — кричал он. — Они знают, что Учредительное собрание все равно отнимет у них землю, и потому хотят сорвать его!»

Механик с Путиловского завода рассказал, как управляющие закрывали один цех за другим под предлогом отсутствия топлива и сырья. Фабрично-заводской комитет, по его словам, разыскал огромные припрятанные запасы.

«Это провокация, — заявил он. — Они хотят уморить нас голодом или вынудить к насилию!»

Один из солдат начал так: «Товарищи! Я привез вам привет с того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами!»

Затем поднялся высокий худощавый молодой солдат с горящими глазами. Его встретили восторженными аплодисментами. То был Чудновский, который считался убитым в июльском наступлении, а теперь точно воскрес из мертвых.

«Солдатская масса больше не доверяет своим офицерам. Нас предают даже армейские комитеты: они отказываются созывать заседания нашего Совета... Солдатская масса требует, чтобы Учредительное собрание было открыто точно в срок, на который оно назначено, и тот, кто попытается отложить его, будет проклят — и проклят не только платонически, потому что у армии еще есть пушки...»

Он говорил о том, с каким ожесточением проходили в V армии

выборы в Учредительное собрание. «Офицеры, особенно меньшевики и эсеры, нарочно стараются подводить большевиков под пули. Наших газет не пропускают в окопы, наших ораторов арестовывают!..»

«Почему вы не говорите об отсутствии хлеба?» — крикнул какой-то солдат.

«Не хлебом единым жив человек!» — сурово ответил Чудновский.

Вслед за ним выступил офицер, меньшевик-оборонец, делегат Витебского Совета.

«Дело не в том, у кого власть. Беда наша не в правительстве, а в войне... но войну необходимо выиграть до всяких перемен...» Крики, иронические аплодисменты. «Эти большевистские агитаторы — демагоги!» Зал разражается хохотом. «Забудем на время классовую борьбу...» Дальше ему не дали говорить. Выкрик с места: «Да, этого вы очень хотите!»

Иван Флеровский

17 октября на заседании Кронштадтского Совета были выбраны делегаты на II Всероссийский съезд Советов. Избранными оказались трое: я, анархист Ярчук и максималист Ривкин. Эти выборы превосходно определили настроение Совета и Кронштадта. Близость переворота ощущалась всеми. Для всех была ясна и несомненна в этом перевороте организующая роль партии большевиков, поэтому моя кандидатура, выдвинутая большевистской фракцией и Кронштадтским комитетом РСДРП(6), прошла почти единогласно. Ривкин получил крайне относительное большинство голосов. Третьим кандидатом был эсер. Этот кандидат еле-еле собрал голоса своей фракции. Анархо-синдикалист Ярчук получил значительно больше голосов, чем максималист. За него отдала свои голоса большевистская фракция, часть эсеров и максималистов.

Голосование нашей фракции за Ярчука определялось необходимостью иметь на съезде политически решительного человека, способного без колебаний идти за нами до конца. Ярчук был таким. Ни одному из эсеров и максималистов, рожденных из вчерашних обывателей, мы не доверяли. Да они и сами себе не доверяли. Несуразностью являлось, на первый взгляд, то обстоятельство, что

под лозунгом «Власть Советам», под лозунгом «пролетарской диктатуры» прошел абсолютный противник всякой власти — анархо-синдикалист Ярчук. Он охотно принял мандат на съезд Советов, так как избрание было подкреплено точной, императивной резолюцией: «Съезд обязан отстранить правительство Керенского и взять власть в свои руки». Ярчук рассматривал захват власти в руки Советов как переходный момент к новому безвластию, к организации в ближайший последующий момент федерации рабочих синдикатов и крестьянских коммун.

Джон Рид

Все ждали, что в один прекрасный день на улицах неожиданно появятся большевики и примутся расстреливать всех людей в белых воротничках. Но на самом деле восстание произошло крайне просто и вполне открыто.

Временное правительство собиралось отправить петроградский гарнизон на фронт.

Петроградский гарнизон насчитывал около шестидесяти тысяч человек и сыграл в революции выдающуюся роль. Именно он решил дело в великие Февральские дни, он создал Советы солдатских депутатов, он отбросил Корнилова от подступов к Петрограду.

Теперь в нем было очень много большевиков. Когда Временное правительство заговорило об эвакуации города, то именно петроградский гарнизон ответил ему: «Одно из двух... правительство, неспособное оборонить столицу, должно либо заключить немедленный мир, либо, если оно неспособно заключить мир, оно должно убраться прочь и очистить место подлинно народному правительству...»

Было очевидно, что любая попытка восстания всецело зависит от поведения петроградского гарнизона. План правительства заключался в замене полков гарнизона «надежными» частями — казаками, «батальонами смерти». Комитеты отдельных армий, «умеренные» социалисты и ЦИК поддерживали правительство. На фронте и в Петрограде велась широкая агитация: говорили, что вот уже восемь месяцев, как петроградский гарнизон бездельничает и прохлаждается в столичных казармах, а в это время на фронте армия голодает и вымирает без смены и подкреплений.

30 (17) октября собрание представителей всех петроградских полков приняло следующую резолюцию: «Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства. Наше правительство — Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского Совета, изданным его Военно-революционным комитетом». Местным военным частям было приказано ждать указаний от солдатской секции Петроградского Совета.

Зинаида Гиппиус

19 октября

Вот уже две недели, как большевики, отъединившись от всех других партий (их опора — темные стада гарнизона, матросов и всяких отшибленных людей, плюс — анархисты и погромщики просто), держат город в трепете, обещая генеральное выступление, погром для цели: «Вся власть Советам» (т.е. большевикам).

Владимир Малаховский

(секретарь штаба Красной гвардии Выборгского района)

За несколько дней до переворота и сразу после него несколько подвод целыми днями занимались перевозкой оружия частью в штаб, а главное — на заводы для вооружения отрядов и, в особенности, для хранения про запас. Хотя повсюду в воинских частях и базах были комиссары Военно-революционного комитета, мы считали более надежным иметь запасы на заводах, чтобы в случае надобности обратить заводы в наши бастионы.

Николай Суханов

В субботу, 21-го, снова состоялось собрание полковых и ротных комитетов всех частей. Опять — Троцкий. Опять единый «текущий момент», но три постановления. Во-первых, собирается советский съезд, который возьмет власть, чтобы дать землю, мир и хлеб; гарнизон торжественно обещает отдать в распоряжение съезда все силы до последнего человека. Во-вторых, ныне образован и действует Военно-революционный комитет; гарнизон его приветствует и обещает ему полную поддержку во всех его шагах. В-третьих, завтра, в воскресенье, 22-го — День Петербургского Совета, день мирного подсчета сил; гарнизон, никуда не выступая, будет на страже порядка и

даст в случае нужды отпор провокационным попыткам буржуазии внести смуту в революционные ряды.

Вышли маленькие недоразумения с делегатами казаков, которые ссылались на фельетоны Ленина и беспокоились, не будет ли завтра восстания; они, собственно, собирались завтра на крестный ход, а кроме того, на коленях у немца мира просить не станут... Сначала пошумели, но потом нашли «общий язык»: к братьям-казакам составили обращение, приглашая их, как дорогих гостей, «на наши митинги и собрания в день нашего праздника и мирного подсчета сил».

Против резолюций Троцкого не голосовал никто. Только 57 человек держали нейтралитет и воздержались. Кажется, можно было быть спокойным. Тут достаточно крепко...

Иван Флеровский

22 октября, в день Петроградского Совета, мы с Ярчуком ранним утром отправились в Петербург на небольшом буксире. Съезд назначался к открытию 25-го, но нам нужно было запасться мандатами, а главное, выяснить положение в столице, получить в ЦК и ПК информацию.

Первым из членов Военно-революционного комитета встречался тов. Дашкевич, не то поручик, не то прапорщик из Петрограда, всегда добродушный и улыбчивый. Добродушие — великое дело, но когда контрреволюция стала поднимать голову и готовить одну провокацию за другой, оно казалось нетерпимым. Тут подошел тов. Чудновский, вернувшийся из эмиграции, на редкость хороший, кристально чистый товарищ. За короткое время мы успели с ним близко сойтись и подружиться. Сейчас он только что вернулся из армии и нашего революционного нетерпения отнюдь не разделял. Разгорелся жестокий спор — брать власть или выждать Учредительного собрания? Чудновский стоял за последнее, ссылаясь на солдатские настроения. Нам это казалось непростительным оппортунизмом, трусостью, политической близорукостью.

В разгар спора в комнату вошел тов. Свердлов. Отозвав меня в сторону, он предложил мне немедленно вернуться в Кронштадт: «События назревают так быстро, что каждому надо быть на своем месте».

Николай Суханов

В День Совета (22 октября), часов в двенадцать дня, я должен был выступать на митинге в Народном доме.

Настроение трех тысяч с лишним людей, заполнивших зал, было определенно приподнятое; все молча чего-то ждали. Публика была, конечно, рабочая и солдатская по преимуществу. Но было видно немало типично мещанских фигур, мужских и женских...

Как будто бы овация Троцкому прекратилась раньше времени — от любопытства и нетерпения: что он скажет?.. Троцкий немедленно начал разогревать атмосферу — с его искусством и блеском. Помню, он долго и с чрезвычайной силой рисовал трудную (своей простотой) картину окопной страды. У меня мелькали мысли о неизбежном несоответствии частей в этом ораторском целом. Но Троцкий знал, что делал. Вся суть была в настроении. Политические выводы давно известны. Их можно и скомкать — лишь бы сделать с достаточной рельефностью.

Троцкий их сделал... с достаточной рельефностью. Советская власть не только призвана уничтожить окопную страду. Она даст землю и уврачует внутреннюю разруху. Снова были повторены рецепты против голода: солдат, матрос и работница, которые реквизируют хлеб у имущих и бесплатно отправят в город и на фронт... Но Троцкий пошел и дальше в решительный День Петербургского Совета:

— Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему...

Это были очень хорошие и справедливые мысли. Они не могли не возбуждать энтузиазма толпы, которую воспитала царская нагайка... Как бы то ни было, я удостоверяю в качестве непосредственного свидетеля, что говорилось именно так в этот последний день.

Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу. Казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию или провозгласил какую-то общую формулу, вроде того, что «будем стоять за рабоче-крестьянское дело до последней капли крови».

Кто — за?.. Тысячная толпа, как один человек, подняла руки. Я видел поднятые руки и горевшие глаза мужчин, женщин, подростков, рабочих, солдат, мужиков и типично мещанских фигур. Были ли они в душевном порыве? Видели ли они сквозь приподнятую завесу уголок какой-то «праведной земли», по которой они томились? Или были они проникнуты сознанием политического момента под влиянием политической агитации социалиста?.. Не спрашивайте! Принимайте так, как было...

Троцкий продолжал говорить. Несметная толпа продолжала держать поднятые руки. Троцкий чеканил слова:

— Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой — всеми силами, любыми жертвами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!

Несметная толпа держала руки. Она согласна. Она клянется... Опять-таки принимайте так, как было: я с необыкновенно тяжелым чувством смотрел на эту поистине величественную картину.

Троцкий кончил. На трибуну вышел кто-то другой. Но ждать и смотреть больше было нечего.

По всему Петербургу происходило примерно то же самое. Везде были последние смотры и последние клятвы. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч людей... Это, собственно, было уже восстание. Дело было уже начато...

Джон Рид

В эти дни Петроград представлял собой замечательное зрелище. На заводах помещения комитетов были завалены винтовками. Приходили и уходили связные, обучалась Красная гвардия ... Во всех казармах днем и ночью шли митинги, бесконечные и горячие споры. По улицам в густевшей вечерней тьме плыли густые толпы народа. Слово волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому. Газеты брались с боя... Грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться... Однажды днем на Садовой я видел, как толпа в несколько сот человек избила до смерти солдата, пойманного на воровстве... Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашептывали несчастным женщинам, дрожавшим под холодным дождем, что евреи при-

прячтывают продовольствие и что, в то время как народ голодает, члены Совета живут в роскоши.

В Смольном у главного входа и у внешних ворот стояли суровые часовые, требовавшие от всех приходящих пропуск. Комитетские комнаты круглые сутки гудели, как улей, сотни солдат и рабочих спали тут же на полу, занимая все свободные места. А наверху тысячи людей сгрудились в огромном зале на бурных заседаниях Петроградского Совета.

Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари; шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. По ночам в центре города бродили по улицам и заполняли кофейни публичные женщины в бриллиантах и драгоценных мехах.

Николай Суханов

В Смольном в эти часы все шло своим порядком. Заседал Военно-революционный комитет. Тут же для связи находились представители от каждого полка. Работа была непрерывной. Но работали одни большевики. Их партийная военная организация, конечно, поступила в полное распоряжение комитета... Было избрано бюро: председатель Лазимир, его товарищ Подвойский, секретарь Антонов, члены Садовский, Сухарьков. Как видим, все люди не особенно именитые, а иные просто никчемные. Но тут же работали и крупные организаторы: Свердлов, Лашевич и — всему венец — Троцкий.

Ныне были «приняты меры» к охране Смольного. У некоторых дверей стояли вялые часовые. Внизу дежурили караулы. А в подъезде между колоннами под чехлом дремала трехдюймовка. Но сомнений тут быть не могло: хороший отряд в пятьсот человек был совершенно достаточен, чтобы ликвидировать Смольный со всем его содержанием... Так же как было достаточно такого отряда 28 февраля, чтобы разгромить Таврический дворец и направить всю революцию совсем по иному руслу...

Джон Рид

3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно шло при закрытых дверях. Я был

предупрежден Залкиндом и ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: «24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд придут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организует, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия Съезда так, чтобы мы могли сказать ему: Вот власть! Что вы с ней сделаете?».

В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, математик и шахматист, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсенко, по кличке Антонов. Математик и шахматист, он был поглощен разработкой планов захвата столицы.

Со своей стороны, готовилось к бою и правительство. К Петрограду незаметно стягивались самые надежные полки, выбранные из разбросанных по всему фронту дивизий. В Зимнем дворце расположилась юнкерская артиллерия. На улицах впервые с дней июльского восстания появились казацкие патрули. Полковников издавал приказ за приказом, угрожая подавить малейшее неповиновение «самыми энергичными репрессиями». Наиболее ненавистный член правительства — министр народного просвещения Кишкин был утвержден чрезвычайным комиссаром по охране порядка в Петрограде. Он назначил своими помощниками столь же мало популярных Рутенберга и Нальчикского. Петроград, Кронштадт и Финляндия были объявлены на военном положении.

Альберт Рис Вильямс

Повсюду в воздухе носилось напряженное любопытство. Рядом с неутомимым, желающим все испытать Ридом напряжение только усиливалось. Были моменты, когда мы забывали, что история дышит нам в затылок, хотя таких моментов было немного. Мы с Ридом ходили мимо того места, где Александр II, подписавший манифест об отмене крепостного права, встретил свою смерть, когда нитроглицериновая бомба была брошена в его ка-

рету. Мы ходили по площади перед Зимним дворцом, где тысячи людей были расстреляны в Кровавое воскресенье в 1905 году, когда толпы людей маршировали в мирной процессии, чтобы передать петицию своему царю Николаю II. Какая история разygрана на протяжении веков в этом гордом городе! И разве можно было бы отыскать более подходящее место в мире для рабочей революции, чем этот город, который по приказу Петра восстал из болот трудом рабов? Так мы размышляли и думали о человеке, который прятался недалеко от Петрограда и которому суждено дать свое имя этому городу.

Джордж Бьюкенен

3 ноября (21 октября)

Сегодня после полудня прибыл отряд из курсантов военного училища для защиты посольства, что указывает на приближение бури.

Джон Рид

На улице дул с запада сырой холодный ветер. Холодная грязь просачивалась сквозь подметки. Две роты юнкеров, мерно печатая шаг, прошли вверх по Морской. Их ряды стройно колыхались на ходу; они пели старую солдатскую песню царских времен... На первом же перекрестке я заметил, что милиционеры были посажены на коней и вооружены револьверами в блестящих новеньких кобурах. Небольшая группа людей молчаливо глядела на них. На углу Невского я купил ленинскую брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?» и заплатил за нее бумажной маркой; такие марки ходили тогда вместо разменного серебра. Как всегда, ползли трамваи, облепленные снаружи штатскими и военными в таких позах, которые заставили бы позеленеть от зависти Теодора Шонта (Знаменитый в то время акробат. — *Ред.*)... Вдоль стен стояли рядами дезертиры, одетые в военную форму и торговавшие папиросами и подсолнухами.

По всему Невскому в густом тумане толпы народа с бою разбирали последние выпуски газет или собирались у афиш, пытались разобраться в призывах и прокламациях, которыми были заклеены все стены. Здесь были прокламации ЦИК, крестьянских Советов, «умеренно»-социалистических партий, армейских

комитетов, все угрожали, умоляли, заклинали рабочих и солдат сидеть дома, поддерживать правительство...

Какой-то броневик все время медленно двигался взад и вперед, завывая сиреной. На каждом углу, на каждом перекрестке собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты. Медленно спускалась ночь, мигали редкие фонари, текли бесконечные волны народа... Так всегда бывало в Петрограде перед беспорядками.

Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме. Но большевики не подавали никаких внешних признаков жизни; солдаты оставались в казармах, рабочие — на фабриках...

Глава 2

24-26 Д

РЕВ

ОКтября ОЛНЮЩИЯ

Это был
героический
момент револю
ции, грозный,
кровавый, но
прекрасный и
незабываемый

ГЛАВА 2. 24-26 ОКТЯБРЯ. РЕВОЛЮЦИЯ

Скоринко И.

Под плач и причитание матери и под насмешливые взгляды обывателей я и отец, держа на плечах винтовки, направились в штаб, где царило чрезвычайное оживление.

В штабе под столами, на столах и около мы видели, как масса рабочих, интересы которых раньше ограничивались семьей, сейчас любовно чистили винтовки, еле сдерживаясь от желания идти в центр завоевывать свое рабочее могущество.

Везде шли беседы, но споров здесь не было. Спорить в такие моменты, когда по другой стороне баррикад происходило единение, рабочие инстинктивно полагали опасным. Среди сотни красногвардейцев, где были и эсеры, и меньшевики, была такая общность интересов в этот день, что мой папаша, обняв меня, заметил: «Сегодня я себя чувствую особенным храбрецом. И если у всех так же, то завтра будет советская власть, т.е. наша».

«А если ее через день придется отдать?» — шутливо заметил пробежавший ротный.

«Никогда! Но, черт побери, хоть день, да будет наш», — потрясая винтовкой, крикнул мой отец, вызывая энтузиазм у присутствующих. «Нам бы только день, а уж там мы покажем, как бережем свою собственность».

После занятий пришло известие, что в Питер стягиваются юнкера, казаки и урядники, и все, за редким исключением, остались ночевать в штабе. Утром 24 октября мы были извещены членом райкома... о ночной попытке буржуазии задержать свое падение арестом среди вождей рабочих. Тут же было прочитано воззвание питерского Совета, где призывалось к революционной выдержке и где предписывалось революционным отрядам быть в полной боевой готовности. При чтении этого воззвания я знал, что в знак своей готовности к борьбе за коммунистическое общество мы, вооруженные рабочие, пойдем на все. Мы тогда были задорны и безумно смелы. Кто теперь в этом сомневается?

Лев Троцкий

В здании Главного штаба, рядом с Зимним, в ночь на 24-е несли караул солдаты Павловского полка, одной из наиболее надежных частей Военно-революционного комитета. При солдатах велись речи о вызове юнкеров, о разводке мостов, об арестах. Все, что павловцам удавалось услышать и запомнить, они сейчас же передавали в районы и в Смольный. В революционном центре не всегда умели использовать сообщения этой самопроизвольной разведки. Но она выполняла все же незаменимую работу. Рабочие и солдаты всего города узнавали о намерениях врага и укреплялись в своей готовности дать отпор.

Джон Рид

Прапорщик Павловского полка рассказал нам, как началось восстание: «В ночь на 6-е ноября (24 октября) полк был на дежурстве в Генеральном штабе. Я был в карауле вместе с несколькими товарищами. Иван Павлович и еще один товарищ — не помню его имени — спрятались за оконными занавесями в комнате, где заседал штаб, и подслушали там очень много серьезных вещей. Например, они слышали приказ: ночью же привезти в Петроград гатчинских юнкеров и приказ казакам к утру быть готовыми к действиям... Все главные пункты города должны были быть заняты еще до рассвета. После этого штабные собирались развести мосты. Но, когда они стали говорить, что надо окружить Смольный, тогда Иван Павлович не выдержал. В это время входило и выходило очень много народу, так что ему удалось выскользнуть из комнаты и пробраться в дежурную, а подслушивать остался другой товарищ.

Я уже подозревал, что тут что-то замышляется. К штабу все время подъезжали автомобили с офицерами, тут же были и все министры. Иван Павлович рассказал мне все, что слышал. Было половина третьего утра... С нами был секретарь полкового комитета. Мы все рассказали ему и спросили, что делать.

“Арестовывать всех входящих и выходящих”, — ответил он нам. Так мы и сделали. Через час мы уже поймали несколько офицеров и двоих министров и отправили их прямо в Смольный. Но Военно-революционный комитет еще не был готов: он не знал, что делать, и скоро оттуда пришел приказ всех отпустить

и больше никого не задерживать. Мы бросились в Смольный — всю дорогу бегом. Пока мы им втолковали, что война уже началась, прошло, я думаю, не меньше часу. Мы вернулись в штаб только к пяти часам, а за это время почти все арестованные уже разошлись. Но кое-кого мы все-таки удержали, а весь гарнизон был уже на ходу...»

Лев Троцкий

Смольный превращался в крепость. На чердаке его, как наследство от старого Исполнительного Комитета, имелось десятка два пулеметов. Комендант Смольного капитан Греков был заведомый враг. Зато начальник пулеметной команды явился ко мне, чтобы сказать: пулеметчики за большевиков. Я поручил кому-то — не Маркину ли? — проверить пулеметы. Они оказались в плохом состоянии: за ними не было никакого ухода. Солдаты обленились именно потому, что не собирались защищать Керенского. Я вызвал в Смольный свежий и надежный пулеметный отряд. Стояло раннее серое утро 24 октября. Я переходил из этажа в этаж, отчасти, чтобы не сидеть на месте, отчасти, чтобы удостовериться, все ли в порядке, и чтобы ободрить тех, которые могли нуждаться в ободрении. По каменным полам бесконечных и еще полутемных коридоров Смольного солдаты с бодрым грохотом и топотом катили свои пулеметы. Это был вызванный мною новый отряд. Из дверей высывались полусонные испуганные лица оставшихся еще в Смольном немногочисленных эсеров и меньшевиков. Эта музыка не предвещала ничего хорошего. Они спешно покидали Смольный, один за другим. Мы оставались полными хозяевами здания, которое готовилось поднять свою большевистскую голову над городом и страной.

Джон Рид

Утром во вторник 6 ноября (24 октября) весь город был взбужден появившимся на улицах обращением, подписанным — «Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов»:

«К населению Петрограда.

Граждане! Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Одновремен-

но погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в близлежащую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самобладанию. Дело порядка и революции в твердых руках...»

Лев Троцкий

В 5 ч. 30 м. утра в типографию большевиков явился правительственный комиссар с отрядом юнкеров и, оцепив выходы, предъявил приказ штаба о немедленном закрытии центрального органа и газеты «Солдат». Что такое? Штаб? Разве это еще существует? Здесь не признают ничьих приказов без санкции Военно-революционного комитета. Но это не помогло: стереотипы разбиты, помещение опечатано. Правительство может зарегистрировать первый успех.

Николай Суханов

К утру (24-ого) штаб окончательно осмелел или пришел в отчаяние. И он решил открыть боевые действия... Что же, не послал ли он отряд захватить Смольный, где уже не было демократии, а были одни мятежники-большевики?.. Нет, это было бы слишком. Штаб предпринял нечто иное. Подчеркиваю: принципиально это было не меньшим нарушением конституционных гарантий и свобод, не меньшим актом насилия, чем был бы захват мятежного Смольного. Но зато предпринятая мера была, во-первых, привычна, во-вторых, трусливо-доступна, в-третьих, бессодержательна и бесполезна. Это было именно то, на что хватило мудрости и распорядительности Временного правительства.

В шестом часу утра по ордеру Полковникова несколько юнкеров во главе с комиссаром милиции явились в редакции боль-

шевистских газет «Рабочего пути» и «Солдата» и объявили, что газеты закрыты. Выпускающий встретил «законную власть» широко раскрытыми глазами: как! Разве еще существует Полковников и вообще какая-нибудь власть, кроме Военно-революционного комитета?.. Его уверили, что существует, испортили матрицы, запечатали типографию, уничтожили напечатанные номера.

Лев Троцкий

Рабочий и работница большевистской типографии прибегают, запыхавшись, в Смольный и находят там Подвойского и Троцкого: если Комитет даст им охрану от юнкеров, рабочие выпустят газету. Форма первого ответа на правительственное наступление найдена. Пишется приказ Литовскому полку немедленно выслать роту на защиту рабочей печати. Посланцы из типографии настаивают, чтобы привлечь к делу также и 6-й саперный батальон: это близкие соседи и верные друзья. Телефонограмма тут же передается по двум адресам. Литовцы и саперы выступают без промедления. Печати с помещения сорваны, матрицы отлиты заново, работа кипит. С запозданием на несколько часов запрещенная правительством газета выходит в свет под охраной войск Комитета, который сам подлежит аресту. Это и есть восстание. Так оно разворачивается.

На телефонной станции 24-го возникли затруднения: там укрепились юнкера, и под их прикрытием телефонистки стали в оппозицию к Совету. Они вовсе перестали нас соединять. Это было первое, еще эпизодическое проявление саботажа. Военно-Революционный Комитет послал на телефонную станцию отряд матросов, которые установили у входа две небольшие пушки. Телефоны заработали. Так началось завладение органами управления.

Джордж Бьюкенен

6 ноября (24 октября)

Терещенко сказал мне, что вчера вечером в пригородах и некоторых районах города были беспорядки, что большевики планировали организовать вооруженную демонстрацию, но в последний момент у них не хватило смелости — и она была отменена. Более

того, они сформировали военно-революционный комитет, который распорядился, чтобы войска не подчинялись никаким приказам, кроме тех, что подтверждены этим комитетом.

Сегодня в три часа ночи был наложен арест на типографии нескольких большевистских газет, которые правительство решило закрыть, и Терещенко полагает, что это послужит поводом к большевистскому восстанию. Он убеждает Керенского арестовать членов военно-революционного комитета и ни в коем случае не выедет в Лондон до тех пор, пока положение не прояснится.

Лев Троцкий

Петропавловская крепость, политически завоеванная только накануне, сегодня закрепляется. Команда пулеметчиков, наиболее революционная часть, приводится в боевой вид. Идет усердная чистка пулеметов Кольта: их 80 штук. Для контроля над набережной и Троицким мостом пулеметы устанавливаются на крепостной стене. К воротам выставлен усиленный караул. В окружающий район высланы патрули. Но в горячке утренних часов выясняется, что внутри самой крепости положение не может еще считаться прочно обеспеченным. Неопределенность вносит батальон самокатчиков. Подобно кавалеристам, из зажиточных и богатых крестьян, самокатчики, из промежуточных городских слоев, составляют самые консервативные части армии.

В расчете на самокатчиков комендант крепости высоко держит голову, часто сносится по телефону со штабом Керенского и даже собирается будто бы арестовать большевистского комиссара. Нельзя терпеть неопределенного положения ни одной лишней минуты! По приказанию из Смольного Благонравов идет противнику наперерез: комендант подвергается домашнему аресту, телефонные аппараты снимаются во всех офицерских квартирах. Из правительственного штаба возбужденно запрашивают, почему умолк комендант и что вообще происходит в крепости. Благонравов почтительно докладывает по телефону, что крепость отныне исполняет только распоряжения Военно-революционного комитета, с которым правительству и надлежит в дальнейшем сноситься.

Все части крепостного гарнизона принимают арест коменданта с полным удовлетворением. Но самокатчики держатся уклончиво. Что скрывается за их угрюмым молчанием: притаившаяся

враждебность или последние колебания? «Решаем устроить специальный митинг для самокатчиков, — пишет Благоднаров, — и пригласить на него наши лучшие агитационные силы, и в первую голову Троцкого, пользующегося громадным авторитетом и влиянием на солдатские массы». Часа в четыре пополудни весь батальон собрался в помещении соседнего цирка «Модерн». В качестве правительственного оппонента выступал генерал-квартирмейстер Пораделов, считавшийся эсером. Его возражения были настолько осторожны, что казались двусмысленными. Тем сокрушительнее наступали представители Комитета. Дополнительная ораторская битва за Петропавловскую крепость закончилась, как и следовало предвидеть: всеми голосами против 30 батальон одобрил резолюцию Троцкого. Еще один из возможных вооруженных конфликтов был разрешен до боя и без крови. Это и есть октябрьское восстание. Таков его стиль.

На крепость можно было отныне опираться со спокойной уверенностью. Оружие из арсенала выдавалось без помех. В Смольном, в комнате фабрично-заводских комитетов, стояли в очереди делегаты предприятий за ордером на оружие. Столица видела за годы войны немало хвостов: теперь впервые образовался хвост на винтовки. Из всех районов тянулись к арсеналу грузовики. «Петропавловскую крепость нельзя было узнать, — пишет рабочий Скоринко. — Воспетая ее тишина была нарушена пыхтением автомобилей, скрипом подвод, криками. У складов была особенная толкотня. Здесь же, мимо нас, проводят первых пленных — офицеров и юнкеров». В этот день получил винтовки 180-й пехотный полк, разоруженный за активное участие в июльском восстании.

Результаты митинга в цирке «Модерн» обнаружили и с другой стороны: самокатчики, несшие с июля охрану Зимнего дворца, самовольно снялись с караула, заявив, что далее охранять правительство не согласны. Это был серьезный удар. Самокатчиков пришлось заменить юнкерами. Военная опора правительства все больше сводилась к офицерским школам, что не только сужало ее до крайности, но и окончательно обнажало ее социальный состав.

Джон Рид

Утром 6 ноября (24 октября) у меня было дело к цензору, канцелярия которого помещалась в министерстве иностранных дел.

На улицах все стены были заклеены прокламациями, истерически призывавшими народ к «спокойствию». Полковников выпускал приказ за приказом:

«Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказа из штаба округа.

Всякие самостоятельные выступления запрещаю.

Все офицеры, выступившие помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих из различных организаций...».

Утренние газеты сообщили, что правительство запретило газеты «Новая Русь», «Живое Слово», «Рабочий Путь» и «Солдат» и постановило арестовать руководителей Петроградского Совета и членов Военно-революционного комитета.

Когда я пересекал Дворцовую площадь, под аркой генерального штаба с грохотом проскакали несколько батарей юнкерской артиллерии и выстроились перед дворцом. Огромное красное здание генерального штаба казалось необычайно оживленным. Перед дверями стояло несколько автомобилей; непрерывно подъезжали и уезжали все новые автомобили с офицерами. Цензор был взволнован, как маленький мальчик, которого привели в цирк. «Керенский, — сказал он мне, только что ушел в Совет республики подавать в отставку!» Я поспешил в Мариинский дворец и успел застать конец страстной и почти бессвязной речи Керенского, целиком состоявшей из самооправданий и желчных нападок на политических противников.

«Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам». И он прочел вслух:

«Петроградскому Совету грозит опасность... Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов».

«...В действительности, — продолжал Керенский, — это есть попытка поднять чернь против существующего порядка, сорвать Учредительное собрание и раскрыть русский фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма. Я говорю с совершенным сознанием "чернь", потому что вся сознатель-

ная демократия и ее ЦИК, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия, — разум, совесть и честь великой русской демократии протестуют против этого...»

Лев Троцкий

После выступления Керенского в предпарламенте власти попытались расширить свое наступление. Нарядами юнкеров заняты вокзалы. На углах больших улиц выставлены пикеты, которым приказано реквизировать не сданные штабу частные автомобили. К 3-м часам пополудни разведены мосты, кроме Дворцового, который оставался открытым для движения под усиленной охраной юнкеров. Эта мера, применявшаяся монархией во все тревожные моменты, в последний раз — в февральские дни, диктовалась страхом перед рабочими районами. Разведение мостов означало в глазах населения как бы официальное подтверждение того, что восстание началось. Штабы заинтересованных районов немедленно ответили на военный акт правительства по-своему, выслав к мостам вооруженные отряды. Смольному оставалось только развить эту инициативу. Борьба из-за мостов имела характер пробы сил для обеих сторон. Партии вооруженных рабочих и солдат напирала на юнкеров и казаков, то убеждая, то угрожая. Охрана в конце концов уступала, не отваживаясь на прямое столкновение. Некоторые мосты разводились и наводились несколько раз.

Николай Суханов

Разводка мостов сейчас же создала в городе обстановку совершившегося «выступления» и начавшихся беспорядков. Вся столица, доселе совершенно спокойная, взволновалась. На улицах стали собираться толпы. Задвигались вооруженные отряды: надо было помешать разводке, а где уже развели, навести снова. Для этих операций Военно-революционный комитет двинул рабочих, красноармейцев. У мостов происходили небольшие столкновения или, лучше сказать, пререкания, трения. Ни та ни другая сторона не была склонна к серьезной склоке. Смотри по численности, уступали то красноармейцы, то юнкера. И мосты в этот день несколько раз сводились и разводились.

Лев Троцкий

«Аврора» получила приказание непосредственно от Военно-революционного комитета: «Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту». Командир крейсера попытался уклониться от выполнения приказа, но после символического ареста его и всех офицеров покорно повел корабль. По обоим набережным продвигались цепи моряков. Пока «Аврора» успела отдать якорь перед мостом, рассказывает Курков, юнкеров уже и след простыл. Матросы сами навели мост и поставили охранение. Только Дворцовый мост продолжал оставаться еще в течение нескольких часов в руках правительственных караулов.

Александр Ильин-Женевский

Ко мне прибежал солдат и сообщил, что Временное правительство разводит мосты. Я вскочил на ноги. Мне невольно вспомнились июльские дни, когда Временное правительство с того и начало свой поход против нас, что развело мосты.

Разведение мостов мне представилось как бы первым шагом попытки к нашему разгрому со стороны Временного правительства. Неужели Временное правительство опять одержит над нами верх? Нет, теперь уже соотношение сил не то. Весь петроградский гарнизон как один за нас. Нужно только нам самим быть решительнее. И в первую очередь мы никоим образом не должны допускать разведения мостов. Я немедленно вызвал несколько солдат, сформировал из них два патруля и послал один к Гренадерскому, другой к Сампсониевскому мосту — с твердой директивой во что бы то ни стало свести мосты.

— Если будет оказано сопротивление, действуйте оружием, — сказал я им на прощанье. Через несколько минут один из патрулей вернулся, таща какие-то тяжелые железные предметы.

— Товарищ комиссар, — доложил мне старший, — мы свели мост, а чтоб надежнее было — забрали ключи, которыми сводится и разводится мост. Теперь уже его никак нельзя развести.

За патрульными, кряхтя и ругаясь, тащился старик сторож моста, недовольный тем, что солдаты забрали имущество, введенное его охране.

— Ничего, дедушка, не беспокойся, — утешал я его, — ключи

у нас будут в полной сохранности. Вот мы их здесь положим в полковом комитете, а дня через два-три, когда всё успокоится, вернем тебе обратно.

— Да я ничего... Уж ладно... — проворчал себе под нос старик и, взглянув еще раз на ключи, повернулся к выходу. Такое же распоряжение о присылке в полковой комитет ключей для разводки моста дал я и другому моему патрулю. Скоро весь угол комнаты, где помещался полковой комитет, был завален тяжелыми ключами.

Едва я покончил с этим делом, как меня попросили к телефону. Говорил Подвойский.

— Что, у вас разводятся мосты? — спросил он.

Я рассказал ему подробно, как было дело, и сообщил о сделанных мною распоряжениях.

— Прекрасно, — ответил Подвойский, — ни в коем случае не допускайте разводки мостов. Такая же директива дана всем полкам. Каждый мост мы поручили охране близрасположенного полка. В этом отношении на обязанности Гренадерского полка лежит охрана Сампсониевского и Гренадерского мостов, Троицкий мост охраняет гарнизон Петропавловской крепости, а охрану Тучкова моста мы возлагаем на запасный огнеметно-химический батальон.

Николай Суханов

Но все же на улицах было тревожно. Разводка мостов и патрули юнкеров вызвали некоторую панику в центральных районах города. Группки юнкеров не только сторожили у мостов, прерываясь и бескровно воюя с группками рабочей Красной гвардии. Юнкера крошечными отрядами разместились и на вокзалах, и в разных пунктах города, на электрической станции, в министерствах и т.п. Пикеты юнкеров стояли на центральных улицах, останавливали и реквизировали автомобили, отправляя их в штаб.

В результате часов с двух стали закрываться учреждения и магазины. Публика Невского спешила по домам. Среди сумятицы появились хулиганы, которые начали грабить весьма дерзко, срывая с прохожих одежду, обувь и драгоценности... К вечеру, к наступлению ранней осенней темноты, улицы совершенно опустели. Слухи же принимали самые чудовищные образы.

Освальд Дзенис

Часам к девяти вечера я выслал патруль по ближайшим прилегающим к Дворцовой площади улицам со стороны Марсова поля с задачей войсковой разведки — доносить о всех замечаящихся приготовлениях противника. К часам одиннадцати патрули, стоявшие на Миллионной улице, обратили особенное внимание на большое количество выезжающих с Дворцовой площади от Зимнего дворца автомобилей. Выставили заставы, и было отдано распоряжение впредь задерживать и опрашивать все проезжающие автомобили и проходящих людей в целях проверки документов и задержания подозрительных.

Не прошло и пяти минут после отдачи этого распоряжения, как вводят в клуб полка, где мы с полковым комитетом расположили оперативный штаб полка, среднего роста, с небольшой сединой человека в штатском. Оказывается, он задержан вместе с своим автомобилем при выезде с площади на Миллионную. Спрашиваю документы. Оказывается, подполковник Сурнин, начальник контрразведки штаба Петроградского военного округа. Немедленно на его же автомобиле отправляю его в Смольный в распоряжение Ревкома.

Только что успели его отправить, вводят одного за другим двух новых — министра вероисповеданий Карташева и товарища министра финансов. Арестовывать или нет? Военно-революционный комитет до сих пор на наши настойчивые запросы упорно отмалчивается: видимо, ему некогда. Решаю — раз уже начали, нужно продолжать. И эти также отправляются в Смольный под надзором председателя полкового комитета тов. Летунова. Но дальше уже редко кого из задержанных пришлось отправлять в Смольный, больно уж много стали задерживать. Менее важных отпускали, высшее офицерство штаба округа и главного штаба заключали в «общую камеру» — буфет клуба полка.

Ждем ответа от Ревкома. Наконец привозят два, один за другим, две записки, написанные тов. Подвойским. Первая: арестом начальника контрразведки Сурнина Ревком весьма доволен; его, оказывается, уже посадили куда следует. А вторая записка — сюрприз: Ревком оказался, по его мнению, слишком рано поставленным перед фактом начала столкновения; он пока еще не знает, когда именно начнутся действия, но как бы то ни было — не

ранее другого дня, т.е. 25 октября. Аресты, и притом таких крупных фигур, как министров Временного правительства, он считает слишком преждевременными действиями, вызывающими в противнике тревогу и внимание. Предлагают аресты прекратить и заставы снять. Однако то обстоятельство, что нашими разведчиками (хоть слабую, но все же некоторую разведывательную службу нам удалось организовать) было замечено оживление среди войск Временного правительства, также весьма серьезно подготовлявшихся к столкновению, заставляет нас на этот раз послушаться Ревкома и провести его указания лишь частично. Задержание лиц, выходящих из дворца и прилегающих к нему правительственных зданий, продолжается: арестованные помещаются в клуб полка: там их к двенадцати часам дня 25 октября набралось человек до двухсот. Наши товарищи не хотят ограничиться одним задержанием проходящих и просят разрешения снимать посты юнкеров. Оказывается, Временное правительство уже выставило посты и со своей стороны. Пришлось разрешить, только без права начинать стрельбу.

Иван Флеровский

24 октября во второй половине дня была получена телефонограмма Военно-революционного комитета при Петроградском Совете, предписывающая выступить революционным силам Кронштадта на защиту Всероссийского съезда Советов утром 25 октября 1917 года.

«Амур», «Хопер», «Зарница», «Ястреб», «Верный», кронштадтские пароходы и буксиры были предназначены для переброски свободного боевого кронштадтского отряда в Петроград, а «Заря свободы» — для артиллерийского обеспечения подходов к Петрограду со стороны Балтийской железной дороги (Лигово — Стрельна) и занятия корабельным десантом станции Лигово. Стоянка корабля намечена была у входа в Морской канал.

Джон Рид

На углу Морской и Невского отряды солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, останавливали все частные автомобили, высаживали из них седоков и направляли машины к Зимнему дворцу. На них глядела большая толпа. Никто

не знал, за кого эти солдаты — за Временное правительство или за Военно-революционный комитет. У Казанского собора происходило то же самое. Машины отправлялись оттуда вверх по Невскому. Вдруг появилось пять-шесть матросов, вооруженных винтовками. Взволнованно смеясь, они вступили в разговор с двумя солдатам. На их матросских бескозырках были надписи «Аврора» и «Заря свободы» — названия самых известных большевистских крейсеров Балтийского флота. «Кронштадт идет!» — сказал один из матросов... Эти слова значили то же самое, что значили в Париже 1792 г. слова «Марсельцы идут!» Ибо в Кронштадте было двадцать пять тысяч матросов, и все они были убежденные большевики, готовые идти на смерть.

«Рабочий и Солдат» уже вышел. Вся его первая страница была занята воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Ораниенбаумские юнкера и ударники в Царском Селе отказались выступать. Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов... Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар.

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.

4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5. Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность.

Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!

Военно-революционный комитет».

Лев Троцкий

«Весь Смольный, — рассказывает Раскольников, — был превращен в боевой лагерь. Снаружи у колоннады пушки, стоящие на позициях. Возле них — пулеметы... Почти на каждой площадке все те же “максимы”, похожие на игрушечные пушки. И по всем коридорам... быстрая, громкая, веселая поступь солдат и рабочих, матросов и агитаторов».

Проникнуть для арестов в Смольный судебные власти и не помышляли: было слишком ясно, что это означало бы сигнал к гражданской войне с заранее обеспеченным поражением правительства. Зато в порядке административной конвульсии сделана была в Выборгском районе, куда власти и в лучшие дни избегали заглядывать, попытка арестовать Ленина. Полковник с десятком юнкеров проник поздно вечером по ошибке в рабочий клуб вместо большевистской редакции, помещавшейся в том же доме: вояки предполагали почему-то, что Ленин ждет их в редакции. Из клуба немедленно дали знать в штаб Красной гвардии. Пока полковник плутал по разным этажам, попав даже к меньшевикам, подоспевшие красногвардейцы арестовали его вместе с юнкерами и доставили в штаб Выборгского района, а оттуда — в Петропавловскую крепость.

Николай Суханов

Временное правительство в эту ночь разошлось из Зимнего

довольно рано, около двух часов. Может быть, Керенский отдохнул, но не больше часа. Он спешил в штаб...

Там были получены очень тревожные известия. Сейчас же было решено двинуть в дело казачьи части, расположенные в столице. Но пойдут ли?.. В 1, 4 и 14-й Донские казачьи полки была передана телефонограмма: «Во имя свободы, чести и славы родной земли выступить на помощь ЦИК, революционной демократии и Временному правительству». Подписали начальник штаба Багратуни и комиссар ЦИК Малевский.

Казачи, однако, приказа не исполнили. Собрали митинги и начали торговлю. А пойдет ли с ними пехота?.. Сейчас же компетентные люди разъяснили, что пехота за правительством и ЦИК ни в каком случае не пойдет. Тогда полки заявили, что представлять собой живую мишень они не согласны и потому от выступления «воздерживаются».

Лев Троцкий

На третьем этаже Смольного, в небольшой угловой комнате непрерывно заседал Комитет. Там сосредоточивались все сведения о передвижении войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о замыслах погромщиков, о происках буржуазных политиков и иностранных посольств, о жизни Зимнего дворца, о совещаниях прежних советских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, солдаты, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга, жены мелких чиновников. Многие приносили чистейший вздор, некоторые давали серьезные и ценные указания. В течение последней недели я уже почти не покидал Смольного, ночевал, не раздеваясь, на кожаном диване, спал урывками, пробуждаемый курьерами, разведчиками, самокатчиками, телеграфистами и непрерывными телефонными звонками. Надвигалась решительная минута. Было ясно, что назад возврата нет.

Джон Рид

Петроградский Совет заседал круглые сутки без перерыва. Когда я вошел в большой зал, Троцкий как раз кончал свою речь. «Нас спрашивают, — говорил он, собираемся ли мы устроить выступление. Я могу дать ясный ответ на этот вопрос. Петроград-

ский Совет сознает, что наступил, наконец, момент, когда вся власть должна перейти в руки Советов. Эта перемена власти будет осуществлена Всероссийским съездом. Понадобится ли вооруженное выступление — это будет зависеть от тех, кто хочет сорвать Всероссийский съезд.

Нам ясно, что наше правительство, представленное личным составом временного кабинета, есть правительство жалкое и бессильное, что оно только ждет взмаха метлы истории, чтобы уступить свое место истинно народной власти. Но мы еще теперь, еще сегодня пытаемся избежать столкновения. Мы надеемся, что Всероссийский съезд Советов возьмет в руки власть, опирающуюся на организованную свободу всего народа. Но если правительство захочет использовать то краткое время — 24, 48 или 72 часа, которое еще отделяет его от смерти, для того чтобы напасть на нас, то мы ответим контратакой. На удар ударом, на железо — сталью!»

Лев Троцкий

К ночи 24-го члены Революционного Комитета разошлись по районам. Я остался один. Позже пришел Каменев. Он был противником восстания. Но эту решающую ночь он пришел провести со мною, и мы оставались вдвоем в маленькой угловой комнате третьего этажа, которая походила на капитанский мостик в решающую ночь революции. В соседней большой и пустынной комнате была телефонная будка. Звонили непрерывно, о важном и о пустяках. Звонки еще резче подчеркивали настороженную тишину. Легко было себе представить пустынный, ночной, слабо освещенный, пронизанный осенними морскими ветрами Петербург. Буржуазный и чиновничий люд жмется в своих постелях, стараясь разгадать, что творится на загадочных и опасных улицах. Напряженным сном боевого бивуака спят рабочие кварталы. Комиссии и совещания правительственных партий исходят бессилием в царских дворцах, где живые призраки демократии натываются на еще не рассеявшиеся призраки монархии. Моментами шелк и позолота залов погружается во тьму: не хватает угля. По районам бодрствуют отряды рабочих, матросов, солдат. У молодых пролетариев винтовки и пулеметные ленты через плечо. Греются у костров уличные пикеты. У двух десятков телефо-

нов сосредоточивается духовная жизнь столицы, которая осенней ночью протискивает свою голову из одной эпохи в другую.

Через Свердловца Военно-революционный комитет отправил ночью телеграмму в Гельсингфорс Смильге председателю областного комитета советов: «Присылай устав». Это означало: присылай немедленно 1500 отборных балтийских матросов, вооруженных до зубов. Хотя балтийцы смогут прибыть только в течение завтрашнего дня, но откладывать боевые действия нет основания: внутренних сил достаточно, да и нет возможности — операции уже начались. Если с фронта придут на помощь правительству подкрепления, то моряки подоспеют достаточно рано, чтобы ударить им во фланг или в тыл.

Мобилизуя юнкеров, правительство дало накануне крейсера «Аврора» приказ удалиться из Невы. Речь шла о тех самых матросах-большевиках, к которым в августе явился Скобелев со шляпой в руках просить, чтобы они охраняли Зимний дворец от корниловцев. Моряки справились у Военно-Революционного Комитета, как быть. И «Аврора» стоит этой ночью там, где стояла вчера. Мне звонят из Павловска, что правительство вызывает оттуда артиллеристов, из Царского Села — батальон ударников, из Петергофа — школу прапорщиков. В Зимний дворец Керенским стянуты юнкера, офицеры и ударницы. Я отдаю комиссарам распоряжение выставить на путях к Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторов навстречу вызванным правительством частям. Все переговоры ведутся по телефону и полностью доступны агентам правительства. Способны ли они, однако, еще контролировать наши переговоры? «Если не удержите словами, пускайте в ход оружие. Вы отвечаете за это головой». Я повторяю эту фразу несколько раз. Но я сам еще не верю полностью в силу своего приказанья. Революция еще слишком доверчива, великодушна, оптимистична и легкомысленна. Она больше грозит оружием, чем применяет его. Она все еще надеется, что все вопросы можно разрешить словом. Пока это удастся ей. Скопления враждебных элементов испаряются от одного ее горячего дыхания. Еще днем 24-го был отдан приказ при первой попытке уличных погромов пускать в ход оружие и действовать беспощадно. Но враги и думать не смеют об улице. Они попрятались. Улица наша. На всех подступах к Петрограду бодрствуют наши

комиссары. Школа прапорщиков и артиллеристы не откликнулись на зов правительства. Только часть ораниенбаумских юнкеров пробралась ночью через наш заслон, и я следил по телефону за их дальнейшим движением. Они кончили тем, что послали в Смольный парламентариев. Тщетно Временное правительство искало опоры. Почва ползла под его ногами.

Наружный караул Смольного усилен новой пулеметной командой. Связь со всеми частями гарнизона остается непрерывной. Дежурные роты бодрствуют во всех полках. Комиссары на месте. Делегаты от каждой воинской части находятся в Смольном, в распоряжении Военно-Революционного Комитета, на случай перерыва связи. Из районов движутся по улицам вооруженные отряды, звонят у ворот или открывают их без звонка и занимают одно учреждение за другим. Эти отряды почти везде встречают друзей, которые ждут их с нетерпением. На вокзалах особо назначенные комиссары зорко следят за прибывающими и уходящими поездами, особенно за передвижением солдат. Ничего тревожного. Все важнейшие пункты города переходят в наши руки почти без сопротивления, без боя, без жертв. Телефон звонит: «Мы здесь».

Все хорошо. Лучше нельзя. Можно отойти от телефона. Я сажусь на диван. Напряжение нервов ослабевает. Именно поэтому ударяет в голову глухая волна усталости. «Дайте папиросу!» — говорю я Каменеву. В те годы я еще курил, хотя и не регулярно. Я затягиваюсь раза два и едва мысленно успеваю сказать себе: «Этого еще недостаточно» — как теряю сознание. Склонность к обморокам при физической боли или недомогании я унаследовал от матери. Это и дало повод одному американскому врачу приписать мне падучую болезнь. Очнувшись, я вижу над собою испуганное лицо Каменева. «Может быть, достать какого-нибудь лекарства?» — спрашивает он. «Гораздо лучше было бы, — отвечаю я, подумав, — достать какой-нибудь пищи».

Я стараюсь припомнить, когда я в последний раз ел, и не могу. Во всяком случае это было не вчера.

Джон Рид

Уходя из Смольного в 3 часа утра, я заметил, что по обеим сторонам входа стояли пулеметы и что ворота и ближайшие пе-

реквестки охранялись сильными солдатскими патрулями. Вверх по лестнице взбегал Билль Шатов. «Ну, — крикнул он, — мы начали! Керенский послал юнкеров закрыть наши газеты “Солдат” и “Рабочий Путь”. Но тут пришел наш отряд и сорвал казенные печати, а теперь мы посылаем людей для захвата буржуазных редакций!» Он радостно похлопал меня по плечу и побежал дальше...

Лев Троцкий

Главные операции начались с двух часов ночи. Небольшими военными партиями, обычно с ядром из вооруженных рабочих или матросов под руководством комиссаров, заняты одновременно или последовательно вокзалы, осветительная станция, военные и продовольственные склады, водопровод, Дворцовый мост, телефонная станция, государственный банк, крупные типографии, закреплены телеграф и почта. Везде поставлена надежная охрана.

Николай Суханов

Группки юнкеров не могли и не думали сопротивляться. В общем военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах города. Более слабая охрана из юнкеров уходила, на ее место становилась усиленная охрана гвардейцев.

Освальд Дзенис

Вот картина на Миллионной. Недалеко от нашей заставы, шагах в 25–30, стоит часовой с подчаском. Трое павловцев ухитрились обойти их с тыла и внезапно подходят сзади. Раздается крик: «Руки вверх, бросай винтовки!» — и юнкера захватываются оба живьем, без шума. Так в нескольких местах (между прочим, у певческой капеллы на Мойке) в течение ночи удалось снять целый ряд постов. Часов около трех утра был снят таким же образом часовой с подчаском и вдобавок, вместе с ними, караульный начальник.

Николай Суханов

С вечера ходили слухи о стрельбе, о вооруженных автомобилях, которые рыщут по городу и нападают на правительственные

пикеты. Но, по-видимому, это были фантазии. Во всяком случае, начавшиеся решительные операции были совершенно бескровны, не было зарегистрировано ни одной жертвы... Город был совершенно спокоен. И центр, и окраины спали глубоким сном, не подозревая, что происходит в тиши холодной осенней ночи.

Джон Рид

Около 4 часов утра я встретил в вестибюле Зорина. За плечами у него была винтовка.

— Мы выступили! — спокойно, но удовлетворенно сказал он мне. — Мы уже арестовали товарища министра юстиции и министра по делам вероисповеданий. Они уже в подвале. Один полк отправился брать телефонную станцию, другой идет на телеграф, третий — на Государственный банк. Красная Гвардия вышла на улицу...

На ступенях Смольного в холодной темноте мы впервые увидели Красную гвардию — сбившуюся группку парией в рабочей одежде. Они держали в руках винтовки с примкнутыми штыками и беспокойно переговаривались.

Издали, с запада, поверх молчаливых крыш доносились звуки беглой ружейной перестрелки. Это юнкера пытались развести мосты через Неву, чтобы не дать рабочим и солдатам Выборгской стороны присоединиться к вооруженным силам Совета, находившимся по другую сторону реки, но кронштадтские матросы снова навели мосты...

За нашими спинами сверкало огнями и жужжало, как улей, огромное здание Смольного...

Лев Троцкий

В Смольном шли непрерывные заседания. Агитаторы, организаторы, руководители заводов, полков, районов появлялись на час-два, иногда на несколько минут, чтобы разузнать новости, проверить себя и вернуться на свой пост. У комнаты № 18, где помещалась большевистская фракция Совета, шла неопишуемая толчея. Усталые вконец посетители засыпали нередко в зале заседаний, прислонившись отяжелевшей головой к белой колонне, или в коридоре у стены, обняв свою винтовку, иногда просто растягивались вповалку на грязном мокром полу. Лашевич при-

нимал военных комиссаров и давал им последние указания. В помещении Военно-революционного комитета, на третьем этаже, стекавшиеся со всех сторон донесения превращались в распоряжения: там билось сердце восстания.

А.А. Игнатьев

Ночь была морозная. Северный ветер пронизывал до костей. На прилегающих к Николаевскому вокзалу улицах, поеживаясь от холода, стояли группы саперов, зорко всматриваясь в полусумрак ночи. Луна делала картину фантастической: громады домов походили на средневековые замки, саперов сопровождали тени-великаны, при виде которых изумленно осаживала коня статуя предпоследнего самодержца. Громко и уверенно неся к приближающимся автомобилям окрик: «Стой! Кто едет?» — и следовала проверка документов.

Около 6 часов утра окрик «Стой!» раздался громче обыкновенного. Часовой при виде двух не остановившихся автомобилей с вооруженными людьми дал выстрел-сигнал, и грозно вылетели из вестибюля Николаевского вокзала саперы со щелкающими затворами винтовок и криками: «Сдавайся, буржуазные щенки!»... Прибывшие юнкера были обезоружены. Обезоруженных, числом около 80 человек, отправили в Смольный.

Лев Троцкий

Утром доставили в Смольный задержанную на Николаевском вокзале саперами партию юнкеров, которые на грузовиках выехали из Зимнего дворца за продовольствием. Подвойский рассказывает: «Троцкий объявил им, что они отпускаются, с тем что дадут обещание не выступать более против советской власти, и могут идти в свое училище к своим занятиям. Мальчуганы, ожидавшие над собой кровавой расправы, были этим несказанно удивлены».

Джон Рид

«День» давал отрывочные сведения о событиях бурной ночи. Большевики захватили телефонную станцию, Балтийский вокзал и телеграф; петергофские юнкера не могут пробраться в Петроград; казаки колеблются; арестовано несколько министров; убит

начальник городской милиции Мейер; аресты, контраресты, стычки между солдатскими патрулями, юнкерами и красногвардейцами...

Джордж Бьюкенен

7 ноября (25 октября)

В 4 часа утра Временное правительство вызвало казаков, но последние отказались действовать в одиночку, поскольку они не простили Керенскому, что после июльского восстания, когда многие их товарищи погибли, он не позволил им разделаться с большевиками, а также то, что он объявил выбранного ими вождя, Корнилова, изменником.

Лев Троцкий

Прибывший накануне с фронта Станкевич, главный комиссар ставки, чтобы не оставаться совсем без дела в царстве пассивности и разложения, предпринял утром, во главе полуроты инженерных юнкеров, попытку очистить телефонную станцию от большевиков. Юнкера впервые узнали по этому случаю, в чьих руках станция. «Вот у кого надо, оказывается, учиться энергии, — восклицает со скрежетом офицер Синегуб, — и откуда только у них такое руководство!» Занимавшие телефонную станцию матросы могли бы без труда перестрелять юнкеров через окна. Но восставшие изо всех сил стремятся избежать пролития крови. С своей стороны, Станкевич строго приказывает не открывать огня: иначе юнкеров обвинят в том, что они стреляют в народ. Командующий офицер размышляет про себя: «Да ведь раз мы введем порядок, то кто же откроет рот?» — и заключает свои размышления возгласом: «Комедьянты проклятые!» Это и есть формула отношения офицерства к правительству. По собственной инициативе Синегуб посылает в Зимний за ручными гранатами и пироксилиновыми шашками. В промежутке монархический поручик вступает перед воротами станции в политические прения с большевистским прапорщиком: как герои Гомера, они осыпают друг друга перед боем крепкими словами. Оказавшись меж двух огней, пока еще только словесных, телефонистки дают волю нервам. Матросы отпускают их по домам. «Что такое? Женщины?..» С истерическими криками они вырываются из ворот. «Пу-

стынная Морская, — рассказывает Синегуб, — сразу запестрела бегущими, прыгающими нарядами и шляпками». С работой у аппаратов кое-как справляются матросы. Во двор станции вступает скоро броневик красных, не причинив никакого зла перепуганным юнкерам. Те, со своей стороны, захватывают два грузовика и баррикадируют снаружи ворота станции. Со стороны Невского появляется второй броневик, затем третий. Все сводится к маневрам и попыткам взаимного устрашения. Борьба за станцию разрешается без пироксилина: Станкевич снимает осаду, выговорив свободный проход для своих юнкеров.

Оружие вообще служит пока только внешним признаком силы: в дело его почти не пускают. По дороге к Зимнему полурота Станкевича натывается на команду матросов с винтовками на изготовку. Противники меряют друг друга взглядами. Ни та, ни другая сторона не хочет драться: одна — от сознания силы, другая — от чувства слабости. Но где представляется случай, восставшие, особенно рабочие, спешат разоружить врага. Вторая полурота тех же инженерных юнкеров, окруженная красногвардейцами и солдатами, разоружена ими при содействии броневиков и захвачена в плен. Боя, однако, не было и здесь: юнкера не сопротивлялись. «Так окончилась, — свидетельствует инициатор, — единственная, насколько я знаю, попытка активного сопротивления большевикам». Станкевич имеет в виду операции вне района Зимнего дворца.

Джон Рид

В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

«Вы чьи? — спросил я. — Вы за правительство?»

«Нет больше правительства! — с улыбкой ответил солдат. — Слава богу!» Это было все, что мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их повисли мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне. За ночь стены покрылись новыми

прокламациями и призывами, предостерегавшими против восстания. Они обращались к крестьянам, к фронтовым солдатам, к петроградским рабочим.

Лев Троцкий

Отряды Красной гвардии вышли из своих районов. Рабочий с винтовкой, штык над кепкой или шапкой, ремень через штатское пальто — этот образ неотделим от 25 октября. Осторожно и еще неуверенно вооруженный рабочий наводил порядок в завоеванной им для себя столице.

Джон Рид

Красногвардеец с Васильевского острова очень подробно рассказал, как прошел великий день восстания в его районе. «У нас не было ни одного пулемета, — говорил он, улыбаясь, — и из Смольного тоже никак не могли получить. Товарищ Залкинд, член районной управы, вспомнил, что у них в управе, в зале заседаний, стоит пулемет, отобранный у немцев. Мы с ним прихватили еще одного товарища и пошли туда. Там заседали меньшевики и эсеры. Ну ладно, открыли мы дверь и пошли прямо на них, а они сидят себе за столом — их человек двенадцать-пятнадцать, а нас трое. Увидели они нас — сразу все замолчали, только смотрят. Мы прямо прошли через комнату и разобрали пулемет. Товарищ Залкинд взвалил на плечо одну часть, я другую, и пошли... И никто нам ни слова не сказал!»

Николай Суханов

В начале первого часа я шел в Мариинский дворец. Не могу вспомнить, откуда именно я шел. Но путь мой лежал через Невский и Мойку. На улицах было оживленно, но не тревожно, хотя все видели начавшееся «выступление»... Однако магазины частью были закрыты, частью закрывались. Банки, едва начав, кончали свои операции. Учреждения не работали. Может быть, тревога не замечалась потому, что «выступление» оказалось с виду совсем не страшным. Нигде не было по-прежнему ни свалки, ни пальбы.

На середине Мойки я уткнулся в цепь, заграждавшую дорогу. Что это была за часть, не знаю — «не мастер я полки-то разби-

рать». Может быть, тут были и пулеметы: глаз за революцию так привык к таким картинам, что не замечал этих страшных вещей. Но, во всяком случае, солдаты, скучая, стояли вольно и притом негусто. Не только для организованной воинской силы, но и для толпы эта цепь не была страшной. Деятельность ее заключалась в том, что она не пропускала прохожих.

Лев Троцкий

Близился полдень. Огромная площадь перед Зимним дворцом по-прежнему пуста. Правительству нечем ее заполнить. Войска Комитета не занимают ее, так как поглощены выполнением слишком сложного плана. По широкому охвату продолжают собираться воинские части, рабочие отряды, броневики. Район дворца начинает походить на зачумленное место, которое оцепляют по периферии подальше от непосредственного очага заразы.

Джон Рид

Военная гостиница на углу Исаакиевской площади оцеплена вооруженными матросами. В вестибюле собралось довольно много щеголеватых молодых офицеров. Они бродили взад и вперед и перешептывались между собой. Матросы не выпускали их на улицу.

Вдруг на улице раздался громкий выстрел, и началась частая перестрелка. Я выбежал наружу. Вокруг Мариинского дворца, где заседал Совет Российской республики, творилось что-то необычайное. Широкую площадь пересекала по диагонали цепь солдат. Они держали ружья наизготовку и смотрели на крышу гостиницы.

«Провокация, в нас стреляют!» — крикнул один из них. Другой побежал к подъезду.

У западного угла дворца стоял большой броневик с красным флагом и свежей надписью красным «С.Р.С.Д.» (Совет рабочих и солдатских депутатов). Все его пулеметы были направлены на Исаакиевский собор. Выход на Новую улицу был перегорожен баррикадой — бочки, ящики, старый матрац, поваленный вагон. Конец набережной Мойки был забаррикадирован штабелями дров. Короткие поленья с соседнего склада были сложены вдоль здания и образовывали бруствер.

«Что же, тут будет бой?» — спросил я.

«Скоро, скоро! — беспокойно отвечал солдат. — Проходи, товарищ, как бы тебе не влетело! Вон с той стороны придут...» — и он показал в сторону Адмиралтейства.

«Да кто придет-то?»

«Этого, братишка, не могу сказать», — ответил он, сплевывая.

У подъезда дворца стояла толпа солдат и матросов. Матрос рассказывал о конце Совета Российской республики. «Мы вошли, — говорил он, — и заняли все двери своими товарищами. Я подошел к контрреволюционеру-корниловцу, который сидел на председательском месте. "Нет больше вашего Совета, — сказал я ему. — Ступай домой!"»

Все смеялись. Размахивая всеми своими бумагами и документами, я добрался до двери в галерею прессы. Здесь меня остановил огромный улыбающийся матрос. Я показал ему пропуск, но он ответил: «Хоть бы вы были сам святой Михаил, прохода нет, товарищ». Сквозь дверное стекло я разглядел расстроенное лицо и жестикулирующие руки запертого внутри французского корреспондента.

Лев Троцкий

Клод Анэ, официальный французский журналист в Петрограде, искренно удивлялся: бестолковые русские делают революцию не так, как он вычитал в старых книгах. «Город спокоен!» Анэ сносится по телефону, принимает визиты, выходит из дому. Солдаты, которые пересекают ему на Мойке дорогу, шествуют в полном порядке, «как при старом режиме». На Миллионной многочисленные патрули. Нигде ни выстрела. Огромная площадь Зимнего в этот полуденный час еще почти пуста. Патрули на Морской и Невском. У солдат видна выправка, одеты безупречно. На первый взгляд представляется несомненным, что это войска правительства. На Мариинской площади, откуда Анэ собирался проникнуть в предпарламент, его задерживают солдаты и матросы, «право же, очень вежливые». Две улицы, примыкающие ко дворцу, забаррикадированы автомобилями и повозками. Тут же броневик. Это все подчинено Смольному. Военно-революционный комитет выслал по городу патрули, выставил свои караулы, распустил предпарламент, властвует над столицей и установил в ней порядок, «невиданный с тех пор, как насту-

пила революция». Вечером дворничиха сообщает французскому жильцу, что из советского штаба принесли номера телефонов, по которым можно во всякое время вызвать военную помощь в случае нападения или подозрительных обысков. «Поистине, нас никогда лучше не охраняли».

Жак Садуль

Все перекрестки охраняются красногвардейцами. Повсюду патрули, мимо быстро проезжает несколько броневиков. То там, то здесь раздаются выстрелы. При каждом из них зеваки, которых огромная толпа, разбегаются, плюхаются на землю, прижимаются к стенам и набиваются в подъезды, но любопытство сильно, и вскоре они со смехом собираются снова.

Константин Еремеев

Мы выставили оцепление от набережной Невы по всему участку заставы и послали патрули и разведку по все стороны. На площади Зимнего дворца стояли два юнкерских училища, женский батальон, артиллерия Константиновского училища и казаки. Юнкерские патрули ходили по набережной, по Миллионной улице и в сторону Невского. Павловцы стали обезоруживать патрули юнкеров и отводить их в казармы, вследствие чего юнкера перестали ходить и стояли только в оцеплении на самой площади.

Наше оцепление никого не пропускало. Автомобили задерживались. В штаб приводили разных пассажиров — коммерсантов, адвокатов, иностранцев, офицеров, — мы их отпускали, оставляя себе машины. Вскоре привели приличного господина с портфелем, который возмущенно протестовал:

— Что у вас тут делается? Это безобразие! Меня смели задерживать — я министр Прокопович! Я спешу на заседание правительства.

Мы ему сказали:

— Правительства этого больше нет. Мы вас отправим в Смольный.

— Это самоуправство! — волновался министр. — Вы не смее-те! Вы понесете тяжелую ответственность. Вы понимаете ли, что вы делаете?

— Мы делаем революцию.

— Черт знает что! Это разбой среди белого дня.

После Прокоповича попались еще два министра — Карташев, министр по религиозным делам, и управляющий делами Временного правительства. Эти так испугались, что уж ни о чем не спорили, а только просили, чтоб их отпустили домой. Но мы таких важных лиц отправляли в автомобилях с конвоем в Смольный.

Вскоре пришли два отряда Красной гвардии из Выборгского и Петроградского районов. Они поместились пока в казармах, где ожидали уже готовые роты павловцев, одетых по-походному.

Джордж Бьюкенен

Хотя в течение дня периодически слышалась стрельба, но большевики не встретили практически никакого сопротивления, поскольку правительство не позаботилось о том, чтобы организовать какие-либо силы для своей защиты. Во второй половине дня я прошел вдоль набережной до площади перед Зимним дворцом и издали наблюдал, как войска окружили одно из правительственных зданий и требовали его освободить. На самой набережной все было более или менее спокойно, только группы вооруженных солдат расположились у мостов.

Николай Суханов

В Смольный я попал около трех часов. Картина была в общем та же. Но людей было еще больше, и беспорядок увеличился. Защитников налицо было много, но сомневаюсь, чтобы защита могла быть стойкой и организованной.

По темному, заплеванному коридору я прямо прошел в Большой зал. Он был полон, и не было ни малейшего намека на порядок и благообразие. Происходило заседание. Троцкий председательствовал. Но за колоннами плохо слушали, и сновали взад и вперед вооруженные люди.

Когда я вошел, на трибуне стоял и горячо говорил незнакомый лысый и бритый человек. Но говорил он странно знакомым хриловато-зычным голосом, с горловым оттенком и очень характерными акцентами на концах фраз... Ба! Это — Ленин. Он появился в этот день после четырехмесячного пребывания в «подземельях». Ну, стало быть, тут окончательно торжествуют победу.

Троцкий «представил» собранию Ленина и дал ему слово для

доклада о власти Советов. Ленину устроили бурную овацию... Во время его речи я прошел вперед и с кем-то из знакомых стал за колоннами с правой от входа стороны. Я не очень хорошо слушал, что говорит Ленин. Кажется, меня больше интересовало настроение массы. Несмотря на широковещательные заявления Троцкого, я не замечал ни энтузиазма, ни праздничного настроения. Может быть, слишком привыкли к головокружительным событиям. Может быть, устали. Может быть, немножко недоумевали, что из всего этого выйдет, и сомневались, как бы чего не вышло.

Лев Троцкий

Правительство по-прежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало только тенью самого себя. Политически оно уже не существовало. Зимний дворец в течение 25 октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня я докладывал Петроградскому Совету о положении вещей. Вот как изображает этот доклад газетный отчет: «От имени Военно-Революционного Комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует. (Аплодисменты). Отдельные министры подвергнуты аресту. ("Браво!"). Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. (Аплодисменты). Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-Революционного Комитета, распустил собрание Предпарламента. (Шумные аплодисменты). Мы здесь бодрствовали ночью и по телефонной проволоке следили, как отряды революционных солдат и рабочей гвардии бесшумно исполняли свое дело. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой. Вокзалы, почта, телеграф, Петроградское Телеграфное Агентство, Государственный банк заняты. (Шумные аплодисменты). Зимний дворец еще не взят, но судьба его решится в течение ближайших минут. (Аплодисменты)».

Этот голый отчет способен дать неправильное представление о настроении собрания. Вот что подсказывает мне моя память. Когда я доложил о совершившейся ночью смене власти, воцарилось на несколько секунд напряженное молчание. Потом пришли аплодисменты, но не бурные, а раздумчивые. Зал переживал и выжидал. Готовясь к борьбе, рабочий класс был охвачен неопи-

суемым энтузиазмом. Когда же мы шагнули через порог власти, нерассуждающий энтузиазм сменился тревожным раздумьем. И в этом сказался правильный исторический инстинкт. Ведь впереди еще может быть величайшее сопротивление старого мира, борьба, голод, холод, разрушение, кровь и смерть. «Осилим ли?» — мысленно спрашивали себя многие. Отсюда минута тревожного раздумья. Осилим, ответили все. Новые опасности маячили в далекой перспективе. А сейчас было чувство великой победы, и это чувство пело в крови. Оно нашло свой выход в бурной встрече, устроенной Ленину, который впервые появился на этом заседании после почти четырехмесячного отсутствия.

Джон Рид

Когда мы подошли к Смольному, его массивный фасад сверкал огнями. Со всех улиц к нему подходили новые и новые люди, торопившиеся сквозь мрак и тьму. Подъезжали и отъезжали автомобили и мотоциклы. Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. Было холодно, и красногвардейцы, охранявшие вход, грелись у костра. У внутренних ворот тоже горел костер, при свете которого часовые медленно прочли наши пропуска и оглядели нас с ног до головы. По обеим сторонам входа стояли пулеметы, со снятыми чехлами, и с их казенных частей, извиваясь, как змеи, свисали патронные ленты. Во дворе, под деревьями сада, стояло много броневиков; их моторы были заведены и работали. Огромные и пустые, плохо освещенные залы гудели от топота тяжелых сапог, криков и говора... Настроение было решительное. Все лестницы были залиты толпой: тут были рабочие в черных блузах и черных меховых шапках, многие с винтовками через плечо, солдаты в грубых шинелях грязного цвета и в серых меховых папахах. Среди всего этого народа торопились, протискиваясь куда-то, известные многим Луначарский, Каменев... Все они говорили одновременно, лица их были озабочены, у каждого под мышкой переполненный бумагами портфель. Закончилось заседание Петроградского Совета. Я остановил Каменева, невысокого человека с быстрыми движениями, живым широким лицом и низко посаженной головой. Он без всяких предисловий перевел мне на французский язык только что принятую резолюцию...

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твердо пойдет к социализму — единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый, демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками вместе с превращением их в одно государственное предприятие.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и все крестьянство со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает уверенность, что городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма.

Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы».

«Значит, вы думаете, дело выиграно?..»

Он пожал плечами: «Надо еще очень много сделать. Страшно много!.. Дело только еще начинается...»

На площадке лестницы я увидел товарища председателя совета профессиональных союзов Рязанова. Он мрачно глядел перед собой, покусывая свою седеющую бороду. «Это безумие, безумие! — восклицал он. — Европейский пролетариат не поднимет-

ся! Вся Россия...» Он рассеянно махнул рукой и побежал дальше.

Рязанов и Каменев возражали против восстания и испытали на себе всю страшную силу ленинской полемики.

То было очень важное заседание. Троцкий от имени Военно-революционного комитета заявил, что Временное правительство больше не существует.

«Свойство буржуазных и мелкобуржуазных правительств, — сказал он, — состоит в том, чтобы обманывать массы.

Нам в настоящее время — нам, Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, — предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме потребностей солдат, рабочих и крестьян».

На трибуне появился Ленин. Его встретили громовой овацией. Он предвозвестил мировую социалистическую революцию... После него выступил Зиновьев, восклицавший: «Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам и, в частности, палачу Вильгельму».

После этого Троцкий заявил, что на фронт уже отправлены телеграммы, извещающие о победе восстания, но ответ еще не пришел. По слухам, на Петроград движутся войска. Необходимо отправить к ним делегацию, чтобы рассказать им всю правду.

Голоса с мест: «Вы предпринимаете волю Всероссийского съезда Советов!»

Троцкий (*холодно*): «Воля Всероссийского съезда Советов предпринята огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

Лев Троцкий

Поздно вечером, в ожидании открытия заседания съезда Советов, мы отдыхали с Лениным по соседству с залом заседаний, в пустой комнате, где не было ничего, кроме стульев. Кто-то постлал нам на полу одеяло, кто-то — кажется, сестра Ленина — достал нам подушки. Мы лежали рядом, тело и душа отходили, как слишком натянутая пружина. Это был заслуженный отдых. Спать мы не могли. Мы вполголоса беседовали. Ленин теперь только окончательно примирился с оттяжкой восстания. Его опасения рассеялись. В его голосе были ноты редкой задушев-

ности. Он расспрашивал меня про выставленные везде смешанные пикеты из красногвардейцев, матросов и солдат. «Какая это великолепная картина: рабочий с ружьем рядом с солдатом у костра!» — повторял он с глубоким чувством. «Свели наконец солдата с рабочим!» — Затем он внезапно спохватывался: «А Зимний? Ведь до сих пор не взят? Не вышло бы чего?» Я привстал, чтобы справиться по телефону о ходе операции, но он меня удерживал. «Лежите, я сейчас кому-нибудь поручу». Но лежать долго не пришлось. По соседству в зале открылось заседание съезда Советов.

Джон Рид

Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертom воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: «Товарищи, не курите!» — и курение продолжалось. Делегат от Обуховского завода анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва.

Лев Троцкий

За мной прибежала Ульянова, сестра Ленина. «Дан выступит, вас зовут». Срывающимся голосом Дан отчитывал заговорщиков и предрекал неизбежный крах восстания. Он требовал, чтоб мы заключили с эсерами и меньшевиками коалицию. Партии, которые еще вчера, стоя у власти, травили и сажали нас в тюрьмы, требовали от нас соглашения, когда мы их опрокинули. Я отвечал Дану и, в его лице, вчерашнему дню революции: «То, что произошло, это восстание, а не заговор. Восстание народных

масс не нуждается в оправдании. Мы закаляли революционную энергию рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание. Наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от победы, заключите соглашение. С кем? Вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории». Это была последняя реплика в том большом диалоге, который начался 3 апреля, в день и час приезда Ленина в Петроград.

Жак Садуль

Большевики все более воодушевляются. Меньшевики, кое-кто из них по крайней мере, ходят мрачные. Им не доверяют. Они не знают, на что решиться. Поистине среди всех этих революционеров лишь большевики, инициативные и дерзостные, похожи на людей дела.

Николай Суханов

Уже вечерело, когда доступ в Зимний был прекращен. Прокопович, освобожденный из-под ареста, не мог уже попасть туда. Около дворца стояла большая толпа, которая смешивалась с отрядами красноармейцев. Сомкнулись ли наконец цепи солдат — не знаю. Кажется, ко дворцу были двинуты только более надежные элементы: матросы и рабочие. Но ни правильной осады, ни попыток штурма все не было. Вообще никакие боевые действия не начинались.

Лев Троцкий

Зимний дворец предполагалось, по предварительным расчетам, занять в ночь на 25-е, одновременно со всеми другими командными высотами столицы. Еще 23-го образована была для руководства захватом дворца особая тройка, с Подвойским и Антоновым в качестве основных фигур.

Решено было окружить район Зимнего плотным овалом, большой осью которому служила бы набережная Невы. Со стороны реки окружение должно было замыкаться Петропавловской крепостью, «Авророй» и другими судами, вызванными из Кронштадта и действующего флота. Чтобы предупредить или парализовать

попытки ударить казачьими и юнкерскими частями в тыл, решено было выставить внушительные заслоны из революционных отрядов.

План в целом был слишком громоздок и сложен для той задачи, которую он призван был разрешить. Намеченного на подготовку времени оказалось недостаточно. Мелкие неувязки и просчеты обнаруживались, как полагается, на каждом шагу. Вывести воинские части, сочетать их с красногвардейцами, занять боевые участки, обеспечить связь их друг с другом и со штабом — на все это потребовалось гораздо больше часов, чем предполагали руководители, спорившие над картой Петрограда.

Джон Рид

Вниз по Вознесенскому проспекту стягивалась огромная толпа матросов, а за ними, покуда хватал глаз, были видны движущиеся колонны солдат.

Лев Троцкий

Выходящий на площадь двор Зимнего загроможден штабелями дров, как и двор Смольного. Слева и справа чернеют трехдюймовые полевые орудия. Винтовки составлены в нескольких местах в козлы. Немногочисленная охрана дворца лепится непосредственно к самому зданию. Во дворе и в нижнем этаже размещены две школы прапорщиков из Ораниенбаума и Петергофа, далеко не полностью, и взвод Константиновского артиллерийского училища с 6 орудиями.

Освальд Дзенис

Батарея Михайловского артиллерийского училища представляла единственную артиллерию, которая находилась в распоряжении Временного правительства и могла быть направлена против окружавших дворец солдат и рабочих. Но и она не могла принять участие в последующем бою. Комиссаром Временного правительства при училище состоял некий анархист, убеждений которого правительство не знало. После обеда 25 октября, часа в четыре, когда уже начало смеркаться и когда Дворцовая площадь и Зимний дворец были уже оцеплены Павловским и Кексгольмским полками, комиссар батареи, видя, что недалек момент,

когда батарея может начать стрельбу по рабочим и солдатам, скомандовал, действуя именем Временного правительства: «На позицию!» — и нарочно в колонне поорудийно повел батарею через арку Главного штаба налево, в сторону Мойки, как будто для принятия боя. А здесь уже стояла цепь наших солдат. Батарея была без какого-либо прикрытия и, естественно, сопротивляться не была в состоянии, особенно стоя конями вперед. Она сдавалась. Весь личный состав был тут же на Невском разоружен и отправлен на Выборгскую сторону в училище, где комиссаром уже состоял назначенный от Ревкома тов. Занько. Этот совершенно неожиданный случай воодушевил осаждающих: все знали, что у осажденного правительства нет ни одного оружия.

Лев Троцкий

Во второй половине дня прибывает батальон юнкеров Инженерной школы, успевший потерять полуроту по дороге. Представившаяся на месте картина никак не могла поднять боевую готовность юнкеров, которой, по свидетельству Станкевича, не хватало уже и ранее. Во дворце обнаружился недостаток продовольствия: не позаботились вовремя даже об этом. Грузовик с хлебом оказался перехвачен патрулями Комитета. Часть юнкеров несла караулы, остальные томились бездеятельностью, неизвестностью, голодом. Руководства не чувствовалось вовсе. На площади перед дворцом и на набережной стали появляться кучки мирных на вид прохожих, которые на ходу вырывали у постовых юнкеров винтовки, угрожая револьверами.

Среди юнкеров обнаружили «агитаторы». Проникли ли они извне? Нет, это пока еще, очевидно, внутренние смутьяны. Им удалось вызвать брожение среди ораниенбаумцев и петергофцев. Комитеты школ устроили в Белом зале совещание и потребовали представителя правительства для объяснений. Прибыли все министры во главе с Коноваловым. Препирательства длились целый час. Коновалова перебивали, и он замолчал. Министр земледелия Маслов выступал в качестве старого революционера. Кишкин объяснял юнкерам, что правительство решило держаться до последней возможности. Один из юнкеров пытался было, по свидетельству Станкевича, выразить готовность умереть за правительство, но «явный холод остальных товарищей сдержал

порыв». Речи других министров вызывали уже прямое раздражение; юнкера прерывали их, кричали и даже будто бы свистали. Белая кость объясняла поведение большинства юнкеров их низким социальным происхождением: «все это — от сохи, полуграмотное, невежественное зверье... быдло».

Митинг в осажденном дворце закончился все же примирительно: юнкера согласились остаться после того, как им было обещано активное руководство и правильное освещение событий.

Джон Рид

Мы пошли по Адмиралтейскому проспекту к Зимнему дворцу. Все выходы на Дворцовую площадь охранялись часовыми, а западный край площади был загражден вооруженным кордоном, на который напирала огромная толпа. Все соблюдали спокойствие, кроме нескольких солдат, выносивших из ворот дворца дрова и складывавших их против главного входа.

Мы никак не могли добиться, чьи тут были часовые — правительственные или советские. Наши удостоверения из Смольного не произвели на них никакого впечатления. Тогда мы зашли с другой стороны и, показав свои американские паспорта, важно заявили: «По официальному делу!», и проскользнули внутрь. В подъезде дворца от нас вежливо приняли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей. У двери кабинета Керенского похаживал, кусая усы, молодой офицер. Мы спросили его, можно ли нам будет проинтервьюировать министра-председателя. Он поклонился и щелкнул шпорами.

«К сожалению, нельзя, — ответил он по-французски. — Александр Федорович крайне занят... — Он взглянул на нас. — Собственно, его здесь нет...»

«Где же он?»

«Поехал на фронт. И, знаете, ему не хватило gasoline для автомобиля. Пришлось занять в английском госпитале».

«А министры здесь?»

«Да, они заседают в какой-то комнате, не знаю точно».

«Что же, придут большевики?»

«Конечно! Несомненно, придут! Я каждую минуту жду телефонного звонка с сообщением, что они идут. Но мы готовы! Дворец охраняется юнкерами. Они вон за той дверью».

Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно стащенную из дворцовых погребов. Все с изумлением глядели на нас, а мы проходили комнату за комнатой, пока не добрались до анфилады парадных покоев, высокие, но грязные окна которых выходили на площадь. На стенах висели огромные полотна в тяжелых золотых рамах — все исторические и батальные сюжеты: «12 октября 1812 г.», «6 ноября 1842 г.», «16/28 августа 1813 г.». У одной из таких картин был прорван весь правый верхний угол.

Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад. На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах.

Мы разглядывали картины, когда на меня вдруг пахнуло слева запахом спирта, и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: «По тому, как вы разглядываете картины, я вижу, что вы иностранцы...». Перед нами был невысокий, одутловатый человек. Когда он приподнял фуражку, мы увидели лысину.

«Американцы? Очень рад!.. Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам...» Казалось, он не видел решительно ничего странного в том, что четверо иностранцев, в том числе одна женщина, расхаживают по месту расположения отряда, ожидающего атаки. Он начал жаловаться на положение дел в России.

«Дело не только в большевиках, — говорил он. — Беда в том, что пропали благородные традиции русской армии. Взгляните кругом: вот это все юнкера, будущие офицеры... Но разве это джентльмены? Керенский открыл военные училища для всех желающих, для каждого солдата, который может выдержать экзамен. Понятно, здесь много, очень много таких, которые заражены революционным духом...»

И вдруг без всякой последовательности заговорил о другом. «Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию... Не будете ли вы добры помочь мне в этом деле у вашего консула? Я дам вам свой адрес».

Несмотря на наши протесты, он написал несколько слов на клочке бумаги и, кажется, сразу почувствовал себя гораздо веселее. Его записка сохранилась у меня: «2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков. Старый Петергоф».

«Сегодня утром у нас был смотр, — продолжал он, водя нас по комнатам и давая разъяснения. — Женский батальон постановил остаться верным правительству».

«Значит, во дворце есть солдаты-женщины?»

«Да, они в задних комнатах. Если что-нибудь случится, они там будут в безопасности». Он вздохнул. «Какая тяжелая ответственность!»

Мы немного постояли у окна, глядя на Дворцовую площадь, где выстроились три роты юнкеров в длинных серых шинелях. Ими командовал высокий, по виду очень энергичный офицер, в котором я узнал главного военного комиссара Временного правительства Станкевича. Через несколько минут две из этих трех рот с резким стуком взяли на плечо, и их колыхающиеся ряды, печатая шаг, пересекли площадь, прошли под красной аркой и скрылись, уходя по направлению к молчаливому городу.

«Пошли брать телефонную станцию!» — сказал чей-то голос. Около нас стояло трое юнкеров. Мы разговорились с ними. Они сказали нам, что они из солдат, и назвали свои имена: Роберт Олев, Алексей Василенко и эстонец Эрни Сакс. Теперь они уже не хотели быть офицерами, потому что офицерство было крайне непопулярно. По-видимому, они попросту не знали, что им делать. Было ясно, что им очень не по себе.

Но скоро они принялись хвастать: «Пусть большевики только

сунутся, мы им покажем, как драться! Они не посмеют напасть на нас, они все трусы... Но если они и задавят нас, ну что ж, каждый оставит последнюю пулю для себя...».

В этот момент где-то неподалеку началась перестрелка. Все люди, какие были на площади, бросились врассыпную. Многие ложились на землю ничком. Извозчики, стоявшие на углах, поскакали во все стороны. Поднялась страшная суматоха. Солдаты бегали взад и вперед, хватались за ружья и кричали: «Идут! Идут!» Но через несколько минут все снова успокоилось. Извозчики вернулись на свои места, люди, лежавшие на земле, встали на ноги. Под красной аркой появились юнкера.

Они шли не совсем в ногу, и одного из них поддерживали под руки двое товарищей.

Лев Троцкий

Несмотря на недовольство красногвардейцев и солдат, руководители решили отложить штурм до сосредоточения резервов; ждали, главным образом, прибытия моряков из Кронштадта...

Иван Флеровский

Идем по узкому каналу, в кильватере «Ястреб» и другие суда. Невольно думаешь: а что, если правительство предусмотрительно заложило пару мин и расставило десятки пулеметов за прикрытиями на берегу — так это просто и так легко разгромить наше предприятие. Но правительству не до того. Вот и Нева. Фабричные трубы, суда — все спокойно, без признаков грядущей социальной и боевой угрозы.

Мы решаем вопрос, где встать для высадки десанта. Вдруг слышим ликующее могучее «ура». Выскакиваем на палубу. Посреди Невы развернулся наш крейсер «Аврора». Гремят приветственные клики, радость, оживление ключом забили на палубе. «Какая жалость, что мы забыли оркестр!» — «Ничего, скоро будет другая музыка!»

«Амур» стал невдалеке от «Авроры», ближе к Николаевскому мосту. Через несколько минут на палубу поднялся Антонов-Овсеенко, член руководящей тройки Военно-революционного комитета. Наскоро сообщает новости и передает распоряжение Военно-революционного комитета.

Лев Троцкий

Антонов говорит прибывшим краткое приветствие: «Вот Зимний дворец... его надо взять». В кронштадтском отряде сами собой отобрались наиболее решительные и смелые. Эти матросы в черных бушлатах, с винтовками и патронными сумками, пойдут до конца.

Из действующего Балтийского флота прибывают тем временем пять боевых судов: крейсер, два больших миноносца, два малых. «Как ни были мы уверены в победе наличными силами, — пишет Флеровский, — но подарок действующего флота вызвал у всех чувство огромного подъема».

Вскоре после 6-ти Зимний был наконец плотно обложен войсками Военно-революционного комитета: прохода больше не было не только для подкреплений, но и для отдельных лиц.

С прилегающих улиц и набережных многие заметили, как дворец, только что игравший сотнями электрических лампочек, сразу потонул в сумраке. Среди наблюдателей были и друзья правительства. Один из сподвижников Керенского, Редемейстер, записал: «Темнота, в которую был погружен Зимний дворец, грозила какой-то загадкой».

Джон Рид

Было уже совсем темно, только на углу Невского мигал уличный фонарь. Под ним стоял большой броневик. Его мотор был заведен и выбрасывал струю бензинового дыма. Рядом стоял какой-то мальчишка и заглядывал в дуло пулемета. Кругом толпились солдаты и матросы; они, видимо, чего-то ждали. Мы пошли к арке генерального штаба. Кучка солдат смотрела на ярко освещенный Зимний дворец и громко переговаривалась.

«Нет, товарищи, — говорил один из них. — Как мы можем стрелять в них? Ведь там женский батальон! Скажут, что мы расстреливаем русских женщин...»

Когда мы вышли на Невский, из-за угла выкатил еще один бронированный автомобиль. Из его башенки высунулась голова какого-то человека.

«Вперед! — прокричал он. — Пробьемся — и в атаку!»

Подошел шофер другого броневика и закричал, покрывая треск машины: «Комитет велел ждать! У них за штабелями дров спрятана артиллерия!..»

Здесь трамваи не ходили, прохожие были редки, а света не было вовсе. Но, пройдя всего несколько домов, можно было снова видеть трамвай, толпы людей, ярко освещенные витрины и электрические вывески кинематографов. Жизнь шла своим чередом. У нас были билеты в Мариинский театр, на балет (все театры были открыты). Но на улице было слишком интересно.

Мы наткнулись в темноте на штабели дров, заграждавшие Полицейский мост, а у Строгановского дворца мы видели, как несколько солдат устанавливали трехдюймовки. Другие солдаты, одетые в формы различных частей, бесцельно слонялись туда и сюда, ведя между собой бесконечные разговоры...

На Невский, казалось, высыпал весь город. На каждом углу стояли огромные толпы, окружавшие яростных спорщиков. Пикеты по двенадцати солдат с винтовками и примкнутыми штыками дежурили на перекрестках, а краснолицые старики в богатых меховых шубах показывали им кулаки, изящно одетые женщины осыпали их бранью. Солдаты отвечали очень неохотно и смущенно улыбаясь. По улице разъезжали броневики, на которых еще были видны старые названия: «Олег», «Рюрик», «Святослав» — все имена древнерусских князей. Но поверх старых надписей уже краснели огромные буквы «РСДРП» («Российская социал-демократическая рабочая партия»).

Альберт Рис Вильямс

На каждом перекрестке беспечно стояли по несколько солдат и красногвардейцев, держа наготове штыки. Казалось, что многие из гулявших людей принадлежали к исчезающему сословию. Пожилая женщина, укрытая от холодного ветра короткой собольей накидкой с капюшоном, погрозила пальцем молодому гвардейцу. Вроде бы она ругала его. Я перехватил слова: «день позора». Он усмехнулся ей в ответ, на лице у него было смешанное выражение наглости и терпимости. Пусть буржуи что-то там бормочут, протестуют: сегодня его ночь, его звезда вознеслась.

— Сегодня весь город высыпал на улицы, все, кроме проституток, — заметил Рид.

Да, их нигде не было видно, хотя было поздно; как мухи, предчувствующие надвигающуюся грозу, они скрылись, хотя обычно занимались своим ремеслом на Невском.

Джон Рид

На Михайловском проспекте появился газетчик. Толпа бешено набросилась на него, предлагая по рублю, по 5, по 10 рублей за номер, вырывая друг у друга газеты. То был «Рабочий и Солдат», возвещавший победу пролетарской революции и освобождение арестованных большевиков, призывавший фронтовые и тыловые армейские части к поддержке восстания... В этом лихорадочном номере было всего четыре страницы, напечатанные огромным шрифтом. Новостей не было никаких.

Альберт Рис Вильямс

Какие признаки насилия мы видели, прогуливаясь по Невскому? Я вспомнил, как какой-то солдат сорвал погоны с плеча офицера в форме, однако самого офицера отпустил. Еще другое «насилие», свидетелем которого я стал, — было совершено молодой девицей в бесформенном жакете. Впереди нас, семеня на высоких каблуках, шла почтенная дама средних лет в меховой шубе, которую она небрежно придерживала, застенчиво глядя на своего спутника. Вдруг молодая ведьма стрелой бросилась к ней.

— Ты, кажется, слишком долго носила это! А теперь возьму я, — проговорила она и, стянув с женщины мех, скрылась в толпе.

Джон Рид

На углу Садовой собралось около двух тысяч граждан. Толпа глядела на крышу высокого дома, где то гасла, то разгоралась маленькая красная искорка.

«Гляди, — говорил высокий крестьянин, указывая на нее, — там провокатор, сейчас он будет стрелять в народ...» По-видимому, никто не хотел пойти узнать, в чем там дело.

Лев Троцкий

Укрываясь за штабелями дров, юнкера напряженно следили за цепями на Дворцовой площади, встречая каждое движение врага ружейным и пулеметным огнем. Им отвечали тем же. Стрельба к ночи становилась все горячее. Появились первые убитые и раненые. Жертвы исчислялись, однако, единицами. На площади, на набережной, на Миллионной осаждающие приспо-

соблались к местности, прятались за выступами зданий, укрывались во впадинах, прилипали к стенам. В резервах солдаты и красногвардейцы грелись вокруг костров, задымившихся с наступлением темноты, и поругивали руководителей за медлительность.

Со стороны Миллионной большевики получили доступ во дворец для разложения противника. Все чаще стали попадаться в коридорах таинственные фигуры, бок о бок с юнкерами. Сопrotивляться бесполезно, восставшие овладели городом и вокзалами, никаких подкреплений нет, во дворце просто «по инерции продолжают лгaньe». Что делать дальше? — спрашивали юнкера. Правительство отказывалось давать прямые приказания: сами министры остаются при старом решении, остальные — как знают. Это означало объявить для желающих свободный выход из дворца. В поведении правительства не осталось ни мысли, ни воли. Министры пассивно дожидались своей участи. Малянтович рассказывал впоследствии: «В огромной мышеловке бродили, изредка сходясь все вместе или отдельными группами, на короткие беседы, обреченные люди, одинокие, всеми оставленные... Вокруг нас была пустота, внутри нас — пустота. И в ней вырастала бездумная решимость равнодушного безразличия».

Николай Суханов

Как же рассуждали министры в течение долгих, долгих часов рокового дня? Ведь тысяча человек казаков, юнкеров и ударниц со своими пушками были готовы во всяком случае учинить огромное кровопролитие — раньше, чем разбежаться. Надо было дать им определенный приказ...

Начальник охраны дворца Пальчинский дал им приказ стойко защищаться. Но юнкера желали поговорить с самим правительством. Около семи часов вечера они пришли и спросили: что прикажете делать? Отбиваться? Мы готовы до последнего человека. Уйти домой? Если прикажете, мы уйдем. Прикажете, вы — правительство.

И министры сказали: так и так, мы не знаем, мы не можем приказать ни того, ни другого. Решите сами — защищать нас или предоставить нас собственной участи. «Мы не лично себя защищаем, мы защищаем права всего народа и уступим только

насилию... А вы за себя решите: связывать или не связывать вам с нами свою судьбу».

Так сказало правительство. Оно уже с утра делало все самое худшее, самое недостойное и нелепое из возможного. И сейчас, отдавая последний приказ около семи часов вечера, избрало самое худшее, нелепое и преступное... Министры не понимали того, что сейчас же поняли юнкера: не отдавая никакого приказа, отсылая к личной совести, к частному усмотрению юнкеров, министры перестали быть правительством. Так, как говорили они со своей армией, не может говорить никакая власть. Так могут говорить только частные люди.

Юнкера пошли обсуждать странные и непонятные министерские речи. Их молодым солдатским головам предстояло решить основную проблему политики в труднейший момент. Эту миссию возложило на них сбежавшее от своих обязанностей правительство...

Но пока юнкера совещались, из Главного штаба снова пришел Кишкин. Он получил ультиматум от Военно-революционного комитета и приглашал министров обсудить его. Военно-революционный комитет давал Временному правительству 20 минут срока для сдачи. После этого будет открыт огонь с «Авроры» и из Петропавловской крепости. Однако с момента получения ультиматума прошло более получаса... Министры быстро решили совсем не отвечать на ультиматум. Может быть, это пустая словесная угроза. Может быть, у большевиков нет сил и они прибегают к хитрости... Решили не сдаваться. Отпустили парламентаря с заявлением, что никакого ответа не будет.

А сами в ожидании обстрела перешли в другое помещение. Малахитовый зал, который смотрит на Неву недалеко от угла, ближайшего к Николаевскому мосту, был как раз под обстрелом и «Авроры», и Петропавловки. В огромном дворце было сколько угодно гораздо более удобных помещений, где министров можно было бы искать и не находить две недели... Перешли в комнату, которую Малянтович, по слухам, называет кабинетом Николая II.

Лев Троцкий

По тайному соглашению с группой юнкеров Ораниенбаумской школы неукротимый Чудновский проникает во дворец для пере-

говоров: этот противник восстания никогда не упускает случая броситься в огонь. Пальчинский подвергает смельчака аресту.

Григорий Чудновский

Он стоял на темном дворе среди толпы юнкеров и повторял им то, что за десять минут до этого говорил защитникам Зимнего дворца во 2-м и 3-м этаже. Он уверял юнкеров, что на стороне большевиков ничтожная кучка солдат в различных частях войск, что ни одна из них целиком не восстала против Временного правительства и что они, юнкера, обязаны исполнять свой долг до конца. На его вопрос: «Исполните ли вы этот долг?» — лишь отдельные голоса отвечали: «Исполним». И тут же посыпались недоуменные и возмущенные вопросы о причинах малочисленности гарнизона дворца. «Где же Владимирское, где же Павловское училища?» — и Пальчинский лгал в ответ, уверяя, что в Зимнем дворце (где более 1000 комнат) недостаточно места (!), чтобы вместить всех преданных Временному правительству защитников Кишкина и Терещенко.

Увидев меня, Пальчинский замахал руками: «Арестовать, арестовать!» — и своей грубостью заставил меня обратить его внимание на необходимость быть вежливей и приличней даже с арестованными. Это не помешало Пальчинскому три часа спустя, когда я был принужден арестовать его, почему-то неизменно называть меня «товарищем Чудновским».

Под стражей в одном из коридоров дворца я был сейчас же окружен толпой юнкеров, которые явно выражали свое недоверие к сведениям Пальчинского, справлялись о действительном положении вещей, выражали свое нежелание оставаться в качестве пушечного мяса в Зимнем дворце и уходили совещаться со своими товарищами. Увлекаемый толпой юнкеров, я подошел к залу заседания Временного правительства, от которого введенная в негодную сделку и обманутая молодежь хотела потребовать отчета. Шествие было остановлено тем же Пальчинским. Ненадежный ораниенбаумский караул был заменен другим, а с бунтующими Пальчинский вступил в переговоры. Юнкера потребовали немедленного моего освобождения, ибо, по их словам, моим задержанием наносился ущерб их честному слову. Они потребовали, во-вторых, чтобы их немедленно вы-

пустили из дворца, так как они не желают участвовать в безнадежной игре, в кровопролитии.

Пальчинский долго пытался образумить мятежных защитников «законного порядка вещей». Но стук прикладов о паркет был внушительен, и лица юнкеров не предвещали ничего доброго. «Хорошо, я освобожу его», — говорил Пальчинский. Но юнкера не сдавались: «Он должен уйти во главе нашей школы». Пальчинский подошел ко мне и сказал: «Вы свободны и можете идти». Но я не мог доверять ему и ответил: «В вашу честь я не верю. Вы арестовали меня, несмотря на честное слово, данное мне юнкером и офицером. Теперь вы прикажете всадить мне пулю в спину из-за угла. Без конвоя юнкеров я не уйду». Прапорщик Миллер, офицер ударного батальона, со смертными нашивками на рукавах, внушивший мне доверие своим открытым взглядом, предложил мне вывести меня на улицу. У меня не было времени ждать, пока соберутся юнкера-ораниенбаумцы. Я попрощался с ними и дал им и юнкерам других школ, бывшим тут же, слово, что все те из осажденных, которые уйдут из дворца до занятия его нами, получают немедленный свободный пропуск и конвой для отправки на станцию и домой.

Я был выведен прапорщиком Миллером из дворца через баррикаду, с которой солдаты неизвестной мне части вели энергичную перестрелку с нашими солдатами и матросами и красногвардейцами, занимавшими прилегающие площади и улицы. Я перешел площадь и очутился в среде друзей. Час спустя Зимний дворец покинули юнкера школы Северного фронта, ораниенбаумцы, михайловцы, ученики инженерного училища и казаки, как кажется, 14-го полка, всего всех вместе около тысячи человек.

Лев Троцкий

Неожиданное появление юнкеров на площади приводит цепи в замешательство. Зато нет конца радостным кликам, когда осаждающие узнают, что это — сдавшиеся. Однако сдавшихся лишь маленькое меньшинство. Остальные по-прежнему отбиваются из-за своих прикрытий. Стрельба наступающих сгустилась. Яркий электрический свет во дворе открывает юнкеров для прицела. С трудом удастся им потушить фонари. Кто-то невидимый снова включает свет. Юнкера стреляют по фонарям, затем находят монтера и заставляют выключить ток.

Ударницы неожиданно объявляют о своем намерении совершить вылазку. В Главном штабе, по их сведениям, писаря перешли на сторону Ленина и, обезоружив часть офицеров, арестовали генерала Алексеева, единственного человека, который может спасти Россию: его надо отбить во что бы то ни стало. Комендант не в силах удержать их от внушенного истерией предприятия. В момент вылазки вдруг снова вспыхивает свет в высоких электрических фонарях по бокам ворот. Чтобы найти монтера, офицер бешено набрасывается на служителей: в бывших царских лакеях он видит агентов революции. Еще меньше он доверяет дворцовому монтеру: «Я тебя бы уже отправил на тот свет, если бы не нужда в тебе». Несмотря на угрозы револьвером, монтер бессилён помочь: его доска выключена, электрическую станцию заняли матросы, они распоряжаются светом. Ударницы не выдерживают огня и большей частью сдаются. Комендант обороны посылает поручика доложить правительству, что вылазка ударниц «привела к их гибели» и что дворец кишит агитаторами. Неудача вылазки создает передышку, примерно с 10 до 11. Осаждающие заняты подготовкой артиллерийского обстрела.

Николай Суханов

Атаковать дворец, чтобы захватить правительство, можно было также с разных сторон. Но больше всего шансов было подвергнуться штурму со стороны двора, смотрящего чугунными воротами на Дворцовую площадь. Эта огромная площадь, как и набережная, как и площадь Адмиралтейства, были наполнены толпой.

Из темноты слышались одиночные ружейные выстрелы. Они становились чаще. Но никакой попытки штурма все еще не было...

Кишкин около восьми часов собрался снова идти в штаб. Но сообщили новость: штаб, то есть соседний дом на Дворцовой площади, занят неприятелем. Штаб до сих пор не охранялся ни единой душой. Кто и что там делал целый день, неизвестно. В Смольном тоже не знали этого. Может быть, о положении дел в штабе доложил парламентар, приносивший ультиматум. Тогда пришли 5–10 большевиков и заняли Главный штаб Республики... начальник всех вооруженных сил столицы доктор Кишкин остался в Зимнем.

Однако почему же не выполняется ультиматум? Почему не стреляет Петропавловка?.. Ультиматум еще с утра написал Антонов, и он же сейчас лично хлопотал в крепости о том, чтобы немедленно начать обещанный обстрел Зимнего. Но в самый критический момент военные люди Петропавловки ему докладывают, что стрелять никак нельзя. Причин много: снаряды не подходят к пушкам, нет какого-то масла, нет каких-то панорам. В ответ на возражения одна причина сменяет другую. Ясно, что ни одна не действительна. Все — фиктивны. Просто артиллеристы не хотят стрелять... Митинг — это одно, а активные действия — другое. Ни убеждения, ни настроения нет налицо.

Однако как же быть? Ведь отсюда могут произойти большие неприятности. Было с утра условлено, что по сигналу Петропавловки начнет стрелять холостыми «Аврора». Антонов дал приказ выпалить из сигнальной пушки (по которой петербуржцы ежедневно в полдень проверяют свои часы). Но сейчас не полдень, и сигнальная пушка не стреляет. Около нее суетятся, возятся... Не стреляет!

Прошел час-полтора после крайнего срока ультиматума. Антонов зачем-то скачет на автомобиле к Зимнему и попадает в Главный штаб. Вокруг дворца учащаются выстрелы. Но молчат и Петропавловка, и «Аврора».

Алексей Дорогов

С ультиматумом отправились я и тов. Павлов; тов. Павлов остался на середине площади, между Штабом округа и дворцом, чтобы обоим не гибнуть, — настроение было такое: живыми от юнкеров не вернемся, и в случае если одного расстреляют, другой может сообщить в крепость.

Подходя к баррикадам, пленникам березовых дров, которыми был окружен Зимний дворец с площади, я услышал за баррикадами гул голосов. Раздался оклик: «Стой! Кто идет?» Несколько солдат направили на меня винтовки с баррикад. Я ответил: «Иду от Революционного комитета парламентаром к Временному правительству с пакетом, и пакет нужно передать лично». Солдаты стали звать офицера; подошел офицер и предложил передать пакет ему. Я ответил, что по поручению Военно-революционного комитета пакет должен передать лично Временному правитель-

ству и сейчас же должен получить ответ. Он грубо ответил: «Давай и не разговаривай, иначе будешь расстрелян!» Я заявил ему, что в этом не сомневаюсь, а пакет передать ему не могу. Он тогда понизил голос и сказал: «Пакет я передам Временному правительству сейчас, а ты отбегай, а за ответом позовем через десять минут». Мне ничего не оставалось делать, как отдать, а в голове мелькнуло: «Сейчас, подлецы, в спину расстреляют». Отдав пакет, я отошел от баррикад и подошел к Павлову. Минут десять поговорили, за ответом не зовут, я решил обратно вернуться к Зимнему за ответом. Только что отошел от Павлова, как стали звать, чтобы я шел за ответом. Я не дошел двух шагов до баррикад, как со стороны Морской началась стрельба. Со всех концов Зимнего на стрельбу ответили из пулеметов и винтовок, из-за баррикад правительственными войсками был дан ружейный залп по Штабу округа, и вышла цепь. Я сразу лег у баррикад. У красногвардейцев, стоявших возле Штаба округа, произошло замешательство: некоторые бросились в подъезд, часть столпилась у подъездов, часть разбежалась за угол, и на огонь из Зимнего от Штаба округа ответили беспорядочной стрельбой.

Под свист пуль с двух сторон я шагов на двадцать отполз и кружным путем побежал в крепость сообщить, что началось наступление на Зимний и необходимо открыть огонь.

Георгий Благонравов

Где-то вдалеке шлепают по грязи ноги бегущего человека, ближе и ближе. Вот слышно, как он споткнулся и упал, раздается громкое ругательство и веселый возглас: «Товарищ Благонравов, где вы?» Радостью дышит этот голос. Дурманящая весть: «Зимний сдался, и наши там». Что-то большое ударяет мне в голову; кажется, почва уходит из-под ног; бессонные ночи тут тоже сказались. Антонов слегка поддерживает меня и крепко сжимает мне руку. Идем в гарнизонный клуб. Товарищ, посланный давеча с ультиматумом, уже возвратился и сообщил, что поручение им выполнено. Выстрелы, однако, не прекращаются, но я успокаиваю себя мыслью, что это отстреливаются отдельные юнкера. В дежурной комнате ко мне обратились двое матросов, предъявившие мне записку за подписью Лашевича о том, что они — артиллеристы и посылаются в мое распоряжение.

Лев Троцкий

Лашевич прислал в крепость двух моряков-артиллеристов. Правда, они не слишком опытные, но зато это большевики, готовые стрелять из ржавых орудий, без масла в компрессорах. Только это от них и требуется: звук артиллерии сейчас важнее меткости удара.

Георгий Благонравов

«Теперь уж поздно, товарищи, — говорю им: — Вот если бы вы пришли часа на два пораньше, так очень быгодились».

Решаю поехать лично во взятый дворец. Снаружи почти тихо, лишь изредка звучит одинокий выстрел и огненная вспышка режет темноту ночи. Выхожу за крепостные ворота. На мостике отчаянно тарыхтит чей-то автомобиль, ослепивший меня светом своих прожекторов. Подхожу ближе, узнаю товарищей Подвойского и Еремеева: они объезжали действующие части и заехали в крепость, чтобы узнать о положении. Сообщаю им весть о взятии Зимнего. Решаемся ехать вместе к Зимнему. Сажусь в машину; быстро летим через Троицкий мост, Марсово поле, по Миллионной улице к дворцу. По обеим сторонам на тротуарах разбросаны солдаты Павловского полка, а ближе к мостику через Зимнюю канавку мы наезжаем на правильно раскинутую цепь. Нас окликают и задерживают. Объясняем, кто мы. Передаем весть о взятии Зимнего. Известие встречается с большим недоверием, голос из цепи авторитетно заявляет: «Какой там сдались, недавно оттуда нас здорово шпарили, опасно туда ехать». Но мы остаемся при своем мнении: решаем, что Зимний взят частями, действующими со стороны Невского, что цепь просто не осведомлена, а стрельба, о которой говорил товарищ, относилась к периоду более раннему.

Катим дальше. Вслед нам несутся предостережения товарищей быть осторожнее. Шофер замедляет ход. Кругом тишина. Вот автомобиль почти подходит к арке Эрмитажа, и в этот же момент раздаются громкие «ура», рой пуль со свистом летит над автомобилем, а несколько пулеметов со стороны дворца начинают отчаянно стрелять. Наш шофер, будучи человеком смелым и увидя, что дело принимает опасный оборот, моментально останавливает машину и дает задний ход. Я и Подвойский опуска-

емя на дно машины, чтобы не быть слишком большой мишенью для пуль, а Еремеев, сидевший вместе с шофером, выпрыгивает на мостовую и растягивается там по всем правилам воинского устава. Через мгновение мы пролетаем мостик через Зимнюю канавку, я уже минует опасность, так как за мостиком почва значительно понижается и пули не могут нас поразить.

Благополучное окончание происшествия главным образом объясняется тем, что юнкера слабо приспособились к продольному обстрелу Миллионной улицы, сильно нервничали, а главное потому, что шофер оказался человеком с громадным самообладанием. Павловцы, встревоженные сильным огнем, тарактением пулеметов, шумом машины и криками «ура», которые неслись со стороны дворца, подумали, что против них перешли в атаку, и открыли беглый и беспорядочный огонь в сторону дворца вдоль Миллионной, причем в некоторых группах их произошло замешательство и они начали отходить к Марсову полю. Наше положение было весьма незавидное: мы попали под обстрел своих. Пришлось остановить автомобиль и обратиться с речью к павловцам. Заминка была быстро ликвидирована. Как потом оказалось, сообщение о взятии Зимнего было ложно, был взят только штаб, помещающийся на Дворцовой площади против дворца. Нами было решено немедленно открыть интенсивный огонь из крепости.

Николай Суханов

Министры ждали... Загасили верхний свет. Только на столе горела лампа, загороженная от окна газетой. Кто сидит, кто полужелит в креслах, кто лежит на диване. Короткие, негромкие фразы коротких бесед...

Шел девятый час. Вдруг раздался пушечный выстрел, за ним другой... Кто стреляет? Это охрана министров по напирющей толпе.

— Вероятно, в воздух, для острастки, — компетентно разъяснил адмирал Вердеревский.

Опять говорили по телефону, который — не в пример штабу и Мариинскому дворцу — до конца не был выключен. Говорили с городской думой, соединялись с окрестностями. Откуда-то сообщили, что к утру придут казаки и самокатчики. Что ж, может быть, до утра продержатся! Вот только не дали приказа защищаться...

Константин Еремеев

Роты павловцев и отряды красногвардейцев были выведены и, согласно данным им указаниям, начали окружение района Зимнего дворца от набережной Невы по Мойке и Морской улице.

В то же время рабочие, матросы и другие полки охватывали район от набережной площади Сената к Александровскому саду и Морской улице. Кольцо замкнулось. Вскоре на площади началась перестрелка — это, в ответ на предложение сдаться, ударницы открыли пулеметный и ружейный огонь.

К Павловскому полку приехал тов. Подвойский и пожелал обойти фронт. Мы обошли по набережной Мойки и вышли на Морскую улицу под арку Главного штаба. На площади шла усиленная стрельба. Пулеметы щелкали от Зимнего дворца во всю мочь, ружейная стрельба раздавалась переливами. Пули постукивали в стены и окна зданий.

— Ишь, не дают подойти. Как жарят! Разрешите их хоть разок пнуть из орудия, — говорили солдаты, бывшие около нас.

Тов. Подвойский не возражал, и я вызвал сюда с моста одно орудие. Мы целой толпой вышли на площадь, чтоб выбрать место, с которого было бы удобнее послать снаряд в ворота дворца. Однако тут так свистели пули, что установить орудие было трудно. Пришлось орудие поставить под аркой, где артиллеристы были в большей безопасности. Но здесь имелось неудобство для прицела в виде Александровской колонны и фонарей около нее.

Пока устанавливали орудие, слышались орудийные выстрелы со стороны Невы. Это стреляли с верхов Петропавловской крепости и с крейсера «Аврора» холостыми предупредительными выстрелами. Раздался и наш выстрел. Все были осыпаны осколками стекол из окон арки и прилегающих зданий. Прицел был взят несколько высоко, и снаряд попал немного ниже карниза вправо от ворот. Впоследствии выяснилось, что он пролетел на вторую половину дворца, где и был поднят стакан от снаряда.

Орудие было отправлено на место, так как оно уже не могло пригодиться. К дворцу с двух сторон тесно надвинулись наши отряды.

Иван Флеровский

Уже было темно, когда нам сообщили, что ультиматум правительством отклонен. На «Аврору» был отдан приказ приготовить

условленный выстрел. Стали ждать сигнала крепости. Набережные Невы усыпала глазающая публика. Очевидно, в голове питерского обывателя смысл событий не вмещался, опасность не представлялась, а зрелищная сторона была привлекательна. Зато эффект вышел поразительный, когда после сигнального выстрела крепости громыхнула «Аврора». Грохот и сноп пламени при холостом выстреле куда значительнее, чем при боевом, — любопытные шарахнулись от гранитного парапета набережной, попадали, поползли. Наши матросы изрядно хохотали над комической картиной.

Николай Суханов

Вдруг раздался пушечный выстрел — совсем иного тембра. Это — «Аврора». Минут через 20 вошел Пальчинский и принес осколок снаряда, попавшего во дворец. Вердеревский компетентно разъяснил: с «Авроры». И положили осколок на стол в виде пепельницы.

— Это для наших преемников, — сказал кто-то из обреченных, но не сдающихся людей.

Снова вошел Пальчинский и сообщил: казаки ушли из дворца, заявив, что им тут нечего делать. По крайней мере, они не знают и не понимают, что им делать тут... Ну что ж, ушли так ушли! В полутемной комнате, где сидели министры, ничто не изменилось. Шел десятый час. Какие-то ружейные выстрелы слышались все чаще.

Освальд Дзенис

Приблизительно в седьмом часу, когда во дворце уже были представители Ревкома, тт. Дашкевич и Чудновский, мы получили через вышедшего казака-парламентера сообщение, что казачьи роты не хотят более продолжать оставаться во дворце, что они сознают, что введены туда обманом, и хотят уйти, но просят не позорить их и выпустить с оружием. Мы колебались, не доверяя вполне уверениям парламента; мы сомневались, не хотят ли нам устроить обход с тыла. Решили все-таки выпустить. Казаки выходили по набережной. В ближайшем переулке был спрятан броневик, который, лишь только ряды казаков прошли мимо, был направлен вслед за ними до самых казарм казачьего

полка, находившихся недалеко от казарм павловцев. Когда казаки уходили из дворца, осаждающие кричали женскому батальону, предлагая сдаваться, но оттуда в ответ раздался крик: «Умрем, но не сдадимся».

Лев Троцкий

Зимний все еще держится. Надо кончать! Приказание отдано. Огонь открыт, не частый, и еще менее действенный. Из 35 выстрелов, выпущенных в течение полутора-двух часов, попаданий было всего два, да и то пострадала лишь штукатурка; остальные снаряды прошли поверху, не причинив, к счастью, в городе никакого вреда. Действительно ли причиной неумелость? Ведь стреляли через Неву прямой наводкой по такой внушительной цели, как дворец: это не требует большого искусства. Не правильнее ли предположить, что даже артиллеристы Лашевича давали преднамеренные перелеты в надежде, что дело разрешится без разрушений и смертей? Очень трудно разыскать теперь след мотивов, которыми руководствовались два безымянных матроса. Сами они голоса о себе не подали: растворились ли в необъятной русской деревне или, как многие из октябрьских бойцов, сложили головы в гражданских боях ближайших месяцев и лет?

Вскоре после первых выстрелов Пальчинский принес минометам осколок снаряда. Адмирал Вердеревский признал осколок своим, морским: с «Авроры». Но с крейсера стреляли холостым снарядом. Так было условлено, так свидетельствует Флеровский, так матрос докладывал позже съезду советов. Ошибся ли адмирал? Ошибся ли матрос? Кто проверит пушечный выстрел, пущенный глухой ночью с мятежного корабля по царскому дворцу, где угасало последнее правительство имущих?

Алексей Дорогов

Впоследствии и у обывательщины Петрограда, и у соглашателей было много разговоров о расстреле с «Авроры» мирных жителей, была и вторая версия, исходящая из советских кругов, что с «Авроры» отбили у Зимнего дворца угол. Но то и другое было неверно. В Зимний дворец действительно два раза попали снаряды из Петропавловской крепости: один — в зал заседаний, а второй — в угол Зимнего дворца. «Аврора» при всем желании

не могла отбить угол, не разбив по пути домов, стоящих рядом с Зимним. Помнится, еще не успели для «Авроры» привести вовремя баржу со снарядами из Кронштадта, на «Авроре» не было боевых снарядов, так как она находилась в ремонте; но если допустить, что снаряды доставили, то при всем желании по прямому углу стрелять было невозможно, перекидным же огнем отбить угол довольно трудно, а Петропавловка была почти в упор.

Александр Ильин-Женевский

Я все время держал тесную связь с Военно-революционным комитетом и следил за развертыванием событий и нашего наступления на Зимний дворец. Гренадерский полк не был привлечен к активным операциям. Военно-революционный комитет решил оставить его в резерве, считая, что он и так был достаточно потрепан в июльские дни. Помню, уже начинало темнеть, когда раздался первый пушечный выстрел. Это холостым зарядом выстрелила «Аврора», вошедшая в устье Невы и ставшая напротив Зимнего дворца. Я шел в это время по двору, а впереди меня двигался какой-то солдат. От неожиданности он споткнулся и выругался. «Черт возьми! — проворчал он, — у нас тут своя война». Вслед за пушечным выстрелом раздался треск пулемета. По-видимому, сражение разыгралось вовсю.

Джон Рид

Мы вышли в холодную ночь. Перед Смольным огромное скопление подъезжающих и уезжающих автомобилей. Сквозь их шум были слышны глухие раскаты отдаленной канонады. Огромный грузовик весь трясся от работы мотора. Какие-то люди подавали на него связки печатных листов, а другие принимали и укладывали их, держа под рукой винтовки.

«Куда вы поедете?» — спросил я.

«По всему городу!» — ответил мне, улыбаясь, маленький рабочий. Он широко и восторженно взмахнул рукой.

Мы показали свои удостоверения. «Едемте с нами! — пригласили нас. — Но, возможно, в нас будут стрелять...» Мы вскарабкались на грузовик. С резким скрежетом сдвинулся рычаг сцепления, огромная машина рванулась вперед, и мы все попадали

назад, придавливая людей, еще взбиравшихся на наш грузовик. Промчавшись мимо костров у внутренних и внешних ворот, освещавших красным светом сгрудившихся у огня рабочих с винтовками, машина, подпрыгивая и мотаясь из стороны в сторону, вылетела на Суворовский проспект. Один из наших спутников сорвал обертку с одной связки и принялся пачками разбрасывать в воздух какие-то листки. Мы стали помогать ему. Так неслись мы по темным улицам, оставляя целый хвост разлетающихся белых бумажек. Запоздалые прохожие останавливались и подбирали их. На перекрестках патрули оставляли свои костры и, подняв руки, ловили листки. Иногда навстречу нам выскакивали вооруженные люди. Они вскидывали винтовки и кричали: «Стой!» Но наш шофер кидал несколько непонятных слов, и мы мчались дальше. Я взял одно из воззваний и, пользуясь редкими уличными фонарями, кое-как разобрал:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов».

Мой сосед, косоглазый, монгольского типа человек в кавказской папахе из козьего меха, проговорил: «Смотрите! Провокаторы всегда стреляют из окон!..» Мы завернули на темную и почти пустую Знаменскую площадь, обогнули нелепый памятник работы Трубецкого и вылетели на широкий Невский, причем трое из нас стояли с ружьями наготове, приглядываясь к окнам. Улица была очень оживлена. Толпы народа, пригибаясь, бежали в разные стороны. Пушек мы больше не слышали, и, чем ближе мы подвигались к Зимнему дворцу, тем тише и пустыннее становились улицы. Городская дума сверкала всеми окнами. Дальше виднелась густая масса народа и цепь моря-

ков, которые яростно кричали, требуя, чтобы мы остановились. Машина замедлила ход, и мы соскочили на мостовую.

Николай Суханов

В девятом часу открылось заседание думы.

Правый эсер Наум Быховский выступил с радикальным проектом.

— Дума не может остаться безучастной, когда достойные борцы за народ, покинутые в Зимнем дворце, готовятся к смерти. Вся дума полностью должна сейчас же отправиться в Зимний дворец, чтобы умереть там вместе со своими избранныками!..

В собрании энтузиазм достигает высшей точки. Зал встает и приветствует этот проект бурными рукоплесканиями... Масла в огонь подливает оказавшийся налицо министр Прокопович; со слезами в голосе он выражает свою горечь по поводу того, что он не разделил участь своих товарищей; в час, когда они умирают, надо забыть партийные счета, надо всем пойти защищать их либо умереть с ними.

Кадеты заявляют, что они вместе с другими идут умирать к Зимнему. Городской голова Брянска и гласный саратовской думы просят взять их с собой: они хотят умереть вместе с Временным правительством. О том же просят представитель крестьянского ЦИК, представитель думских журналистов и другие лица. Все эти заявления встречаются овациями.

Большевистская фракция пытается просить думу не выходить на улицу; лучше по телефону убедить министров не доводить дело до кровопролития, а они, большевики, о том же будут говорить со Смольным... Но это вызывает только бурю презрения. Гласные твердо решили, что правительство должно умереть и дума вместе с ним... Только подождите: надо устроить поименное голосование. Сейчас выяснится с полной наглядностью, кто не желает умереть с правительством!

В ответ на вызов имен 62 человека заявили, что они идут умирать! Четырнадцать большевиков заявили, что они идут в Смольный; три меньшевика-интернационалиста заявили, что они никуда не идут и остаются в думе. Министрам позвонили в Зимний: к ним идет дума во главе с Прокоповичем; опознайте друзей по двум фонарям, которые понесет Прокопович, и пропустите думу

во дворец... Гласные в героическом настроении всей толпой двинулись на улицу. Но в вестибюле они встретили свою вторую депутацию, ездившую в Зимний. Ей не удалось подойти ко дворцу. На Дворцовой площади их обстреляли защитники Зимнего. Но теперь предупредили по телефону. Теперь из дворца стрелять по ним не станут. Да наконец раздаются голоса гласных, если не удастся подойти к Зимнему, то можно стать перед орудиями, стреляющими в Зимний, и можно сказать: стреляйте через нас во Временное правительство... Решили идти.

Но тут сообщили, что весь крестьянский ЦИК идет в думу. Тогда решили подождать, а кстати, ведь надо же оставить завещание. Избрали «организационный комитет» для руководства делами города. Потом стали ждать крестьянских депутатов. Наконец они явились. И во главе с Прокоповичем с двумя фонарями отцы революционной столицы вышли из думы умирать.

Большевики же из думы отправились в Смольный. Теперь мы уже не удивляемся «внеочередному заявлению» их фракции, которая сообщила: мы пришли сюда, чтобы победить или умереть вместе со Всероссийским съездом. В Смольном все были ужасно далеки от смерти. Это гласные-большевики привезли из думы.

А гласные с двумя фонарями всей толпой, вместе с крестьянским ЦИК мерно отбивали шаг по темному, довольно пустынно-му Невскому. В эту холодную осеннюю ночь они шли принять смерть от большевистских пуль и ядер, со своими избранниками, за свободную родину и революцию...

Лев Троцкий

Вдруг в безнадежную атмосферу Зимнего врывается — правда, не чудо, но весть о его приближении. Пальчинский сообщает: только что звонили из городской думы, что граждане собираются двинуться оттуда на выручку правительства. «Всем передавайте, — приказывает он Синегубу, — что сюда идет народ». Офицер носится по лестницам и коридорам с радостной вестью. По пути он натывается на пьяных офицеров, которые дерутся на шпагах, впрочем, без кровопролития. Юнкера приподнимают головы. Переходя из уст в уста, весть становится красочней и значительней. Общественные деятели, купечество, народ, с духовенством во главе двинулись сюда, чтобы освободить дворец от осады. На-

род с духовенством: «Это поразительно красиво будет!» Остатки энергии загораются последней вспышкой. «Ура, да здравствует Россия!» Ораниенбаумские юнкера, совсем уже собиравшиеся было уходить, перерешили и остались.

Джон Рид

То было изумительное зрелище. Как раз на углу Екатерининского канала под уличным фонарем цепь вооруженных матросов перегораживала Невский, преграждая дорогу толпе людей, построенных по четыре в ряд. Здесь было триста-четыре человека: мужчины в хороших пальто, изящно одетые женщины, офицеры — самая разнообразная публика. Среди них мы узнали многих делегатов съезда, меньшевистских и эсеровских вождей. Здесь был и худощавый рыжебородый председатель исполнительного комитета крестьянских Советов Авксентьев, и сподвижник Керенского Сорокин, и Хинчук, и Абрамович, а впереди всех седобородый петроградский городской голова старый Шрейдер и министр продовольствия Временного правительства Прокопович, арестованный в это утро и уже выпущенный на свободу. Я увидел и репортера газеты «Russian Daily News» Малкина. «Идем умирать в Зимний дворец!» — восторженно кричал он. Процессия стояла неподвижно, но из ее передних рядов неслись громкие крики. Шрейдер и Прокопович спорили с огромным матросом, который, казалось, командовал цепью.

«Мы требуем, чтобы нас пропустили! — кричали они. — Вот эти товарищи пришли со съезда Советов! Смотрите, вот их мандаты! Мы идем в Зимний дворец!..»

Матрос был явно озадачен. Он хмуро чесал своей огромной рукой в затылке. «У меня приказ от комитета — никого не пускать во дворец, — бормотал он. — Но я сейчас пошлю товарища позвонить в Смольный...»

«Мы настаиваем, пропустите! У нас нет оружия! Пустите вы нас или нет, мы все равно пойдем!» — в сильном волнении кричал старик Шрейдер.

«У меня приказ...» — угрюмо твердил матрос.

«Стреляйте, если хотите! Мы пойдем! Вперед! — несло со всех сторон. — Если вы настолько бессердечны, чтобы стрелять

в русских и товарищей, то мы готовы умереть! Мы открываем грудь перед вашими пулеметами!»

«Нет, — заявил матрос с упрямым взглядом. — Не могу вас пропустить».

«А что вы сделаете, если мы пойдем? Стрелять будете?»

«Нет, стрелять в безоружных я не стану. Мы не можем стрелять в безоружных русских людей...»

«Мы идем! Что вы можете сделать?»

«Что-нибудь да сделаем, — отвечал матрос, явно поставленный в тупик. — Не можем мы вас пропустить! Что-нибудь да сделаем...»

«Что вы сделаете? Что сделаете?»

Тут появился другой матрос, очень раздраженный. «Мы вас прикладами! — решительно вскрикнул он. — А если понадобится, будем и стрелять. Ступайте домой, оставьте нас в покое!»

Раздались дикие вопли гнева и негодования. Прокопович влез на какой-то ящик и, размахивая зонтиком, стал произносить речь.

«Товарищи и граждане! — сказал он. — Против нас применяются грубую силу! Мы не можем допустить, чтобы руки этих темных людей были запятнаны нашей невинной кровью! Быть расстрелянными этими стрелочниками ниже нашего достоинства. (Что он понимал под словом “стрелочники”, я так и не понял.) Вернемся в думу и займемся обсуждением наилучших путей спасения страны и революции!»

После этого толпа в строгом молчании повернулась и двинулась вверх по Невскому все еще по четверо в ряд. Мы воспользовались замешательством, проскользнули мимо цепи и направились к Зимнему дворцу.

Лев Троцкий

Число агитаторов во дворце возрастает. Сейчас «Аврора» открывает огонь, шепчут они по коридорам, и шепот этот передается из уст в уста.

Николай Суханов

Пальчинский докладывал: толпа напирала несколько раз, но после выстрелов юнкеров отступала. Стреляли-де в воздух... Но трескотня ружей и баханье пушек становились все чаще... Вдруг

шум и выстрелы в самом дворце: ворвалось 30–40 вооруженных людей, но уже обезоружены и арестованы.

— Большие трусы, — сообщает Пальчинский и уверяет, что дворец продержится до утра.

Лев Троцкий

Внутренняя решимость рабочих и матросов велика, но еще не превратилась в ожесточение. Чтобы не вызвать его на свои головы, осажденные, как неизмеримо слабейшая сторона, не решаются сурово расправляться с проникающими во дворец агентами врага. Расстрелов нет. Непрошенные гости начинают появляться уже не одиночками, а группами. Дворец все больше походит на решето. Когда юнкера набрасываются на вторгшихся, те дают себя обезоружить. «Какая трусливая сволочь!» — говорит презрительно Пальчинский. Нет, эти люди не трусливы. Чтобы проникнуть во дворец, набитый офицерами и юнкерами, нужно высокое мужество. В лабиринте незнакомого здания, в темных коридорах, среди бесчисленных дверей, неизвестно куда ведущих и чем угрожающих, смельчакам ничего не остается, как сдаваться. Число пленных растет. Врываются новые группы. Уже не всегда ясно, кто кому сдается и кто кого разоружает. Долбит артиллерия.

Освальд Дзенис

Началось понемногу занятие самого дворца. Первыми ворвались во дворец через окна со стороны Эрмитажа матросы и павловцы. В комнатах дворца происходили стычки с юнкерами, но понемногу одна за другой они освобождались атакующими. Юнкеров оттеснили к главному входу. Иногда это достигалось простым напором, а иногда и брошенной из комнаты в комнату ручной гранатой или выстрелами.

Николай Суханов

Снова шум, крики, топот и — один за другим два взрыва. Министры вскочили с мест. Бомбы! Во дворец забрались несколько матросов и бросили две бомбы с галерейки, идущей вдоль «темного коридора», в верхней его части. Бомбы упали на пол близ входа в комнаты Николая II и легко ранили двух юнкеров. Доктор

Кишкин подал им медицинскую помощь. Матросы арестованы. Но как они могли проникнуть? То 40 человек ворвалось силой, то несколько матросов проникло тайно. Видно, Пальчинский со своим гарнизоном были не слишком на высоте.

Доложили: женский ударный батальон ушел домой. Захотел и ушел, как казаки. Видимо, осаждающая армия пропускала вражеские отряды, как решето воду. Никакой осады все еще не было.

Но перестрелка начинала принимать характер основательного сражения. Невероятно, чтобы стреляли только в воздух и чтобы не было жертв. Кровапролитие в тех или иных размерах, несомненно, происходило. Почему, зачем? Потому, что Военно-революционный комитет не догадался раньше арестовать правительство и даже отпускал арестованных. Затем, чтобы министры, сбежавшие с поста, еще могли утешаться мыслью, что они не сбежали.

Доложили: юнкера такого-то училища ушли. Ушли так ушли. Правительство их не удерживало, но давало в город бюллетени по телефону: отбиваемся, не сдаемся, нападение отбито в таком-то часу, ждем подкреплений... Вот какие у нас были правители!

Снова шум в коридорах. Ворвалось человек 100 «большевиков». Охрана приняла их за депутацию из думы. Вражья сотня дала себя без труда обезоружить... Доложили: юнкера такой-то школы ушли. Нельзя не отметить: стороны настроены фанатически и дерутся как львы.

Опять ворвалась толпа и обезоружена; опять ушла какая-то часть из охраны. Сколько же осталось? Кого же теперь больше во дворце — защитников или пленных? Не все ли равно! Министры равнодушны. Но за стенами стреляют по-прежнему... Был второй час.

Лев Троцкий

Смольный категорически требовал развязки. Нельзя тянуть осаду до утра, держать в напряжении город, нервировать съезд, ставить все успехи под знак вопроса.

Николай Подвойский

Солдаты, матросы, не видя дальнейшего движения восстания, нервничали, с этим тоже нельзя было не считаться. Да и нако-

нец, хотя наше положение было исключительно прочным, всегда можно было ожидать удара в спину со стороны той или иной вызванной с фронта части.

Записки Ленина, которые он посылал то мне, то Антонову-Овсеенко, то Чудновскому, указывали на это, они становились все более жесткими, Ленин грозил предать нас партийному суду, расстрелять. От плана бескровного переворота, казавшегося таким реальным и заманчивым, приходилось отказаться: Зимний не желал сдаваться, его нужно было брать штурмом.

Лев Троцкий

Из Петропавловки матрос доставляет на «Аврору» клочок бумаги: открыть немедленно стрельбу по дворцу. Теперь, кажется, все ясно? За артиллеристами «Авроры» дело не станет. Но у руководителей решимости все еще нет. Делается новая попытка уклониться. «Мы порешили выждать еще четверть часа, — пишет Флеровский, — инстинктом чуя возможность смены обстоятельств». Под инстинктом нужно понимать упорную надежду на то, что дело разрешится одними демонстративными средствами.

Джон Рид

В тот момент, как мы выходили на Морскую, кто-то крикнул: «Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!» Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу, двигавшуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков прокатились мы под красной аркой. Человек, шедший передо мной, тихо сказал: «Ох, смотрите, товарищи, не верьте им! Они наверняка начнут стрелять...» Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны.

«А много ваших убито?» — спросил он.

«Не знаю, верно, человек десять...»

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказа

снова кинулся вперед. В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести-триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, спрыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука.

Лев Троцкий

Дворец не сдался, а взят штурмом, но в такой момент, когда сила сопротивления осажденных успела окончательно иссякнуть. В коридор ворвалась, уже не потайным ходом, а через защищенный двор, сотня врагов, которых деморализованная охрана приняла за депутацию думы. Их все же успели еще разоружить. Ушла в суматохе какая-то группа юнкеров. Остальные, по крайней мере часть, еще продолжали нести охранную службу. Но штыковая и огневая перегородка между наступающими и обороняющимися вконец разрушилась.

Николай Подвойский

Я взял взвод павловцев. Мы стали продвигаться — на этот раз уже с предосторожностями — по панелям к дворцу. Как только мы подошли к Эрмитажу, снова коротко затрещал пулемет и раздались отдельные ружейные выстрелы. Но потом они смолкли, как будто их кто-то оборвал. Когда затихли пулеметы и ружья, мы, ничем не обнаруживая себя, продолжали продвигаться к Зимнему дворцу. Фонари нигде не горели, и под покровом ночи мы, растянувшись в цепь, достигли первого подъезда Зимнего дворца, который расположен к Эрмитажу. Отсюда видны были баррикады. Потом еще затрещало несколько выстрелов, трудно было определить, с чьей стороны. Вдруг над головами у нас поплыл тупой гул, за ним второй... Мы с Еремеевым переглянулись: это «Аврора» из шестидюймовок посылала свои тяжелые снаряды. Очевидно, эти снаряды внесли большое смутение в ряды защитников Зимнего. Стрельба прекратилась, замолчали пулеметы и винтовки, умолкли пушки. Наступила какая-то совершенно

неправдоподобная тишина. И вдруг, разрывая ее в клочья, по площади понеслось из края в край громовое победное «ура!».

Воспользовавшись замешательством противника, матросы, красногвардейцы и солдаты ринулись вперед.

Евгений Сурков

Прямо лобовым ударом двинулся на Зимний крепкий кулак из рабочих Нарвской заставы, Выборгской и Петроградской сторон, моряков и солдат. От Миллионной улицы двинулись наши друзья-павловцы. Они поклялись честно сражаться за народ. И выполнили свою клятву. От Александровского сада шли густые цепи осаждающих — василеостровцы, рабочие Московской, Нарвской застав, солдаты-кексгольмцы. Лавина обрушилась на дворец.

Николай Подвойский

Это был героический момент революции, грозный, кровавый, но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночи, озаряемые мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного, подобного урагану потока.

Лязг оружия, визг и треск тарыхтящего по мостовой максима, стук железных подков на тысячах тяжелых солдатских сапог, скрипы броневиков — все смешалось на Дворцовой площади в какую-то неопишемую какофонию.

Когда смолкли дикие завывания и грохот орудий в воздухе, заглушая сухую непрерывную дробь снова заговоривших пулеметов и винтовок, разлилось стремительное «ура!» вперемежку с другими, не поддающимися ни передаче, ни восприятию звуками, понеслось дальше... Одно мгновение... — и победный крик уже по ту сторону баррикад!

В это время внимание мое привлекли несколько юнкеров, почти бегом направлявшихся в нашу сторону. Слабое освещение в окнах ближнего крыла дворца дало все же мне возможность рассмотреть их лица. Это были — так зафиксировалось в моем представлении — почти пьяные от крови, совершенно не отдававшие отчета в своих действиях люди. У них, вероятно, было состояние,

как у человека, которого бесконечными ударами вот-вот лишат жизни: он уже не чувствует боли, в нем все убито, и он шатается от одного удара к другому. Они тоже шатались, почти в истерике кричали: «Сдаемся, идите, берите оружие, мы его там сложили, ну, идите скорее, все кончено». Часть солдат уже поднималась к баррикадам, и вся масса устремилась за ними. Едва мы перелезли через баррикаду, как натолкнулись на пулеметное гнездо. Вытирая рукавом лоб, за пулеметом стоял юнкер. Запомнилось его лицо: оно было закопчено порохом, почти окурено сажей, вероятно, он беспрерывно палил из пулемета. В полурасстегнутой шинели, без шапки, он уже не был похож на тех чистеньких, стройных, подтянутых юнкеров, каких мы привыкли видеть. Один из солдат, почти не останавливаясь, поднял его на штык и побежал дальше. Мы перелезли через следующую баррикаду. Здесь оружие свалено было в кучи, пулеметы поставлены один на другой, а юнкера с остервенением выбрасывали из карманов пачки патронов, лица их дышали злобой, ненавистью, горестью.

А людской поток продолжал заливать крыльцо, входы, лестницы дворца. По сторонам громоздились разваленные баррикады и стояли толпы людей без шапок, без ремней, с бледными лицами, трясущимися челюстями, с поднятыми вверх, как призыв к пощаде, руками.

Матросы, красногвардейцы, солдаты под пулеметную переkreщивающуюся трескотню волна за волной перехлестывали через баррикады. Вот они смяли первую линию защитников Зимнего и ворвались в ворота. Двор занят. Летят на лестницы. На ступенях схватываются с юнкерами. Опрокидывают их. Бросаются на второй этаж, ломая сопротивление защитников правительства. Рассыпаются. Как ураган, несутся на третий этаж, везде по дороге сметая юнкеров. На узкой извилистой боковой лестнице трудно атаковать. Юнкера отражают первый наш натиск. Но вот и эти защитники Зимнего бросают оружие... Солдаты, красногвардейцы, матросы широкой лавиной устремляются дальше и рассыпаются по всем комнатам дворца.

Заметив чернеющие во дворе пушки, я спустился вниз. Пушки были брошены. Прислуги около них не было. Валялись снаряды. Я направился к подвалам и, оставив несколько товарищей у входов, поспешил во дворец. Нас было несколько человек, мы под-

нялись с боковой лестницы на второй этаж. Везде группы солдат обшаривали комнаты, подозревая, что враги попрятались в потайных местах. Появились и темные личности, которых Зимний дворец интересовал по-своему. Тут же энергичная группа моряков организует охрану дворца.

Константин Еремеев

Мы отправились к дворцу. Там было шумно: слышались крики, раздавалась стрельба. В выступах дворцовых стен накопились большие группы наших.

На углу, у правого подъезда, раздавались громкие крики:

— Ура! Вали! Вали!

Это открылась дверь, которую распахнули изнутри вошедшие со двора от набережной моряки, рабочие и солдаты. В дверь хлынул поток людей. Однако дело было еще не кончено — там, внутри, тоже оказались запертые двери.

На площади, у ворот дворца, был сильный галдеж. Там юнкера хотели сдать и выйти со двора, но ударницы им препятствовали, и женские голоса кричали:

— Не дадим вам уйти! Стрелять будем в спину! Сволочи! Изменники!

Наши с этой стороны подбадривали:

— Эй, не бойсь, выходи!.. Выходите и вы, тетки, — не тронем. Все равно уж дворец наш.

Но женщины-солдаты храбро отвечали:

— Врете! Вы сволочи, большевики. Уйдите! Бить вас будем. Юнкеришки, трусы, черт с вами, только винтовок вам не дадим. Сдавайте винтовки!

Бывшие впереди юнкера с трудом оттеснили женщин и, приоткрыв ворота, стали вылезать из дворцового двора. Задних все же женщины успели обезоружить, однако они уже не стреляли ни в наших, ни в юнкеров, хотя все еще грозили стрелять. Юнкера были окружены павловцами и отведены в казармы под арест. При обыске у каждого из них нашли заряженными по два револьвера.

Алексей Дорогов

Я направился к Зимнему, который был окружен со всех сторон. Юнкера стали сдаваться, но при входе в Зимний женщины из «ба-

тальяна смерти» стали бросать гранаты; по ним открыли стрельбу, они выбросили белый флаг, но когда стали подходить ближе, они — гранатами. Несколько раз повторялась та же история.

Константин Еремеев

Оставшиеся у ворот матросы, солдаты и рабочие продолжали уговаривать ударниц:

— Сдавайтесь и вы. Потом хуже будет. Выходите сейчас — не тронем. Ну а силой возьмем — всех вас по казармам разведем.

Они храбрились и нервными голосами кричали:

— Уйдите к чертям! Умрем, а не сдадимся!.. Уходите — стрелять будем... Всех перебьем!

Но уже не стреляли. Душевная тревога и страх, видимо, ими овладевали.

— Да выходите, дамочки! — отвечали со смехом солдаты. — Вылезайте, что ль. Все равно — вы наши.

Наконец они согласились:

— Выйдем, только не трогайте. Строем нас отпустите.

На площадь высыпала тысяча женщин в солдатских фуражках, гимнастерках и штанах. Их окружили со всех сторон. Винтовки они побросали на дворе.

Шел разговор и даже спор: отпустить или отвести куда-нибудь, и, кажется, матросы хотели их конвоировать в казармы 2-го Балтийского экипажа, считая своей военной добычей. Но павловцы настаивали, что они отведут их туда же, куда отвели юнкеров.

— Нам приказано вести их в штаб.

— Какой штаб? У нас тоже штаб.

— В какой — в революционный. Он сегодня у нас помещается.

Тут оказался командир роты павловцев, который старался собрать своих в строй. Ему я и поручил оцепить бывших ударниц и отвести в штаб. Недовольные поворчали, но затем смирились.

Женщин-солдат окружили и повели.

— Пошли-поехали! Павловские невесты! — кричали вслед ударницам матросы.

— Сегодня павловцы жениться будут. Павловцы, зовите на крестины. Невесты, веселей, с песней!

Но бедным «невестам» было не до песен. Их недавнее оживление перешло в подавленное состояние. Невесело пошли под

градом насмешек, кое-как построившись в ряды. Ничего воинственного в них уже не было.

Джон Рид

«А знаете, как был взят Зимний дворец? — спросил какой-то матрос. — Часов в одиннадцать мы увидели, что со стороны Невы не осталось ни одного юнкера. Тогда мы ворвались в двери и полезли вверх по лестницам, кто в одиночку, а кто маленькими группами. На верхней площадке юнкера задерживали всех и отнимали винтовки. Но наши ребята все подходили да подходили, пока нас не стало больше. Тогда мы кинулись на юнкеров и отобрали винтовки у них...»

Лев Троцкий

Часть дворца, примыкающая к Эрмитажу, уже заполнена врагами. Юнкера пытаются зайти им в тыл. В коридорах происходят фантазмагорические встречи и столкновения. Все вооружены до зубов. В поднятых руках револьверы. У поясов ручные гранаты. Но никто не стреляет, и никто не мечет гранат, ибо свои и враги перемешались так, что не могут оторваться друг от друга. Но все равно: судьба Зимнего уже решена.

Рабочие, матросы, солдаты нападают снаружи цепями, партиями, сбрасывают юнкеров с баррикад, врываются через двор, сталкиваются на ступенях с юнкерами, оттесняют их, опрокидывают, гонят перед собою. Сзади нападает уже следующая волна. Площадь вливается во двор, двор вливается во дворец и растекается по лестницам и коридорам. На загаженных паркетах, среди матрацев и буханок хлеба, валяются люди, винтовки, гранаты.

Евгений Сурков

В поисках спрятавшихся юнкеров наши красногвардейцы забрели в царскую кухню. Там в большом медном котле обнаружили человека. Это был один из царских поваров. Дрожа и плача, он просил пощадить его, хотя никто и не думал его трогать. У него только потребовали чего-нибудь поесть. Он открыл какую-то кладовую. Хлеба там не было, зато была вкусная колбаса.

Джон Рид

Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходящий в огромную и пустую сводчатую комнату — подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но, как только начался грабеж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!» Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: «Стойте! Клади все назад! Ничего не брать! Народное достояние!» Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. Все это делалось совершенно стихийно. По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: «Революционная дисциплина! Народное достояние!»

Мы пошли к левому входу, т.е. к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. «Очистить дворец! — кричали красногвардейцы, высываясь из внутренних дверей. — Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Все вон из дворца, кроме комиссаров! Поставить часовых!»

Двое красногвардейцев — солдат и офицер — стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой. Отовсюду раздавались крики: «Всех вон! Всех вон!», и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря. Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось, причем солдат, сидевший за столом, записывал отобранные вещи, а другие сносили их в соседнюю комнату. Здесь были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, все-

возможное платье, одеяла. Один красногвардеец притащил три винтовки и заявил, что две из них он отобрал у юнкеров. Другой принес четыре портфеля, набитых документами. Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети. Члены комитета в один голос объясняли, что воровство недостойно народных бойцов. Многие из обличенных сами помогали обыскивать остальных товарищей.

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием, сопровождая обыск восклицаниями: «Провокаторы! Корниловцы! Контрреволюционеры! Палачи народа!» Хотя никаких насилий произведено не было, юнкера казались очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи и отправил их в соседнюю комнату... Юнкеров обезоружили. «Ну что, будете еще подымать оружие против народа?» — спрашивали громкие голоса.

«Нет!» — отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу.

Мы спросили, можно ли нам пройти во внутренние комнаты. Комитет колебался, но какой-то внушительного роста красногвардеец заявил, что это воспрещено. «И вообще кто вы такие? — сказал он. — Почему я знаю, что вы все не от Керенского?» (Нас было пятеро, в том числе две женщины.)

Константин Еремеев

Подошел ко мне один офицер и сказал:

— Хорошо, что вы приехали, можете принять меры. Тут юнкеров избивают.

— Где юнкера?

— На дворе. Я видел окровавленные лица.

Пройдя во двор, я убедился, что юнкеров окарауливают, но около них нет любопытствующих, тем более враждебных солдат. Партиями их отводили в полевой штаб и в канцелярию полкового комитета. Я сказал тов. Дзенису о заявлении офицера, но он ответил, что офицер врет. Правда, у некоторых разбиты головы и лица, но их такими и привели, и фельдшер оказывает им помощь.

— Их, сволочей, не так бы надо бить, — сказал кто-то. — На-

совали оружия во все карманы и не сдают. Пришлось обыскивать. Действительно, при мне вытаскивали у юнкеров из карманов револьверы, в большинстве по два револьвера. Целая куча лежала на столе и окне — русские наганы, наганы испанские, браунинги. Кроме винтовок их снабдили еще основательным вооружением. У некоторых были и гранаты, но без вставленных запалов. Юнкера просили их отпустить, обещая, что они уйдут в школу и лягут спать, но мы решили держать их, пока все кончится.

Николай Суханов

Опять шум внизу. Он растет — ближе и ближе. Он уже в «темном коридоре» и подкатывается, нарастая, к самым дверям. Очевидно, дворец «штурмовали» и «взяли» его... К министрам влетает юнкер и, вытянувшись, рапортует:

— Готовы защищаться до последнего человека. Как прикажет Временное правительство?

— Не надо, бесцельно. Сдаемся... Не надо крови!.. Весь дворец уже занят?

— Занят. Все сдались. Охраняется только это помещение.

— Скажите, что мы не хотим кровопролития и сдаемся. Мы уступаем силе...

— Идите, идите скорей! Мы не хотим крови!..

Вы скажете: теперь министры начали кое-что понимать и пришли к разумному решению. Наоборот, для разумного решения было уже поздно, а министры, окончательно утратив всякое понимание, не видели, как отвратительно и смешно их лицемерие.

Юнкер за дверью доложил решение министров победоносным повстанческим войскам, которые шумели нестерпимо, но не шли дальше: ни шагу против воли этих серьезных юнкеров. Шум сразу принял иной характер.

— Сядем за стол, — сказали министры и сели, чтобы походить на занятых государственных людей.

Двери распахнулись. Комната сразу наполнилась вооруженными людьми во главе с самим Антоновым.

Николай Подвойский

Мы разыскиваем членов правительства. Вскоре мы подбежа-

ли к одной из комнат — это был Малахитовый зал, у двери которой на посту продолжал стоять бледный, как полотно, юнкер.

— Здесь правительство, — сказал он, нерешительно преграждая путь.

— А здесь революция, — ответил один из сопровождавших меня матросов.

Лев Троцкий

Победители врываются в комнату министров. «Впереди толпы шел, стараясь сдерживать напивавшие ряды, низенький невзрачный человек; одежда его была в беспорядке; широкополая шляпа сбилась набок. На носу едва держалось пенсне. Но маленькие глаза сверкали торжеством победы и злобой против побежденных». Этими уничижительными чертами побежденные обрисовали Антонова. Торжество победы можно было несомненно прочесть в его глазах; но вряд ли в них была злоба против побежденных.

Николай Суханов

Но тут ловко подскочил Пальчинский:

— Господа, мы только что сговорились с вашими по телефону. Подождите, вы не в курсе дела!..

Главари отряда чуть было не смутились, но сейчас же оправились.

Лев Троцкий

Часы показывали 2 часа 10 минут ночи на 26 октября.

Николай Суханов

— Объявляю вам, членам Временного правительства, что вы арестованы! — закричал Антонов. — Я член Военно-революционного комитета...

— Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития, — сказал Коновалов.

— Кровопролития! А сами сколько крови пролили, — раздался возглас, сочувственно подхваченный толпой. — Сколько полегло наших!

— Это неправда! — крикнул возмущенный Кишкин. — Мы

никого не расстреливали. Наша охрана только отстреливалась, когда на нее нападали!

Кишкин это крикнул, Малянтович сочувственно описал. Может быть, найдутся и еще столь же остроумные люди. Я вижу, что необходимо пояснить: правительство именно учинило кровопролитие — одним тем фактом, что организовало свою охрану, свою защиту, оборону; обязательная задача и функция обороны всегда в том и состоят, чтобы «отстреливаться от нападающих» или — в более общей форме — отражать нападение; охрана, не выполняющая этих функций, по самой идее не есть охрана, организуемая для обороны; при разворачивании боевых действий кровопролитие есть совершенно неизбежный результат правильного функционирования охраны, организованной для обороны; в случае нежелательности кровопролития надлежит либо не организовать охраны и обороны, либо упразднить охрану, отменить оборону (приказать сдаться) до начала или при самом начале боевых действий... То есть в данном случае надлежало утром поступить так, как министры поступили уже после «взятия приступом» Зимнего дворца.

Павел Малянтович

Комната была полным полно народа. Солдаты, матросы, красногвардейцы. Все вооруженные. Некоторые вооружены в высшей степени: винтовка, два револьвера, шашка, две пулеметные ленты.

Около Антонова стоял высокий молодой человек в военной солдатской форме цвета хаки. Потом оказалось — Чудновский.

Опросив всех, Антонов стал писать протокол, как потом оказалось, черновой. Кажется, ему помогал Чудновский...

А у нас начались разговоры и со стражей, и с другими наполнившими комнату солдатами и матросами.

На многих лицах выражение взволнованности и враждебности схлынуло: они стали спокойными, некоторые даже приветливыми.

— А вы кто будете? — слышу рядом спрашивают Карташева. Отвечает. Начинается беседа.

Оборачиваюсь к ним. Карташев сидит на стуле, откинувшись назад, смотрит глубокими и ласковыми глазами на своих двух

собеседников и что-то говорит. А собеседники его, оба матросы, опираясь на винтовки, нагнулись к нему и слушали внимательно. И лица у них человеческие.

— А вы кто будете? — обращается ко мне высокий матрос. Лицо у него спокойное и приятное.

Сказал... Стал расспрашивать. Отвечаю... Стал задавать общие вопросы. Говорил ему о предполагавшемся на днях отъезде двух членов Временного правительства на конференцию для решения вопроса о мире, об Учредительном собрании... Слушает внимательно. В глазах недоумение и боязнь поверить...

На диване сидит Терещенко и, по обыкновению, усиленно курит и беседует тоже. О чем — не слышу.

На лице у Гвоздева застыло выражение обиды, как у человека, который только что получил незаслуженное оскорбление.

— Какую же я кровушку пил, когда я сам — простой рабочий, — говорил он обиженным голосом, — вот видите, билет. Вот возьмите, читайте: член Совета Рабочих и Солдатских Депутатов... Сиживал при самодержавии сколько — за рабочих. Какой же я буржуй!

На него посматривают с недоумением, иные с сочувствием, и у всех в глазах боязнь поверить...

Их начальство им сказала: арестовать членов Временного правительства, потому что они — буржуи. Этот, может, врет что-нибудь. Похоже на правду, а может, и врет. Там видно будет: начальство разберет!

В комнате стоит гул.

Когда при опросе выясняется, что Керенского нет, раздаётся отвратительная брань. Слышатся отдельные провокационные выкрики:

— И эти убегут! Чего тут протокол писать!.. Приколоть и протокола не надо!..

— Переколоть их тут всех сукиных детей!.. — Дальше следовала многостаянная нецензурная брань. — Чего с ними возиться! Попили нашей крови! — закричал какой-то низкорослый матрос и стукнул по полу винтовкой — хорошо помню — без штыка. И огляделся вокруг. Это было почти призывом. Он вызвал сочувственные отклики.

— Какого черта, товарищи! Приколоть их тут, и вся недолга!.. Антонов поднял голову и резко закричал:

— Товарищи, вести себя спокойно! Все члены Временного правительства арестованы. Они будут заключены в Петропавловскую крепость. Никакого насилия над ними учинить я не позволю. Ведите себя спокойно!

— Я да я! Что такое «я» да «я»!.. Какое ты тут начальство!.. — вдруг налетел на Антонова стоящий около него молчаливо солдат с плоским равнодушным лицом, на котором внезапно загорелись в узких глазах два злобных огонька.

— Молчать! Прошу молчать! Я здесь представитель от Военно-революционного комитета! Мне вручена власть! Товарищи, уважайте самих себя! Соблюдайте порядок! Теперь власть в ваших руках, вы должны соблюдать порядок!.. Я вас, товарищ, прошу помолчать и мне не мешать! — закончил он, обращаясь к солдату.

Стража обрушилась на солдата.

— Ты что тут!.. Помолчи! Он — выборный! Надо, чтобы порядок был!

— Порядок, порядок! — замолкая, бормотал солдат.

Джон Рид

«Пожалуйста, товарищи! Дорогу, товарищи!» В дверях появились солдат и красногвардеец, раздвигая толпу и расчищая дорогу, и позади них еще несколько рабочих, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. За ними гуськом шло с полдюжины штатских, то были члены Временного правительства. Впереди шел Кишкин, бледный, с вытянутым лицом; дальше Рутенберг, мрачно глядевший себе под ноги; Терещенко, сердито посматривавший по сторонам. Его холодный взгляд задержался на нашей группе... Они проходили молча. Победители сдвигались поглядеть на них, но негодующих выкриков было очень мало.

Владимир Антонов-Овсеенко

Бывшие министры сдают имевшиеся при них бумаги и оружие. С трудом устанавливаю около них стражу. Мне помогают матросы. Они вышвыривают из комнаты некоторых подозрительных субъектов. Чудновский составляет список арестованных, который подписываем мы с ним. Всего министров — 16 человек. Все налицо, кроме Керенского. Он, по сообщению кого-то из членов бывшего Временного правительства, уехал еще в 11 часов

утра из Петрограда. Это сообщение вызывает в толпе яростные крики по адресу Керенского. Раздаются крики:

— Немедленно расстрелять всех членов Временного правительства!..

Только присутствие наше и выдержанных партийных матросов спасает бывших министров от расправы.

Остается доставить «правительство» в Петропавловскую крепость. Автомобиля не оказывается. Приходится вести министров пешком. Оставляя Чудновского комиссаром дворца, я организую вывод пленных.

Уже два часа ночи. Министров окружает отобранная мною команда, человек в 50 матросов и красногвардейцев. Выходим из дворца в тьму площади.

Павел Малянтович

Как мы сходили с лестницы, совсем не помню...

Вышли на двор. Темно. Потом глаза стали привыкать.

Двор, очевидно, тоже был заполнен солдатами. Мы вступили в толпу. Стража просила посторониться, пропустить... Опять слышались вопросы:

— Что это, Временное правительство ведут?

И опять площадная ругань, в особенности по адресу Керенского.

На дворе мы немножко замешкались. В темноте и в толпе был нарушен, очевидно, порядок процессии. Стража перекликалась. Опрашивали друг друга, все ли арестованные налицо.

— Куда же их ведете, товарищи?

— В Петропавловскую крепость!

— Убегут ведь! Слышали, Керенский ведь убежал! И эти убегут! Переколоть их, товарищи, — и делу конец!

Предложения дружно подхватывались в толпе и делались все короче и все решительнее.

Стража успокаивала толпу и сама волновалась.

Со мной рядом справа шел матрос небольшого роста, коренастый, с приветливым лицом...

Весь двор был усеян, очевидно, разбросанными поленьями дров, потому что они постоянно попадались под ноги и мешали правильному передвижению: арестованные и стража постоянно разъединялись и искали друг друга.

— Позвольте мне взять вас за кушак, — обратился я к матросу, — так мы не отстанем друг от друга.

— Берите, — сказал он приветливо.

Нас выводили на площадь.

Мы попали сначала в узкий проход между большими поленницами дров.

Для того чтобы построить всех нас в порядок, надо было выйти на открытое место. По-видимому, каждая часть процессии избрала свой способ для этого, потому что, когда мы вышли на площадь, за поленницами, против Миллионной улицы не все арестованные и стражники оказались налицо и подтягивались с разных сторон.

Цепь в том месте, где находился я, перелезла через полуразобранную поленницу. Другая часть, видимо, двинулась вперед по проходу.

— Давайте я вам помогу, — услышал я неожиданно от матроса.

— Спасибо, не надо. Полезайте, я не отстану. А потом опять возьму вас за кушак...

— Берите.

Перелезли. Здесь, очевидно, новая толпа. Опять те же вопросы, те же ответы и те же приветствия...

— Ну, товарищи, стой! Все ли на месте? Пересчитайте арестованных! — крикнул кто-то.

Начался беспорядочный счет в разных концах. В разных местах выкликали фамилии.

— Двенадцать.

— Как двенадцать?! Девятнадцать должно быть!

— Не двенадцать: пятерых же только нет — четырнадцать!

— Уже пять удрали! Вот черти! И куда их вести, зачем вести?! Пятеро убежало, все убегут! Братцы, переколоть их здесь!

— Товарищи, тише, перестаньте, — успокаивала стража. — Никуда они не убегут! Куда бежать? Сейчас всех соберем!

Стали перекликаться. Опять стали называть арестованных по фамилиям. Мы отвечали «здесь».

Толпа волновалась. Погромное настроение росло. Стража — и матросы и красногвардейцы — уговаривали и успокаивали, иногда покрикивали...

— И откуда вы их выцарапали?! Куда они там забрались?!

— Они ловки! — объяснял кто-то. — Забрались себе — не сразу сыщешь. Нас расстреливают, а они себе попивают коньячок!

— С бабами, поди!

— Будет вам, товарищи! Что зря болтать? Никакого коньяку не было!..

— Ну, что, все налицо?

— Все, кажется, все... Вот еще подошли!.. Это кто? Ливеровский? Ну теперь все. Девятнадцать!

— Это кто, кто Ливеровский?

— Министр путей сообщения.

— Который?

— А вот.

— Эх, хоть разок ударить!

Прежде чем Ливеровский успел войти в цепь, тяжелая солдатская рука опустилась ему на затылок. Он вскочил к нам, едва удержавшись на ногах, и прошел впереди меня.

— Товарищ, будет! Этого нельзя! Видите, арестованы люди! Нельзя безобразничать. Это некультурно.

Так запомнилось мне это слово. И реплика на него:

— Куль-тур-но! А они что же?! Культурно это — война до полной победы? А ты посиди в окопах. Вот тогда и говори — до полной победы!

Говоривший это солдат вплотную почти приблизил лицо к матросу, стоявшему от меня влево. От него сильно разило вином. Лицо толстое, упитанное. Непохоже было, что он в окопах его нажил. Вернее, защищал революционные завоевания в Петрограде...

— Ну, готово! Все на местах? Идем, товарищи!

— Двигайся! — крикнул кто-то.

Мы тронулись.

И вдруг в этот момент раздался треск пулемета.

— Стой, стой! погоди! Подожди! Стой! Стреляют!

— Ишь черти, пулеметы расставили! Братцы, переколоть их, чего там! Довольно уж нашей кровушки попили!

— Товарищи, тише, успокойся. Все оружие нами захвачено и все юнкера сдались и арестованы! Никаких пулеметов у них нет!

Около меня вдруг оказался Гвоздев. На лице его так и осталось выражение недоумения и обиды.

— Кровушки попили!.. Чью мы кровь пили?! — опять заво-

новался он. — Я, например, простой рабочий, от станка. Член Совета Рабочих и Солдатских Депутатов...

Толпу успокоили. Двинулись. Наконец-то!..

Сразу пошли большим шагом.

Владимир Антонов-Овсеенко

Вдруг из противоположного площади конца раздаются выстрелы. Конвой сразу расстраивается. Проходит несколько минут, пока удастся восстановить порядок, но уже пяти министров недосчитываю.

— Чего смотреть? Приколоть их всех, а то все сбегут! — слышны крики со всех сторон.

Толпа напирает, но конвой держится крепко и энергично проталкивает прохожих на набережную, где народу сравнительно мало.

Павел Малянтович

Свернули налево в последний переулок по Миллионной улице, выводящий на набережную к Троицкому мосту.

У моста нас встретила новая толпа и, тоже слившись с толпой, нас сопровождавшей, двинулась с нами.

И вдруг сразу стало ясно, что настроение толпы определяется и сейчас определится окончательно и что мы держимся на волоске. И не столько потому, что призывы становились все настойчивее и все требовательнее и все дружнее подхватывались толпой, которая уже напирала на тонкую цепь стражи — уже затрудняла движение — уже протягивались к нам руки — сколько по той нерешительности, неуверенности, а моментами, и все чаще, по тому испугу, какими звучали голоса наших конвоиров.

— В воду их, в воду! Переколоть и в воду!

— Чего там в крепость! Оторвать головы и в воду!

И все в таком роде. Не разрозненными голосами, а все дружнее. А в ответ звучали дрогнувшие голоса конвоя, иногда уже совсем робкие и просительные. И это еще подымало настроение: толпа чутко улавливает, когда ее начинают бояться.

Еще один момент, какое-нибудь решительное движение со стороны кого-нибудь из толпы — и стража будет отброшена.

Стража взволнована, ответы ее уже не робкие даже, а испуганные... Толпа становится смелее... Стража увеличивает шаг...

Мы идем всё быстрее и быстрее... Уже почти на середине моста... Ускоренное движение уже не помогает, уже, кажется, даже раздражает... Еще один момент — стража будет отброшена... И вдруг!..

Откуда-то начался обстрел нас из пулеметов.

Стража и вся толпа бросились на землю. Мы тоже. Начались крики:

— Товарищи! Товарищи! Перестаньте! Свои!

Началась стрельба из крепости.

— С ума сошли — из крепости стреляют! — крикнул кто-то из конвоя.

Долго кричали:

— Перестаньте, свои!..

Наконец стрельба прекратилась.

Оказалось, на мост вскочил с другой стороны броневики и почему-то открыл по нашей толпе пальбу.

Эта чудесная случайность спасла нас.

Солдаты бросились к броневикам, и началась взаимная ругань... От нас внимание было отвлечено.

Владимир Антонов-Овсеенко

Быстрым шагом проходим путь до Троицкого моста, вступаем на мост. В это время видим автомобиль, несущийся прямо на нас.

— Стой, стой...

Автомобиль останавливается, и кто-то из него открывает стрельбу. Министры и стража бросаются наземь. Поднимается ответная стрельба. С противоположного конца моста также раздаются выстрелы: очевидно, рабочая гвардия тоже вступает в бой. Я бросаюсь к автомобилю, крича:

— Свои, свои...

Матросы артистически ругаются, и, наконец, дело выясняется: действительно, все свои. Бедному шоферу чуть не наломали бока. Подходим к Петропавловской крепости. Тут у ворот автомобиль с пятью отбившимися министрами и приведшей их стражей.

Павел Малянтович

Нас провели в ворота, во дворе ввели в помещение революционного клуба крепостного гарнизона.

Когда мы вошли в длинное узкое помещение с рядом окон по левой от входа стороне, я услышал, как будто что-то свалилось справа со стены, шлепнуло об пол, и потом раздался хруст стекла, которое раздавливается сапогами.

Потом я узнал, что это портрет Керенского в раме под стеклом был сброшен со стены на пол и растоптан ногами.

Джон Рид

Между тем мы беспрепятственно прошли внутрь дворца. Множество людей приходило и уходило, обыскивая все новые комнаты огромного здания, ища спрятанных юнкеров, которых на самом деле вовсе не было. Мы поднялись вверх по лестнице и стали обходить комнату за комнатой. Эта часть дворца была занята другим отрядом, наступавшим со стороны Невы. Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов были не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, по полу валялись разбросанные бумаги. Жилые комнаты тоже были обысканы, с кроватей были сорваны покрывала, гардеробы открыты настежь. Самой ценной добычей считалось платье, в котором так нуждался рабочий народ. В одной комнате, где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывавших с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги...

Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно повторяя по старой привычке: «Сюда, барин, нельзя... воспрещается...» Наконец мы попали в малахитовую комнату с золотой отделкой и красными парчовыми портьерами, где весь последний день и ночь шло непрерывное заседание совета министров и куда дорогу красногвардейцам показали швейцары. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, оставался в том же положении, что и перед самым арестом правительства. Перед каждым пустым стулом на этом столе находились чернильница, бумага и перо. Листы бумаги были исписаны отрывками планов действия, черновыми набросками воззваний и манифестов. Почти все это было зачеркнуто, как будто сами авторы постепенно убеждались во всей безнадежности своих планов... На свободном месте видны были бессмысленные геометрические чертежи. Казалось, заседавшие

машинально чертили их, безнадежно слушая, как выступавшие предлагали все новые и новые химерические проекты. Я взял на память один из этих листков. Он исписан рукой Коновалова. «Временное правительство, — прочел я, — обращается ко всем классам населения с предложением поддержать Временное правительство...»

Надо заметить, что хотя Зимний дворец и был окружен, однако Временное правительство ни на минуту не теряло сообщения с фронтом и провинциальными центрами. Большевики захватили военное министерство еще утром, но они не знали, что на чердачном этаже находится телеграф, не знали и того, что здание министерства связано секретным проводом с Зимним дворцом. А между тем на чердаке весь день сидел молодой офицер и рассылал по всей стране целый поток призывов и прокламаций. Узнав же, что Зимний дворец пал, он надел фуражку и спокойно покинул здание.

Мы так увлеклись окружающим, что совершенно не обращали внимания на солдат и красногвардейцев, а между тем их поведение как-то странно изменилось. Небольшая группа уже давно ходила за нами из комнаты в комнату. Наконец, когда мы пришли в огромную картинную галерею, в которой мы еще днем разговаривали с юнкерами, вокруг нас столпилось около сотни человек. Перед нами стоял огромный солдат. Лицо его было мрачно и выражало подозрительность.

«Кто вы такие? — крикнул он. — Что бы здесь делаете?» Вокруг нас собиралось все больше людей. Нас пристально разглядывали. Начался ропот. До меня донеслось: «Провокаторы!», «Громилы!». Я показал наши удостоверения, выданные Военно-революционным комитетом. Солдат схватил их, перевернул вверх ногами и уставился на них непонимающим взглядом. Он явно не умел читать. Подержавши документы, он вернул их мне и сплюнул на пол. «Бумаги!» — презрительно проговорил он. Толпа стала все теснее сжиматься вокруг нас, как дикие лошади смыкаются вокруг пешего ковбоя. Я заметил вдали офицера, глядевшего очень беспомощно, и окликнул его. Он стал проталкиваться к нам.

«Я комиссар, — сказал он мне. — Кто вы такие, в чем дело?» Толпа отодвинулась и заняла выжидательное положение. Я снова показал бумаги.

«Вы иностранцы? — быстро спросил офицер по-французски. — Плохо дело...» Он повернулся к толпе и замахал в воздухе нашими документами. «Товарищи, закричал он, — эти люди — наши иностранные товарищи, американцы! Они явились сюда, чтобы после рассказать своим землякам о храбрости и революционной дисциплине пролетарской армии!»

«А вы почему знаете? — ответил высокий солдат. — Говорю вам, это провокаторы. Говорят, что пришли сюда смотреть на революционную дисциплину пролетарской армии, а сами расхаживают по всему дворцу. Почему мы знаем, что они тут не награбили полные карманы?»

«Правильно!» — закричала толпа, надвигаясь на нас. На лбу офицера выступил пот. «Товарищи, товарищи! — воскликнул он. — Я комиссар Военно-революционного комитета. Ведь мне вы верите? Так вот я вам говорю, что эти мандаты подписаны теми же именами, что и мой собственный!»

Он провел нас по дворцу и открыл перед нами дверь, выходившую на набережную Невы. Перед этой дверью находился все тот же комитет, обыскивавший карманы.

«Ну, счастливо вы отделались», — прошептал он, утирая лицо.

«А что с женским батальоном?» — спросили мы.

«Ах, эти женщины! — он улыбнулся. — Они все забились в задние комнаты. Нелегко нам пришлось, пока мы решили, что с ними делать: сплошная истерика и т.д. В конце концов мы отправили их на Финляндский вокзал и посадили в поезд на Левашево: там у них лагерь...»

И мы снова вышли в холодную беспокойную ночь, полную приглушенного гула неведомых движущихся армий, наэлектризованную патрулями. Из-за реки, где смутно чернела огромная масса Петропавловской крепости, доносились хриплые возгласы... Тротуар под нашими ногами был засыпан штукатуркой, обвалившейся с дворцового карниза, куда ударило два снаряда с «Авроры». Других повреждений бомбардировка не причинила.

Был четвертый час утра. На Невском снова горели все фонари, пушку уже убрали, и единственным признаком военных действий были красногвардейцы и солдаты, толпившиеся вокруг костров. Город был спокоен, быть может, спокойнее, чем когда бы то ни было. За эту ночь не случилось ни одного грабежа, ни одного налета.

Зинаида Гиппиус*(запись в дневнике от 27 октября)*

Возвращаюсь на минуту к Зимнему дворцу. Обстрел был из тяжелых орудий, но не с «Авроры», которая уверяет, что стреляла холостыми, как сигнал, ибо, говорит, если б не холостыми, то Дворец превратился бы в развалины. Юнкера и женщины защищались от напирających сзади солдатских банд, как могли (и перебили же их), пока министры не решили прекратить это бесплодие кровавое. И все равно инсургенты проникли уже внутрь предательством.

Когда же хлынули «революционные» (тьфу, тьфу!) войска, Кексгольмский полк и еще какие-то — они прямо принялись за грабеж и разрушение, ломали, били кладовые, вытаскивали серебро; чего не могли унести — то уничтожали: давили дорогой фарфор, резали ковры, изрезали и проткнули портрет Серова, наконец, добрались до винного погреба... Нет, слишком стыдно писать...

Но надо все знать: женский батальон, израненный, затащили в Павловские казармы и там поголовно изнасиловали...

Джордж Бьюкенен*8 ноября (26 октября)*

Я сегодня вышел, чтобы посмотреть, какие повреждения причинил Зимнему дворцу вчерашний продолжительный обстрел, и, к своему удивлению, обнаружил, что, несмотря на близкое расстояние, со стороны реки было видно всего три отметины от шрапнели. Со стороны города стены были испещрены следами тысяч пулеметных пуль, но ни один выстрел из орудий, ведших огонь с Дворцовой площади, не достиг цели. Внутренние помещения в значительной степени пострадали от нашествия солдат и рабочих, которые разграбили и разбили все, до чего смогли дотянуться.

В тот же вечер двое офицеров женского батальона пришли к моей жене и умоляли ее спасти женщин, защищавших Зимний дворец, которые после того, как они сдались, были помещены в казармы, где подвергались жестокому обращению со стороны солдат. Генерал Нокс сразу же выехал в штаб-квартиру большевиков — Смольный институт. Его требования о немедленном ос-

в освобождении бойцов женского батальона были сначала отвергнуты на том основании, что они оказали яростное сопротивление, сражаясь до последнего патрона. Однако благодаря его твердости и настойчивости приказ об их освобождении в конце концов подписали, и эти женщины были спасены от участи, которая неизбежно постигла бы их, проводи они ночь в казармах.

Лев Троцкий

Сейчас же после взятия Зимнего в буржуазных кругах пошли слухи о расстрелах юнкеров, о насилиях над ударницами, о расхищении богатств дворца. Все эти рассказы были давно уже опровергнуты, когда Милюков писал в своей «Истории»: «Те из ударниц, которые не погибли от пуль и были захвачены большевиками, подверглись в этот вечер и ночь ужасному обращению солдат, насилию и расстрелам». Никаких расстрелов на самом деле не было и, по настроению обеих сторон в тот период, быть не могло. Еще менее мыслимы были насилия, особенно во дворце, куда, наряду с отдельными случайными элементами улицы, вступили сотни революционных рабочих с винтовками в руках.

Константин Еремеев

Мы проехали в казармы 2-го Балтийского экипажа. Там было очень оживленно, все еще толковали, обсуждали события дня. Пока мы беседовали в канцелярии комитета, пришли матросы с сообщением, что привели двух генералов. Матросы, узнав, что Керенский не попался, полагали, что он спрятался и затем попытается уйти. Обыскав дворец и не найдя его там, они решили покараулить, и несколько десятков человек патрулировали по окраинам площади и у Александровского сада. Было захвачено несколько человек, которых опросил комитет экипажа и отпустил. Но на этот раз попались «хорошие люди», о чем патрульные и возвестили торжествующе.

— А нуте, ведите их сюда скорей, — сказал Подвойский. Ввели двух почтенных господ в штатских пальто и шапках. Матрос распахнул пальто одного из них и сказал:

— Вот полюбуйтесть!

Действительно, под штатской внешностью оказался генерал в форме.

Он стал довольно несообразно бормотать о том, что он со своими знакомыми случайно был в гостях в Зимнем дворце и ввиду суматохи не могли уйти, а когда стало потише, они вышли, но их забрал матросский патруль. А служат они в Генеральном штабе.

— Обыскивали их? — спросил Н.И. Подвойский.

— Нет еще.

— Так что же вы? Надо обыскать.

Достали из карманов браунинги. Вынули бумаги: у одного оказалось удостоверение — генерал-майор Багратуни, начальник штаба округа. (Потом обнаружилось, что он был назначен командующим войсками округа вместо «неспособного» полковника Полковникова)

— Ишь, гуси! А прикинулись червячками! Мы ничего, мы в картишки в гостях играли!

Моряки, видно, были рассержены.

— Расстрелять их надо, гадов.

— Нет, позвольте, — вмешался тов. Подвойский. — Это нельзя. Они деятели контрреволюции. Их надо доставить в Смольный. Судить их будем.

Но моряки возражали: наша добыча, мы их дуванем. После уговоров согласились доставить их завтра.

— Не завтра, а сегодня. Сейчас, — решил Н.И. Подвойский. — У вас тут, наверно, найдется машина?

— Да, вот мы на грузовичке приехали.

— Ну так вот: комитет, наряжайте надежней конвой и отправляйте. Да смотрите, товарищи, кто повезет, доставьте как следует. Глядите в оба, чтоб не сбежали. А то будете отвечать перед Военно-революционным комитетом.

Джон Рид

Здание городской думы было освещено сверху донизу. Мы вошли в Александровский зал, окруженный галереями и увешанный затянутыми красной материей царскими портретами в тяжелых золотых рамах. Вокруг трибуны столпилось около ста человек. Говорил Скобелев. Он настаивал на том, чтобы Комитет общественной безопасности был расширен с целью объединить все антибольшевистские элементы в одну организацию — Комитет спасения родины и революции. Пока мы находились в зале, комитет был сформирован.

Мы вышли и подозвали извозчика. «Куда ехать?» Когда мы сказали: «В Смольный», — извозчик отрицательно затряс головой. «Нет! — заявил он. — Там эти черти...» Только после долгого и утомительного блуждания удалось нам найти извозчика, который согласился довезти нас. Но он потребовал тридцать рублей и остановился за два квартала до Смольного.

Окна института все еще сверкали огнями. Подъезжали и отъезжали автомобили. Вокруг костров, продолжавших гореть ярким пламенем, толпилась стража, жадно выспрашивавшая у всех последние новости. Коридоры были переполнены куда-то спешащими людьми с глубоко запавшими глазами. В некоторых комитетских комнатах люди спали на полу. Около каждого лежала его винтовка. Несмотря на уход отколовшихся делегатов, зал заседания был набит народом и шумел, как море. Когда мы вошли, Каменев оглашал список арестованных министров. Имя Терещенко было покрыто громовыми аплодисментами, радостными криками и смехом. Рутенберг произвел меньшее впечатление, но при имени Пальчинского разразилась буря криков и рукоплесканий... Было объявлено, что комиссаром Зимнего дворца назначен Чудновский.

Тут случился истинно драматический эпизод. На трибуну взбежал высокий крестьянин. Его бородатое лицо было искажено гневом. Он ударил кулаком по столу президиума.

«Мы, социалисты-революционеры, настаиваем на немедленном освобождении министров-социалистов, арестованных в Зимнем дворце! Товарищи! Известно ли вам, что четверо наших товарищей, жертвовавших жизнью и свободой в борьбе с царской тиранией, брошены в Петропавловскую крепость, историческую могилу русской свободы?!»

Поднялся общий шум. Крестьянин продолжал кричать и стучать кулаками. На трибуну взобрался другой делегат, встал рядом с ним и, указывая рукой в сторону президиума, закричал: «Могут ли представители революционных масс спокойно заседать здесь в тот момент, когда большевистская охранка пытается их вождей?»

Троцкий жестом потребовал тишины. «Мы поймали этих “товарищей” в тот момент, когда они вместе с авантюристом Керенским составляли заговор с целью разгрома Советов. С какой

стали нам стесняться с ними? Разве они церемонились с нами после 3-5 июля?» В его голосе появились торжествующие ноты. «Теперь, когда оборонцы и малодушные ушли и задача защиты и спасения революции целиком возложена на наши плечи, особенно необходимо работать, работать и работать! Мы решили скорее умереть, чем сдать!»

Собрание решило не считаться с уходом ряда фракций и заслушало воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам всей России:

«Рабочим, солдатам и крестьянам!

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов... Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем

решиительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др. — делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

Делегаты от крестьянских Советов».

Альберт Рис Вильямс

Мы стали ходить взад-вперед и вокруг площади перед Смольным. Был еще октябрь, однако мы ежились от холода после жаркого зала.

Мы устали. Остановились, чтобы согреть руки перед костром у внешних ворот, где солдат в высокой каракулевой шапке, надвинутой на одно ухо, стоял, повернувшись спиной к костру — одному из нескольких костров, яркими точками сверкавших в темноте ночи. За большинством из них присматривали один или два солдата и красногвардеец. Они обогревались поленьями, поскольку баррикады уже были не нужны. Наш человек выглядел одиноким. Я спросил себя, что он чувствует, наблюдая за сотней делегатов, прошедших перед его глазами в ту ночь. Мне было интересно, не хочет ли он войти внутрь.

— Что делается? — спросил я его.

Он что-то пробормотал в ответ, но я уловил лишь слова «проклятая война» и «голод». Брайант попыталась заставить Рида спросить у него еще что-нибудь, но Рид не обратил на нее внимания. Он предложил солдату сигарету, а затем попросил его прикурить. Взяв щепку от несгоревшего полена, солдат зажег свою сигарету. А потом дал прикурить Риду. Вдруг он выпрямился, его бородатое лицо оживилось, глаза яростно засвер-

кали в свете костра, он поднял левую руку, сжатую в кулак (в правой он держал штык), и громко сказал:

— Миру нужен хлеб! Миру нужно счастье!

Мы отошли прочь, а он посмотрел нам вслед мрачным, словно обвиняющим взглядом.

Отойдя подальше, чтобы гвардеец не мог услышать нас, Рид обратился к Луизе:

— Почему ты вела себя так? Словно он экспонат на выставке? Он подумал, что мы потешаемся над ним, или порочим его революцию, или бог знает что!

Потом настроение у него поменялось с быстротой молнии, и он тихо сказал:

— Счастье... хлеб... да, теперь у них может быть и то и другое.

— То же самое, — заметила Бесси Битти, пока мы устало тащились за Джоном и Луизой. — Ни за что я не хотела бы оказаться на месте Ленина. Они слишком многого ждут. Я только что видела Робинса. Он говорит, что после падения Зимнего запаса хлеба было всего на три дня, когда это произошло. В любом случае, Ленин так много им наобещал...

— Он ничего не обещал им, — выпалил я, — кроме шанса самим управлять этой бедной, разорившейся, озадаченной и искалеченной, страдающей Россией.

Глава

26-3

КОН

3

31 ОКТЯБРЯ ТРЕРВОЛНО ЦИЯ

Петербургские
рабочие получили
боевое крещение
и вкусили крови
в еще невиданных
размерах

ГЛАВА 3. 26-31 ОКТЯБРЯ. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Жак Садуль

Второй день восстания. Сегодня утром, идя в миссию, видел, как вытащили из Мойки тело генерала Туманова, помощника военного министра. Солдаты арестовали его этой ночью, а потом закололи штыками. Тело со смехом погрузили на низкую телегу, устроили там в нелепой позе и повезли в морг.

Джон Рид

Четверг, 8 ноября (26 октября). Утро застало город в неистовом возбуждении. Целый народ поднимался среди рокота бури. На поверхности все было спокойно. Сотни тысяч людей легли спать в обычное время, рано встали и отправились на работу. В Петрограде ходили трамваи, магазины и рестораны были открыты, театры работали, выставки картин собирали публику... Сложная рутина повседневной жизни, не нарушенная и в условиях войны, шла своим чередом. Ничто не может быть более удивительным, чем жизнеспособность общественного организма, который продолжает все свои дела, кормится, одевается, забавляется даже во время величайших бедствий...

Город был полон слухов о Керенском. Говорили, что он добрался до фронта и ведет на столицу огромную армию.

В ответ на это на всех стенах появилось воззвание:

«От Всероссийского съезда Советов.

Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и др. арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление».

С другой стороны, какой бурный поток воззваний, афиш, расклеенных и разбрасываемых повсюду, газет, протестующих, проклинающих и пророчащих гибель! Настало время борьбы печатных станков, ибо все остальное оружие находилось в руках Советов.

Николай Суханов

Обыватель бросился к газетам. Но он не так много уяснил себе из них. В рубрике «последних известий» везде сообщалось в нескольких строках о взятии Зимнего и об аресте Временного правительства. Отчеты о съезде Советов состояли из одних «внеочередных заявлений» и свидетельствовали об «изоляции» большевиков, но они совершенно не характеризовали создавшегося политического статуса. Передовицы писались раньше последних ночных известий. В общем, они были все на один лад: патриотические вопли о несчастной родине, обвинения большевиков в узурпаторстве и насилии, предсказания краха их авантюры, характеристика вчерашнего «выступления» как военного заговора.

Кстати сказать, этим военным заговором меньшевики и эсеры утешались потом несколько месяцев, тыча им в глаза большевикам. Непонятно! Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступления на улицы рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нечего делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т.д. Это — особо счастливые условия нашего октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом.

Джон Рид

Александровский зал был набит битком. Шло заседание Комитета спасения. Под гром аплодисментов было сообщено, что союз железнодорожников присоединяется к Комитету спасения. Через несколько минут явились почтово-телеграфные чиновники. Затем вошло несколько меньшевиков-интернационалистов; их встретили рукоплесканиями. Железнодорожники заявили, что они не признают большевиков, что они взяли весь железнодорожный аппарат в свои руки и отказываются передавать его узурпаторской власти. Делегаты от телеграфных служащих объявили, что их товарищи наотрез отказались работать, пока в министерстве находится большевистский комиссар. Работники почты отказались принимать и отправлять почту Смольного. Все телефонные провода Смольного выключены. Собрание с огромным наслаждением выслушало рас-

сказ о том, как Урицкий явился в министерство иностранных дел требовать тайных договоров и как Нератов попросил его удалиться. Государственные служащие повсюду бросали работу.

То была война — сознательно обдуманная война чисто русского типа, война путем стачек и саботажа.

Николай Суханов

Все магазины открывались туго. Банки не начинали операций. В учреждениях собирались митинги служащих и рассуждали о том, что им делать в случае, если большевики пришлют свое начальство. Почти везде решали такого начальства не признавать, а пока к работе не приступать. Бойкот!..

Да, впрочем, и без бойкота, и без политики сейчас не до работы. Спокойно ли все дома? Говорят, с часу на час начнутся грабежи и погромы. Говорят, хлеба в городе нет совсем, а что было — уже разграбили. Говорят, матросы ходят по квартирам и реквизируют шубы и сапоги. Говорят...

Но были и факты, которые достаточно сильно подействовали на воображение... На другой же день после победоносного восстания петербуржцы недосчитались нескольких столичных газет. Не вышли 26 октября «День», «Биржевые ведомости», «Петроградская газета» и какие-то еще буржуазно-бульварные газеты. Их закрыл Военно-революционный комитет за травлю Советов и тому подобные преступления. Почтенные Подвойский, Антонов и другие, действовавшие по указке Ленина, не были изобретательны: они заимствовали свои мотивировки из лексикона старой царской полиции. Но в силу своего положения революционеров и социалистов они позволили себе роскошь выражаться более примитивно и менее грамотно. Можно было бы и лучше было бы совсем не мотивировать.

Кроме того, Подвойский и Антонов вообще очень топорно выполнили распоряжение своего вождя. Они почему-то бросились на мелкие сошки и второстепенные органы, оставив без внимания руководящие корниловские официозы. Это надо было исправить. С утра были посланы матросы в экспедицию «Речи» и «Современного слова». Вес наличные номера были конфискованы, вынесены огромной массой на улицу и тут же сожжены. Невидимое доселе аутодафе вызвало большое стечение публики.

Разгром буржуазной печати, будучи полной практической бессмыслицей, сильно повредил большевикам. Он отпугнул, отшатнул, возмутил, заставил насторожиться решительно все нейтральные и колеблющиеся элементы, каких было немало. Вот как начинает править новая власть! Больше пока ничего нет, но погром и бессмысленное насилие уже есть. Оплевание ценностей революции, втоптывание в грязь принципов демократической грамоты уже налицо...

Впрочем, в пролетарско-солдатских низах этот дебют новой власти отнюдь не вызвал протеста и неудовольствия. Ибо там за восемь месяцев революции еще не успели укорениться принципы. Там было дело значительно проще — без принципов: нас били, и мы, взяв дубинку, будем громить направо и налево. Так рассуждала стихия. Так — без принципов — рассуждали и ее выразители в Смольном.

Джон Рид

Получены новые вести. Верные Корнилову текинцы перебили в Быхове стражу, и Корнилов бежал. Каледин двигался на Север. Московский Совет организовал Военно-революционный комитет и вступил в переговоры с комендантом города, требуя от него сдачи арсенала. Совет хотел вооружить рабочих.

Николай Суханов

В Петербурге была получена такая телеграмма из южной казачьей вандеи от знаменитого донского атамана Каледина: «Ввиду выступления большевиков и захвата власти в Петрограде и других местах войсковое правительство в тесном союзе с правительствами других казачьих войск окажет полную поддержку существующему коалиционному правительству. Временно, с 25 сего октября до восстановления порядка в России, войсковое правительство приняло на себя полноту исполнительной власти в Донской области...»

Джон Рид

Эти факты перемежались массой всевозможных слухов, сплетен и явной лжи. Так, например, один молодой интеллигент-кадет, бывший личный секретарь Милюкова, а потом

Терещенко, отвел нас в сторону и рассказал нам все подробности о взятии Зимнего дворца.

«Большевиков вели германские и австрийские офицеры!» — утверждал он.

«Так ли это? — вежливо спрашивали мы. — Откуда вы знаете?»

«Там был один из моих друзей. Он рассказал мне».

«Но как же он разобрал, что это были германские офицеры?»

«Да они были в немецкой форме!...»

Такие нелепые слухи распространялись сотнями. Мало того, что их печатала вся антибольшевистская пресса, им верили даже такие люди, как меньшевики и эсеры, которые всегда вообще отличались несколько более осторожным отношением к фактам.

Но гораздо серьезнее были рассказы о большевистских насилиях и жестокостях. Так, например, повсюду говорилось и печаталось, будто бы красногвардейцы не только разграбили до чиста весь Зимний дворец, но перебили обезоруженных юнкеров и хладнокровно зарезали нескольких министров. Что до женщин-солдат, то большинство из них было изнасиловано и даже покончило самоубийством, не стерпя мучений. Думская толпа с готовностью проглатывала подобные рассказы... Но что еще хуже, отцы и матери юнкеров и женщин читали все эти ужасные рассказы в газетах, где часто даже приводились имена пострадавших, и в результате думу с самого вечера осаждала толпа обезумевших от горя и ужаса граждан.

Николай Суханов

Большую сенсацию вызвало сообщение об убийствах и избиваниях в Петропавловке арестованных юнкеров. Этими известиями был взволнован и весь город. В думе снова произошли очень бурные сцены. Но известия не подтвердились. Те, кто распространял эти слухи, сильно предупреждали события... Городского голову все же командировали в Петропавловку — расследовать дело.

Иван Флеровский

Мы решили немного прочистить атмосферу и показать революционный штык буржуазной сволочи. Разослали ряд матросских патрулей на Невский и другие улицы с приказом разгонять

обывательские сборища. Патрули действительно внесли успокоение. Возвращались они обычно с трофеями — с отобранным разным оружием: винтовками, револьверами, шашками и даже бомбочками; приводили подозрительных лиц: офицеров, ударниц, пьяных, господ сверхбуржуазного вида. Однако к этим «пленникам» и в штабе, и у матросов отношение было крайне добродушное: после легкого опроса их отпускали на все четыре стороны; ударницам советовали поскорей сменить штаны на юбки, все это без издевки, с веселым простым смехом, а пьяных даже кормили консервами и отправляли в матросское помещение выспаться. Очевидно, молва о ласковом приеме пьяных на корабле прошла по всему Питеру, — скоро от пьяных отбою не стало на корабле. Тогда применили другой способ вытрезвления, несколько жестокий в осенние дни: матросы стали окунать пьяных головой в Неве, средство в смысле отрезвления и избавления от пьяных посещений оказалось превосходным.

Александр Ильин-Женевский

Патрули, по-прежнему рассылаемые мною, зачастую приводили ко мне контрреволюционных агитаторов и вообще подозрительную публику. Помню, один патруль привел ко мне какого-то интеллигентного солдата «смертника», агитировавшего против Советской власти. Он был одет во все черное, а на фуражке у него красовалось изображение черепа и двух перекрещивающихся человеческих костей.

— Почему вы утверждали, что Советская власть доживает свои последние часы? — спросил я его.

— Очевидно, у меня есть к тому основание, — нахально глядя мне в лицо, ответил он. Я отправил его на полковую гауптвахту, надеясь на досуге поближе познакомиться с ним. Но увы! На следующее же утро караульный начальник сообщил мне, что решетка в его камере перепилена и он скрылся неизвестно куда. Мне было очень жаль, что такая интересная птица вылетела из моих рук.

Джон Рид

В Смольном атмосфера была еще напряженнее, чем прежде, если это только было возможно. Все те же люди, бегающие по

темным коридорам, все те же вооруженные винтовками рабочие отряды, все те же спорящие и разъясняющие, раздающие отрывочные приказания вожди с набитыми портфелями. Эти люди все время куда-то торопились, а за ними бегали друзья и помощники. Они были положительно вне себя, казались живым олицетворением бессонного и неутомимого труда. Небритые, растрепанные, с горящими глазами, они полным ходом неслись к намеченной цели, сгорая воодушевлением. У них было так много, так бесконечно много дела! Надо было создать правительство, навести порядок в городе, удержать на своей стороне гарнизон, победить думу и Комитет спасения, удержаться против немцев, подготовиться к бою с Керенским, информировать провинцию, вести пропаганду по всей России от Архангельска до Владивостока. Правительственные и городские служащие отказывались повиноваться комиссарам, работники почты и телеграфа лишили Смольный сообщения с внешним миром, железнодорожники упрямо отвечали отказом на все его просьбы о поездах, а тут надвигался Керенский, на гарнизон не вполне можно было положиться, казаки готовились к выступлению... За врагами стояла не только организованная буржуазия, но и все социалистические партии, за исключением левых эсеров и нескольких меньшевиков-интернационалистов и новожиженцев, да и те колебались, не зная, на что решиться. Правда, за большевиками шли широкие массы рабочих и солдат; правда, отношение крестьянства еще недостаточно определилось.

Зинаида Гиппиус

26 октября

Как заправит это правительство — увидит тот, кто останется в живых. Грамотных, я думаю, мало кто останется: петербуржцы сейчас в руках и распоряжении 200-тысячной банды гарнизона, возглавляемой кучкой мошенников.

Кажется, большевики быстро обнажатся от всех, кто не они. Уже почти обнажились. Под ними ... вовсе не «большевики», а вся беспросветно-глупая чернь и дезертиры, пойманные прежде всего на слово — «мир». Но хотя — черт их знает, эти «партии», черновцы, например, или новожиженцы (интернационалисты)... Ведь и они о той же, большевицкой, дорожке

мечтали. Не злятся ли теперь и потому, что «не они», что у них-то порохов не хватило (демагогически)?

Непрерывные слухи об идущих сюда войсках и т.д. — очень похожи на легенду, необходимую притихшим жителям завоеванного города. Я боюсь, что ни один полк уже не откликнется на зов Керенского — поздно.

Джон Рид

Заседание съезда должно было открыться в час дня, и обширный зал был уже давно переполнен делегатами, было уже около семи часов, а президиум все еще не появлялся... Большевики и левые эсеры вели по своим комнатам фракционные заседания. Весь этот бесконечный день ушел у Ленина и Троцкого на борьбу с сторонниками компромисса. Значительная часть большевиков склонялась в пользу создания общесоциалистического правительства. «Нам не удержаться! — кричали они. — Против нас слишком много сил! У нас нет людей. Мы будем изолированы, и все погибнет...» Так говорили Каменев, Рязанов и др.

Но Ленин, которого поддерживал Троцкий, стоял незыблемо, как скала: «Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть товарищи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, на что дерзаем мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и соглашателям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело».

Николай Суханов

Тем временем шла работа в Смольном... Военно-революционный комитет принимал посильные меры к охране порядка и к поддержанию престижа новой власти. Он не только закрыл газеты и разослал своих комиссаров всюду, куда только мог придумать. Он объявил, что городская милиция переходит отныне в ведение Совета; приказал открыть все торговые заведения и в оных производить торговлю, как всегда, обещая иначе считать владельцев врагами революции и карать их по всей строгости закона, взял все пустующие помещения города под свой контроль (то есть объявил об этом) и т.д.

Но еще больше в этот день Военно-революционный комитет занимался выпуском воззваний. Прежде всего он обратился к ка-

закам столицы и фронта, убеждая их не противиться революции и не идти на Петербург. Это воззвание, распространенное в большом количестве, несомненно, оказало свое действие на сильно предубежденных, но отнюдь не рвущихся в бой казаков. Затем Военно-революционный комитет убеждал железнодорожников обслуживать движение полностью и с особым вниманием; призывал государственных и особенно военно-штабных служащих не прерывать работы под страхом революционного суда и т.д.

Но, разумеется, главной заботой была защита от Керенского, идущего походом на Петербург. Об этом походе достоверно ничего не было известно, но, во-первых, факт этого похода был *a priori* ясен. Во-вторых, из правых кругов об этом истекали вполне определенные слухи: называли и пункты, где находится Керенский, и количество войск, находившихся в его распоряжении. Обывательские и общественные сферы утешали этим себя и пугали Смольный. Военно-революционный комитет принял посильные меры...

Кроме печатной и устной агитации, отлично организованной на путях к столице, навстречу предполагаемым полчищам Керенского были посланы некоторые отряды. Но сил было крайне мало. Желających выступить и сколько-нибудь надежных среди гарнизона не находилось. Кое-как из 200-тысячной армии набрали две-три роты. Надежды в большей степени приходилось возлагать на рабочих-красноармейцев. Но ведь надеяться можно было только на их настроение. Боеспособность же этой армии, никогда не нюхавшей пороха, не выдавшей до последних дней ружья, не имевшей понятия о военных операциях и о дисциплине, была более чем сомнительна. В довершение всего этого совсем не было офицеров.

Серьезной силой могли оказаться только матросы. Кронштадт мог выставить тысячи три-четыре надежных бойцов. И кроме того, 1800 матросов, как мы знаем, приехали из Гельсингфорса; они попали в Петербург, когда тут было уже все кончено; но они сейчас же могли быть использованы против Керенского.

Кроме всего этого Военно-революционный комитет развил некоторую деятельность чисто полицейского характера. По городу производились многочисленные аресты. Они носили совершенно случайный и бесцельный характер и производились больше в силу революционной инициативы всех тех, кому было не лень

этим заниматься. Но целые вереницы арестантов с разных концов тянулись в Смольный. Это очень раздражало и отталкивало пассивную часть населения. Смольный же стал не только резиденцией нового правительства, не только главным военным штабом, но и верховным полицейским учреждением, и верховным судилищем, и тюрьмой.

Джон Рид

Пятница, 9 ноября (27 октября)...

В Петрограде шестнадцать министерств бастовали под руководством двух министерств, созданных августовским однородным социалистическим правительством, — министерств труда и продовольствия.

В это серое, холодное утро «горсточка большевиков» была, казалось, так одинока, как только можно быть одиноким на свете. Море вражды бушевало вокруг них. Прижатый к стене, Военно-революционный комитет нанес ответный удар, отчаянно защищая свою жизнь. В пять часов утра в типографию городского самоуправления явились красногвардейцы, конфисковали тысячи экземпляров думского воззвания-протеста и закрыли официальный орган думы «Вестник городского самоуправления». Все буржуазные газеты были сброшены с печатных машин, в том числе и газета старого ЦИК «Голос Солдата», которая, однако, переименовав это название на «Солдатский Голос», появилась в ста тысячах экземпляров, сея вокруг себя ярость и негодование:

«Люди, нанесшие свой предательский удар ночью, люди, закрывшие газеты, недолго удержат страну во мраке. Страна узнает истину! Она оценит вас, господа большевики! Мы все увидим это!»

Николай Суханов

Столица была взбудоражена до самого дна. Город был на военном положении. Целые дни туда и сюда зачем-то шныряли отряды солдат, матросов и красноармейцев. Но они вызвали не успокоение, а панику у обывателей. Все ждали ежечасно погромов и всяких насилий. Домовые комитеты созывали общие собрания жильцов; спешно устраивали вооруженную охрану, добывали оружие, распределяли дежурства... От кого?

От уголовного элемента — в контакте с новой властью или от новой власти и от ее армии?..

В городе целый день кто-то почему-то постреливал.

Джон Рид

В первом часу дня мы шли вниз по Невскому. Перед думой вся улица была забита толпой. То там, то здесь попадался красногвардеец или матрос с винтовкой и примкнутым штыком. На каждого из них напирало не меньше сотни мужчин и женщин — конторщики, студенты, лавочники, чиновники. Все эти люди потрясали кулаками, изрыгая проклятия и угрозы. На ступеньках стояли бойскауты и офицеры и раздавали экземпляры «Солдатского Голоса». Рабочий с красной повязкой на рукаве и с револьвером в руке стоял, дрожа от гнева и возбуждения, среди враждебной толпы и требовал, чтобы ему отдали газеты... Думается мне, история никогда не видала ничего подобного. На одной стороне — горсточка вооруженных рабочих и солдат, олицетворяющих победоносное восстание и глубоко беспомощных; на другой стороне — разъяренная толпа, состоящая из таких же людей, какие в полдень заполняют тротуары Пятой авеню, толпа, которая издевалась, проклинала и кричала: «Предатели! Провокаторы! Опричники!»

Двери охранялись студентами и офицерами. На их руках были белые повязки с красной надписью «Милиция Комитета общественной безопасности». Полдюжины бойскаутов сновало взад и вперед. Внутри здания все кишело народом. По лестнице спускался капитан Гомберг. «Они хотят распустить думу! — сказал он. Сейчас у головы сидит большевистский комиссар...» Когда мы поднялись наверх, то увидели Рязанова, быстро уходящего прочь. Он явился сюда требовать от думы признания Совета Народных Комиссаров, и городской голова ответил ему решительным отказом.

Во всех думских помещениях кричала, шумела и жестикулировала огромная толпа — чиновники, интеллигенты, журналисты, иностранные корреспонденты, французские и английские офицеры... Городской инженер торжествуя указывал на них. «Все посольства признают думу единственной правомочной властью, — заявлял он. — Что до этих большевиков, то они просто

разбойники и грабители, и вообще их конец — это вопрос нескольких часов! Вся Россия — за нас...»

Жак Садуль

На какие народные силы будет опираться этот комитет, почти все члены которого ранее продемонстрировали свое безволие в борьбе с очень сильной организацией восставших, презируемых буржуа, но искренне поддерживаемых рабочим населением?

Наши официальные круги, похоже, решительно недооценивают значение могучей и организованной акции большевиков. Главное, на мой взгляд, не понимают, до какой степени эта акция соответствует общему настроению. Я писал вам по приезде. Из 100 русских 80 — откровенные большевики, остальные 20 — большевики стыдливые. Много надежд возлагают на казачьи войска. Но достаточно ли они многочисленны и не будут ли они уничтожены в ходе восстания?

Джон Рид

На улице раздался выстрел. Мы побежали к окнам. Красногвардеец, окончательно выведенный из себя нападками толпы, выстрелил и ранил в руку какую-то девушку. Мы видели, как ее посадили на извозчика, окруженного взволнованной толпой; до нас доносились ее крики. Вдруг из-за угла Михайловского проспекта появился броневи́к. Его пулеметы поворачивались из стороны в сторону. Толпа немедленно обратилась в бегство. Как обычно бывает в этих случаях в Петрограде, люди ложились на землю, прятались в канавах и за телефонными столбами. Броневи́к подъехал к дверям думы. Из его башенки высунулся человек и потребовал, чтобы ему отдали «Солдатский Голос». Бойскауты засмеялись ему в лицо и юркнули в подъезд. Автомобиль нерешительно покружился около дома и двинулся вверх по Невскому. Люди, лежавшие на мостовой, встали и начали отряхиваться...

Разнесся слух, что здание окружено красногвардейцами. Вошел офицер с красной повязкой на рукаве и спросил городского голову. Через несколько минут он прошел обратно, а за ним быстро вышел из своего кабинета старик Шрейдер.

«Экстренное заседание думы! — кричал он, то краснея, то бледнея. — Немедленно!»

Заседание, шедшее в большом зале, было прервано: «Всех членов думы на экстренное заседание!»

«В чем дело?»

«Не знаю... Нас хотят арестовать!.. Хотят распустить думу... Всех членов думы арестовывают у дверей!..» — таковы были взволнованные комментарии.

В Николаевском зале негде было даже стоять. Городской голова заявил, что у всех дверей размещены войска, которые никого не пропускают ни в здание, ни из здания, и что комиссар угрожает арестовать и разогнать городскую думу. Посыпались страстные речи не только с трибуны, но и из публики. Свободно избранное городское самоуправление не может быть распущено никакой властью; личность городского головы и всех членов думы неприкосновенна; никогда не будут признаны насильники, провокаторы и германские агенты; они грозят разогнать нас, пусть попробуют; только переступив через наши трупы, войдут они в этот зал, где с достоинством древнеримских сенаторов ждем прихода вандалов...

Резолюция: немедленно по телеграфу информировать о происходящем городские думы и земства всей России... Резолюция: ни городской голова, ни председатель думы не могут входить в какие бы то ни было сношения с представителями Военно-революционного комитета или так называемого Совета Народных Комиссаров. Резолюция: немедленно обратиться к населению Петрограда с новым призывом встать на защиту избранного им самоуправления. Резолюция: заседание думы объявляется непрерывным...

Тут в зал вошел один из членов думы и сообщил собранию: он телефонировал в Смольный, и Военно-революционный комитет заявил, что не отдавал приказов об окружении думы и что войска будут убраны...

Когда мы спускались вниз по лестнице, в подъезд влетел крайне взволнованный Рязанов.

«Вы намерены распустить думу?» — спросил я.

«Да нет же, боже мой! — ответил он. — Тут какое-то недоразумение... Я еще утром заявил городскому голове, что дума будет оставлена в покое...»

По Невскому в надвигающихся сумерках мчалась двойная

цепь самокатчиков с винтовками за плечами. Они остановились. Толпа окружила их и закидала вопросами:

«Кто вы такие? Откуда?» — спрашивал какой-то полный старик с сигарой в зубах.

«Из XII армии, с фронта. Мы приехали поддерживать Советы против проклятой буржуазии».

Раздались злобные крики:

«А-а! Большевистские жандармы! Большевистские казаки!»

По ступенькам сбегал маленький офицер в кожаной тужурке.

«Гарнизон колеблется! — зашептал он мне на ухо. — Для большевиков это начало конца. Хотите посмотреть, как меняется настроение? Пошли!» Он почти бегом двинулся по Михайловскому, мы — за ним.

«А какой это полк?»

«Броневики»... Это было действительно серьезное осложнение. Броневики держали в руках ключ к положению: за кого были броневики, тот мог распоряжаться всем городом. «К ним отправились для переговоров комиссары от Комитета спасения и от думы. У них идет митинг, который должен решить...»

«Что решить? На какой стороне драться?»

«О нет! Так дела не делаются. Драться против большевиков они не станут никогда. Они просто решат оставаться нейтральными, а тогда юнкера и казаки...»

Дверь огромного Михайловского манежа зияла черной пастью. Двое часовых попытались остановить нас, но мы быстро прошли мимо, не обращая внимания на их негодующие крики. Манеж был тускло освещен единственным фонарем, висевшим под самым потолком огромного помещения. В темноте смутно маячили высокие пилястры и окна. Кругом были видны неясные чудовищные очертания броневых машин. Одна из них стояла в самом центре помещения под фонарем. Вокруг нее столпилось до двух тысяч одетых в серовато-коричневую форму солдат, почти терявшихся в огромном пространстве величественного здания. Наверху броневика находилось до дюжины человек: офицеры, председатель солдатского комитета, ораторы. Какой-то военный, взобравшись на центральную башню броневика, говорил речь. То был Ханжонов, председатель Всероссийского съезда броневых частей, состоявшегося летом. Гибкая, изящная фи-

гура в кожаной тужурке с погонами поручика. Он красноречиво и убедительно выступал за нейтралитет.

«Страшно русскому, — говорил он, — убивать своих же братьев русских. Между солдатами, которые плечом к плечу выступали против царя, плечом к плечу били внешнего врага в боях, которые войдут в историю, не должно быть гражданской войны! Что нам, солдатам, до всей этой свалки политических партий? Не стану говорить вам, что Временное правительство было правительством демократическим; мы не хотим коалиции с буржуазией, нет, не хотим. Но нам необходимо правительство объединенной демократии, в противном случае Россия погибла! При таком правительстве не понадобится гражданской войны и братоубийства».

Это звучало очень убедительно. Огромный зал огласился аплодисментами и одобрительными возгласами.

На башенку взобрался бледный и взволнованный солдат. «Товарищи! — закричал он. — Я приехал с Румынского фронта, чтобы настойчиво сказать всем вам: необходимо заключить мир! Немедленный мир! Кто даст нам мир, за тем мы и пойдем, будут ли то большевики или новое правительство. Дайте нам мир! Мы на фронте больше не можем воевать, мы не можем воевать ни с немцами, ни с русскими...» С этими словами он спустился вниз. Огромная масса слушателей смутно загудела. Гул этот перешел во что-то напоминавшее гнев, когда следующий оратор, меньшевик-оборонец, попытался сказать, что война должна продолжаться до победы союзников.

«Вы говорите, как Керенский!» — крикнул чей-то резкий голос.

Затем выступил делегат думы. Он советовал солдатам оставаться нейтральными. Его слушали, как-то неуверенно перешептываясь, не чувствуя в нем своего. Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и решить. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмурия брови от умственного усилия. На их лбах выступал пот. То были гиганты с невинными детскими глазами, с лицами эпических воинов...

Теперь заговорил большевик, один из солдат этой части. Речь его была яростна и полна ненависти. Собрание слушало его не более сочувственно, чем других. Это не соответствовало настро-

ению этих людей. Все они были на этот момент выбиты из повседневной колеи своих обычных дум. Им приходилось теперь думать о России, социализме, о всем мире, как будто бы от их броневиков зависела жизнь и смерть революции.

В напряженной тишине выступал оратор за оратором. Крики одобрения сменялись криками негодования. Выступать или нет? Снова говорил убедительный и симпатичный Ханжонов. Но ведь сколько бы он ни говорил о мире, разве он не офицер и не оборонец? Выступил василеостровский рабочий. Его встретили выкриком: «Что же вы, рабочие, дадите нам мир?» Поблизости от нас собралось несколько человек, главным образом офицеров. Они устроили нечто вроде клаки и шумно приветствовали всех сторонников нейтралитета. «Ханжонов! Ханжонов!» — кричали они и освистывали всех выступавших большевиков.

Вдруг между комитетчиками и офицерами, стоявшими на броневике, начался горячий спор. Они оживленно жестикуют и, очевидно, никак не могли прийти к соглашению. Собравшиеся заметили этот спор. Огромная толпа загудела и заволновалась, желая узнать, в чем дело. Солдат, которого удерживал офицер, вырвался и высоко поднял руку.

«Товарищи! — закричал он. — Здесь товарищ Крыленко, он хочет говорить!» Раздался взрыв криков, аплодисментов и свистков: «Просим! Просим!», «Долой!». Среди невообразимого гула и рева народный комиссар по военным делам, подталкиваемый и подсаживаемый со всех сторон, взобрался на броневик. Постояв минутку, он перешел на радиатор, уперся руками в бока и, улыбаясь, огляделся. Приземистая фигура на коротких ногах, в военной форме, без погон и с непокрытой головой.

Клакеры, стоявшие близ меня, подняли отчаянный крик: «Ханжонов! Просим Ханжонова! Долой его! Заткнись! Долой предателя!» Вся толпа закипела и загудела, и вдруг началось какое-то движение. На нас, словно снеговая лавина, надвигалась группа дюжих чернобровых солдат. Они пробивали себе дорогу, расталкивая толпу.

«Кто здесь срывает собрание? — кричали они. — Кто здесь шумит?» Вся клака немедленно рассыпалась в стороны и больше уже не собиралась.

«Товарищи солдаты! — начал Крыленко хриплым от устало-

сти голосом. — Я не могу как следует говорить, прошу извинить меня, но я не спал целых четыре ночи...

Мне незачем говорить вам, что я солдат. Мне незачем говорить вам, что я хочу мира. Но я должен сказать вам, что большевистская партия, которой вы и все остальные храбрые товарищи, навеки сбросившие власть кровавой буржуазии, помогли совершить рабочую и солдатскую революцию, — что эта партия обещала предложить всем народам мир. Сегодня это обещание уже исполнено!» Гром аплодисментов...

«Вас уговаривают оставаться нейтральными, оставаться нейтральными в тот момент, когда юнкера и ударники, никогда не знающие нейтралитета, стреляют в нас на улицах и ведут на Петроград Керенского или еще кого-нибудь из той же шайки, с Дона наступает Каледин. С фронта надвигается Керенский. Корнилов поднял текинцев и хочет повторить свою августовскую авантюру. Меншевики и эсеры просят вас не допускать гражданской войны. Но что же давало им самим возможность держаться у власти, если не гражданская война, та гражданская война, которая началась еще в июле и в которой они постоянно стояли на стороне буржуазии, как стоят и теперь?»

Как я могу убеждать вас, если ваше решение уже принято? Вопрос совершенно ясен. На одной стороне — Керенский, Каледин, Корнилов, меньшевики, эсеры, кадеты, городские думы, офицерство... Они говорят вам, что их цели очень хороши. На другой стороне — рабочие, солдаты, матросы, беднейшие крестьяне. Правительство в ваших руках. Вы хозяева положения. Великая Россия принадлежит вам. Отдадите ли вы ее обратно?»

Крыленко еле держался на ногах от усталости. Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами. Кончив свою речь, он пошатнулся и чуть не упал. Сотни рук поддерживали его, и высокий, темный манеж задрожал от грохота аплодисментов и восторженных криков.

Ханжонов попытался еще раз взять слово, но собрание ничего не хотело слушать и кричало: «Голосовать! Голосовать!» Наконец он уступил и прочел резолюцию: Бронеотряд отзывает своих представителей из Военно-революционного комитета и объявляет себя нейтральным в разразившейся гражданской войне.

Всем, кто за эту резолюцию, предложили отойти направо, всем, кто против, налево. Сначала был момент сомнения и как бы выжидания, но затем толпа стала все быстрее и быстрее перекатываться влево. Сотни дюжих солдат с топотом двигались по грязному, еле освещенному полу, натываясь друг на друга... Около нас осталось не больше 50 человек. Они упрямо стояли за резолюцию, а когда под высокими сводами манежа загредел восторженный клич победы, они повернулись и быстро вышли из здания. Многие из них ушли и от революции...

Вообразите, что такая же борьба шла в каждой казарме по всем городам, по всем округам, по всему фронту, по всей России! Вообразите себе этих бессонных Крыленко, бодрствующих над каждым полком, торопящихся с места на место, уговаривающих, спорящих и грозящих! И затем представьте себе, что то же самое происходило в помещениях всех профессиональных союзов, на фабриках и заводах, в деревнях, на боевых кораблях далеко разбросанных русских флотов; подумайте о сотнях тысяч русских людей, пожирающих глазами ораторов по всей огромной России, о рабочих, крестьянах, солдатах, матросах, так мучительно старающихся понять и решить, так напряженно думающих и в конце концов решающих с таким беспримерным единодушием. Такова была русская революция!..

Николай Суханов

Вооруженный мир в Москве продолжался только до вечера 27-го. Лишь только были получены сообщения из Петербурга, как штаб Московского округа во главе с командующим Рябцевым перешел в наступление. Военно-революционному комитету был предъявлен ультиматум, а затем были открыты боевые действия.

В ночь на 28-е казаки, драгуны, юнкера, прапорщики с артиллерией начали наступать с окраин к центру. Военно-революционный комитет с его большими, но качественно слабыми силами был застигнут врасплох. Завязалась жаркая и беспорядочная стрельба, в результате которой жертвы исчислялись сотнями. Это было самое жестокое побоище за всю революцию. Это была гражданская война, начатая «Комитетом спасения», в самом широком масштабе.

В семь часов утра 28-го войсками штаба и местного «Комитета спасения» был занят Кремль. Перестрелка вокруг Кремля

и центральных пунктов города продолжалась непрерывно целый день. Число жертв, по сведениям не особенно достоверным, к вечеру достигало уже около 2000. Главным образом, как всегда, это были случайные люди, женщины, дети.

У большевиков были отбиты телеграф и телефонная станция. Но, кроме того, военный и политический центры — командующий Рябцев и городской голова Руднев — ждали из провинции подкреплений, артиллерии и конницы. В Петербург «Всероссийскому комитету спасения» была дана самая утешительная телеграмма, между прочим гласившая: «Подавление мятежа обеспечено; раздражение велико. Жертв очень много с обеих сторон и мирного населения, расстреливаемого с крыш большевиками. Командующий войсками полковник Рябцев действует решительно в полном согласии с “Комитетом общественной безопасности”».

Смольный же, где вечером 28-го заседал ЦИК, по-видимому, не имел обо всем этом никакого представления — именно потому, что телеграф и телефон в Москве были отбиты контрреволюционными войсками.

Попытки Военно-революционного комитета выбить противника из захваченных центров были безуспешны. Военные действия продолжались двое суток. Они возобновлялись с рассветом 29-го и снова продолжались целый день. Только к вечеру 29-го было заключено перемирие. Оно состоялось в результате энергичного вмешательства железнодорожного союза.

Москва была тесно связана с петербургским буржуазно-демократическим центром. И ее выступление не было изолированным. В эти дни успехов Керенского, в дни его подступа к Петербургу «Комитет спасения» выступил сразу в обеих столицах.

Он перешел от слов к делу совсем не на шутку. Расплываясь в публичных речах о концентрации сил и о ликвидации авантюры, он за кулисами новой общественности, в подполье Петербурга устроил в эти дни вполне реальное покушение на ниспровержение нового строя.

Джон Рид

Суббота, 10 ноября (28 октября)

В городе было спокойно: ни беспорядков, ни грабежей, ни даже пьяных драк. Ночью по молчаливым улицам ходили воору-

женные патрули, а на всех перекрестках дежурили вокруг костров смеющиеся и поющие солдаты и красногвардейцы. Днем на тротуарах собирались большие толпы, прислушивавшиеся к беспрерывным и горячим спорам между студентами и солдатами, между торговцами и рабочими.

Николай Суханов

Во время заседания думы на Невском почему-то началась перестрелка. Была убита девочка лет двенадцати, и тело ее было принесено в думу. Снова произошли очень бурные сцены, которые кончились новым воззванием... В городе же опять целый день постреливали то там, то сям. Кто и почему, конечно, неизвестно.

Джон Рид

В Петрограде штаб сразу подчинился комиссарам Смольного. Центрофлот отказался повиноваться, но был занят Дыбенко и ротой кронштадтских матросов. Создан новый Центрофлот, поддерживаемый балтийскими и черноморскими линейными кораблями...

Но сквозь всю эту уверенность пробивались какие-то мрачные предчувствия. В воздухе чувствовалось какое-то беспокойство. Казаки Керенского были уже близко; у них была артиллерия.

Николай Суханов

Военно-революционный комитет объявил: «В Петрограде распространяются приказы бывшего министра Керенского о его победах... Известия эти распространяются с целью вызвать панику. По доставленным сведениям, у Керенского только 5000 казаков. Среди них начался раскол. Половина отказывается идти на Петроград, другая колеблется...»

Пять тысяч! Совершенно ничтожная, смехотворная цифра. Но вероятна ли она? Неужели Керенский не мог на фронте сформировать хотя бы один корпус?.. С другой стороны, имеются ли у Смольного силы, чтобы раздавить пять тысяч? Все это совершенно неясно.

Во всяком случае, Смольный лихорадочно действовал. С утра до вечера 28-го на фронт двигались войска, главным образом

красноармейцы. По Литейному, Садовой, Загородному на Балтийский и Варшавский вокзалы прошло и несколько броневиков, и автомобили Красного Креста... Массы рабочих были двинуты за город для рытья окопов. Петербург опутывался колючей проволокой... Но все же настроение было сомнительное.

Иван Жига

Смольный заметно опустел. Не было красногвардейского поста на Лафонской площади. Тут теперь только чернели кучи золы от костров. Не было броневиков у подъезда Смольного. Только пушки еще глядели из-за колонн, да часовые у входа проверяли пропуска.

Я забежал в комнату № 18 — пусто. Заглянул в актовый зал — пусто. По коридору бегали сотрудники Петроградского Совета, выполняя свою работу. Несколько солдат и крестьян, прибывших из различных мест «узнать всю подноготную», разговаривали, делясь впечатлениями. В коридорах не было даже и Красной гвардии. Вся жизнь Смольного теперь сосредоточилась в углу на третьем этаже в нескольких комнатах.

Туда и обратно непрерывными потоками текли по лестницам люди. Тут были все: и солдаты, и рабочие, и интеллигенты.

Поднялся и я.

В небольшой комнате людей — как рыбы в бредне. Где-то стрекочет пишущая машинка. Несколько столов расторканы по углам, но за столами никого нет. Все почему-то ходят, галдят, курят. В комнате душно, воздух настолько тяжел, что табачный дым не поднимается к потолку, а седым облаком висит на уровне головы человека среднего роста.

Невозможно было понять, кто чем занимается. Среди этого человеческого месива, на голову выше дыма, плавал высокого роста человек с русой бородкой в штатском костюме. Интеллигентное продолговатое лицо его было серо от усталости. Он, видимо, еле соображал, что ему говорили, а за ним хвостом тянулись люди, спрашивая, что делать, требуя распоряжений, прося дать работу. Это был тов. Подвойский.

В комнате стоял гул от человеческих голосов; одни уходили, другие приходили. Подвойский ходил среди солдат и рабочих, отдавая приказы на словах. Некоторым говорил: «Напишите бу-

мажку, а я подпишу». Но солдаты и рабочие растерянно разводили руками, оглядывались по сторонам, ища, кого бы попросить написать бумажку. Многие из них были просто неграмотны, а если кто и умел писать, то совершенно не представлял себе, как писать деловые бумаги.

Сидевший за столом около машинки товарищ писал им нужные бумажки, но он один не успевал. Около стола вытягивалась очередь, и люди нервничали оттого, что из-за таких пустяков приходится терять драгоценное время.

Остановил Подвойского и я.

— Товарищ, дайте работу.

— А вы кто будете?

— Делегат съезда из Ревеля. Ехать обратно нельзя. Оставаться без дела не могу.

— А вы что можете делать?

— А я сам не знаю. Давайте что-нибудь. Все буду делать.

— Вы большевик?

— Да.

— Грамотный?

— Да.

— Приказы писать умеете?

— Не знаю. Случайно я три месяца ротным писарем был. Рапорты писал. Читал и приказы, авось напишу.

— Великолепно! Вот вам стол, табуретка, берите бумагу, чернила, пишите вот этим товарищам, что они хотят, и направляйте ко мне.

Сажусь за стол, и сразу же образовывается очередь. Худой, обросший волосами, грязный солдат, одетый в опорки, в рваной шинели, лихорадочно глядя мне прямо в глаза, говорил:

— Я из Нарвы. Через фронт пробрался. Меня прислали товарищи от Триста сорок третьего запасного пехотного полка. Нас пять тысяч человек. Мы все как один за советскую власть. Мы все хотим ударить в тыл Керенскому из Нарвы, но мы разуты и раздеты. Нам совершенно не в чем ходить. Мы без дела сидим в казармах. Прикажите, чтоб нам выдали обмундирование и оружие, и мы тогда моментально двинемся в Гатчину.

«Верно ли это? А может быть, они хотят получить обмундирование и разбежаться по домам?» Я знал, запасные полки больше

всего страдали от голода и от отсутствия одежды. Их буквально раздевали и отнимали паек, чтобы снабдить фронт. Кроме того, в этих полках оставались только старики и раненые, одним словом — битые, но не совсем добитые люди. Немудрено, что в этих полках самые революционные настроения. А, черт с ней! Что мы потеряем? — Куда писать? — спрашиваю.

Солдат называет штаб дивизии, от которого зависит выдача обмундирования.

Я пишу:

«Военно-революционный комитет предписывает немедленно выдать обмундирование 343 пехотному полку, который с настоящего момента поступает в распоряжение Военно-революционного комитета.

Председатель».

Солдат радостно рвет у меня из рук бумажку, бежит к Подвойскому, а передо мною другой — солдат Саперного батальона с просьбой выдать им из их же вещевого склада инструменты, так как они хотят идти рыть окопы, а инструментов нет.

— Так вы бы прямо по начальству обратились!

— Не дают. Говорят, без разрешения Революционного комитета не имеем права.

Пишу и этому соответствующее распоряжение.

За столом стоит рабочий.

— Товарищ, наш завод как один готов выступить против Керенского, да у нас нет оружия. Прикажете, пожалуйста, чтоб нам выдали тыщонки две винтовочек...

Требования самые разнообразные. От ручных гранат матросскому отряду, отправляющемуся на фронт, до просьбы арестовать укрывшегося пристава, ведущего контрреволюционную агитацию.

Джон Рид

Когда мы вышли из Смольного и очутились на темной и мрачной улице, со всех сторон неслись фабричные гудки, резкие, нервные, полные тревоги. Рабочий народ — мужчины и женщины — выходил на улицу десятками тысяч. Гудящие предместья выбрасывали наружу свои обтрепанные толпы. Красный Петроград в опасности! Казаки!.. Мужчины, женщины и подростки с

ружьями, ломами, заступами, мотками проволоки, патронташами поверх своей рабочей одежды тянулись по грязным улицам к югу и юго-западу, к Московской заставе... Город никогда не видал такого огромного и стихийного людского потока. Люди катились, как река, попеременно с солдатскими ротами, пушками, грузовиками, повозками. Революционный пролетариат шел грудью на защиту столицы рабочей и крестьянской республики!

Иван Жига

С Выборгской стороны целыми ротами и батальонами, сформированными на отдельных заводах, шли вооруженные рабочие. Многие были с черными лицами, с черными руками прямо — с работы. Многие — в неудобных для похода штиблетах, в длинных пальто, брюки навывпуск.

Вот прошел отряд человек в сто. Кепка на затылке, пальто нараспашку, под мышкой ничем не прикрытый черный десятифунтовый брус ржаного хлеба, за спиной винтовка, из кармана оскаливали зубы патроны — вот тип идущего на фронт рабочего.

Зинаида Гиппиус

28 октября

Сейчас льет проливной дождь. В городе полуокопавшиеся в домовых комитетах обыватели да погромщики. Наиболее организованные части большевиков стянуты к окраинам, ждя сражения. Вечером шлялась во тьме лишь вооруженная сволочь и мальчишки с винтовками.

Иван Флеровский

На нас с Каллисом было возложено проследить за отправкой артиллерии и полка до конца, т.е. до момента отъезда их эшелонов. Здесь мы натолкнулись на «викжелание» дорожного комитета. Он, по союзной политике Викжеля, объявил себя «нейтральным».

Тут мы настояли прежде всего на отправке — к машинисту посадили пару матросов. Казалось все налаженным и благополучным. Эшелон готов был тронуться. Вдруг один из «викжелеобразных» заявляет, что «комитет не ручается» за благополучный ход эшелона — «мало ли что может случиться».

В помещении комитета членов было человек шесть, мы с Каллисом и один матрос. Заслышав новую угрозу, Каллис немедленно вынул внушительный кольт и приказал членам комитета сесть вдоль стены. Те опешили и сели.

«Вот что, товарищи, шутки в сторону, нам это надоело. Сейчас один из вас с товарищем матросом отсюда выйдет и устроит так, чтобы эшелон ушел вполне благополучно. Если ж что-нибудь произойдет, я перестреляю вас всех».

Комитет онемел, один из членов в сопровождении матроса немедленно был выпущен, а мы с Каллисом и остальными членами просидели так около часа, пока не получили извещения о благополучном прибытии эшелона в Колпино.

Джон Рид

Перед дверью Смольного стоял автомобиль. К его крылу прислонился худой человек в толстых очках, под которыми его покрасневшие глаза казались еще больше. Засунув руки в карманы потертого пальто, он через силу произносил какие-то слова. Тут же беспокойно похаживал взад и вперед рослый бородатый матрос с ясными молодыми глазами. На ходу он рассеянно поигрывал неразлучным огромным револьвером синей стали. Это были Антонов и Дыбенко.

Несколько солдат пытались привязать к подножке автомобиля два велосипеда военного образца. Шофер резко протестовал. Он говорил, что велосипеды поцарапают эмаль. Конечно, он сам большевик, а автомобиль реквизирован у какого-то буржуя; конечно, на этих велосипедах поедут ординарцы, но все-таки его шоферская профессиональная гордость была возмущена... И велосипеды остались на месте...

Народные комиссары по военным и морским делам отправлялись инспектировать революционный фронт, где бы он ни находился. «Нельзя ли нам будет поехать вместе с ними?» — «Разумеется, нет! В автомобиле всего пять мест — для двоих комиссаров, двоих ординарцев и шофера». Тем не менее один мой русский знакомый, которого я назову Трусишкой, преспокойно уселся в автомобиль и, несмотря ни на какие просьбы, не соглашался очистить место...

У меня нет никаких оснований не верить рассказу Трусишки об этом путешествии. Уже на Суворовском проспекте кто-то из

ехавших вспомнил о еде. Объезд фронта мог затянуться на три-четыре дня, а местность была не слишком богата продовольствием. Остановили машину. У кого есть деньги? Военный комиссар вывернул все свои карманы — в них не оказалось ни копейки. Комиссар по морским делам тоже оказался банкротом.

Не было денег и у шофера. Трусишка купил провизии.

Когда они заворачивали на Невский, у автомобиля лопнула шина.

«Что делать?» — спросил Антонов.

«Реквизировать другой автомобиль!» — предложил Дыбенко, размахивая револьвером.

Антонов встал среди улицы и замахал проезжающей машине, у руля которой сидел какой-то солдат.

«Мне нужна эта машина», — заявил Антонов.

«Не дам!» — ответил солдат.

«Да вы знаете, кто я такой?» — и Антонов показал бумагу, в которой значилось, что он назначен главнокомандующим всеми армиями Российской республики и что все и каждый обязаны повиноваться ему без всяких разговоров.

«Хоть бы вы были сам дьявол, мне все равно! — с жаром ответил солдат. — Эта машина принадлежит первому пулеметному полку, и мы везем в ней боеприпасы. Не видать вам этой машины...»

Затруднение было разрешено появлением старого и разбитого такси под итальянским флагом. (Во время беспорядков владельцы частных автомобилей во избежание реквизиции регистрировали их в иностранных консульствах.) Из этого такси высадили толстого гражданина в роскошной шубе, и высшее командование поехало дальше.

Павел Дыбенко

При выезде за город, к нашему несчастью, сломался автомобиль. Какая неудача. Вылезши из поломанного автомобиля, мы стояли беспомощными и соображали, как двигаться дальше. Мимо нас проследовала саперная рота под командованием товарища Бакланова. Мы пытались найти телефон, дозвониться в Смольный, вызвать другой. Наши попытки оказались тщетными.

Вдруг, неожиданно для нас, с противоположной стороны мчится чей-то автомобиль. При подходе автомобиля к месту кру-

шения нашего — останавливаем его. В автомобиле довольно упитанный, в роскошной шубе штатский господин. Спрашиваю:

— Вы разрешите в вашем автомобиле доехать до Царского по срочным делам? Я запишу ваш адрес и по миновании надобности автомобиль возвращу. Через несколько минут будет исправлен наш автомобиль, и вы доедете в нем.

Пассажир: «Позвольте, я итальянский консул, пользуюсь правом неприкосновенности».

— Что же, дело революционное, спешное: вам все же придется выйти из автомобиля.

Несколько поморщившись, с явной злобой, господин медленно вытрясается из автомобиля. Едем дальше. По дороге в Царское тянется нескончаемая вереница туда и обратно отдельных групп вооруженных рабочих — зарождающаяся новая Красная гвардия — и отдельные группы солдат. Среди всей вереницы вооруженных не видно щеголевато одетых, выхоленных офицеров. Кто среди них командир? Вряд ли кто сумел бы сразу ответить на этот вопрос. Они руководствовались сознанием своего долга — вооружаться и вести беспощадную вооруженную борьбу со своими вековыми врагами — с контрреволюцией.

Джон Рид

Покрыв около десяти миль и добравшись до Нарвской заставы, Антонов спросил, где командующий красногвардейскими силами. Его проводили до самой окраины, где несколько сот рабочих отрыли окопы и ждали казаков.

«Как у вас дела, товарищи?» — спросил Антонов.

«Все в полном порядке, товарищ, — ответил командир. — Войска в превосходном настроении... Одно только — боеприпасов нет...»

«В Смольном лежит два миллиарда обойм, — сказал ему Антонов. — Сейчас я дам вам ордер... — Он стал рыться в карманах. — Нет ли тут у кого-нибудь клочка бумаги?»

У Дыбенко не было. У ординарцев тоже. Трусишка предложил свой блокнот.

«А черт! У меня нет карандаша! — вскрикнул Антонов. — Кто даст карандаш?..» Нечего и говорить, что единственным, у кого был карандаш, оказался Трусишка...

Вверх и вниз по Невскому, точно волны, двигались возбужденные толпы. Что-то нависло в воздухе. С Варшавского вокзала можно было слышать отдаленную канонаду. В юнкерских училищах царило лихорадочное оживление. Члены думы переходили из казармы в казарму, уговаривая, умоляя и заклиная солдат, рассказывая им ужасные истории о большевистских зверствах — об избиении юнкеров и насилиях над женщинами в Зимнем дворце, о расстреле девушки перед зданием думы, об убийстве князя Туманова... В Александровском зале думы шло чрезвычайное заседание Комитета спасения, вбегали и убегали торопливые комиссары... Здесь были все журналисты, выгнанные из Смольного. Они были в приподнятом настроении и не поверили нашему рассказу о положении в Царском. Помилуйте, всем известно, что Царское в руках Керенского, что казаки уже в Пулкове. Была избрана специальная комиссия для встречи Керенского на вокзале. Его ожидали к утру...

Один журналист под строжайшим секретом сообщил мне, что контрреволюционное выступление начнется в полночь. Он показал мне два воззвания; одно было подписано Гоцем и Полковниковым и приказывало всем юнкерским училищам, всем выздоравливающим солдатам, находящимся в госпиталях, и георгиевским кавалерам приготовиться к военным действиям и ждать приказов от Комитета спасения. Другое было подписано самим Комитетом спасения, и значилось в нем следующее:

«К населению Петрограда!

Товарищи рабочие, солдаты и граждане революционного Петрограда!

Большевики, призывая к миру на фронте, в то же время призывают к братоубийственной войне в тылу.

Не подчиняйтесь их провокационному призыву!

Не ройте окопов!

Долой оружие!

Долой предательские засады!

Солдаты, возвращайтесь в казармы!

Бойня, начатая в Петрограде, — подлинная гибель революции.

Во имя свободы, земли и мира сплывайтесь вокруг Комитета спасения родины и революции!»

Когда мы выходили из думы, нам встретился отряд красногвардейцев. Вид у них был суровый и решительный. Они шли по темной и пустынной улице, ведя с собой дюжину пленников — членов местного отдела Совета казачьих войск, пойманных в помещении этого Совета в тот самый момент, когда они были заняты подготовкой контрреволюционного заговора.

Солдат, сопровождаемый мальчиком с ведерком клейстера, расклеивал огромные ослепительно белые объявления:

«Настоящим гор. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. Всякие собрания и митинги на улицах и вообще под открытым небом запрещаются впредь до особого распоряжения...

*Председатель Военно-революционного комитета
Н. Подвойский».*

Мы шли домой. Воздух был полон смутных звуков. Автомобильные рожки, чьи-то вскрики, отдаленная пальба... Город сердито и беспокойно шевелился...

Рано утром перед самой сменой караула на телефонную станцию явилась рота юнкеров, переодетых в форму Семеновского полка. Они знали большевистский пароль и совершенно беспрепятственно сменили караулы. Спустя несколько минут явился Антонов, производивший инспекцию. Юнкера схватили его и заперли в маленькую комнату. Когда пришла подмога, она была встречена грохотом ружейного огня. Несколько человек было убито.

Контрреволюция началась...

Альберт Рис Вильямс

К тому времени, как Антонов пробирался на машине по Морской, здание телефонной станции пало под натиском кадетов. Баррикада, когда он увидел ее, простиралась через улицу, в ней был оставлен проезд, через который разрешено было пропускать определенные машины. И какой же трофей заполучили эти безбородые юнцы, когда, остановив одну машину, они на одну треть обезглавили тройку Военно-революционного комитета. Но если бы они захватили весь комитет, разница была бы невелика. Инстинкт самоорганизации русского народа плюс дисциплина выученных большевиками кадров тотчас пришли

бы в действие, как это случилось, несмотря на промахи при взятии Зимнего, включая бегство Керенского.

Георгий Благодравов

Часов около трех ночи в дежурную вошли наши патрульные, ведя за собою двух человек: одного военного в лохматой шапке, а другого, маленького, в штатском.

Из их карманов извлекли большое количество разного рода бумаг, и на столе скоро образовалась небольшая кучка. Я стал просматривать все вынутое; на некоторых бумагах виднелись следы свежих надрывов, а другие были скомканы. Дело начинало разъясняться. Первая попавшаяся развернутая мною бумажка была приказ полковника Параделова с призывом к выступлению сегодня утром против большевиков; далее шла дислокация частей, которые должны были принять участие в восстании. Судя по документам, восстание должно было начаться с рассветом, и в нашем распоряжении было всего три-четыре часа.

За это время надо предупредить Военно-революционный комитет и принять общие меры по городу по ликвидации мятежа. Заказав машину для поездки в Смольный, я тем временем учинил краткий допрос арестованных. Штатский назвался членом ВЦИК, правым эсером Брудерером и от дальнейших показаний отказался, молодой — ударником из дворца Кшесинской; ударник дал мне кое-какие сведения и обещал рассказать все, что он знает. Между тем машина была уже готова, ни минуты времени терять было нельзя, и я решил захватить ударника с собой в Смольный. Все отобранные документы я положил в боковой карман своей шинели. В тот момент, когда я уже выходил, поступила неприятная новость: Юнкера напали на Михайловский манеж — оттуда срочно просили помощи.

В Михайловском манеже стояли наши броневые машины, и если бы напавшим удалось захватить их, наше положение в предстоящем уличном бою было бы крайне незавидно. Высылаем против юнкеров броневик (броневик пришел уже после того, как юнкерам удалось увести две бронемашины), сам спешу в Смольный. Моя жена, все время разделявшая со мной работу в крепости, выражает желание ехать вместе со мной. Впятером (двое патрульных, арестованный ударник, я и жена) садимся в машину и

трогаемся. Ночь такая, что ничего не видно в нескольких шагах. К этому добавляется обычный питерский туман. Несколько раз нас останавливают патрули; с тревогой всматриваемся им в лица и сжимаем револьверы: свои ли? Но пока идет все благополучно.

Около Литейного моста машина капризничает и останавливается; несмотря на все старания шофера, пустить ее не удается. Видимо, засорилась карбюрация. Продав около пятнадцати минут, мы решились двинуться дальше пешком; тем более, что, оставаясь посреди улицы у машины, мы могли привлечь внимание патрулей противника. Разделяемся на две группы: я с женой пошел по правому тротуару Шпалерной улицы, а арестованный с конвоирами двинулся посредине улицы, немного позади нас. Мгла по-прежнему непроницаема; проходим мимо какого-то дома, верх которого тонет во мраке, а подвальные окна, лишённые стекол, даже ночью зияют. На тротуаре валялись обломки кирпича и разбитого стекла. Ни в одном окне не горел свет. Временами я ощупываю рукоятку нагана под шинелью; осторожно продвигаемся вперед.

Неожиданно темноту пререзает яркий свет электрического фонаря и раздается громкий оклик: «Кто идет!». В первое мгновение я ничего не вижу и жмурюсь. Луч света соскальзывает с моего лица и падает на жену; я различаю каски, формы ударников и сверкнувшие офицерские погоны. Нас окружают со всех сторон. Одно хладнокровие может нас спасти. «Ваши документы, — между тем продолжает, по-видимому, начальник отряда, — откуда и куда идете?» Жена делает попытку что-то сказать, но я предупреждаю ее. Вынимаю билет, удостоверение ВЦИК первого созыва, членом которого я состоял (на билете не указывается партийная принадлежность). Офицер внимательно рассматривает удостоверение и еще раз наводит луч фонаря на меня. Обращает внимание на мою офицерскую шинель. Я стараюсь придать своему лицу самое беспечное и спокойное выражение и сообщаю, что иду с женой из гостей домой на Кавалергардскую улицу. Офицер верит и, слегка козырнув, пропускает нас. Беря жену под руку, я удаляюсь намеренно медленно, чтобы не возбудить подозрения. Как-то пройдут товарищи с арестованным? Почти в это мгновение конвоиры окликнули меня и спросили: верно ли мы идем? Я ответил, что верно. Одного упоминания о Смольном

было бы достаточно, чтобы мы в него не попали, быть может, никогда. Однако и тут нас спасла случайность. Наши переговоры были услышаны юнкерской заставой, и я разобрал брошенную кем-то фразу: «Как отойдут, в спину». Это относилось к нам. Меняю с женой место и толкаю ее ближе к домам.

Между тем товарищи, идущие по дороге, ничего не подозревая, уже прошли заставу, не будучи ею задержаны. Начальник заставы снова окликает нас и предлагает вернуться. Идти или нет? Решаюсь возвратиться, торопливо прячу наган. Несколько мгновений начальник заставы молча стоит против нас, а затем с досадой в голосе говорит, обращаясь к кому-то в темноту: «Ну, вот, господа, я говорил же, что это ерунда. Разве стали бы они возвращаться добровольно обратно? Простите за беспокойство, — говорит он в нашу сторону, — пожалуйста, проходите». Думаю, запел бы ты, батенька, если бы ты знал, с кем говоришь и какие документы лежат вот тут в кармане. Стало очень весело. На этот раз мы беспрепятственно удалились. Отойдя на почтительное расстояние, я окликнул товарищей-конвоиров и, подойдя к ним, рассказал им, из какой ловушки мы выбрались.

У ворот Смольного горит костер, языки пламени режут ночной туман, бросая вокруг ответ.

Здание Смольного приветливо горит огнями. Ударники и опасность остались позади во мраке. У входа дежурили красногвардейцы, предъявляю им свой документ и вхожу в Смольный. В Военно-революционном комитете нахожу товарища Подвойского. Никогда я не видал его в такой ярости, как после моего сообщения о предстоящем восстании.

Николай Суханов

В ночь на воскресенье 29 октября юнкера произвели набег на Михайловский манеж и захватили там несколько броневых машин. В это же время были ликвидированы караулы Военно-революционного комитета при юнкерских училищах... Руководил операциями знакомый нам Полковников, отрешенный от должности Кишкиным, а ныне поступивший в распоряжение «Комитета спасения».

Рано утром с отрядами юнкеров в инженерное училище явился сам Полковников в сопровождении чинов бывшего штаба.

Сняв с караула солдат, отряд занял училище и превратил его в штаб «Комитета спасения». Сюда не замедлили явиться и политические руководители «Комитета».

В девятом часу утра отрядом юнкеров после небольшой, но кровавой стычки была занята телефонная станция. В воротах была поставлена броневая машина, а поблизости расставлены сторожевые посты. Немедленно были выключены телефоны Смольного и Петропавловки.

Полковников разослал по казармам приказ — не подчиняться Военно-революционному комитету. А «Комитет спасения» тогда же утром выпустил бюллетень № 1 с воззванием следующего содержания:

«Войсками “Комитета спасения родины и революции” освобождены почти все юнкерские училища и казачьи части, захвачены броневые и оружейные автомобили, занята телефонная станция, и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института, последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранять полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией спасения родины и революции Полковникова и его помощника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры, приказываем немедленно стягиваться к Николаевскому инженерному училищу. Всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер».

Джордж Бьюкенен

11 ноября (29 октября)

Последние два дня прошли без каких бы то ни было беспорядков, и вчера все верили, что к настоящему моменту войска Керенского уже подойдут сюда и положение будет ликвидировано. Руководствуясь этими соображениями, Комитет общественного спасения убедил курсантов военных училищ занять Центральный телеграф и предпринять наступление в других частях города. Вследствие этого ситуация снова обострилась, и повсюду в городе идут бои.

Наша охрана из восьми курсантов отличилась тем, что добралась до ящика виски и ящика кларета, принадлежавших секретарям. Большинство из них на следующий день были больны, а некоторых рвало прямо в вестибюле. Пока что не они защищают нас, а, скорее, мы защищаем их. К счастью, в пятницу нам придали дополнительную охрану из польских солдат с офицером, и мы благополучно отправили курсантов по домам, переодев их в гражданское платье.

Джон Рид

Петроград был разбужен треском ружейной перестрелки и громким топотом марширующих людей. Под серым небом дул холодный ветер, предвещая снег. На рассвете сильные отряды юнкеров заняли военную гостиницу и телеграф, но после кровопролитного боя были выбиты. Телефонная станция была осаждена матросами, которые залегли за баррикадами, построенными из бочек, ящиков и листов жести посреди Морской, или укрылись на углу Гороховой и Исаакиевской площади, обстреливая всех проходящих и проезжающих. Время от времени мимо них проезжал автомобиль под флагом Красного Креста. Матросы не трогали его...

Альберт Рис Вильямс был на телефонной станции. Он уехал оттуда в автомобиле Красного Креста, якобы наполненном ранеными. Покружив по городу, автомобиль боковыми улочками добрался до штаб-квартиры контрреволюции — Михайловского юнкерского училища. Во дворе училища находился французский офицер, который, по-видимому, распоряжался всем происходившим... Таким путем на телефонную станцию доставлялись боеприпасы и продовольствие. Целые десятки таких автомобилей якобы Красного Креста служили юнкерам для связи и снабжения...

В их руках было пять-шесть броневику из расформированного английского броневого дивизиона. Когда Луиза Брайант шла вдоль Исаакиевской площади, ей встретился один из них, направлявшийся от Адмиралтейства к телефонной станции. На углу улицы Гоголя машина остановилась как раз напротив Луизы Брайант. Несколько матросов, скрывавшихся за штабелями дров, открыли стрельбу. Пулемет в башенке броневика завертелся во все стороны, осыпая градом пуль штабели дров и толпу. Под

аркой, где стояла мисс Брайант, было убито семь человек, в том числе два маленьких мальчика. Вдруг матросы с криком выскочили из своего прикрытия и кинулись вперед. Окружив огромную машину, они принялись тыкать штыками во все ее щели, не обращая внимания на стрельбу... Шофер броневика притворился раненым, и матросы оставили его в покое, а он помчался в думу дополнять сказки о большевистских зверствах... В числе убитых был один английский офицер...

Иван Флеровский

Выхожу на палубу. Смотрю — на рядом стоящем «Забияке» странное оживление. С носового орудия снимают чехол, подносят снаряды. Бегу на миноносец узнать, что это значит. Там уже комендор наводит. Куда? Зачем? «Да вот на Исаакия — там, слышь, юнкера с пулеметами в наших стреляют». Еле-еле уговорил, что это непроверенные слухи, что стрельба глупа, беспечна и преступна. Угомонились, но с явным недовольством — уж очень хотелось пострелять. «Больно прицел хорош», — с разочарованием молвил комендор. Жестоко обругав председателя судового комитета, заставил орудие прикрыть, снаряды убрать и вернулся в штаб.

Николай Подвойский

Все заводы были тотчас же извещены о событиях дня: о восстании юнкеров и о наступлении казачьего корпуса Краснова. Рабочие со всех районов устремились к Смольному для формирования новых отрядов в помощь Красной гвардии и революционным войсковым частям. Рабочими, вставшими на защиту Советской власти, вскоре был заполнен весь двор Смольного и площадь около него. К Смольному не успевали подвозить оружие и снаряжение. Остро не хватало командиров. Их красногвардейцы выбирали тут же из своей среды.

Джон Рид

Целый день во всех частях города шли стычки между юнкерами и красногвардейцами, битвы между броневиками... Залпы, отдельные выстрелы, резкий треск пулеметов слышались издали и вблизи. Железные ставни магазинов были опущены, но

торговые дела шли своим чередом. Даже кинематографы с потушенными наружными огнями работали и были набиты зрителями. Трамваи ходили, как всегда. Телефон действовал. Вызвав станцию, можно было ясно слышать перестрелку. Все аппараты Смольного были выключены, но дума и Комитет спасения находились в постоянной телефонной связи со всеми юнкерскими училищами, а также с Керенским в Царском Селе.

Николай Суханов

Выступление «Комитета спасения» началось с виду довольно солидно. Если бы тут действительно подоспел Керенский, то были бы неизбежны очень бурные и кровавые события. Но Керенский не выручил, и предприятие было ликвидировано — если не безболезненно, то довольно быстро.

Военно-революционный комитет своевременно получил вести о «выступлении» спасителей родины и революции. Сейчас же отрядами красноармейцев и матросов, а отчасти и солдат были оцеплены все юнкерские училища. Почти вся живая сила «Комитета спасения» была этим локализована раньше, чем успела выступить в поход... Началась осада. В большинстве случаев дело ограничивалось небольшими стычками. После этого юнкера сдавались и разоружались. Но все же везде были жертвы. Это были первые относительно крупные жертвы октябрьских дней.

Но одно из юнкерских училищ, Владимирское, оказало упорное сопротивление.

Георгий Благонравов

Броневи́к быстро подошел к училищу и двинулся вдоль фасада. Много юнкеров толпилось на улице и смотрело в окна; подошедший броневик они приняли за свой и с большой радостью приветствовали криками и взмахами платков (белый броневик, по плану восстания, должен был прибыть действительно на подкрепление к владимирцам). Павлуновский уже собирался предъявить юнкерам ультиматум, как вдруг часть из юнкеров заподозрила неладное и бросилась бежать, другие открыли беспорядочный огонь. В свою очередь, броневик не остался в долгу и почти в упор начал стрелять вдоль по Неве и по окнам училища. Начался невообразимый кавардак, и прошло достаточно време-

ни, прежде чем юнкера опомнились и начали оказывать сопротивление. Сопротивление было довольно стойкое. По словам Павлуновского и шоферов, огонь был настолько сосредоточен, что броня разогрелась под действием града пуль, сыпавшихся на нее. Если добавить к этому непрочность брони (броневик был довольно стар) и то, что у юнкеров оказались бронебойные пули, то положение наших товарищей было далеко не важное. Однако бой продолжался. Одной из бронебойных пуль была пробита броня, но, к счастью, пуля потеряла силу и лишь слегка ушибла шофера. Другие пули попали в пулеметное отверстие, ранили в глаз навывлет пулеметчика, который грузно опустился вниз на сидевших там, залив их кровью. Пулемет замолчал, а среди наших товарищей произошло временное замешательство, так что броневик прекратил на несколько секунд огонь.

Юнкера закричали «ура» и бросились к броневiku. Пришлось отойти.

Джон Рид

В 7 часов утра во Владимирское юнкерское училище явился отряд солдат, матросов и красногвардейцев. Он потребовал от юнкеров сдачи оружия в двадцать минут. Юнкера ответили отказом. Через час, подготовившись, они попытались выступить, но были отбиты сильным огнем с угла Гребецкой и Большого проспекта.

Георгий Благонравов

Прежде всего задаемся целью выяснить, кто командует наступающими. Оказывается, начальника нет. Многие явились добровольно с винтовками на звук выстрелов, другие проходили мимо и приняли участие в перестрелке, часть прибыла из района. Назначаю командиром какого-то старого матроса с «Авроры» и рассыпаю цепь вдоль улицы, даю указание занять окна соседних домов. Наступления пока не вести, но и не давать юнкерам возможности ни на шаг продвинуться вперед. Попытки распространиться и занять плацдарм перед училищем юнкера, оказывается, уже делали, но неудачно. Натиск их был неуверен и крайне слаб. Сейчас они тоже пытались вылезти из-за угла, но сосредоточенным огнем цепи были отбиты.

Джон Рид

Советские войска окружили училище и начали обстрел, вдоль здания взад и вперед двигались два бронированных автомобиля, ведя огонь из пулеметов. Юнкера по телефону просили помощи. Казаки ответили, что не решаются выступить, так как перед их казармой расположился сильный матросский отряд с двумя орудиями. Павловское училище было окружено. Большинство юнкеров-михайловцев сражалось на улицах...

В половине двенадцатого прибыли три полевых орудия. Юнкерам снова предложили сдаться, но вместо ответа они открыли стрельбу и убили двух советских делегатов, шедших под белым флагом.

Георгий Благодоров

Артиллерист дергает за спуск, и первый выстрел рокошет. Снаряд попадает прямо в окно, выворачивает раму и рвется в комнате. За первым выстрелом следует второй, третий. На узкой улице пушечная пальба кажется оглушительной. Окна большого многоэтажного дома со страшным звоном валятся на камни мостовой, из некоторых окон показываются бледные лица насмерть перепуганных обывателей, валятся цветочные горшки.

Между тем к артиллерийским выстрелам присоединяется ружейная и пулеметная трескотня. Угол училища уже сильно пострадал, юнкера из этой половины перебрались в противоположную сторону и во внутренние комнаты; стрельба с их стороны заметно сокращается. Даю распоряжение привезти из крепости второе орудие и поставить его с другого конца училища.

Джон Рид

Началась настоящая бомбардировка. В стенах училища были пробиты огромные бреши. Юнкера отчаянно защищались; шумные волны красногвардейцев, шедших в атаку, разбивались ожесточенным огнем... Керенский по телефону отдал из Царского приказ не вступать ни в какие переговоры с Военно-революционным комитетом.

Советские силы, доведенные до бешенства неудачами и по-

терями, заливали разбитое здание морем стали и огня. Сами их предводители не могли остановить ужасной бомбардировки. Комиссар Смольного, по фамилии Кириллов, попытался сделать это, но ему пригрозили самосудом. Красногвардейцев ничто не могло остановить.

Иван Жига

Юнкера сдались. Но им никто не верил. Оказывается, они уже однажды вывешивали белый флаг, и когда наши пошли к ним на переговоры — они расстреляли их в упор, подпустив поближе к зданию.

Теперь со страшным ревом рабочие и солдаты бежали по лестницам наверх. Юнкера поднимали руки, но больших усилий стоило удержать себя, чтобы не двинуть мерзавцам прикладом в зубы.

Джон Рид

В половине третьего юнкера подняли белый флаг: они готовы сдаться, если им гарантируют безопасность. Обещание было дано. Тысячи солдат и красногвардейцев с криком и шумом ворвались во все окна, двери и бреши в стенах. Прежде чем удалось остановить их, пять юнкеров были заколоты насмерть. Остальных, около двухсот, под конвоем отправили в Петропавловскую крепость группами по несколько человек, чтобы не привлекать внимания толпы. Однако по дороге толпа набросилась на одну из таких групп и растерзала еще восемь юнкеров... В бою пало свыше ста солдат и красногвардейцев... Через два часа в думу было сообщено по телефону, что победители двинулись к Инженерному замку. Дума немедленно послала двенадцать своих членов для распространения среди них последнего воззвания Комитета спасения. Некоторые из посланных не вернулись назад... Все другие училища сдались без сопротивления, и юнкера без всяких осложнений были в полной безопасности доставлены в Петропавловскую крепость и в Кронштадт...

Николай Суханов

Петербургские рабочие получили боевое крещение и вкусили крови в еще невиданных размерах.

Иван Флеровский

Я не был при подавлении восстания Владимирского юнкерского училища. Матросы вернулись с операции в крайнем возбуждении. Еще бы! Выкинуть белый флаг — знак сдачи и покорности — и затем поливать из пулемета матросов и красногвардейцев, не подозревавших бесчестного, кровавого обмана, — это чрезвычайно мало располагало к дальнейшему добродушию. И пусть не сетуют господа из того лагеря на жестокость революционных матросов. Если и был в действительности взрыв жестокости, он явился результатом возмутительной, зверской провокации юнкеров Владимирского училища.

Александр Ильин-Женевский

Узнав, что юнкера сдались, я немедленно выехал в помещение училища, опасаясь, как бы пленные не сделались жертвой самосуда. Мои опасения оправдались. На Большом проспекте Петербургской стороны я увидел следующую картину. Посредине улицы двигались юнкера, окруженные конвоем, а кругом них шумела и волновалась толпа, требуя немедленно над ними казни. Возбуждение толпы было так велико, что у Тучкова моста продолжать конвоирование пленных было уже небезопасно, и пришлось остановиться, отвести юнкеров в Петровский парк, поставить на мосту крепкий заслон и подождать успокоения толпы.

С большим трудом удалось довести юнкеров до места заключения.

Джон Рид

Телефонная станция держалась до самого вечера, когда появился большевистский броневик, и матросы пошли на приступ. Перепуганные телефонистки с криком бегали по зданию. Юнкера срывали с себя все знаки различия, а один из них, решивший скрыться, предлагал Вильямсу за его пальто все, что он захочет... «Они нас перебьют! Они нас перебьют!» — кричали юнкера, ибо многие из них еще в Зимнем дворце обещали не поднимать оружия против народа. Вильямс предложил им свое посредничество, если они выпустят Антонова. Это было немедленно исполнено. Антонов и Вильямс обратились с речью к победителям-морьякам, озлобленным большими потерями, и юнкера снова

были отпущены на свободу... Но некоторые из них, перепугавшись, пытались бежать по крыше или спрятаться на чердаке. Их переловили и выбросили на улицу.

Альберт Рис Вильямс

Сам Антонов описывает нерешительность и смятение, царившие на телефонной станции, когда град пуль снаружи подал сигнал о том, что отряды большевиков штурмуют здание, юнкера не могли сообразить, что им делать. «Гул все нарастал, трещали выстрелы. Затем неожиданно распахнулась дверь, и с парой дрожавших юнкеров передо мною возникла фигура хорошо известного Вильямса, корреспондента американской социалистической газеты...» («Нью-Йорк пост» была газетой решительно капиталистической, но не обращайтесь внимания).

Антонов продолжает:

— Я выступаю как посредник и делаю вам предложение. Юнкера хотят освободить вас на условиях безопасности их жизни и предотвращения насилия, — сказал Вильямс.

— Хорошо, я отвечаю за безопасность их жизни, и пусть они принесут сюда свое оружие, — ответил я.

Антонов описывает, что внизу, через сломанную дверь он видел «вооруженную толпу во главе с тов. Старком, державшим в руках автомат». (Старк, комиссар Военно-революционного комитета, с маленьким отрядом матросов занял правительственное агентство новостей 24 октября и с того времени стал первым советским директором агентства до того, как потом уехал послом в Афганистан.)

Затем Антонов лаконично добавил: «В нескольких словах я успокоил собравшихся и приказал охране разобраться с арестованными людьми... Толпа недовольно ворчит, угрожает расправой дрожащим юнкерам, однако затем успокаивается, и я беспрепятственно веду арестованных к месту назначения...»

На самом деле все было не так легко. Первые слова Антонова просто потонули в криках матросов и красногвардейцев, требовавших отомстить юнкерам.

Среди юнкеров были несколько молодых людей, которых мы с Ридом видели у Зимнего дворца, когда без помех вошли в комнаты после побега Керенского. Тогда они поклялись умереть, защищая

Временное правительство. Теперь же им предоставлялась такая возможность. Но сейчас, однако, они заботились лишь о том, что бы остаться в живых, что указывало на их здравый смысл.

Антонов призывал большевиков по возможности избегать кровопролития. На его месте я посчитал бы, что моя жизнь не стоит и ломаного гроша. Однако он был спокоен, уверен, действовал почти машинально. Он не выказывал никакого страха — и воображения тоже.

— Вы не должны их трогать, — заявил он ровным, беспристрастным тоном. — Они наши пленники. Я обещал им жизнь.

— А мы — нет! — крикнул кто-то из матросов.

— Мы передадим их в руки трибунала, народного суда, — сказал Антонов.

— А трибунал их освободит. Они пытались убить нас. Мы уьем их, — ответил красногвардеец.

Антонов вел себя так, словно был уверен в революционной дисциплине, о которой неоднократно упоминал. Но я в этом не был столь уверен и не мог оставаться в стороне в подобный момент, а потому и ринулся в бой.

Оттеснив в сторону Антонова, я предстал перед матросами, стоя на верхней ступеньке лестницы.

Перепуганная делегация из городской думы, которая почему-то вошла в здание телефонной станции именно в этот момент, пошла назад и доложила думе, что мы с Антоновым спасли сегодняшний день от кровопролития.

Джон Рид

Измученные, покрытые кровью, торжествующие матросы и рабочие ворвались в аппаратный зал и, увидев сразу столько хорошеньких девушек, смутились и нерешительно затоптались на месте. Ни одна девушка не пострадала, ни одна не подверглась оскорблению. Перепуганные, они забились в угол и затем, почувствовав себя в безопасности, дали волю своей злости: «У, грязные мужики, невежды! Дураки!..» Матросы и красногвардейцы совсем растерялись. «Звери! Свиньи!» — визжали девушки, с негодованием надевая пальто и шляпы. Как романтичны были их переживания, когда они передавали патроны и делали перевязки своим смелым молодым защитникам, юнкерам, из которых многие были

из лучших русских семей и сражались за возвращение обожаемого царя! А тут все были рабочие да крестьяне — «темный народ»...

Комиссар Военно-революционного комитета, маленький Вишняк, пытался убедить девушек остаться. Он был необычайно вежлив. «С вами очень плохо обращались, — говорил он. — Телефонная сеть находилась в руках городской думы. Вам платили по 60 рублей в месяц, заставляли работать по десять часов в сутки и больше... Отныне все будет по-другому. Правительство передаст сеть министерству почт и телеграфов. Вам немедленно подымут жалование до 150 рублей и уменьшат рабочий день. В качестве членов рабочего класса вы должны быть счастливы...»

«Члены рабочего класса! Уж не думает ли он, что между этими... этими животными и нами есть что-нибудь общее? Остаться? Да хоть бы вы нам дали по тысяче рублей!...» И девушки с величайшим презрением покинули здание.

Остались только служащие, монтеры и рабочие. Но коммутаторы должны работать: телефон был жизненно необходим... Имелось же всего полдюжины опытных телефонисток. Вызвали добровольцев. На призыв ответило до сотни матросов, солдат и рабочих. Шестеро девушек носились кругом, инструктируя, помогая, бранясь... Дело пошло кое-как, но все-таки пошло, и провода снова загудели. Прежде всего установили связь между Смольным, казармами и фабриками, затем отрезали сообщение с думой и юнкерскими училищами... Поздно вечером слух об этом распространился по всему городу, и сотни представителей буржуазии орали в телефонные трубки: «Дураки! Черти! Вы думаете, это надолго? Погодите, вот придут казаки!»

Иван Жига

Через час зазвонил телефон... Но как было странно и смешно, когда на твой звонок вместо тоненького, нежного голоса барышни у тебя спрашивал грубый бас:

— Алло, чево надо?

— Три ноль пять двадцать один, — говоришь ты.

— Счас, погоди немного, дай дырку найти...

И потом опять:

— Какой, говоришь?

— Три ноль пять двадцать один.

— Так, правильно, — звучал тебе бас в ухо, — разговаривайте. И мы разговаривали, несмотря на забастовку телеграфисток. Солдаты и матросы, отбившие у юнкеров телефонную станцию, сами связали теперь Смольный с районами.

Николай Суханов

Штаб «Комитета спасения» недолго усидел в инженерном училище. Его стали оцеплять, и все штатские вместе с Полковниковым поспешили заблаговременно ретироваться. Остались одни жертвы авантюры, несчастные юнкера. Начался обстрел, юнкера сдались и были арестованы.

Жак Садуль

Под нашими окнами убиты четыре юнкера, четыре красивых шестнадцатилетних парня. Большевики оставляют трупы на месте, но собираются снять с них сапоги. Мы вынуждены вмешаться.

Александр Ильин-Женевский

На углу Шамшевой улицы и Большого проспекта Петроградской стороны я увидел покупающим газеты своего бывшего законоучителя, священника Введенской гимназии, где я когда-то учился, Николая Михайловича Гурьева. Я поздоровался с ним и тут только увидел, что он не один. Рядом с ним стоял мой бывший одноклассник и товарищ по нелегальной революционной работе Владимир Владимирович Пруссак. Я только второй раз видел его по возвращении из ссылки и потому, естественно, обрадовался.

— А, Володя! — радостно сказал я и подошел к нему, протягивая ему руку. Но, увы! моя радость не нашла соответствующего отклика в его душе. Он не двинулся с места и, засунув руки в карманы, как-то исподлобья посмотрел на меня.

— А ты в Смольном работаешь? — неожиданно задал он мне вопрос.

— Да, работаю, — ответил я.

— В таком случае я не могу подать тебе руки, — сказал он и еще глубже засунул руки в карманы. Я громко выругался и, не говоря ни слова, направился дальше.

Этот эпизод в глубокой степени огорчил меня. С Пруссаксом мы когда-то были большими друзьями. Вместе работали в нелегальной межученической организации, вместе были арестованы 9 декабря 1912 года по «витмеровскому» делу, и только потом наши пути разошлись. Я уехал за границу, а он был вновь арестован по делу «революционного союза», судился и получил бессрочную ссылку в Сибирь. Революция вернула его обратно в Петроград.

Николай Подвойский

Ночь на 30 октября прошла в ликвидации отдельных разрозненных вспышек мятежа то в том, то в другом конце города.

Джон Рид

Наступала ночь. На Невском, по которому завывал жестокий ветер, не было почти ни души, только против Казанского собора собралась толпа и продолжала бесконечный спор; несколько рабочих, несколько солдат, а все остальные торговцы, чиновники и им подобные.

«Ленин не заставит немцев заключить мир!» — кричал кто-то.

Молодой солдат с жаром возражал: «А кто виноват? Все Керенский ваш, проклятый буржуй! К черту Керенского! Не хотим его! Хотим Ленина!..»

Николай Суханов

Так началось и кончилось в Петербурге предприятие «Комитета спасения».

Вот это — не в пример восстанию большевиков — был заговор. Он был учинен чисто конспиративным путем — без всякого участия масс, против их воли, без их ведома, у них за спиной. Это был заговор. И это был заговор контрреволюционный, корниловский не только по возможным последствиям, но и по самому существу. Это был заговор, устроенный кучкой обанкротившихся политиканов, против законного Петербургского Совета, против законного Всероссийского съезда, против подавляющего большинства народных масс, в котором они сами были так же не приметны, как в океане щепки и обломки разбитого бурей корабля.

Заговор 29 октября тоже имел свои последствия. Я утверж-

даю: только теперь, после этой кровавой авантюры, окончательно окрепло настроение сторонников октябрьского переворота. Это я видел воочию, и это подтверждали очевидцы.

— А, так вы так?! — сказали рабочие районы и подтянулись, напряглись, ошетинились на врага. Классовый инстинкт тут сделал свое дело. От колебаний, от созерцательности, от расхлябанности почти ничего не осталось в какие-нибудь сутки. Теперь знали твердо: надо защищать свое дело от буржуазии. И авангард петербургского пролетариата стал, без фраз и без преувеличения, рваться в бой. Достаточно было посмотреть на улицах отряды обучавшихся красноармейцев, чтобы увидеть перелом, созданный воскресеньем 29 октября. Смешные, небрежные, неуклюжие толпы равнодушных людей с винтовками превращались в стальные рабочие батальоны. Они знали, что сейчас пойдут делать важное дело, и сознательно, серьезно готовились к кровавой жертве.

Джон Рид

В Николаевском зале подходило к концу заседание думы. Курьер принес известие, что комиссия, посланная на вокзал с приветствием навстречу Керенскому, арестована. На улицах был слышен глухой гул отдаленной канонады, доносившийся с юга и юго-востока. Керенского все еще не было...

А в верхнем этаже Смольного полным ходом, не слабея, действовал, нанося удары, Военно-революционный комитет. Люди входили туда свежими и полными сил, дни и ночи крутились они в этой ужасной машине и выходили оттуда бледными, измученными, охрипшими и грязными, чтобы тут же свалиться на пол и заснуть... Комитет спасения был объявлен вне закона. Пачки и связки новых прокламаций загромождали весь пол.

В Большом зале Троцкий давал отчет о событиях дня.

«Мы предложили юнкерам-владимирцам сдаться, — говорил он. — Мы хотели избежать кровопролития. Но теперь, когда кровь уже пролита, есть только один путь — беспощадная борьба. Думать, что мы можем победить какими-либо другими средствами, — ребячество... Наступил решительный момент. Все должны помогать Военно-революционному комитету, сообщать ему обо всех запасах колючей проволоки, бензина и оружия... Мы завоевали власть, теперь надо удержать ее».

Меньшевик Иоффе хотел прочесть декларацию от имени своей партии, но Троцкий отказался допустить «спор о принципах».

«Наши споры теперь разрешаются на улицах, — воскликнул он. — Решительный шаг сделан. Мы все и, в частности, лично и берем на себя ответственность за все происходящее...»

Выступали солдаты, прибывшие с фронта, из Гатчины. Один из них — от ударников 481-й артиллерийской бригады: «Когда об этом узнают в окопах, там скажут: вот оно — наше правительство». Юнкер Петергофской школы прапорщиков рассказал, как он и двое других отказались идти против Советов и как товарищи, вернувшись после боя из Зимнего дворца, выбрали его своим комиссаром и послали в Смольный предложить услуги настоящей революции.

И снова на трибуне Троцкий, легко загорающийся, отдающий приказы, отвечающий на вопросы.

«Чтобы разбить рабочих, солдат и крестьян, мелкая буржуазия готова пойти на соглашение хотя бы с самим дьяволом», — сказал он. За последние два дня наблюдалось много случаев пьянства. «Не пить, товарищи! После 8 часов вечера никому не выходить на улицу, кроме тех, кто в карауле по нарядам. Необходимо обыскать все помещения, в которых могут оказаться запасы крепких напитков, и уничтожить все спиртное. Никакой пощады тем, кто продает вино...»

Военно-революционный комитет послал за делегатами Выборгского района, затем за делегатами Путиловского завода. Они спешно собрались.

«За каждого убитого революционера, — заявил Троцкий, — мы уьем пять контрреволюционеров».

В десять часов вечера Ленин выступил с речью перед собранием делегатов гарнизонных полков, и они подавляющим большинством голосов постановили вступить в борьбу. Был создан комитет из пяти солдат — нечто вроде генерального штаба, и рано утром полки в полном боевом порядке вышли из казарм... Я встретил их, когда шел домой. Мерным и твердым шагом боевых ветеранов шли они штык к штыку в отличном равнении по пустынным улицам завоеванного города...

Николай Суханов

Пока Керенский не ликвидирован, до тех пор налицо и политические, и стратегические основания для новых передеряг в тылу. Наоборот, Троцкий правильно заявлял в Совете 30 октября: как только Керенский будет раздавлен, будет вырвана почва из-под ног у московских и петербургских заговорщиков.

Собрание гарнизона было очень важно. Выступали и Троцкий, и сам Ленин. В своих предпосылках вожди хлопотали около большого пункта, наиболее «разлагавшего» солдат: они доказывали, что большевики не против соглашения, но они не виноваты, что меньшевики и эсеры сами сбежали к корниловцам. Ленин так и говорил: мы приглашали всех в правительство и хотели коалиционной Советской власти... А выводы были те, что необходимо немедленно раздавить Керенского... Представители гарнизона заверяли, что настроение прежнее и очень твердое. Солдаты-де желают бороться с Керенским.

Жак Садуль

После вчерашних кровопролитных боев в Петрограде установилась спокойная обстановка, порядок поддерживают многочисленные отряды большевиков, вновь патрулирующие город. Следует признать, что, не считая отдельных частных случаев, общественный порядок обеспечивается лучше, чем до восстания. Число грабежей значительно снизилось.

Джон Рид

Понедельник 12 ноября (30 октября) прошел в неизвестности. Взоры всей России были устремлены к серой равнине у предместья Петрограда, где все силы старого порядка, какие только можно было собрать, стояли лицом к лицу с неорганизовавшейся еще властью нового, неизведанного.

Семен Ан-ский

Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников заявил о своем отказе перевозить войска обоих лагерей: как Керенского, так и большевиков. Викжель требует, чтобы оба лагеря безусловно пришли к соглашению.

Представитель Викжеля обратился ко всем социалистиче-

ским партиям и к думе с предложением устроить совещание между обоими лагерями с целью соглашения и прекращения гражданской войны.

Социалистические партии, то есть социалисты-революционеры, меньшевики и интернационалисты, согласились с предложением Викжеля.

Дума решила послать на совещание двух делегатов. В качестве представителей были выбраны я и гласный Чихачев (с.-р.).

В три часа ночи (30 октября), когда мы уже собирались закрыть заседание, разыгрался чрезвычайно характерный инцидент.

К нам вошел швейцар и доложил, что явившаяся делегация рабочих Путиловского завода настойчиво требует, чтобы ее впустили, так как ей безусловно необходимо говорить с нами лично. Совещание было настроено против допущения делегации. Оно попыталось отклонить визит, указав на чрезвычайную спешность своих занятий.

Но делегация обнаружила невероятную настойчивость, требуя аудиенции. В противном случае она угрожала ворваться силой. Делать было нечего: делегация была принята.

В комнату вошло человек пятнадцать рабочих, стариков и молодых. Лица их были серьезные, напряженные. Один из них, молодой рабочий с энергичным лицом, умными, холодными глазами, выступил вперед и заговорил возбужденным голосом, в котором звучала угроза:

— Вот уже неделя, как продолжается кровопролитие между обоими революционными лагерями. Преступная гражданская война! Мы требуем, чтобы ей немедленно был положен конец! Довольно! Вы уже два дня заседаете, обсуждая вопрос о соглашении, но похоже на то, что вы вовсе не торопитесь. Мы не можем допустить дальнейшего продолжения гражданской войны. К черту Ленина и Чернова! Повесить их обоих!.. Мы говорим вам: положите конец разрухе. Иначе мы с вами рассчитаемся сами!

Речь и угрожающий голос молодого рабочего произвели сильное впечатление на всех членов совещания, главным образом на Рязанова.

Рязанов вскочил возбужденный и закричал истерическим голосом:

— Вы совершенно правы!!! Мы, большевики, с первой же ми-

нуты готовы к соглашению. Мы делаем всевозможные уступки, но эсеры, меньшевики, а главным образом — представители городской думы всячески тормозят работу, не давая прийти к соглашению. Вам следовало явиться не к нам, а в центральные комитеты эсеров и меньшевиков и в думу. Идите туда! Требуйте от них прекращения гражданской войны!

— Прекрасно! Мы сейчас идем и притащим их сюда! — закричали рабочие.

Речь Рязанова, которую иначе нельзя было назвать, как провокацией, всех нас сильно взволновала и озадачила.

Я разъяснил рабочим всю неосновательность заявления Рязанова и рассказал о всех пунктах наших разногласий. Рабочие выслушали меня, и один из них в сердцах крикнул:

— Черт вас разберет, кто из вас прав! Все вы не стоите того, чтобы вас земля носила! Повесить бы вас всех на одном дереве — в стране само наступило бы спокойствие... Идем, ребята! Нам тут делать нечего.

И они ушли.

Михаил Пришвин

30 октября

Сбежал на 14 линию к Ремизову. Едва пропустили. Пропуск спрашивают через окошко в железных воротах. Узнали, пропустили вооруженные охотничьими ружьями дежурные домового комитета. Каждый дом — маленькая крепость. Потом из освещенной электричеством квартиры, от самовара и общества давно знакомых милых людей переходишь в ночную тьму — как жутко! Черно, черно, как чернила, и мелкий дождик идет. Редко встретится испуганный, тоже перебегающий к себе человек. Через железные ворота домов иногда долетают голоса дежурных: «У меня шестизарядный, системы...»

Какая ужасная жизнь! «Господи, умили сердца!» — молятся в церквах.

В редакции сегодня сказали, что одну женщину убили за то, что она продавала «Волю Народа», что газету отобрали и жгли на Невском.

У Ремизова старик Семенов-Тяньшанский по-старчески учительно, как новую им открытую истину говорил:

— Мы находимся во временах Кромвеля и французской 1-й революции, а они хотят ввести пролетарскую республику. Нам нужна революция во имя свободных прав личности: то, что провозглашено в манифесте 17-го октября. Социализм — это антипод свободы личности.

Просто сказать, что попали из огня в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минувя свободу личности.

И так сейчас множество ученых, философов, художников и всяких мыслящих людей сидят в крепостях своих домов и думают, думают.

Владимир Лопухин

Мы все одинаково не понимали в те дни, вся так называемая интеллигенция, за исключением социалистов, что такое произошло 25 октября. Но различно трактовали создавшееся положение. Ставили различные прогнозы его перспектив.

Сходясь далее в долгое время державшейся уверенности, что большевистская власть непрочна, ограничивали ее существование разными сроками. Одни — настолько короткими, что отпадал вопрос о том, успеют ли большевики осуществить свою программу. Другие допускали, что новая власть продержится долгое время и придется пережить все стадии коренного переустройства общества, причем предсказывали конечный провал предстоявших социальных реформ, почитавшихся утопистскими.

Нужны были победа большевиков в несколько лет продолжавшейся Гражданской войне и интервенции, крах противившихся течений и первые успехи социализации и восстановления обороноспособности страны, чтобы интеллигенция вся, наконец, поняла и зашагала в ногу с большевиками по путям социализма.

В описываемые дни было, однако, еще далеко до этого прозрения. Интеллигенция жила, старалась жить, «как будто ничего не случилось». Опиравшаяся на капитал, допускала убытки, потери, но твердо верила, что сокрушить капитал не под силу никакому режиму.

Джон Рид

Бастуют банки. «Без денег, — сказал Менжинский, — мы со-

вершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; главный ключ положения — Государственный банк — тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу...

Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»

Почти в 3 часа ночи, когда мы уже уходили, в вестибюль Смольного сбежал по лестнице Гольцман из Военно-революционного комитета. Лицо его сияло.

«Все прекрасно! — закричал он, сжимая мне руку. — Телеграмма с фронта! Керенский разбит! Вот взгляните...»

И он протянул мне клочок бумаги, торопливо исписанный карандашом. Видя, что мы ничего не можем разобрать, он прочел вслух:

«Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 минут ночи.

Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную, свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы! Но путь открыт, и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться

своим пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена. Вечная память павшим!

Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета народный комиссар Л. Троцкий».

Николай Суханов

Ликвидацией Керенского был завершен октябрьский переворот. Москва еще была полем ожесточенной битвы. Враги и сторонники военного разгрома большевиков еще далеко не сложили оружия. Но сейчас в Смольном была единая и нераздельная власть республики. Ее вооруженные враги стали мятежниками — бесспорно и безусловно...

Джон Рид

Возвращаясь домой по Знаменской площади, мы заметили необычную толпу, напиравшую на Николаевский вокзал. Здесь было несколько тысяч матросов, над которыми вздымалась щетина ружейных штыков.

Член Викжеля, стоя на ступеньке, молил:

«Товарищи, мы не можем везти вас в Москву. Мы нейтральны. Мы не перевозим никаких войск. Не можем мы везти вас в Москву, где идет ужасная гражданская война...».

Площадь кипела и гремела негодованием. Матросы начинали подвигаться вперед. Вдруг в здании вокзала широко открылась другая дверь. В ней стояло двое или трое кондукторов, кочегар или кто-то еще.

«Сюда, товарищи! — кричали они. — Мы повезем вас в Москву, во Владивосток, куда хотите! Да здравствует революция!»

Глава 4

КР
ПЕТ

АСНЫЙ РОГРАД

Массы создавали
эпоху, руководи-
тели чувствовали
что их шаги
сливаются с
шагами истории

ГЛАВА 4. КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД

Джон Рид

31 октября

Рано утром я пошел в Смольный. Идя от внешних ворот по длинным деревянным мосткам, я заметил, что в сером безветренном воздухе порхают первые снежинки. «Снег! — весело улыбаясь, закричал часовой, стоявший у двери. — Здорово!» Внутри длинные мрачные коридоры и холодные залы казались пустынными. Громадное здание точно вымерло. Но тут до меня донеслись какие-то странные, глухие звуки. Я оглянулся. Вдоль стен на полу спали люди. Взлохмаченные, немые люди — рабочие и солдаты, перепачканные и забрызганные грязью, лежали в одиночку и группами, погруженные в тяжелый сон и безразличные ко всему. На многих были разорванные и окровавленные повязки. Тут же рядом валялись винтовки и патронные ленты... То была победоносная армия пролетариата.

Наверху, в буфете, спало столько народу, что с трудом можно было пройти. Воздух был невероятно спертый. Сквозь запотевшие окна еле проникал бледный свет. На прилавке стоял холодный помятый самовар, а вокруг него — масса немых стаканов. Тут же лежал экземпляр последнего бюллетеня Военно-революционного комитета лицевой стороной вниз, исписанный малограмотным почерком. Какой-то солдат писал эти слова в память о его товарищах, погибших в бою против Керенского, — писал, пока не свалился тут же на пол.

Мы проскочили под огромной серой каменной аркой Московских ворот, покрытой золотой вязью надписей, тяжело-весными императорскими орлами и именами царей, и вылетели на широкую прямую дорогу, посеревшую от первого снега. Она была забита красногвардейцами, которые с шумом и песнями двигались пешком на революционный фронт. Другие — бледные, грязные, возвращались оттуда в город. Большинство красногвардейцев казались совсем юнцами. Тут же проходили

и женщины с лопатами, а иногда и с винтовками и патронташами или с повязками Красного Креста — согбенные, измученные трудом женщины трущоб. Группы солдат, шедших не в ногу, дружески подшучивали над красногвардейцами; попадались суровые матросы, дети, тащившие еду своим отцам и матерям, и все они, двигаясь туда и обратно, ожесточенно месили глубокую грязь, покрывавшую шоссе на несколько дюймов. Мы обгоняли пушки и зарядные ящики, с грохотом катившиеся на юг. Нам встречались грузовики, оцетинившиеся штыками бойцов; с фронта ехали санитарные автомобили, а однажды встретилась медленно подвигавшаяся со скрипом крестьянская телега, в которой корчился и протяжно стонал смертельно бледный юноша, тяжело раненный в живот. На полях по обе стороны дороги женщины и старики рыли окопы и строили проволочные заграждения.

Джордж Бьюкенен

13 ноября (31 октября)

Несмотря на меры, предпринятые для поддержания порядка, нельзя сказать, что жизни людей ничего не угрожает: сегодня утром под нашими окнами русский младший офицер был застрелен за то, что отказался отдать свою шашку вооруженным рабочим.

Зинаида Гиппиус

1 ноября

Не думаю, однако, чтобы кто-нибудь, по каким угодно рассказам и записям, мог понять и представить себе нашу здесь атмосферу. В ней надо жить самому.

Сегодня большевики, разведя все мосты, просунули на буксире (!) свои броненосцы по Неве к Смольному. Совершенно еще не встречавшееся безумие.

По городу открыто ходят всем известные германские шпионы. В Смольном они называются: «представители германской и австрийской демократии». Избиение офицеров и юнкеров тоже входило в задачу Бронштейна? Кажется, с моста Мойки сброшено пока только 11, трупы вылавливаются. Убит и князь Туманов — нашли под мостом.

Жак Садуль

Признаюсь, что несмотря на обвинения, выдвинутые против них, несмотря на большую вероятность того, что эти предположения верны, несмотря на доказательства, которые, как говорят, собраны против них, хотя мне они не известны, я с трудом допускаю, что такие люди, как они, многим пожертвовавшие во имя революционных убеждений, может быть, стоящие на пороге осуществления своего идеала и входящие в историю через парадный вход, могут опуститься до того, чтобы быть агентами Германии. Конечно, среди большевиков могут оказаться предатели, провокаторы. В какой оппозиционной партии, в какой пацифистской группировке их нет? То, что их лидеры какими-то подозрительными путями получали деньги — возможно. Но то, что они сознательно служили интересам Германии против интересов русской революции, — в это я не верю.

Джон Рид

Вечером 16 (3) ноября я наблюдал, как по Загородному проспекту двигались две тысячи красногвардейцев с военным оркестром, игравшим «Марсельезу» (как верно попадала она в тон этому войску!), и кроваво-красными флагами, реявшими над густыми рядами рабочих, шедших приветствовать своих братьев, вернувшихся домой с фронта защиты красного Петрограда. В холодных сумерках шагали они, мужчины и женщины, и длинные штыки их винтовок качались над ними; они шли по еле освещенным и скользким от грязи улицам, сопровождаемые взглядами буржуазной толпы, молчаливой, презрительной и напуганной.

Все были против них: дельцы, спекулянты, рантье, помещики, армейские офицеры, политические деятели, учителя, студенты, люди свободных профессий, лавочники, чиновники, служащие. Все другие социалистические партии ненавидели большевиков самой черной ненавистью. На стороне Советов были массы рядовых рабочих, матросы, все недеморализованные солдаты, безземельные крестьяне да горсточка, крохотная горсточка, интеллигенции.

Однажды я увидел против Смольного обтрепанный полк, только что вернувшийся из окопов. Солдаты выстроились перед большими воротами, исхудалые, с землистыми лицами, и смотре-

ли на Смольный так, как будто бы ожидали увидеть в нем самого господ бога. Некоторые со смехом поглядывали на все еще красовавшихся над входом императорских орлов. В это время к Смольному подошел отряд красногвардейцев сменять караул. Все солдаты с большим любопытством повернулись поглядеть на них, потому что они много слышали о красногвардейцах, но никогда их не видали. Они добродушно посмеивались, выходили из рядов и хлопали красногвардейцев по плечу с полунасмешливыми, полувосторженными замечаниями...

Зинаида Гиппиус *(запись в дневнике от 5 ноября)*

Любопытны подробности недавних встреч фронтовых войск с большевиками (где всегда есть агитаторы). Войска начинают с озлобления, со стычек, с расстрела... а большевики, не сражаясь, постепенно их разлагают, заманивают и, главное, как зверей, прикармливают. Навезли туда мяса, хлеба, колбас — и расточают, не считая. Для этого они специально здесь ограбили все интендантство, провиант, заготовленный для фронта. Конечно, и вином это мясо поливается. Видя такой рай большевицкий, такое «угощение», эти изголодавшиеся дети-звери тотчас становятся «колбасными» большевиками. Это очень страшно, ибо уж очень явственен — дьявол.

Джон Рид

Из отдаленнейших уголков необъятной России, по которой прокатилась волна отчаянных уличных боев, весть о разгроме Керенского отозвалась громовым эхом пролетарской победы; Казань, Саратов, Новгород, Винница, где улицы залиты кровью, Москва, где большевики направили артиллерию на последнюю цитадель буржуазии — на Кремль.

«Они бомбардируют Кремль!» Эта новость почти с ужасом передавалась на петроградских улицах из уст в уста. Приезжие из «матушки Москвы белокаменной» рассказывали страшные печи. Тысячи людей убиты. Тверская и Кузнецкий в пламени, храм Василия Блаженного превращен в дымящиеся развалины, Успенский собор рассыпается в прах, Спасские ворота Кремля вот-вот обрушатся, дума сожжена дотла.

Ничто из того, что было совершено большевиками, не могло

сравниться с этим ужасным святотатством в самом сердце святой Руси. Набожным людям слышался гром пушек, палящих прямо в лицо святой православной церкви и разбивающих вдребезги святая святых русской нации.

15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком:

«Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции...»

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке:

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется.

Жертв тысячи.

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что еще будет? Куда идти дальше?

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён.

Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя.

Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...»

В тот же день белогвардейцы и юнкера сдали Кремль. Их беспрепятственно отпустили на свободу.

Жак Садуль

Вечером в Смольном встречаю Луначарского. Утром я прочел его возмущенно-страстное письмо, в котором он объявляет о своей отставке с поста наркома народного просвещения. «Значит, вы уже не министр!» — восклицаю я. Чувствую, что он смутился. Торопясь ответить, он признается: «Я забрал свою отставку назад. Вчера из депеш я узнал, что за несколько часов пушки большевиков полностью уничтожили две самые красивые церкви в Москве и шедевры искусства, хранящиеся в Кремле. Как нарком народного просвещения и изящных искусств я пришел в ужас. Я буквально пришел в бешенство и подал в отставку. Сейчас я от

Горького. Он только что вернулся из Москвы. Обе церкви целы. Сокровища Кремля в безопасности. Я забрал свою отставку и счастлив, что могу остаться на боевом посту, который мне поручили мои товарищи!»

Джон Рид

В течение минувшей недели Петроградский военно-революционный комитет при поддержке рядовых железнодорожных рабочих овладел Николаевским вокзалом и гнал один за другим эшелоны матросов и красногвардейцев на юго-восток. В Смольном нам выдали пропуска, без которых никто не мог уехать из столицы... Как только подали состав, толпа оборванных солдат, нагруженных огромными мешками с продуктами, кинулась в вагоны, вышибая двери и ломая оконные стекла, забила все купе и проходы, многие влезли даже на крыши вагонов. Кое-как трое из нас пробились в свое купе, но к нам сейчас же втиснулось около двадцати солдат... Мест было всего для четверых; мы спорили и требовали, кондуктор поддерживал нас, но солдаты только смеялись. С какой стати им заботиться об удобствах кучки буржуев! Мы показали мандаты из Смольного. Солдаты немедленно переменили отношение.

«Идем отсюда, товарищи! — закричал один из них. — Это американские товарищи! Они приехали посмотреть нашу революцию за тридцать тысяч верст... Здорово, небось, устали!»

Вежливо и дружелюбно извинившись, солдаты очистили наше купе. Скоро мы услышали, как они выламывали дверь в соседнем купе, где заперлось двое толстых и хорошо одетых русских, давших взятку кондуктору.

Около семи часов вечера мы двинулись. Маленький и слабый паровоз, топившийся дровами, еле-еле тянул за собой наш огромный, перегруженный поезд и часто останавливался. Солдаты, ехавшие на крыше, стучали каблуками и пели заунывные крестьянские песни. В коридоре, забитом так, что пройти было совершенно невозможно, всю ночь шли ожесточенные политические споры. Время от времени появлялся кондуктор и по привычке спрашивал билеты. Но, кроме нас, билетов почти ни у кого не было, и, поругавшись с полчаса, кондуктор в отчаянии воздевал руки к потолку и уходил. Воздух был спертый,

прокуренный и зловонный. Если бы не разбитые окна, мы, наверное, задохнулись бы в ту ночь.

Временного правительства уже не было. 15 (2) ноября священники всех петроградских церквей перестали поминать его на ектенях. Но, как сказал во ВЦИК сам Ленин, «завоевание власти только еще начиналось». Лишенные оружия, оппозиционные силы, все еще державшие в своих руках экономическую жизнь страны, принялись за организацию хозяйственного разгрома и со всей способностью к совместным действиям, свойственной русскому народу, старались мешать Советам в их работе, разваливать и дискредитировать их.

Забастовка государственных служащих была хорошо организована и финансировалась банками и коммерческими предприятиями. Всякая попытка большевиков взять в свои руки правительственный аппарат встречала сопротивление.

Владимир Лопухин

Громадное большинство служащих составляли беспартийные лица, на которых никакие вообще политические партии влияния не имели. Даже наиболее популярная среди служилой интеллигенции того времени партия «кадетов» (конституционно-демократическая партия) не охватывала сколько-нибудь значительной массы служащих. Дело представлялось проще. Чуждое вообще политических партий, мало знакомое с их учениями и программами, огромное большинство служащих было плохо осведомлено о большевиках. Можно положительно утверждать, что до прихода большевиков к власти служилая интеллигенция в ее большинстве не ведала идеологии большевизма, не разбиралась в марксизме, не читала Маркса, слышала, что им написан «Капитал», но «Капитала» не читала. И это речь идет об интеллигенции, в ее массе имевшей штамп высшего образования. В служилую же интеллигенцию входили грамотные люди и значительно более низкого образовательного уровня. В то же время фабрики, заводы, казармы были охвачены большевистскою пропагандою. Вот и получился такой результат, что низовой общественный слой той эпохи познал, хоть в общих чертах, большевизм и проникся симпатиями к нему, а интеллигенция оказалась в стороне, в недоумении перед чем-то неведомым, а по темперамент-

ности выступлений и пропаганды — и перед чем-то грозным. И большевики подбавили еще страху тем, что, возглашая в речах, в печати, в лозунгах «смерть капиталистам и помещикам», они, большевики, этим своим призывом смерти на головы классовых врагов грозили и «царским чиновникам». Ну могли ли эти «царские чиновники», не ведая идеологии большевиков, а слыша и видя, что они призывают на царских чиновников смерть, не почувствовать ни страха, ни обиды? А именно они, эти едва ли кому нужные, внушенный чиновникам страх и нанесенная обида, являлись главнейшими стимулами воздержания служащих от сотрудничества с новой властью.

Менее общею причиною была наивная уверенность многих в том, что большевики пришли ненадолго. А потом? Вернутся те, что ушли, и всыпят за службу большевикам так, что если и жизнь оставят, то не обрадуешься! В этом отношении большой вред принесла посланная с дороги бежавшим Керенским телеграмма, предписывавшая служащим учреждений «не подчиняться и не сдавать дел лицам, именующим себя народными комиссарами». И в такой же степени вредным было постановление собравшейся при одном из белых правительств на юге группы сенаторов о предании суду, с возвращением «законного» правительства, всех служащих, оставшихся в должностях после прихода большевиков к власти.

Жак Садуль

Саботаж в государственных учреждениях продолжается. Это одно из основных препятствий, с которым столкнулись большевики. Дело поставлено исключительно организованно. Как только стало очевидным, что большевики придут к власти, начальство выплатило служащим и себе первый аванс в размере месячного жалованья.

Сразу же после восстания второй аванс и годовая премия были выплачены работникам, обязующимся не служить новому правительству. Таким образом, персонал государственных учреждений был обеспечен, чтобы жить, не работая, по январь месяц. Но это не все, были приняты и другие меры, чтобы продлить сопротивление. Накануне захвата большевиками центральных учреждений были спрятаны резервные фонды, которые должны

пойти также на выплату заработной платы. Наконец, были призваны на помощь антибольшевистски настроенные частные банки, в том числе — утверждают большевики — контролируемые капиталистами Антанты. Полагают, что суммы, которые уже были или будут вот-вот распределены среди служащих, позволят им продержаться четыре-пять месяцев, то есть значительно дольше, чем предположительно большевики продержатся у власти.

Нужно не знать русских и особенно русских служащих, чтобы не понимать исключительный успех такой операции. С восхитительным мужеством смелые функционеры присоединились к движению, которое подарило им долгий и полностью оплаченный отпуск.

Большевики сильно озадачены.

Джон Рид

Смольный был явно бессилён. Газеты твердили, что через три недели все петроградские фабрики и заводы остановятся из-за отсутствия топлива. Викжель объявлял, что к первому декабря прекратится железнодорожное движение. В Петрограде оставалось хлеба всего на три дня, а новых запасов не подвозилось. Армия на фронте голодала... Комитет спасения и всевозможные центральные комитеты рассылали по всей стране призывы к населению не обращать никакого внимания на декреты правительства. Союзные посольства выказывали либо холодное безразличие, либо открытую враждебность.

Оппозиционные газеты, ежедневно закрываемые и на следующее же утро выходящие под новыми названиями, осыпали новый режим ядовитыми насмешками.

Однако бегство Керенского и повсеместный поразительный успех Советов изменили положение.

Разрешив вопрос о власти, большевики обратились к задачам практического управления. Прежде всего надо было накормить город, страну и армию. Отряды матросов и красногвардейцев обыскивали торговые склады, железнодорожные вокзалы и даже баржи, стоявшие в каналах, открывая и отбирая тысячи пудов продовольствия, припрятанного частными спекулянтами. В провинции были посланы эмиссары, которые с помощью земельных

комитетов реквизируют склады крупных хлеботорговцев. На юг и в Сибирь отправлялись хорошо вооруженные пятитысячные матросские отряды с поручением захватывать города, все еще находящиеся в руках белогвардейцев, устанавливать порядок и, главное, добывать продовольствие. На великой сибирской магистрали пассажирское сообщение было прервано на целые две недели. В это время из Петрограда двинулось на восток тринадцать поездов, груженных железом и мануфактурой, для товарообмена с сибирскими крестьянами. Эти товары были собраны фабрично-заводскими комитетами. С каждым поездом ехал особый комиссар, прилагавший все усилия, чтобы выменять у сибирских крестьян как можно больше хлеба и картофеля...

Лев Троцкий

Те дни были необыкновенными днями и в жизни страны, и в личной жизни. Напряжение социальных страстей, как и личных сил, достигало высшей точки. Массы создавали эпоху, руководители чувствовали, что их шаги сливаются с шагами истории. В те дни принимались решения и отдавались распоряжения, от которых зависела судьба народа на целую историческую эпоху. Эти решения, однако, почти не обсуждались. Я бы затруднился сказать, что они по-настоящему взвешивались и обдумывались. Они импровизировались. От этого они не были хуже. Напор событий был так могуществен, и задачи так ясны, что самые ответственные решения давались легко, на ходу, как нечто само собою разумеющееся, и так же воспринимались. Путь был предопределен, нужно было только называть по имени задачи, доказывать не нужно было и почти уже не нужно было призывать. Без колебаний и сомнений масса подхватывала то, что вытекало для нее самой из обстановки. Под тяжестью событий «вожди» формулировали только то, что отвечало потребностям массы и требованиям истории.

Владимир Бонч-Бруевич

Владимир Ильич у себя в комнате погасил ранее меня. Прислушиваюсь: спит ли? Ничего не слышно. Начинаю дремать, и когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет там, у Владимира Ильича. Я насторожился. Слышу, почти бесшумно встал

он с кровати, тихонько притворил дверь ко мне и, удостоверившись, что я сплю, еле слышными шагами, на цыпочках, подошел к письменному столу, чтобы никого не разбудить. Сел за стол, открыл чернильницу и углубился в работу, разложив какие-то бумаги.

Конечно, я не спал. Сердце мое сжалось, забилося, и я подумал: «Вот он, творец революции, истинный революционер, умеющий совершенно забывать себя для блага нашей страны. Как устал он! Какой был напряженный день, полный тревог и волнений! И вот он превозмог себя, откинул всю невероятную усталость и силой несокрушимой воли поднял себя с постели и отогнал сон, так нужный ему теперь. Вероятно, что-либо особо важное засел он писать, когда не нашел возможным даже дать себе вполне законный отдых».

И он писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и наконец, видимо, стал переписывать начисто. Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда наконец Владимир Ильич потушил огонь и лег в постель и тихо-тихо заснул или задремал, так что его совсем не было слышно. Забылся и я.

Утром, когда надо было встать, я предупредил всех домашних, что надо быть потише, так как Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлен. Наконец он, когда его еще никто не ждал, вдруг показался из комнаты совершенно одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шутливый.

— С первым днем социалистической революции! — поздравлял он всех, и на его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал-то он разве два-три часа, самое большее, после такого ужасного, двадцатичасового трудового дня. Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана чистенько переписанные листки и прочел нам свой знаменитый «Декрет о земле».

Лев Троцкий

Вот выдержка из записей моей жены, сделанных, впрочем, уже значительно позднее:

«...Помню, на второй или третий день после переворота, утром, я зашла в комнату Смольного, где увидела Владимира

Ильича, Льва Давыдовича, кажется, Дзержинского, Иоффе и еще много народу. Цвет лица у всех был серо-зеленый, бессонный, глаза воспаленные, воротники грязные, в комнате было накурено... Кто-то сидел за столом, возле стола стояла толпа, ожидавшая распоряжений. Ленин, Троцкий были окружены. Мне казалось, что распоряжения даются, как во сне. Что-то было в движениях, в словах сомнамбулическое, лунатическое, мне на минуту показалось, что все это я сама вижу не наяву и что революция может погибнуть, если «они» хорошенько не выспятся и не наденут чистых воротников: сновидение с этими воротниками было тесно связано»

Жак Садуль

Троцкий выглядит уставшим, нервничает и этого не отрицает. Начиная с 20 октября он не был дома. Его любезная супруга, яркая, подвижная, изящная женщина, рядовой партиец, говорила мне, что жильцы их дома грозятся убить ее мужа. Нет пророка в своем квартале, но, согласитесь, разве не забавно вообразить, что сей безжалостный диктатор, властелин всея Руси, не смеет ночевать дома из страха перед метлой консьержки?

У Троцкого двое прелестных сыновей 10 и 12 лет, они время от времени прибегают и отрывают от дел своего отца, которого они обожают, при этом и грозный лидер не прячет своей радости.

Разве у «чудовища» может быть человеческое сердце?!

Он редко оставляет Смольный, проводит бессонные ночи, и его вклад в работу огромен.

Лев Троцкий

Надо формировать правительство. Нас несколько членов Центрального Комитета. Летучее заседание в углу комнаты.

— Как назвать? — рассуждает вслух Ленин. — Только не министриами: гнусное, истрепанное название.

— Можно бы комиссарами, — предлагаю я, — но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?.. Нет, «верховные» звучит плохо. Нельзя ли «народные»?

— Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет, — соглашается Ленин. — А правительство в целом?

— Совет, конечно, совет... Совет народных комиссаров, а?

— Совет народных комиссаров? — подхватывает Ленин, — это превосходно: ужасно пахнет революцией!..

Ленин мало склонен был заниматься эстетикой революции или смаковать ее «романтику». Но тем глубже он чувствовал революцию в целом, тем безошибочнее определял, чем она «пахнет».

На другой день на заседании Центрального Комитета партии Ленин предложил назначить меня председателем Совета народных комиссаров. Я привскочил с места с протестом — до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным. «Почему же? — настаивал Ленин. — Вы стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть». Я предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали. 1 ноября, во время горячих прений в партийном комитете Петрограда, Ленин воскликнул: «Нет лучшего большевика, чем Троцкий». Эти слова в устах Ленина означали многое. Недаром же самый протокол заседания, где они были сказаны, до сих пор скрывается от гласности.

После переворота я пытался остаться вне правительства, предлагая взять на себя руководство печатью партии. Возможно, что в этой попытке место занимала и нервная реакция после победы. Предшествующие месяцы слишком непосредственно были у меня связаны с подготовкой переворота. Каждый фибр был напряжен. Луначарский рассказывал где-то в печати, что Троцкий ходил точно лейденская банка, и каждое прикосновение к нему вызывало разряд. 7 ноября принесло развязку. У меня было то же чувство, что у хирурга после окончания трудной и опасной операции: вымыть руки, снять халат и отдохнуть. Ленин, наоборот, только что прибыл из своего убежища, где он три с половиной месяца томился оторванностью от непосредственного практического руководства. Одно совпадало с другим, и это еще более питало мое стремление отойти хоть на короткое время за кулисы. Но Ленин не хотел и слышать об этом. Он требовал, чтоб я стал во главе внутренних дел: борьба с контрреволюцией сейчас главная задача. Я возражал и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: «У нас великая международная революция, — какое

значение могут иметь такие пустяки?» На эту тему возникло у нас полушутливое препирательство. «Революция-то великая, — отвечал я, — но и дураков осталось еще немало». «Да разве ж мы по дуракам равняемся?» — «Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?..»

Джон Рид

Партия большевиков была далеко не богата образованными и подготовленными людьми.

Рязанов, поднимаясь по лестнице, с комическим ужасом говорил, что он, комиссар торговли и промышленности, решительно ничего не понимает в торговых делах. Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папахе и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во Французском банке... А вот те четверо товарищей, которые бегут по коридору из помещения Военно-революционного комитета, на лету что-то записывая на лоскутках бумаги, — это комиссары, рассылаемые по всей России, чтобы они рассказали обо всем происшедшем, чтобы они убеждали и боролись теми аргументами и тем оружием, какие удастся найти.

Жак Садуль

Два часа провел с Александрой Коллонтай у нее дома. Народный комиссар государственного призрения в элегантном узком платье темного бархата, отделанном по-старомодному, облегающем гармонично сложенное, длинное и гибкое, свободное в движениях тело. Правильное лицо, тонкие черты, волосы воздушные и мягкие, голубые глубокие и спокойные глаза. Очень красивая женщина чуть больше сорока лет. Думать о красоте министра удивительно, и мне запомнилось это ощущение, которого я еще ни разу не испытывал ни на одной министерской аудиенции. У наших министров, безусловно, иной шарм. Стоило бы написать эссе о политических последствиях прихода к власти красивых женщин.

Умная, образованная, красноречивая, привыкшая к бурному успеху на трибунах народных митингов, Красная Дева, которая, кстати, мать семейства, остается очень простой и очень мирской, что ли, женщиной. У нас уже сложились хорошие товарищеские отношения. Но у себя, в своем скромном и со вкусом обставленном кабинете, эта большевичка, занимающая в партии крайнее левое крыло, кажется мне невероятно легким в общении человеком. В тот же день я снова видел ее — в Смольном, в штабе восстания, в помятом, обычном для женщин-партийцев костюме, более мужественной и менее очаровательной.

Позволю себе сказать, что хотя Коллонтай, так же как Троцкий и Ленин, официально обвиняется в том, что состоит на службе у Германии, я не могу в это поверить. Она производит сильное впечатление поистине убежденной, честной, искренней женщины.

Лев Троцкий

Кабинет Ленина и мой были в Смольном расположены на противоположных концах здания. Коридор, нас соединявший, или, вернее, разъединявший, был так длинен, что Ленин, шутя, предлагал установить сообщение на велосипедах. Мы были связаны телефоном. Я несколько раз на дню проходил по бесконечному коридору, походившему на муравейник, в кабинет к Ленину для совещаний с ним. Молодой матрос, именовавшийся секретарем Ленина, непрерывно бегал, переносил мне ленинские записки с двух- и трехкратным подчеркиванием наиболее существенных слов и с заключительным вопросом-ребром. Часто записочки сопровождались проектами декретов, требовавшими спешных отзывов. В архивах совнаркома хранится немало количество документов того времени, написанных частью Лениным, частью мною, текстов Ленина с моими поправками или моих предложений с дополнениями Ленина.

Декреты имели в первый период более пропагандистское, чем административное значение. Ленин торопился сказать народу, что такое новая власть, чего она хочет и как собирается осуществлять свои цели. Он переходил от вопроса к вопросу, с великолепной неутомимостью созывал небольшие совещания, заказывал справки специалистам и рылся в книгах сам. Я ему помогал.

Незачем говорить, что в горячке законодательного творчества допускалось немало промахов и противоречий. Но в общем ленинские декреты эпохи Смольного, т.е. наиболее бурного и хаотического периода революции, навсегда войдут в историю как провозглашение нового мира. Не только социологи и историки, но и законодатели будущего не раз будут обращаться к этому источнику.

Джордж Бьюкенен

19 (6) ноября

Никакого продвижения в формировании коалиционного социалистического правительства не наблюдается. Напротив, в рядах большевиков произошел серьезный раскол, и восемь из четырнадцати комиссаров подали в отставку в знак протеста против таких крайних мер, как подавление свободы прессы и т.д. Правительство теперь в руках небольшой группы экстремистов, которые намерены навязать свою волю стране посредством террора. Продолжающийся кризис уже вызвал неудовольствие как в войсках, так и среди рабочих, и несколько фабрик послали своих делегатов в Смольный институт, чтобы передать большевикам, что они должны прийти к соглашению с другими социалистическими организациями. Некоторые из них высказывались очень резко, заявляя, что Ленин и Троцкий, как в свое время Керенский, хотят лишь одного — спать в кровати Николая II. Поначалу существовала надежда, что выход из правительства такого большого количества их лидеров подтолкнет более умеренных членов их партии к более тесному сотрудничеству с представителями других социалистических групп, и в результате будет сформировано правительство без участия Ленина и Троцкого. Эти надежды не оправдались, и теперь экстремисты изо всех сил стараются привлечь на свою сторону левое крыло партии социалистов-революционеров и заставить вернуться отколовшихся членов своей партии. Если им это удастся, они укрепят свое положение на настоящий момент, но, если обещанный ими мир будет и дальше откладываться и если поставки хлеба, которые день ото дня становятся все меньше, полностью прекратятся, народные массы могут восстать и свергнуть их. Большинство государственных служащих, за исключением сотрудников военного министерства, все еще бастуют. Подвоз угля к железным дорогам сократился до опасного предела; армии и

большим городам грозит голод, и рано или поздно вся государственная машина встанет. Что случится тогда, предсказать невозможно. Некоторые утверждают, что через несколько месяцев нас ждет восстановление монархии. Но хотя большинство населения разочаровалось в революции, я не вижу, как может произойти такая перемена — разве что Каледин сумеет сплотить вокруг себя армию, но вероятность этого крайне мала. В настоящий момент все решает сила, а так как буржуазные партии не позаботились о том, чтобы организовать на случай обороны, большевики получили полную свободу действий. Во время недавних сражений в Петрограде и Москве на стороне правительства выступали лишь курсанты военных училищ, но так как среди них не было офицеров, и они были крайне малочисленны, их жизнь была принесена в жертву совершенно напрасно. Говорят, что в Москве было убито не меньше пяти тысяч человек, и из-за беспорядочной стрельбы, открытой Красной гвардией, велики потери среди гражданского населения.

Из письма рабочего Шлиссельбургского порохового завода в газету «Знамя труда» от 7 ноября

Наши социалисты все еще торгуются, кому стать у власти — большевикам или эсерам-оборонцам, не глядя на окружающее, где гибнут самые лучшие силы авангарда рабочих и солдат, которые решили умереть или победить, а вы, «вожди» русской революции, производите торговлю. Пора вам опомниться и бросить распрю... Где же остальная революционная демократия, где тот революционный пролетариат, трудовое крестьянство и солдаты, которые, изнемогая, сидят в землянках?.. Вот где власть должна быть, но не в нынешних партиях, не в раздоре их «вождей». И вы должны сознаться, если вы — истинные социалисты, и откровенно сказать народу: «Да, мы ошиблись; власть должны взять Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... И вы должны исполнять их волю по назначенному пути».

Зинаида Гиппиус

7 ноября

Да, черная, черная тяжесть. Обезумевшие диктаторы Троцкий и Ленин сказали, что если они даже двое останутся, то и

вдвоем, опираясь на «массы», отлично справятся. Готовят декреты о реквизиции всех типографий, всей бумаги и вообще всего у «буржуев», вплоть до хлеба.

Государственный Банк, вероятно, уже взломали: днем прошла туда красная их гвардия, с музыкой и стрельбой.

Михаил Пришвин

7 ноября

Летом к нашему берегу на Васильевском приплыла барка с дровами, всю середину улицы завалили швырком. И все лето, пока было тепло, в этих дровах была солдатская Вальпургиева ночь. Теперь, осенью, треньканья балалайки прекратились в дровах, иногда отсюда слышатся выстрелы: раз! и два! потом, словно подумав немного — три и, бывает с разными промежутками и четыре, и пять, и шесть. Вчера мне объяснили эти выстрелы: воров расстреливают в дровах.

Жак Садуль

7 ноября

Почти каждый вечер выхожу на улицу и возвращаюсь очень поздно — по пустынным улицам. Никаких подозрительных встреч, никаких драк, никаких криков. Поистине периоды революций имеют свои положительные стороны.

Михаил Пришвин

7 ноября

Нева плещется о железные пустые баки, и от этого кажется: где-то из пушек стреляют. Многие, проходя здесь, прислушиваются к этим звукам и принимают за выстрелы и начинают разговор о Дикой дивизии, о каком-то корпусе, посланном с фронта выручить Петроград, о флоте, который должен обстрелять войска с моря. Многие, проходя здесь и слушая рассеянно глухие удары волн о железные баки, начинают один и тот же разговор о том, кто выручит, кто освободит Петроград от тиранов.

Прислушиваясь к глухим ударам волн, похожим на выстрелы, я хожу возле черных железных ворот нашего дома с винтовкой, из которой не умею стрелять: я охраняю жильцов нашего дома от нападения грабителей. В тесном пролете я хожу взад и вперед,

как, бывало, юношей ходил из угла в угол по камере тюрьмы с постоянной мыслью, когда же освободят меня, когда мир освободится от власти капиталистов, когда настанет всемирная освободительная катастрофа, когда настанет, по Эрфуртской программе, диктатура пролетариата.

Вот совершилась теперь мировая катастрофа, и наступила диктатура пролетариата, а я по-прежнему в тюрьме, и лучшие часы, когда так я хожу с винтовкой, из которой не умею стрелять.

Джордж Бьюкенен

21(8) ноября

Сегодня во второй половине дня прошел митинг наборщиков, протестовавших против закрытия большого числа газет. На их угрозу забастовки им было сказано, что, если они осуществят свою угрозу, их заставят работать двадцать четыре часа в сутки, а за спиной у них поставят солдат, которые будут подталкивать их штыками, если они будут недостаточно расторопны.

Пьер Паскаль

22 (9) ноября 1917

Сегодня утром принял унтер-офицера. Поскольку в России больше ничего не делают, он хочет отправки на французский фронт. Ему тридцать лет, два Георгия, протезная нога и принадлежность к Двинской «инвалидной роте». Он приехал в Петроград, чтобы присутствовать на собрании Комитета, организованного инвалидными объединениями. По прибытии был арестован. Рассказывает об этом спокойно и простодушно: «Арестовать меня, меня? За что?» Это кажется ему странным, поскольку он сознает свою невиновность: «Они сказали мне, что я не должен больше сражаться и пора вернуться домой». Грустно, но без возмущения он констатирует: «Пропала Россия». Я утешил его словами, что если он не понимает ничего, то другие понимают не больше.

24 (11) ноября 1917

Вечер. Жду трамвая. Разговаривают трое солдат. Один предлагает идти пешком. Другой, указывая на приближающийся трамвай: «Подождем!» — «Наверняка он полный при таком опоз-

дании». — «На перетырку добудем место. Не бойсь: народ оско-
тился. Россия нынче свинья... Свинья! Иначе не скажешь». Товарищ мягко остановил его: «Не надо такое говорить». Третий промолчал.

Джордж Бьюкенен

25 (12) ноября

Сегодня начались выборы в Учредительное собрание. На вчерашнем собрании гарнизона, где присутствовали представители всех политических групп, большевики практически получили вотум доверия.

Жак Садуль

В отношении Учредительного собрания позиция Ленина и Троцкого очевидна. Поскольку она одержит верх, и при необходимости — силой, ее стоит знать.

Суть ее проста. Кадеты и оборонцы сошлись с российскими контрреволюционными силами (казаки, Рада и т.д.). Установить их материальное и моральное пособничество легко (пропаганда, речи, брошюры, встречи и переписка с главами контрреволюции, пересылка денег, оружия и т.д.). Таким образом, если необходимо, против них будет начат процесс, подобный тому, который вели монтаньяры против жирондистов.

Кадеты и оборонцы стараются использовать в контрреволюционных целях национальные движения, до того поддерживаемые большевиками, подобно тому, как в свое время жирондисты заложили основы и использовали сепаратизм в Нормандии, Вандее и т.д.

Процесс будет большой политической победой большевиков. Они докажут таким образом, что они были правы, отказав в участии в Учредительном собрании противникам, которые взяли в руки оружие, и с которыми, стало быть, невозможно что-либо обсуждать парламентским путем. Их нужно судить и вынести им приговор или уничтожить оружием.

Троцкий видит в подобном процессе, на который, как он говорит, он согласится лишь в случае крайней нужды, один недостаток. Он опасается, что массы пойдут по этому пути с чрезмерным энтузиазмом, и тем самым будет положено начало террору.

Во всяком случае, похоже, что ошибочно рассчитывать на поддержку, которую может оказать союзническим целям избираемое в настоящее время Учредительное собрание. Или оно не будет создано, или будет большевистским.

Николай Реден

Образованные россияне считали недолговечность победы большевиков само собой разумеющейся. Привыкнув считать большевизм деструктивной силой, они не представляли, как он мог справиться с конкретными проблемами. Ежедневно люди ожидали, что советский строй рухнет сам, и были удивлены тем, что недели шли за неделями и ничего не менялось...

Единственной общероссийской проблемой, которая заботила Совет народных комиссаров, были надвигавшиеся выборы в Учредительное собрание.

Сознавая трудности обеспечения справедливых выборов в военных условиях, Временное правительство готовило созыв Учредительного собрания медленно и осторожно. Большевики же, ссылаясь на невозможность промедления, столь энергично разоблачали намерение либералов править страной вопреки воле народа, что кабинет Керенского был вынужден назначить дату выборов на 25 ноября. Когда коммунисты пришли к власти, они не могли игнорировать проблему, которую сами же породили.

Учредительное собрание не оказало никакого влияния на последующий ход событий. Оно не сыграло никакой политической роли. Но выборы, которые предшествовали ему, окончательно доказали, что ни политические партии, ни избиратели не созрели в достаточной степени для того, чтобы решать будущее России путем голосования. Кратковременная избирательная кампания внезапно завершилась фарсом, разыгранным в день выборов вокруг избирательных урн.

При наличии более чем двух десятков избирательных бюллетеней, участвующих в выборах, лишь большой специалист мог провести отчетливые различия между отдельными партийными платформами. Избиратели, способные анализировать, голосовали со знанием дела, но они составляли незначительное меньшинство.

Основная масса избирателей шла на выборы с большими сомнениями, с отсутствием четкого представления о том, чего

они хотят. В большинстве случаев они полагались на озарение в последний момент. На результаты голосования влияла любая мелочь: то, как звучат имена кандидатов, абсурдное толкование названий партий, особенности организации избирательных участков. Людей, даже определившихся с выбором, приводила в раздражение необходимость выбирать нужный бюллетень из двадцати других, напечатанных на бумаге всех возможных оттенков. Часто предпочтение определялось и цветом бумаги, на которой был напечатан бюллетень.

Нигде вопиющая беспомощность избирателей не обнаружилась столь очевидно, как в сельской местности. Один из приятелей рассказывал мне о старухе крестьянке, которую сын уговорил проголосовать. Через два часа она вернулась с виноватым лицом, и когда сын спросил, выполнила ли она свое обещание, последовал ответ:

— Не знаю, милый! Когда я шла туда, мои сапоги сильно испачкались, а пол там такой был чистый — жалко пачкать. Поэтому я взяла лист, что поближе, и опустила его в ящик. На все воля Божья!

Учредительное собрание, избранное таким образом, не могло пользоваться авторитетом в стране. Кроме того, как только стало известно, что большевики оказались в меньшинстве, все решили, что Совет народных комиссаров не допустит созыва Учредительного собрания. Этот вывод оправдался через два месяца, когда советское правительство в день открытия собрания разогнало его силой.

Джон Рид

27 (14) ноября в Смольный, к Ленину и Троцкому, явилась казачья делегация. Делегаты спросили, правда ли, что Советское правительство собирается разделить казачьи земли между крестьянами Великороссии? «Нет», — отвечал Троцкий. Казаки пошептались между собой. «А не собирается ли Советское правительство, — спросили они, — отобрать имения у наших помещиков и разделить их между трудящимися казаками?» Им ответил Ленин. «Это, — сказал он, — уже ваше дело. Мы поддержим трудовых казаков во всех их действиях... Начинать лучше всего с создания казачьих Советов. Тогда вы получите представительство в ЦИК, и тогда он станет и вашим правительством».

Казаки ушли в глубоком раздумье. Через две недели к генералу Каледину явилась делегация от его войск. «Обещаете ли вы, — спросили делегаты, — разделить помещичьи имения между трудовыми казаками?» «Только перешагнув через мой труп», — ответил Каледин. Через месяц, видя, что его армия тает на глазах, он застрелился.

Джордж Бьюкенен

3 декабря (20 ноября)

Однажды, когда я поворачивал в переулок с набережной, я попал почти в самую гущу сражения, которое происходило на другом конце улицы. К счастью, меня вовремя остановила знакомая — княгиня Мария Трубецкая, которая в это время проходила мимо. Она уверила меня, что спасла мою жизнь, и пожелала непременно проводить меня до посольства, поскольку, как она сказала, никто не осмелится напасть на меня, если я буду с дамой.

7 декабря (24 ноября)

Мнения относительно силы большевиков так разделились, что очень трудно делать прогнозы на будущее. В то время как пессимисты предрекают кровопролитие, оптимисты уверяют, что их правление подходит к концу, что они не посмеют распустить Учредительное собрание в случае, если оно выступит против них, и, если мы продержимся до тех пор, пока не соберется Учредительное собрание, ситуация изменится в нашу пользу. Однако я весьма в этом сомневаюсь. Поскольку в провинции было избрано большое количество большевиков и они представляют единственную партию, обладающую реальной силой, вероятнее всего, они будут оставаться у власти еще некоторое время. В течение последних нескольких дней с их стороны заметны некоторые признаки того, что они стремятся к улучшению взаимоотношений с союзниками.

Зинаида Гиппиус

27 ноября

Мы спрашиваем в морозной, мгляной тьме на углу газеты.
Только одна!

— Какие ж, когда они все заторможены? — отвечает мне серьезный «пролетарий».

И продолжает:

— Обещали хлеба, обещали землю, обещали мира... на тебе! Ничего, видать, и не будет.

— А вы чего ж верили? — спрашиваю.

— Дураки верят... Сдурили тебе голову, как есть ...

В воздухе пахнет террором. Все время, с разных концов ... Стоит ли пачкаться? И все-таки, в отличку от бывшего белодержавия это краснодержавие — безликое, массовое. Не должен ли и террор быть массовый, т.е. сражательный, военный? Недаром главная у нас легенда — война юга с севером, Каледина с большевиками.

Увы, только легенда!

28 ноября

Бесконечная процессия с флагами — к Таврическому Дворцу, к Учредительному Собранию (которого нет).

Однако это не весна: толпа с плакатом «Вся власть Учредительному Собранию!» — поразительно не военная и даже не пролетарская, а демократическая. Трудовая демократия шла. Войскам большевики запретили участвовать: «Темные силы буржуазии задумывают контрреволюционное выступление ...» (Официальные «Известия» сегодня).

Красногвардейцы с гиком, винтовки наперевес, кидаются во всякую толпу: «Ррасходись!»

В редакции «Речи» — солдаты. На углах жгут номера газеты из тех 15 тысяч, которые успели выйти.

Тов. Володарский (из доклада на экстренном заседании Петербургского комитета РСДРП(б) с активными работниками 8 (21) ноября)

Буржуазия с нашей точки зрения — класс отживший, класс разлагающийся. Мы их, как социальную силу, уничтожаем. Учредительное собрание будет правомочным с точки зрения того класса, которого там будет большинство, и наоборот. На съезде нашей партии в 1903 году Плеханов сказал: «Революционный класс может во время революции лишиться избирательных прав

целый класс, если на это есть необходимость». Это совершенно верно, но революционные массы не только могут так действовать, но и должны это сделать. Массы, научившись в эти дни защищать свою свободу, поймут, как надо действовать, когда попробуют разогнать Учредительное собрание.

Альберт Рис Вильямс

Повсюду теперь значение Октября — страстный протест против прошлого и честный призыв к будущему — было более очевидно. И здесь способность людей переступать за пределы своих старых обычаев или образа мышления и действий проступала наиболее явственно.

В первые дни Октябрьской революции работали рабочие трибуналы, работали с поразительной нерегулярностью, с непредсказуемыми строгостями и почти беспощадностью по отношению к буржуазии. Выпускались яростные прокламации и предупреждения о том, что «грабители, мародеры и спекулянты объявляются врагами народа». Одна из прокламаций завершалась словами: «Саботажников к позорному столбу! Прочь, преступные наемники капитала!»

В это время испытаний и ошибок, чистой невинности и незамутненной надежды рабочие трибуналы вершили правосудие, и мы слышали одно предложение, повторявшееся чаще всего с благоговейной суровостью, — оно гласило, что виновные должны «быть осуждены с позором всем международным рабочим классом». (Большинство старых судов отказывались признавать авторитет советской власти, однако им было позволено работать, при условии, что старые законы не вступали бы в противоречие «революционному сознанию и революционному представлению о справедливости»).

Ярким морозным утром 28 ноября Агурский, русско-американский монархист, ставший большевиком, Бесси Битти и я перешли Дмитровский мост через Неву и зашагали по снегу к дворцу великого князя Николая Николаевича. Музыкальная комната в доме великого князя, просторная и отделанная панелями из дерева редких пород, была выбрана для первого заседания рабочего трибунала. Среди обвиняемых была графиня Софья Панина, лидер кадетов и министр общественного благосостояния в

кабинете Керенского. Декрет, изданный в тот день, предписывал арестовать всех лидеров кадетов как врагов народа, замешанных в заговоре, связанном с Корниловским мятежом, однако графиня была вызвана в суд по особому обвинению в том, что она забрала 93 000 рублей, принадлежавших Министерству образования. В какой-то момент женщины, столпившиеся вокруг арестованной Паниной, сидевшей на скамье, по обоим краям которой стояли солдаты, встрепенулись, когда другой солдат внес пулемет и картинно поставил его на стол. Этот пулемет был доставлен просто как улика против Пуришкевича, которого застигли с ним и которому инкриминировали написание контрреволюционных листовок, обнаруженных у него во время рейда, совершенного чекистами.

Гул голосов смолк, когда в комнату вошли судьи. Председатель Жуков, чисто выбритый, с худощавым умным лицом, чувствовал себя явно непринужденно. За ним последовали еще шесть судей — два крестьянина, два солдата и два рабочих. Белая рубашка и воротничок председателя выделялись среди черных блуз рабочих и крестьянских косовороток с вышивкой крестом.

Дело графини заняло много времени, главным образом потому, что свидетель (рабочий) указывал на хорошую работу графини в Народном доме, в котором он научился читать, и таким образом: «Она дала мне возможность думать». Очевидно, он набрал очки, когда добавил: «Мы хотим, чтобы мир узнал, насколько великодушна революция», и потребовал, чтобы графиню освободили. Затем прозвучал убедительный, серьезный голос обвинителя Наумова, также фабричного рабочего, который, в частности, сказал: «Товарищи, все это правда. У этой женщины доброе сердце. Она пыталась делать добро, строив школы и кухни, где варили супы. Но если бы люди могли получать деньги, которые она имела на поту и крови, то мы сами могли бы построить школы, собственные ясли и кухни, где также варили бы супы. Товарищ рабочий ошибается, люди должны научиться читать, потому что у них есть на это право, а не из-за того, что какой-то человек — добрый».

В комнате воцарилась тишина, и Жуков зачитал вердикт. Это был длинный приговор, изобиловавший пунктами о священной природе народной собственности. Мы вынуждены были сидеть

во время утомительной преамбулы, которая звучала как прелюдия к смертному приговору, прежде чем получили представление о самом приговоре. И, наконец, эти слова были произнесены Жуковым со всем благоговением, которое он сумел изобразить: «Итак, этот революционный трибунал покрывает позором гражданку Панину перед лицом революционных рабочих всего мира». Рабочие-судьи, ловившие каждое слово, переглянулись, как бы поздравляя друг друга и словно желая сказать: «Ну, мы ей показали!»

Через несколько дней пропавшие деньги были переданы Луначарскому, а Панина была освобождена.

Чтобы защищать генерала, были приглашены не только солдаты, служившие под его началом и свидетельствовавшие в его пользу к ярости тех, кто желал, чтобы он понес суровое наказание за то, что не подчинился приказу Крыленко, вызвавшему его на совет, но были приглашены опытные адвокаты, которые прибегли к сутяжничеству, крючкотворству и вдавались в мелочные подробности юридических вопросов, чтобы ввести в заблуждение суд. Когда он был приговорен к трем годам, аудитория разразилась криками: «Позор! Позор!» Никто не был удовлетворен: ни его обвинители, ни толпа буржуазии. Жуков пригрозил, что очистит помещение суда, если подобные вступления повторятся.

Затем суд с такой же серьезностью перешел к делу мальчишки, обвиняемого в краже пачки газет у пожилой женщины — разносчицы газет. Он с готовностью признал, что украл эти газеты. Рабочий судья начал допрашивать его. Что он сделал с газетами? Он продал их за рубль и шестьдесят копеек. Что он сделал с деньгами? Парень ответил, что всегда хотел увидеть оперу, плохо себя чувствовал, поэтому пошел и послушал ее в Народном доме.

— И вы почувствовали себя лучше, когда вернулись из театра? — спросил один из судей.

Паренек быстро кивнул. Ему приказали что-нибудь продать, поскольку денег у него не было ни копейки, чтобы вернуть деньги пожилой продавщице газет, которая — как они напомнили ему — вовсе не была капиталистом только потому, что у нее был киоск. Он сказал, что ему нечего продавать кроме той одежды, что была на нем. Они оглядели его с ног до головы, всю его одежду, и выбрали башмаки — хотя вряд ли за них можно было

получить много денег, чтобы расплатиться с торговкой. Он печально и неохотно снял башмаки и отдал их судьям.

— Зато я слышал оперу, — улыбнулся потом он.

Мадлен Доти

Через несколько дней я посетила революционный трибунал. Я хотела посмотреть, как осуществляется правосудие без сборников законов и судебных прецедентов. Дворец великого князя Николая Николаевича был превращен в дом суда. Это массивное белокаменное здание на берегу Невы, недалеко от Петропавловской крепости. В былые времена оно было разукрашено музыкой и смехом.

Широкая мраморная лестница, покрытая красной бархатной дорожкой, вела в бальный зал. Эта комната сверкала от великолепия шелковых драпировок, золотого фриза и шикарных люстр. В ней был ярко отполированный деревянный паркетный пол. Много изящных туфелек раньше кружилось по нему. Сейчас пол был покрыт следами грязных ног. Пыль, пепел и окурки сигарет лежали повсюду. Красная бархатная дорожка перекосилась. Мебель тонкой работы свалили в углах. Внутрь вливались и выливались потоки рабочих и солдат. Возбужденная толпа спорила в коридорах.

Суд должен был начаться в два часа. Мы поднялись по грязной мраморной лестнице. Воздух был вонючий и в клубах сигаретного дыма. Вдоль одной стены бального зала стоял длинный деревянный стол, покрытый красной тканью. Это была судейская скамья. Перед ней стояли ряды деревянных скамей для зрителей. Сбоку от судейской скамьи были и другие места — для заключенных, адвокатов и свидетелей. Там не было никакого порядка или чистоты.

На часах пробило два часа; потом три, потом четыре, потом пять. Если Германия попытается систематизировать Россию, то ей придется работать не покладая рук. Русский всегда опаздывает. В шесть часов вошли семь судей. Все они были рабочими. Их избрал Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских депутатов. Ни один из них не мог похвастать чистым воротником. Председатель носил запачканный деловой костюм. У одного из судей рубашка была настолько грязной, что невозможно было определить ее цвет. Он был без воротника.

Никто не поднялся, чтобы приветствовать суд. Перед судом предстала группа юнкеров, и среди них человек по фамилии Пуришкевич — генерал царской армий, один из тех, кто принял участие в убийстве Распутина. Пуришкевич — монархист до мозга костей и ненавистен рабочему классу. Он и его соратники обвинялись в создании организации, которая должна была захватить власть и восстановить монархию.

Зал суда был переполнен. Судебный процесс выманил из укрытия ряд знатных и богатых людей. Большинство женщин носили костюмы сестер Красного Креста, чтобы скрыть свою элегантность. Но одна семья, мать с несколькими дочерьми и прочими родственниками, пришла в роскошных костюмах. Они носили кольца и алмазные броши и напоказ щеголяли дорогими мехами. Они теснились на скамье рядом со мной. Там не хватало места для них всех, поэтому одна из дочерей повернулась ко мне. Она говорила по-немецки (язык российского двора): «Не пересядете ли Вы на задние ряды? Мы хотим эту скамью. Один из заключенных наш родственник».

Я находилась в суде четыре часа. Все это время я сидела на моем месте, чтобы не потерять его. Я посмотрела на молодую женщину и покачала головой. Она покраснела от гнева. Ее высокомерие было невыносимо. Она, казалось, позабыла, что здесь произошла революция. Она села одной своей половиной на меня, а второй на скамью. Она была очень красива, но ее тело было таким же твердым и жестким, как и ее лицо. Во мне закипало негодование. Я поняла ярость большевиков против высокомерия аристократии. Я злобно пихнула молодую женщину своим локтем. Она разъярилась, но у нее не было больше власти, чтобы приказать бросить меня в темницу. Она убралась с моих коленей, но втиснулась по соседству. Я не сумела ей понравиться и отказалась от дальнейших попыток.

К тому времени были заняты даже проходы между рядами. Из кухни пришли два повара. У них были закатаны рукава, а сами они были разгоряченными и жирными. Солдаты принесли им два стула. Я сидела между герцогинями и поварами. Из них манеры были лучше у поваров.

Затем у всех вдруг вытянулись шеи. Послышался топот ног. Ввели заключенных. Они входили в зал между двумя рядами солдат-

большевиков. Заключенные были в полном обмундировании. Их мундиры были покрыты золотыми галунами, а на груди висели ряды медалей. У них даже были шпоры на их начищенных до блеска сапогах. Они смеялись и шутили, как школьники. Солдаты, охранявшие их, были оборванные и грязные. Среди них не было даже двоих в одинаковом обмундировании. На некоторых были фуражки, а на других меховые шапки. Ничто в одежде не соответствовало друг другу. У одного или двоих ноги были обвязаны какой-то рваниной. Они выглядели как солдаты из комической оперетки. Солдаты выстроились вдоль стены и оперлись на свои штыки. Вся сцена была комична.

Я снова ощутила себя Алисой в Стране чудес. Я проглотила волшебную таблетку, которая изменяла вещи. Повара и герцогини, оборванные солдаты и блестящие генералы, рабочие без воротников и судьи в париках поменялись местами. Даже яркий бальный зал по взмаху волшебной палочки стал грязным залом для собраний.

Я готова была рассмеяться, но что-то в лицах судей остановило меня. Глаза солдат были суровы. Семья, сидевшая рядом со мной, начала подавать знаки своему юнкеру. Они шутили и смеялись. Они насмеялись над судебной процедурой. Юнкер развалился на своем стуле, вытянул ноги перед собой и ухмылялся. Презрение к суду было в каждом жесте и каждом взгляде.

Но вот начался суд. Пуришкевич нанял выдающегося юриста в качестве своего защитника. Седобородый мужчина в красивом сюртуке сделал шаг вперед. Он сохранил все великолепие и все формальности былых дней. Он был подчеркнуто подобострастен к судьям. Каждое движение его руки было атакой.

Он низко поклонился и обратился к суду. «Многоуважаемые и почтенные господа», — начал он. Заключенные хихикнули. Улыбка облетела зал суда. Но члены трибунала слушали с широко раскрытыми серьезными глазами. Они делали усилие, чтобы понять мудреные правовые аргументы. На их лицах появилось озадаченное недоумение. Они консультировались друг с другом, но красноречивая речь адвоката текла дальше.

«Я уверен, — говорил он, — что этот замечательный и досточтимый трибунал хочет быть справедливым и что ученые господа на скамье думают лишь о справедливости».

Едкий сарказм не задел членов трибунала. Они слушали с детским усердием. Это было и жалко, и величественно.

Проталкиваясь сквозь толпу к выходу, я еще раз почувствовала напряженную эмоциональную атмосферу крепости. Лица раскраснелись, в глазах горел гнев. Жаркие, напряженные разговоры били ключом. Тут продолжалась та же битва класса против класса, кипела та же ненависть, то же желание со стороны каждого доминировать. Только судьи были безмятежны. Они вызвали и жалость, и уважение своей простотой, своим желанием во всем разобраться, своей попыткой быть справедливыми.

Зинаида Гиппиус

29 ноября

Планомерные аресты прибывающих кадет продолжаются. В «Известиях» (это единственная сегодня газета) напечатан декрет, которым кадеты объявляются вне закона и подлежащими аресту сплошь.

Вчера так было что-то вроде заседания в Таврическом Дворце; сегодня оно объявлено «преступным», стянуты войска, матросы, и никто не пропущен. Арестовали столько, что я не знаю, куда они их девают. Даже «отдано распоряжение» арестовать Чернова.

Мадлен Доти

Поговаривали, что за мрачными стенами Петропавловской крепости творились ужасные дела. Здесь томились в камерах, ранее занимаемых пылкими революционерами, министры и генералы.

С большим трудом я получила разрешение посетить крепость. Мой пропуск был на семь вечера. Я взяла с собой молодую женщину в качестве переводчика. Мрачная крепость окружена массивной каменной стеной и стоит на берегу Невы, напротив Зимнего дворца.

У входа вокруг костра собрались солдаты. Костры горели по всему Петрограду. Где бы солдаты ни стояли на карауле, везде они разводили для согрева костер. Ночью горящие бревна делают город ярким, и он выглядит как военный лагерь.

При свете костров утыканные железными гвоздями огромные

деревянные ворота Петропавловской крепости были похожи на вход в средневековый замок. У ворот, опершись на штыки, стояли и недобро смотрели солдаты в длинных шинелях до лодыжек и косматых шапках из меха. Когда я вошла внутрь и за мной закрылись массивные ворота, то я почувствовала себя отрезанной от внешнего мира.

В темноте мы дошли до кабинета коменданта. Его там не было, но неопрятного вида солдаты проверили мой пропуск. Они сказали, что я должна подождать. Они с любопытством смотрели на меня и беседовали с моей переводчицей. Немного погодя они стали дружелюбней и пригласили меня выпить стакан чая. Они привели меня на кухню — длинную комнату с низким потолком, в конце которой стояла большая печь. Тут находилось с десяток, а то и дюжина, солдат. Они курили и разговаривали без умолку, бросая окурки сигарет прямо под ноги. Они были грязные, оборванные и небритые. Мы сели за длинный деревянный стол с дымящимся самоваром между нами. Когда я завоевала их доверие, были принесены сахар, сливочное масло и немного съедобного черного хлеба. Это и в самом деле было угощение.

Солдаты смотрели на меня с любопытством. Я была американка, и они хотели разузнать об Америке.

«Почему Америка вступила в войну?»

«Продался ли президент Вильсон капиталистам?»

«Будет ли революция в Америке?»

Вот какие вопросы обрушились на меня. Некоторые из мужчин не умели читать или писать, но их знания были необыкновенны. Было ясно, что они мало верят в американскую демократию. Вера в то, что Америка продалась, широко распространена. Это работа немецкой пропаганды.

Я попыталась ответить на вопросы. Я попыталась заставить их увидеть Америку моими глазами. Я объяснила, что половина нашей страны — это буржуазия; что у нас нет рабочего класса, аналогичного русским рабочим; что даже неквалифицированному американскому рабочему есть что терять, и что, как следствие, в Америке не может произойти революция, подобная той, что случилась в России.

Они были крайне заинтересованы. Большинство поняли мою точку зрения. Они осознали, что перемены в Америке, вероятно,

наступят в результате эволюции, а не революции. Я сказала им, что наш президент скорее вел за собой большинство, чем плелся за ним в хвосте; что он был более либеральным и демократическим, чем все предыдущие наши президенты, за исключением Линкольна. Но одного человека неграмотного я не убедила. Было только одно лекарство от неравенства. Рабочий класс должен восстать, неважно — в меньшинстве он или в большинстве. Капиталистам нужно отрубить головы. Он сам хотел рубить их одна за другой. В мерцающем свете мне померещилось, что он выхватил нож, я почувствовала это. Но остальные были против подобных методов. Они заткнули этого подстрекателя. Их смывленность изумляла. Многие никогда не ходили в школу, но тем не менее знали о ситуации как в Америке, так и Европе. Их разговор не сводился лишь к зарплате и еде, но затрагивал вопросы мировой политики.

Вероятно, ни в одной другой цивилизованной стране нет столько неграмотных. Но даже те русские, которые не умеют читать или писать, умеют думать и излагать свои мысли.

К тому времени прибыл комендант, и меня повели проводить мою инспекцию. Массивность старой крепости впечатляла. Стены были толщиной в несколько футов. Никакой звук не мог проникнуть сквозь них. Коридоры были как склепы. Здесь ты был похоронен заживо.

Моя просьба взять интервью у заключенных была немедленно удовлетворена. Меня сопровождали в камеру, и большевистский охранник удалился. Это была комната размером двенадцать на четырнадцать футов, с высоким потолком. В ней было одно маленькое окно высоко на стене. В него невозможно было смотреть, и в дневное время сквозь него проникал внутрь лишь скудный свет. Здесь был каменный пол, а стены были побелены. Камера выглядела чистой, но холодной. В ней стояла влажная холодная атмосфера тюрьмы. Но одна электрическая лампа горела ярко. Она стояла на столе у железной койки. Еще из мебели тут был только стул.

Обитателем этой камеры был бывший министр финансов — человек лет пятидесяти, с седыми волосами и бородой. Он вежливо предложил мне стул и сел на койку. И снова у меня было ощущение перевернутого шиворот-навыворот мира. Рабочие с

примкнутыми штыками стояли у двери, в то время как эрудированный министр финансов смиренно сидел на тюремной койке и разговаривал со мной. Он учил как раз английскую грамматику, так как не мог говорить по-английски. Мы разговаривали на французском языке. Он философски принимал свою судьбу. Он не жаловался на условия содержания. К нему и остальным, по его словам, относились как к политическим заключенным. Они могли получать пищу извне, имели право на письма и посещения членов своих семей, имели возможность читать и писать столько, сколько хотели.

«Психология этого места — вот что ужасно, — сказал он, встав и начав рассказывать по камере. — Мы не знаем, что произойдет. Каждая минута может стать последней. Лично я не боюсь. Я не думаю, что они причинят мне боль. Но другие напуганы. Каждый час они ожидают резню. Мне не хватает духу рассказать об этом жене. Я говорю ей, что с нами все в порядке. Но это страшно напугает».

Я посетила другие камеры. Я поговорила с одним социал-демократом — человеком, который боролся за свободу России и был известным экономистом. Он резко осуждал большевиков: «Возвращайтесь в Америку и расскажите им, что здесь происходит. Расскажите американским социалистам, что большевики бросили их товарищей-социалистов в тюрьмы. Девять раз я сидел в тюрьме при старом режиме, а после революции я побывал за решеткой десять раз. Выбирать не из чего. И царь, и большевики — диктаторы. Тут нет демократии».

После этой вспышки он начал нервно ходить по камере. Его глаза выглядели испуганными. Он повторил слова министра финансов: «Неопределенность — вот что страшно. Лично я не боюсь. Они не осмелятся причинить мне боль. Но другие — они напуганы. Они раскисли. Каждый день они ожидают, что их выстроят в ряд и расстреляют. Это невыносимо».

В каждой камере повторялось одно и то же. Нездоровое беспокойство, а затем роковые слова: «Я страшусь не за себя, а за других. Они напуганы».

Недоверие заключенных вызывало недоверие у охранников. Каждая из сторон медленно катилась к катастрофе.

В дополнение к одиночным камерам тут были две больших

общих. В них сидели армейские офицеры. Мне показали эти комнаты. Мужчины курили и играли в карты. Здесь напряжение было меньше. Его ослабило дружеское общение. В одной комнате русский генерал поднялся и обратился ко мне. Он говорил по-французски.

«Итак, мадам, — сказал он. — Что же Вы думаете о России? Что вы думаете о стране, которая бросает в тюрьму своих офицеров? Я думаю, что такое невозможно в Америке?»

Мужчины столпились вокруг, чтобы услышать мой ответ.

«Нет, — ответила я, улыбаясь. — Тем не менее, Америка сажает в тюрьму людей. Она сажает мужчин, которые отказываются воевать».

Тут последовал восторженный смех, и генерал продолжил: «Здесь, как Вы видите, все по-другому. Мы в тюрьме за то, что хотели воевать. Нашим странам нужно провести обмен заключенными».

Даже большевики поняли шутку и присоединились к общему смеху. Разумеется, это был перевернутый мир.

Когда мы повернулись, чтобы уйти, моя переводчица беседовала с охранником. Он был груб, толкал генералов и хлопал дверью.

«Я надеюсь, — сказала она, — что Вы хорошо обращаетесь с заключенными. Вспомните, как Вы сами сидели в тюрьме и на что это было похоже».

Человек опустил голову. Он был как большой ребенок. «Я бываю, — сказал он, — и становлюсь ужасен».

В этом маленьком инциденте кроется истина. Власть рождает тиранов. Ни один человек не должен иметь бесконтрольной власти над своими собратьями. И если бы не было веры в возмездие и наказание, жизнь была бы совсем ужасна.

В.П. Павлов *(из воспоминаний о тюрьме «Кресты»)*

На прогулках Пуришкевич вел себя вызывающе, и когда московцы спрашивали: «Где, где Пуришкевич?» — он, запуская руки в карманы, кричал: «Вот, смотрите, Пуришкевич. Ослы». Многие из них неоднократно просили меня о том, чтобы я разрешил им пырнуть его ножом. Мне больших трудов всегда стоило их уговорить. В особенности москвичей привлекали громадные фигуры Хвостова и Щегловитова. Москвичи не могли удержаться

от того, чтобы, поравнявшись с одним из них, не сделать «выпад» (т.е. взять «на руку» и, согнув одну ногу в колене под острым углом, а другую совершенно прямо — описать я не могу, — делали обыкновенно, как колют при обучении в чучело). С этими действительно была большая история: солдаты приходили целыми ватагами из караула и умоляли, чтобы я разрешил хоть одного пырнуть. «Хоть немного», — выражались. Только мой аргумент, что их все равно будут отправлять в «расход», удерживал их от этого. «Ну, а “играть” все-таки будем», — предупреждали они. После истории с Кокошкиным и Шингаревым атмосфера в «Крестах» с караулом стала совершенно невозможная: меня как красногвардейцы, так и москвичи все время предупреждали, что, «если ты будешь предпринимать какие-либо меры к защите министров-капиталистов и старых министров, то мы тебя убьем вместе с ними. Всех надо их убить, — кричали москвичи, — какого черта их кормить!» И действительно, солдаты сходили со своих постов и ходили по хирургическому барaku примечать министров. «Зачем вы туда ходите, товарищи?» — спрашивал я их. — «Чтобы не обмануться на случай», — отвечали они. Если бы не были приняты своевременно меры Ревкомом, выразившиеся в смене москвичей латышами, то весьма возможно, что солдаты перепороли бы штыками их всех.

Альберт Рис Вильямс

Всего примерно 250 заключенных были брошены в тюрьму после падения Зимнего дворца. Юнкера, арестованные во время столкновений в офицерских училищах, на телефонной станции и во время многочисленных рукопашных боев, которые захватили город 29 октября, были отправлены в Петропавловскую и Kronштадтскую крепости. Этот приток существенно сократил запасы еды, хранившиеся в крепостях, где после Февральской революции среди заключенных было лишь несколько представителей царского режима. (Многие большевики, сидевшие в тюрьме после июльских событий, были освобождены Октябрьской революцией.)

Кроме одной камеры, которая нам показалась переполненной, мы доложили, что камеры «сухие, чистые, теплые, просторные, сравнительно хорошо вентилируемые, оборудованные современными санитарными принадлежностями и в целом на-

ходятся в гораздо лучшем состоянии, чем большинство американских тюрем, которые были нам известны».

На самом деле запасы продовольствия оказались скудными, но почти все заключенные сказали, что в настоящее время у них нет жалоб на еду или условия. В одной камере юнкера захотели поговорить с нами без присутствия конвоира, и тот удалился. И тогда мы выслушали рассказ об их ужасных переживаниях, когда их доставляли в крепость через толпу, жаждавшую мщения. Когда они прибыли в крепость, на дворе их окружила неистовствовавшая толпа, к ней присоединились и некоторые их конвоиры, желавшие поставить их к стенке и расстрелять, «однако решительные действия комиссара и большинство охранников помешали этому». Два офицера, в том числе адъютант коменданта, подтвердили это и добавили, что некоторые напуганные юнкера попытались удрать, несмотря на предупреждения стражников. Последовали выстрелы, три человека были убиты, а четвертый — тяжело ранен. Когда об этом было доложено в Смольный, Ленин лично вмешался и приказал принять «более действенные меры» для охраны заключенных, в том числе министров, от насилия.

Вид юнкеров, жевавших конфеты из коробок, присланных им друзьями и родственниками, убедил нас в том, что они не страдали от страшных тягот, которые виделись думским господам.

Джон Рид

В конце ноября разразились «винные погромы» (разграбление винных подвалов), начавшиеся с разгрома погребов Зимнего дворца. Улицы наполнялись пьяными солдатами... Во всем этом была видна рука контрреволюционеров, распространявших по всем полкам планы города, на которых были отмечены винные склады. Комиссары Смольного выбивались из сил, уговаривая и убеждая, но таким путем не удалось прекратить беспорядки, за которыми последовали ожесточенные схватки между солдатами и красногвардейцами... Наконец, Военно-революционный комитет разослал несколько рот матросов с пулеметами. Матросы открыли безжалостную стрельбу по погромщикам и многих убили. После этого особые комиссии согласно приказу отправились по всем винным погребам, разбивая бутылки топорами или взрывая эти погреба динамитом...

Зинаида Гиппиус*30 ноября*

Сутки на улицах стрельба пачками. «Комиссары» решили уничтожить винные склады. Это выродилось в их громление. Половину разобьют и выльют — половину разграбят: частью на месте перепиваются, частью с собой несут. Посылают отряд — вокруг него тотчас пьяная, зверская толпа гарнизы, и кто в кого палит — уж не разобрать. Около 6-ти часов, когда мы возвращались домой, громили на Знаменской: стрельба непрерывная...

Сейчас, ночью, когда я пишу, — подозрительные глухие стуки — выстрелы... Бегу в столовую, выходящую на двор, смотрю на освещенные окна домовой караулки... Возвращаюсь. Потушив огонь, приподнимаю портьеру, гляжу на улицу: бело, пустынно, бело-голубовато (верно, луна за тучами), и быстро шмыгают иногда по стенке темные фигуры.

Мы здесь, в этом доме, буквально обложены войсками: в Таврический дворец их стянули до 8 тысяч. Матросы. Привезены и пулеметы. Дворец, только что отремонтированный, уже заплеван, загажен, превращен в подобие Смольного — в большевистскую казарму.

Нельзя быть физически ближе к Учредительному Собранию, чем мы. И вот мы почти в такой же темноте и неведении, как были бы в глухой деревне. Мы в лапах гориллы...

1 декабря

Винные грабежи продолжаются. Улица отвратительна. На некоторых углах центральных улиц стоит, не двигаясь, кабацкая вонь. Опять было несколько «утонувших» в погребах, когда выбили днища из бочек. Массу растащили, хватит на долгий перепой.

Из Таврического дворца трижды выгоняли членов Учредительного Собрания — кого под ручки, кого прикладом, кого в шею. Теперь пусто.

4 декабря

Винные погромы не прекращаются ни на минуту. Весь «Петроград» (вот он когда Петроград!) пьян. Непрерывная стрельба, иногда пулеметная. Сейчас происходит грандиозный погром на Васильевском.

Не надо думать, что это лишь ночью: нет, и утром, и днем, и вечером — перманентный пьяный грабеж.

5 декабря

Ничего особенного. Погромы и стрельба во всех частях города (сегодня 8-й день). Пулеметы так и трещат. К ним, к оргиям погромным, уже перекидывающимся на дома и лавки, — привыкли. Раненых и убитых в день не так много: человек по 10 убитых и 50 раненых.

Забастовали дворники и швейцары, требуя каких-то тысяч у домовладельцев, хотя большевики объявили дома в своем владении. Парадный ход везде наглухо закрыт, а ворота — настежь всю ночь. Так требуют дворники.

Офицеры уже без погон. С погонами только немцы, медленно и верно прибывающие.

В Крестах более 800 офицеров сейчас. «Правда» объявила: это «офицеры, кадеты и буржуи расставили винные погреба для контрреволюционного превращения народа в идиотов» (sic!).

Джордж Бьюкенен

18 (5) декабря

Тем временем ситуация в Петрограде становилась все хуже и хуже. Там недавно произошла настоящая пьяная оргия. 7 декабря (24 ноября) банды солдат и матросов ворвались в Зимний дворец и разграбили винные погреба, и пять раз конвои, посланные, чтобы арестовать их, следовали их примеру и безнадежно напивались. Было много стрельбы, но лишь несколько солдат ранены. В конце концов кого-то посетила счастливая мысль покончить с дебошем, затопив подвалы, и в результате несколько пьяных утонули. После этого солдаты перенесли свое внимание на подвалы частных лиц, и прошлой ночью несколько наших друзей вынуждены были укрыться в посольстве, поскольку в их подвалах засели солдаты, которые развлекались беспорядочной стрельбой. Грабежи и убийства становятся обычным делом, по ночам людей останавливают на улицах и отнимают у них всю одежду и ценности. Ни одна ночь не проходит без постоянной ружейной и пулеметной стрельбы, но никто пока не смог сказать мне, что происходит. В одну ночь на мосту шла такая интенсив-

ная перестрелка, что моя жена, чья кровать была на одной линии с окном, спала на матрасе на полу для большей безопасности. Никто не знает, что готовит нам следующий день или ночь.

Зинаида Гиппиус

8 декабря

Погромы и стрельба перманентны (вчера ночью под окнами так загрохотало, что я вздрогнула, а Дима пошел в караулку). Но уже все разгромлено и выпито, значит, скоро утихнет. Остатки.

А. Хохряков

Главным образом нельзя ни на минуту думать, что вся солдатская масса в дни Октября переродилась и стала сплошь революционной. В ней, как и всюду, оставались шкурники, контрреволюционеры, люди, не чуждые легкой наживы, но не они давали тон в эти дни. Их голосов не было слышно. Распоясаться они не смели.

Лучшим подтверждением этого может быть эпизод из того времени, когда по городу пошла и угрожала революции волна пьяных погромов.

Разгонять погромщиков приходилось и днем, и ночью, и в виду особенности обстановки действовать приходилось со всей возможной решительностью.

И вот одна из рот полка, посланная, чтобы разогнать погромщиков, не устояла от соблазна. Солдаты побросали винтовки и присоединились к тем, кто разбивал бочонки и тут же напивался до бесчувствия.

Пришлось послать 8 роту, как наиболее стойкую.

Опьяневшие солдаты не хотели и слышать о прекращении попойки. Результат был для них весьма неожиданный. Погреб был очищен через каких-нибудь полчаса, а из поклонников вина около восьмидесяти человек потащились прямо в околоток отлежаться и... вынимать занозы.

Около дюжины прикладов было разбито в щепки о спины и о «поясницы» загулявших.

А через несколько дней обе роты мирно объяснялись:

— Нельзя же так. До сих пор присесть не можем! Занозы — во какие...

— Убить вас мало было. «Защитники Революции!» Знать, соскучились по «романовской» палке. Ну, мы вам и напомнили...

Мадлен Доти

Я никогда не забуду свой первый опыт мародерства. Я ужинала за пределами гостиницы. Я услышала стрельбу на расстоянии, но не поняла, что она означает. Около одиннадцати вечера, когда я поехала домой, звук пуль начал пульсировать у меня в голове. Мой путь лежал в направлении стрельбы. Роковой тук-стук выстрелов стал почти невыносимым. Затем послышались горестные крики и рыдания. Признаюсь, я струсилa. Я была в компании американского корреспондента и его жены и без зазрения совести попросила их проводить меня домой. Я была готова умереть за дело, но не хотела погибнуть от шальной пули.

С большим трудом мы получили сани. Стояла чудесная ночь, с яркими звездами на небе. Сани быстро скользили по жесткому снегу. Казалось немыслимым, что люди могут убивать друг друга. Затем мимо нас промчались сани. На них, несомненно, везли раненого, так как он продолжал настоятельно требовать: «Помоги, товарищ, помоги!» Я вздрогнула и схватилась за моих спутников. Выстрелы стали очень громкими. Мы увидели бегущих солдат. У них были отобраны их ружья. Они вопили и кричали. Наши сани проехали мимо них, но они не сделали ни шага в нашу сторону. Мои спутники что-то сказали о желании пощекотать нервы, но я хотела попасть домой и спрятать голову под одеяло.

Утром у меня прибавилось смелости. Кроме того, стрельба затихла. Я пошла от моего дома к Зимнему дворцу. Когда я подошла на расстояние двух кварталов, то увидела ярко-красные капли на снегу. Сначала я подумала, что это вино, но капли были слишком красные и вязкие для вина; и на некоторых зданиях были красные пятна там, где опирался раненый. По всей дороге и на льду Невы валялись разбитые бутылки. Я подобрала одну. На ее этикетке был царский герб. Это была элитная марка мадеры.

Когда я добралась до Зимнего дворца, то обнаружила, что он охраняется оборванной толпой заводских парней в штатской одежде со штыками на плечах. Они были из Красной гвардии. По крайней мере, они были трезвыми. В эти дни трудно достать вино, а водка недоступна. В результате томимые алкогольной

жаждой русские впали в отчаяние. Вот что случилось накануне. Алчущие алкоголя солдаты попали в винный погреб и устроили оргию; другие солдаты пришли, чтобы выгнать их оттуда и тоже остались пить. Начались ссоры. Прибыли кронштадтские матросы и красногвардейцы; пьяные и наполовину трезвые отказались уходить. Началась стрельба. Страсти все закипали и закипали, в результате произошло небольшое сражение. В конце концов внутрь была пущена вода из шланга пожарной машины, все бутылки в винном погребе разбиты и сам погреб затоплен. Трое солдат утонули в вине, от двадцати до тридцати было убито, и многие получили ранения. Но днем наступил порядок, а также стыд и раскаяние. Русский человек всегда сильно раскаивается. Он может убить человека, но после этого будет кормить и одевать ребенка убитого.

Пьер Паскаль

26 (13) декабря 1917

Петроград сегодня представляет собой небывалую сцену. На ней разыгрывается дуэль двух обществ: нынешнего и завтрашнего. Понять друг друга они не могут, они расположены в разных плоскостях. Они не знают общей почвы, потому что, помимо самих себя, они не признают ничего. Общее можно было бы отыскать, ибо оно превышает, — церковь, но ни то, ни другое общество не желают ее признавать, а потому оба обречены: одно — на гибель, другое — на неудачу.

Вот почему все, что говорят с точки зрения настоящего против большевиков (то есть социалистов, ибо они их единственные последователи), называя их предателями, агрессорами, дезорганизаторами, будет абсолютно верным: но это не может и не должно их задевать, ибо они объявили войну нынешнему обществу и не скрывают этого.

Они теоретики, но русский народ, который стал социалистическим и большевистским только номинально, следует за ними, потому что он тоже смотрит в будущее. Он хочет прекращения несправедливости и несчастия, присутствующих на земле. Неумело, мучительно, в страданиях он, тем не менее, творит это будущее. Русская революция, какой бы ни оказалась возможная последующая реакция, будет иметь столь же огромное эхо, как

революция 1789 г., и даже много более великое: это не просто случайность, это эпоха, и Боссюэ именно с этого начал бы главу своей «Всемирной истории».

Вот что надо себе сказать, чтобы понять русскую революцию, Россию вообще и, как следствие, чтобы урегулировать свои отношения с нею. Вот чего не понимают правительства. Издалека, действительно, это, может быть, не так ясно. Здесь многие понимают, но не среди людей влиятельных.

Жак Садуль

Все эти люди как будто не замечают, что, продлевая кризис, они еще больше разваливают страну, и что поражение большевиков равнозначно поражению России. Я по-прежнему думаю, что эта крамольная мысль не так уж и парадоксальна, что, если отбросить все вопросы, связанные с социализмом, союзники при нынешнем соотношении сил в России должны стремиться к тому, чтобы большевики на какое-то время оставались у власти, потому что, по крайней мере, только они кажутся способными улучшить положение дел в России; и это начинают понимать в посольстве и в миссии.

Пьер Паскаль

28 (15) декабря 1917

День национализации банков. Вечером в трамвае спор между буржуазкой и рабочими, служащими, солдатами. Она сетует на разбой, при котором грабят всех, богатых и бедных... В любом случае, бедные и богатые будут всегда и т.д. Прочие ей отвечают: «Да, но ничего не отбирают, только ведь спекуляция, нужен государственный контроль, чтобы помешать этому...» И все очень степенно.

Как только она сошла, подытожили: «Наверняка, попадья... Надо не молиться, а работать...» и другие насмешки. Темы низкой официальной пропаганды.

Зинаида Гиппиус

16 декабря

Дмитрий говорит: надо было бы тоже устроить демонстрацию, вернее — процессию: такую тихую, с горящими факелами, с большим

красным гробом, и на нем надпись: «Свобода России»... А я поправляю: нет, написать страшнее. Надо написать просто — «Россия»...

Пьер Паскаль

30 (17) декабря 1917

Утром большая демонстрация по поводу мира. В сущности, она демонстрирует твердую волю всего народа: порядок совершенный, полки с командирами без знаков различия, солдаты на конях, свободные люди, одновременно и освобожденные, и в надлежащей форме. Обилие транспарантов. Несколько узнаваемых бывших офицеров. Рабочие. Вооруженные красногвардейцы. Женщины. Худошавые, поют. Идет народная сила, сила народа, который стремится к чистому идеалу, желая справедливости и добра. На глазах у меня навернулись слезы.

О, Боже мой, сделай, чтобы эта добрая воля, эти усилия не были напрасны!

Джордж Бьюкенен

31 (18) декабря

Первая часть германской мирной делегации прибыла в Петроград. Они, как говорят, поражены царящей здесь анархией и заявляют, что состояние финансов и промышленности России настолько бедственное, что ни одна страна не сможет самостоятельно восстановить их до нормального состояния.

Зинаида Гиппиус

22 декабря

Вчера был неслыханный снежный буран. Петербург занесен снегом, как деревня. Ведь снега теперь не счищают, дворники — на ответственных постах, в министерствах, директорами, инспекторами и т.д. Прошу заметить, что я не преувеличиваю, это факт. Министрша Коллонтай назначила инспектором Екатерининского Института именно дворника этого же самого женского учебного заведения.

Город бел, нем, схоронен в снегах. Мороз сегодня 15 градусов.

Трамваи едва двигаются, тока мало (сегодня некоторые газет не могли выйти). Хлеба выдают 3/8 на два дня. Мы все более и более изолируемся.

Борис Никольский

28 декабря

Что будет в январе — великий вопрос. Вот когда сепаратизмы-то скажутся. И вообще все скажется. Пока юг и Сибирь сыты; но ведь не вечно и они сыты будут. Землю-то везде обещали. И не только землю. Вообще, ночь темней и безнадежнее с каждой думою. Блаженны не думающие, танцующие, пьющие, курящие, играющие, спекулирующие и веселящиеся. Судя по афишам, таких достаточно. Роман стал собирать афиши, а я хожу по улицам и ему их сдираю десятками. Вчера принес более 50, сегодня более 30. Для полноты картины берем все, не только политику, но все решительно. — Боже мой, вы, потомки, которые наших дней не застанете, — если бы вы могли понять весь ужас существования среди хаоса в государстве, существующем только силой инерции, не имеющем ни людей, ни устройства, ни организации, ни даже будущего дня... Поймите, что значит — не иметь завтрашнего дня для России! Мы ждем во тьме и не знаем времени; знаем только, что оно идет и его каждое движение — глубже в ночь и дальше в разрушение. Где предел и конец? Египетская тьма. Ни смеяться, ни плакать, — ни к чему. Существовай в этой тьме крошечной, а не можешь — умирай. Старики самоубийством кончают, а молодежь — пьянствует, пока может. Но все припасы везде кончатся. Мученье. И ни просвета, ни мысли, ни души. Одно томленье. Мы, как заточенные в беспросветную темницу, обречены ждать.

Владимир Лопухин

Публика наша стихийно устремлялась за границу. Движение началось еще до 25 октября, лишь в предвидении ознаменованных этою датою событий. После же 25 октября выезд приобрел массовый характер. Из Петербурга люди либо непосредственно выезжали за границу, пока граница была открыта, через Торнео *via* Берген, либо посредственно через Кавказ, Крым, Николаев, Одессу, думая вначале отсидеться на юге России, а потом вынужденные оттуда бежать с наступлением ужасов Гражданской войны.

Кому не удалось бежать, из осевших на юге, те жестоко пострадали. Большая часть пали жертвами революционной бури. Но многие погибли естественною смертью, оказавшись не в си-

лах противостать всяческим лишениям, порожденным разрухой, и пережить потрясшие их сознание непонятые ими события.

Отправились одними из первых на юг, из числа тех, чьи имена пользовались известностью по значительности занимавшегося положения: дважды премьер-министр И.Л. Горемыкин, дважды министр — сначала финансов, потом — торговли, впоследствии управляющий Государственным банком И.П. Шипов, бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов и др.

Николай Реден

Впервые за несколько месяцев я посетил самостоятельно Народное собрание, чтобы послушать оперу «Вертер». Ежедневно сталкиваясь с реалиями жизни, было трудно проникнуться сочувствием к внутренним переживаниям молодого человека, мучившегося неспособностью преодолеть страсть к супруге своего лучшего друга. Сценарий, музыка и костюмы казались фантастическими, но более всего поражала аудитория.

Театр был полон каких-то неопрятных субъектов. Нечасто попадались люди, которых встречаешь в опере. Было много уставших и разочарованных лиц, более половины мест занимали солдаты и матросы с револьверами у пояса, с ружьями на коленях.

На протяжении первого отделения в театре было шумно, но потом установилась гнетущая тишина. Зрители, проникнутые революционным настроением, не могли скрыть своего презрения к романтическому сюжету, музыка отнюдь не звучала как военный марш и не взбадривала. Когда разыгрывалась сцена самоубийства героя, большинство зрителей спали, храп заглушал музыку оркестра.

Идиллическое спокойствие нарушил выстрел Вертера на сцене. Галерка тотчас ответила четырьмя выстрелами: это несколько солдат, разбуженных сценическим действием, инстинктивно выстрелили из своих ружей. Они не собирались причинить кому-то вред — просто сработал рефлекс. На несколько секунд аудитория замерла, напряженно всматриваясь вверх, но вскоре снова расслабилась. Никто не пострадал, оснований для волнений или негодования не было.

Способ возвращения из театра был даже более пугающим, чем стрельба во время спектакля. После семи вечера трамваи не

ходили, и театралы были вынуждены идти домой пешком независимо от того, как далеко они жили. Когда занавес опускался в последний раз, публика уже собиралась на площади перед театром. Толпа делилась на небольшие группы, и они направлялись домой в разные районы города.

Мужчины и женщины — совершенно незнакомые друг другу — шли посередине улицы бок о бок, обмениваясь шутками, посмеиваясь над положением, в котором оказались. По мере того как они удалялись все дальше и дальше, толпа постепенно таяла. Когда кто-либо из группы подходил к дому, все остальные останавливались и следили за ним, пока попутчик благополучно не скрывался за дверью. Затем шли дальше.

Банальное выражение «один в поле не воин» утратило свое ироничное значение, и осторожность диктовалась суровой необходимостью. Человека, шедшего ночью в одиночку по улицам Петрограда, подстерегала опасность. Очень часто его останавливали бандиты, грабили, раздевали и разували, что было страшнее лишения обесцененных денег. Ночью нередко можно было видеть людей, бегущих в одном нижнем белье по морозу, осторожно касаясь льда босыми ногами, — это были жертвы ограбления.

Мадлен Доти

Типичный русский имеет две личины — он и зверь, и ангел. И если вы ожидаете от него ангельского характера, он вам его явит. Многие иностранцы испытывали большие трудности в Петрограде и возвращались домой с дикими историями; но большую часть трудностей они создавали себе сами. Вы же не машете красной тряпкой перед быком, если хотите, чтобы бык держал себя в руках. И уж совсем не разумно надеть цилиндр, шубу и кольцо с бриллиантом, подойти с важным видом к голодному, оборванному большевику и заявить ему, что он пройдоха.

Каждый день почти на каждом углу джентльмен в шубе и солдат могли схлестнуться в жарком споре. В конце концов он всегда сводился к одной и той же практической основе:

Солдат: Ты капиталист.

Джентльмен: А ты пройдоха.

Солдат: Капиталисты — враги народа. Все должны быть бедными, все должны быть одинаковыми. Где ты взял эту шубу?

Джентльмен: Не твое дело.

Солдат: Нет, мое. Теперь наша очередь носить шубы, и мы собираемся их заполучить.

Иногда, под покровом ночи, шуба меняла хозяина; но, как правило, солдат и джентльмен просто прощались, кипя от злости.

Однажды ночью остановили и стали грабить Джека (Джона) Рида. Но он знал несколько слов по-русски и объяснил, что он американец и социалист. После чего ему незамедлительно вернули его имущество, сердечно пожали руку и радостным отпустили восвояси. В другую ночь остановили и ограбили одну женщину. Она была русской и трогательно объяснила, что живет далеко и ей нужны деньги на трамвай. Ее мольбы возымели эффект. Ей вернули рубль и дали следующую инструкцию: «Если какие-нибудь солдаты снова начнут Вас грабить, просто скажите им, что товарищ такой-то уже Вас ограбил, но оставил рубль, чтобы Вы смогли добраться домой».

А. Егоров

Одним из важных мероприятий было поддержание на улицах революционного порядка. В районе к тому времени был организован штаб Красной гвардии под руководством Воробьева и Дункена. Штаб поручил нам ведение охранной службы.

Мы знали, что дело это нелегкое. Время стояло тревожное. Всякие темные силы старались использовать все пути и средства, чтобы сбросить большевиков.

На улицах, как только скоплялись кучки людей, сейчас же появлялись «агитаторы», призывавшие слушателей к свержению Советской власти, к созыву Учредительного собрания и т.д. Приходилось нам эти собрания разгонять, а злостных «агитаторов» арестовывать.

Мне также пришлось работать по ликвидации уголовного элемента. Надо сказать, что уголовщики тогда действовали особенно активно, а это, конечно, вело к недовольству среди населения, рождало всякие слухи, сеяло панику.

Однажды я стоял на посту — угол Смоленского и Прогонной. Подбегает ко мне женщина и говорит:

— У меня были грабители, забрали все — до нитки. Я солдатка, заступиться за меня некому. Помоги, товарищ!

Я спрашиваю:

— А куда пошли грабители?

— А вон туда, к Семянниковскому заводу, к чайной.

Я побежал туда. Смотрю — около чайной сидят трое, делят какие-то вещи. Я их арестовал и отвел в штаб.

Улики имелись налицо, и суд был короткий.

— Что с ними делать?

— Расстрелять!

Вопрос решили общим голосованием. Грабителей отвели вниз и расстреляли.

Да иначе и нельзя было: грабежи в те дни являлись преступлением не только уголовным, но и политическим, и бороться с ними можно и нужно было только самыми решительными мерами.

Мадлен Доти

Из дворца Николая Николаевича я отправилась на квартиру Максима Горького. Несколько дней назад я уже была там и встретила мать Терещенко и жену Коновалова. Терещенко и Коновалов — это двое министров, заключенных в Петропавловскую крепость. Эти мать и жена извели себя тревогой. Со своей дилеммой они обратились к Максиму Горькому. Последний оставался единственным интеллектуалом, который еще не покинул большевиков. Он делал большое дело. Он критиковал, осуждал, но и пытался помочь. Каждый день его газета «Новая жизнь» вскрывала недостатки большевистского правительства. Ежечасно он подвергался опасности ареста. Но его позиция превратила его дом в убежище угнетенных. За помощью к нему приходили и рабочие, и графини.

Мария Андреева, соратник Горького на протяжении двадцати лет и де-факто его жена, была очаровательной хозяйкой. Именно она ободрила расстроенных женщин и пригласила их к чаю. Именно она пообещала посетить заключенных мужчин. Именно она рассказала Горькому о ревматизме Коновалова. Когда Горький услышал об этом, он подошел к телефону и договорился, чтобы его врач посетил больного. Когда женщины уходили, у них в глазах были слезы радости и благодарности.

Мария Андреева рассказала мне, как она провела тот день. Она побывала в Петропавловской крепости. Она видела заключенных мужчин. Она обнаружила, что Коновалов очень болен, заключенные прошли через суровое испытание. Коновалов опрометчиво написал своему другу письмо, осуждающее большевистское правительство и декларирующее, что Россию продают Германии. Это письмо попало в руки солдат-охранников. Они были в ярости. Они бросили Коновалова в карцер — темную камеру в подвале, где от стен начло влагой. Когда другие заключенные услышали о бедственном положении Коновалова, то устроили совещание. Было решено, что Коновалов слишком болен, чтобы остаться в живых при таком обращении с ним. Они решили провести акцию протеста. Министры, генералы и другие политические заключенные решили объявить голодовку. Они не собирались отставать от воинствующих суфражисток.

Министры и генералы доказали, что их голодовка эффективна. Солдаты забеспокоились, затем пришли в ярость. Они вывели маленькую общину во двор и выстроили у стены. Последовал ультиматум: «Мы вас расстреляем, если вы не прекратите голодовку».

Но свет снизошел на трех кронштадтских матросов. Они внезапно сделали шаг вперед. «То, что мы делаем, неправильно, — заявили они. — Это противоречит всем принципам братства. Этих людей можно расстрелять, только перешагнув через наши трупы».

Их мужество победило. Ангел в русском солдате взял верх. Заключенных отправили обратно в их камеры, а Коновалова выпустили из тюрьмы.

«Но, — сказала Мария Андреева, закончив свой рассказ, — в другой раз все может сложиться по-другому. Мое сердце болит, когда я думаю о будущем».

После моего возвращения в Америку я прочитала, что в Петропавловской крепости были убиты два министра. Я полагаю, одним из них был министр финансов. Ночной охранник вошел в камеры и заколол мужчин. Это не было деянием Советской власти, это было делом той дикой, мстительной силы, которая сорвалась с цепи в России. Как жаль! Потому что русский обладает бесконечными возможностями. Он и ангел, и зверь. Над ним мо-

гут властвовать как высокие идеалы, так и низменные страсти. Но у Советского правительства нет времени, чтобы научить идеалам. В своей отчаянной борьбе за выживание, в своей борьбе за равенство оно использует диктаторские методы.

Только голос Горького возвышается над этим водоворотом, призывая к умеренности, к терпению, к возвышенным методам наряду с возвышенными принципами, призывая к духовному возрождению наряду с экономическим равенством. Вот его слова, которые появились в одно прекрасное утро в его газете «Новая жизнь»:

«Весь вопрос в том, принесет ли революция духовное обновление? Сделает ли она людей честнее и искреннее? Или жизнь человека стоит так же дешево, как раньше? Новые чиновники так же грубы, как старые? А старые зверства все еще существуют? Осталось ли прежнее жестокое обращение с заключенными? Осталось ли взяточничество? Разве не правда, что у грубой физической силы всего лишь поменялись хозяева и что не было никакой новой духовной реализации?»

В чем заключается смысл жизни? В духовной реализации, в развитии всех наших способностей для добра.

Время для этого еще не пришло. Сперва мы должны захватить власть силой. Такой ответ был мне дан. Но нет яда более опасного, чем власть над другими. Мы не должны это забывать, иначе яд отравит нас. И тогда мы станем худшими людоедами, чем те, против кого мы боролись всю свою жизнь. Наша революция должна быть революцией сердца и ума, а не революцией штыка».

Приложение 1

АН.

О

Это не были
организованные
отряды, это
была обычная
революционная
толпа

РАССКАЗ
АРХИСТА
ШТУРМЕ
ЗИМНЕГО
ДВОРЦА

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РАССКАЗ АНАРХИСТА О ШТУРМЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Федор Другов

Я лежал в военном госпитале, когда мне сообщили, что назревают серьезные события. Я, несмотря на протесты врача, выписался и помчался прямо в Смольный, не показавшись даже родным. Там я встретил Марусю Спиридонову, которая мне объяснила все и сообщила, что левые эсеры выступают вместе с большевиками против Временного правительства. Она попросила меня войти в Петроградский Военно-Революционный Комитет (ПВРК), в который большевики не хотели пускать левых эсеров, а меня, анархиста, готовы были терпеть как посредника между двумя крайне левыми партиями.

После переговоров с Лениным я был введен в состав ПВРК. Он помещался в двух комнатах верхнего этажа Смольного, в северном конце коридора. Возле него в отдельном помещении находился Ленин, а напротив — военный штаб Антонова. По окончании II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принявшего постановление о передаче власти Советам, председатель ПВРК Дзержинский (sic!) предложил мне поехать к Зимнему дворцу и выяснить положение. Доехав по Невскому до Морской улицы, я сошел с автомобиля и направился пешком.

У Морской и Невского стояло несколько орудий с дулами, направленными в сторону Зимнего. Впереди около арки, сложив ружья в козлы, сгрудилась группа солдат. По их спокойному виду нельзя было судить, что это передовая линия осады. Направляюсь к Александрийскому саду — около улицы Гоголя стояла группа красногвардейцев и реквизировала все проходящие мимо автомобили, сгоняя их к Смольному. В конце Невского двигались одинокие прохожие, некоторые с винтовками и пулеметами. На площади у Исаакиевского собора расположился бивак матросов Второго балтийского экипажа. Такая мирная обстановка меня поразила. В Смольном известно, что Временное правительство решило защищать свою власть, и там уверены, что без штурма Зимнего не обойтись, — а здесь не только нет достаточной оса-

ды, кругом дыры, но и те незначительные части, что кое-где стоят, благодушно настроены и не чувствуют боевой обстановки. Я пересек Дворцовую площадь и подошел к группе штатских, среди которых находилось несколько матросов. Узнал нескольких анархистов — разговор шел о Керенском, который якобы идет с казаками на выручку Временному правительству, говорят, юнкера готовят вылазку из Зимнего дворца, вроде бы у них есть несколько броневигов, и поэтому надо брать поскорее штурмом дворец. Вся обстановка говорила за то, что они правы. Но кто же будет штурмовать Зимний, если вокруг никого нет? В это время кто-то указал на движущийся быстро через площадь силуэт человека. Никто не придавал этому значения. Однако меня заинтересовал этот силуэт, который, судя по всему, вышел из Зимнего. Я предложил его задержать. Каково же было наше удивление, когда мы узнали в нем командующего Петроградским военным округом. Штатское пальто не спасло его, и он был препровожден в ВРК. Когда в толпе узнали, что я член Петроградского ревкома, один анархист позвал меня сходить к баррикадам юнкеров и предложить им сдаться. Я согласился. Махая носовыми платками, мы пошли к баррикаде и влезли на нее. При виде нас юнкера сгрудились к нам. Мой спутник произнес агитационную речь, после чего юнкера плаксивым ребяческим хором загладели: «Ну мы же не хотим братоубийства. Мы хоть сейчас сдадимся, но кому же, кому мы должны сдаться, скажите?» Мой спутник указал на меня: «Вот член Военно-Революционного Комитета. Он является законным представителем государственной власти». В этот момент из ворот вышел офицер и крикнул: «Господа юнкера! Позор! Вы братаетесь с хамьем. Марш по местам». Но юнкера уже вышли из повиновения. Посыпались жалобы и упреки. Видно было, что Временное правительство уже не пользуется у них авторитетом. И перспектива встретиться с разъяренной народной толпой им не улыбалась. Офицер повернулся на каблуках и быстро ушел. Сейчас же во дворе раздалась команда, и к воротам частыми шагами подошел взвод других юнкеров. «На линию огня, шагом марш!» Новые юнкера рассыпались по бойницам. Старые выстроились и ушли внутрь здания, ворча на офицера. Офицер резко обратился к нам: «А вы кто такие?» Я ответил, что я член ВРК и уполномочен передать предложение о сдаче: «Зим-

ний дворец окружен плотным кольцом, на Неве стоят военные корабли. Положение Временного правительства безнадежно», — но офицер грязно выругался и послал нас. И мы пошли...

Захватив на Невском первую попавшуюся машину, я приехал в Смольный. Обрисовал печальную картину, сложившуюся вокруг Зимнего, Антонову. Антонов, трясая длинной шевелюрой, удивился моему рассказу: «Как? А мне только что сообщили, что Временное правительство сдалось и Зимний плотно оцеплен нашими войсками. Я сейчас же приму меры. Спасибо, товарищ!»

Видя царящий в военном штабе хаос, бестолковщину и благодушное неведение командующего, я, сообщив в ВРК свои сведения, помчался назад к Зимнему, чтобы лично организовать штурм дворца. По дороге я услышал несколько выстрелов. Когда я вернулся к Зимнему, вокруг него царило уже большое оживление. Разношерстные группы гнездились за каждым прикрытием. Это не были организованные отряды, это была обычная революционная толпа, которой никто не руководил, но которая собралась сюда поодиночке со всех концов города, как только раздались первые выстрелы — признак революции. Тут были матросы, рабочие, солдаты и просто неопределенные лица. Это была стихия. Организованные же части продолжали благодушествовать, расположившись бивуаком в стороне. Я взял на себя задачу направить эту стихию на активные действия. Черная ночь, мертвящая тишина, передвигающиеся с места на место тени «стихий» нервировали защитников баррикады. Время от времени они оглашали площадь выстрелами. Для порядка и мы посылали им ответные выстрелы из толпы. Перестрелка создавала некоторую напряженность и революционизировала атмосферу, привлекая с окраин толпы рабочих, желающих принять боевое участие в революции. Из-под арки я перебрался к сложенным штабелям, под прикрытием которых скопилось много стихийников. Эта масса жаждала действия.

Стоило мне только предложить нескольким матросам штурмовать баррикаду, как тотчас же вокруг собралась целая рота добровольцев. Они только и жаждали инициатора, который бы что-нибудь такое затеял. Я взял на себя командование. Объяснил боевую задачу, как нужно себя вести при наступлении, и мы широкой цепью двинулись вперед. Нам удалось дойти уже

до середины площади, когда нас выдал предательский свет фонаря на Александрийской колонне. Нас заметили с баррикады и после первого залпа открыли по нам частый огонь. Впившись в мостовую зубами, мы лежали как мертвые. Кто-то из наших товарищей сзади догадался «потушить» фонарь на колонне. И вскоре стрельба юнкеров стала стихать. Не успела еще прекратиться стрельба, как я услышал над своей головой голос неизвестно откуда взявшейся медсестры: «Товарищ, ты жив?!» К счастью, помощь не понадобилась — никаких ран, кроме нескольких разбитых при падении на мостовую коленок и лбов, у наступающих не было. То ли юнкера не умели стрелять, то ли стреляли поверх голов, и это спасло защитников Зимнего от эксцессов толпы. После неудачной попытки атаковать баррикаду я решился приблизиться ко дворцу со стороны Миллионной улицы. Перебежками вдоль стены штаба мы добрались до угла и присоединились к солдатам Павловского полка, укрывавшимся за гранитными статуями Эрмитажа. Взяв с собой группу матросов, я направился для разведки к боковым воротам Зимнего. Подкравшись к воротам, мы увидели ударниц женского батальона и вступили с ними в переговоры.

Оказалось, они сами искали путей войти с нами в контакт. Они нам сообщили, что женский ударный батальон и большая часть юнкеров постановили прекратить защиту группы растерявшихся людей, именующих себя Временным правительством. Они хотели вступить в переговоры с представителями ВРК, которые гарантировали бы им личную безопасность и свободное возвращение. Получив от меня гарантии, делегаты сдающихся частей ушли передавать результат переговоров своим товарищам. Ударницы начали выходить с полным вооружением, складывая винтовки в кучу. Проходя через строй рабочих и красногвардейцев, молодые ударницы бросали задорные, кокетливые взгляды своим бывшим «врагам». Беспечный вид смазливых девчонок, плотно натянутые шаровары которых выдавали соблазнительные формы женского тела, развеселил нашу публику. Посыпались остроты и комплименты. Матросские лапы потянулись к шароварам пошарить, не спрятано ли там оружие. Ударницы не догадывались, в чем дело, и покорно позволяли гладить свои ноги. Другие же догадывались, но нарочно щеголяли своим те-

лом, насмешливо наблюдая за движением матросских рук, и как только эти руки переходили границы возможного, так моментально получали шлепок, и пленница со смехом убегала. Растроганный матрос безнадежно вздыхал: «Эх, хороша Маша, да не наша». Солдаты скромнее, тех больше привлекали упругие груди, соблазнительно обрисовывавшиеся под тканью гимнастеров. С простодушной неуклюжестью солдаты пользовались возможностью «полапать» девчонок. Проходя дальше по строю, ударницы, освоившиеся уже с «вражеской» обстановкой, раздавали шлепки налево и направо. Толпа гоготала в блаженном веселии. А в это время в нескольких десятках сажений из-за баррикады трещали выстрелы. Война только началась. За ударницами потянулись юнкера. Наконец вышел последний юнкер и сообщил, что желающих сдаваться пока больше нет, но некоторые части юнкеров колеблются. Офицеры обеспокоены сдачей части юнкеров и ударниц. Много юнкеров арестовано, и им грозит расстрел за измену Временному правительству.

Воспользовавшись путем, которым вышли из Зимнего юнкера, матросня ворвалась во дворец и рассеялась по бесчисленным коридорам и залам дворца. Поднявшись по лестнице наверх, я с группой матросов стал пробираться по залам внутрь. Вперед мы выслали разведку, которая тщательно осматривала все помещения по пути. Двигаться было очень опасно. За каждой дверью, за каждой портьерой мог встретить притаившийся враг. Наконец, нас просто могли атаковать с тыла, отрезать выход. Нас была небольшая группа, остальные разбрелись неизвестно куда. Та часть дворца, куда мы попали, оказалась пустой. После сдачи юнкеров и ударниц у временного правительства не нашлось сил заполнить этот прорыв. Наша цель была — проникнуть изнутри к главным воротам и атаковать баррикаду с тыла.

Вдруг на площади поднялась страшная стрельба. Откуда-то распространился слух, что прибыли казаки Керенского. Матросня бросилась назад к выходу. Как я ни успокаивал — не помогло, и мне пришлось самому удирать. Не зная расположения дворца, я побежал за двумя последними матросами, чтоб не остаться совсем одному. Вбежали в какой-то чулан или кухню, а дальше бежать некуда. Неизвестно куда ведущая дверь оказалась запертой. Пробили прикладами дыру и вылезли на лестницу. Дверь во

двор тоже оказалась на замке. Попробовали бить прикладами — не поддается — прочная. Мы попались в западню, как мыши.

Нужно искать путь, которым мы пришли во дворец. Бежим наверх. Взломали еще одну дверь и какими-то помещениями пришли к выходу. Выскочив за ворота, мы сейчас же должны были залечь в нише Зимнего дворца, так как нас обдало потоком пуль. На площади стоял сплошной гул от стрельбы. Мы лежали друг на друге в три этажа. И нижний едва переводил дух под нашей тяжестью, но зато он был в самом безопасном положении.

Когда поток пуль несколько ослаб, мы перебежали к Эрмитажу. Укрывшиеся там матросы и красногвардейцы стреляли по баррикаде. Выяснилось, что никаких казаков нет, а просто стихийно поднялась стрельба. Я предложил прекратить бесполезную стрельбу и вновь двигаться во дворец. Матросы рассказали, как один из них, забравшись на какой-то чердак и сбросив оттуда бомбу на собрание юнкеров, убежал. Несколько матросов будто бы юнкера захватили в плен и расстреляли. Публика рассвирепела: «Как, расстреляли наших товарищей! Даешь Зимний, братва!» И вся эта орда бросилась во дворец...

Бомба, брошенная в самой середине здания, навела на юнкеров такой панический страх перед наглостью матросов, что они, завидев в дверях пару матросов, наводящих на них винтовки, моментально поднимали руки вверх и сдавались. Лишь непосредственная охрана Временного правительства и защита главных ворот еще держались на своих позициях.

По открытому нами пути во дворец вошел народ, рассеиваясь в бездонном лабиринте его помещений. Чувствуя безопасность, во дворец устремились толпы любопытных, к которым примазались темные личности, почувствовавшие удобный случай поживиться. Мне сообщили, что во дворце обнаружено громадное количество пулеметов, боеприпасов и вина и что в подвале начинается пьянство. Я немедленно направился туда... оказалось, что там, помимо двери, проломлена кирпичная стена. Кто проломал стену и когда — это тайна, но во всяком случае тот, кто ломал, имел определенную цель и точно знал, где надо ломать. Я заставил немедленно заложить стену кирпичами и закрыть железную дверь.

На площади кипел горячий бой. А я с группой кронштадтцев пробирался по огромным залам дворца, увешанным картинами.

У каждой двери стоял лакей в ливрее с неизменными бакенбардами. Странно было видеть этих людей при своих обязанностях в самом пекле сражения. Люди в ливреях невозмутимо стояли на своих постах и привычным движением распахивали перед каждым дверь. Один из лакеев, увидев меня и решив почему-то, что я начальник, обратился ко мне и говорит: «Я понимаю еще — ну бунтовать там, ну убивать, а зачем безобразничать-то!» — «Что вы этим хотите сказать?» — спрашиваю я, не понимая, в чем дело. «Так как же, вот, ваши товарищи-то: полюбуйтесь. Взяли кусок портьеры и вырезали на портянки. Я им говорю: зачем же вы хулиганничаете, вещь портите, вещь, она вас не трогает. Так они на меня револьвер наводят. Молчи, говорят, старая собака». — «А вы можете указать на того, кто это сделал?» — «Так где ж его теперь найдешь! Сколько их тут навалило!» Я старику разъяснил, что такие гадости делают не революционеры, а мародеры, которых надо истреблять на месте. И если кто-нибудь еще позволит себе, то если он сам не сможет задержать этого человека, пусть укажет на него первому попавшемуся матросу, а уж мы ценности отберем и пощады не дадим. Я похвалил старика за то, что он в такой момент стоит на своем посту и охраняет народное имущество. На площади стрельба все увеличивалась, вдруг молния осветила на миг погруженные во мрак помещения дворца и раздался оглушительный орудийный выстрел. За ним еще. Здание дрогнуло. Казалось, что где-то поблизости рухнули стены. Я знал, что орудия, стоявшие на Невском, подвезены под арку штаба. Неужели они стреляют по дворцу, а ведь здесь же много своих? Я не в состоянии был понять, что там происходит. Может, следующий снаряд и похоронит нас под развалинами. Успокоил себя мыслью, что нелепо разрушать дворец, и они этого никогда не сделают, стреляют, по-видимому, по баррикаде, чтоб разрушить ее. (Это стреляла холостыми «Аврора».)

Прибегает матрос и заплетающимся языком сообщает, что стены в погреб опять сломаны и народ растаскивает вино. Я приказал ему опять заложить отверстие, закрыть дверь и охранять погреб. Матрос, пошатываясь, ушел.

Пробираясь дальше в глубь здания, я заглянул в одну из боковых зал и вижу, как двое штатских, отворив крышку громадного ящика, роются в нем. На полу валяются различные серебряные

предметы. Я вхожу и, направив на них маузер, командую: «Ни с места!» В ответ они моментально выхватывают наганы и открывают по мне стрельбу. Я успел укрыться за дверью и крикнул своих матросиков, несколько поотставших от меня. Учувяв неладное, мародеры хотели улизнуть через другую дверь и скрыться с награбленными ценностями, но матросы нагнали их. Отобрав у них ценности, я приказал кронштадтцам вывести мародеров на улицу и расстрелять, что и было сделано.

Наконец, стрельба прекратилась и кто-то сообщил, что главные ворота взяты. Вскоре мы встретились с солдатами, которые проникли во дворец уже через ворота. Здесь мне сообщили, что Временное правительство сдалось.

Передо мной стала задача охраны Зимнего. Я собрал кронштадтцев и попросил их принять на себя охрану дворца. Матросы долго отказывались, говоря, что эта привилегия вызовет к ним неприязнь других частей. Но мне удалось их убедить тем, что весь позор за разгром дворца падет на них как на главных участников штурма. Ворота Эрмитажа я приказал закрыть ввиду близости к ним винного склада. Внутрь дворца я выслал патрули, которые должны были очистить помещение от штатской публики и уговорить матросов и солдат покинуть дворец. Караулу у ворот я приказал никого во дворец не пускать, а всех выходящих тщательно обыскивать. Скоро под воротами дворца выросла гора отобранных вещей.

К этому времени на площади собрались все участники штурма. Ждали выхода арестованных министров. Для них уже были приготовлены машины. Мы уговорили толпу не делать никаких эксцессов министрам. Сделали узкий проход в толпе до автомобилей. Вот и они. Из толпы сыплются шуточки и остроты. Некоторые делали угрожающие движения. Все министры спокойно прошли сквозь строй к автомобилям. Один Маслов, потеряв достоинство, впал в животный страх, увидев злобные рожи матросов и солдат. Увидев толпу, он шарахнулся назад, ухватился за сопровождающих и закричал: «Спасите, спасите меня!» Пришлось уговаривать его, что его не собираются убивать, что пугаться не стоит, перед ним обычный народ, просто он никогда не видел народа так близко, и поэтому ему страшно. Все же для Маслова пришлось специально раздвинуть проход, и шел он, сопровожда-

емый по бокам солдатами, уцепившись за них и с ужасом озираясь на матросов, которые нарочно делали ему страшные рожи. Передав охрану дворца караульной части, я поехал в Смольный.

Дверь с криво написанной надписью «Военно-Революционный Комитет» не успевала закрываться. Люди с возбужденными лицами не говорили, а стреляли короткими, необходимыми, ясными словами и, на ходу получив две-три руководящих фразы, стремглав мчались туда, куда их посылали...

Однажды в ВРК залетел Троцкий, схватил кусок хлеба и, свалившись в кресло, говорит: «Только у вас здесь кипит деятельная работа. Как посмотрю на вас, так делаюсь спокоен за судьбу революции. Только у вас я отдыхаю».

Хотел он сказать еще что-то важное, но на полуслове уснул. Недоеденный кусок хлеба вывалился из рук. Такая картина была обычна в то время и потому никого не удивила. Заседание Комитета продолжалось. Проспав с полчаса, Троцкий вдруг проснулся и спрашивает: «Сколько я спал?» Но не дождавшись ответа, быстро убежал из комитета.

В то время странно бы было увидеть в Смольном спокойно идущего человека. Все бегало, суенилось, всем не хватало времени...

Приложение 2

ЮН

КЕРА

Мы здесь не
гости по
приглашению
хозяев Дворца
а игрушка в
руках судьбы

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ЮНКЕРА

Борис Лайминг

Итак, наступил канун 25 октября 1917 года (старого стиля), и мое отделение направилось на очередное дежурство в Зимний Дворец. Прибыв туда, мы в скором времени увидели, что на Дворцовую площадь пришел целый батальон юнкеров школы Препорщиков из Луги, а затем и женский батальон под командой Бочкаревой (которая старалась пристыдить мужчин и солдат в пользу ведения войны). Затем нам приказано было аммуничить и выехать с батареей на площадь. Туда также вышли и другие части, находившиеся во дворце, о которых уже говорилось раньше. Через короткое время Керенский выехал из дворца на автомобиле, сказал короткую речь, которую я за дальностью не расслышал, и, проехав мимо войсковых частей, куда-то уехал. (Потом, много лет спустя, мы, оставшиеся случайно в живых, узнали, что он бросил свое правительство и убежал в Финляндию). Мы все вернулись во двор Дворца, юнкера из Луги скоро куда-то ушли строем, а женский батальон разместился в Эрмитаже.

На площади и вокруг дворца царила полная тишина утром 25 октября, но ее можно, пожалуй, назвать зловещей, так как и трамваи не шли мимо дворца через Дворцовый мост на Неве, и скоро распространился слух, что где-то происходят беспорядки, и смена нашего караула из училища не пришла.

Не помню уже времени, но около полудня, вдруг подъехал бронированный автомобиль-грузовик напротив главного въезда во двор дворца и стал стрелять из пулемета по дворцу. На это ответили ружейным огнем юнкера пехотного училища, а броневик уехал обратно через арку Главного штаба.

После этого был отдан приказ всем юнкерам носить дрова, сложенные во дворе дворца большими штабелями и длиною больше метра, на фасад дворца, где в короткое время была построена широкая баррикада перед выездом во двор, длиною примерно в сто шагов и высотой немного ниже человеческого роста. Часть пехотных юнкеров осталась спереди дворца за этой дровяной стеной. Через некоторое время снова появился уже настоящий забронированный автомобиль с маленькой пушкой (35 мм?)

и обстрелял баррикаду и некоторые окна дворца. Ему ответили пехотные юнкера ружейным и пулеметным огнем, и он очень скоро скрылся.

Наступила зловещая тишина на всей площади, не было ни прохожих, ни извозчиков. Часть стоявших во дворце казаков куда-то ушла в конном строю. Нам дали ранний обед и, когда стало темнеть, приказали аммуничать лошадей и готовиться к уходу батареи из дворца.

Я был назначен в этот день ездовым на «коренном уносе» второго орудия и сел в седло. Наш отделенный офицер скомандовал отправление, и батарея пошла через Дворцовую площадь по направлению арки Главного Штаба. Куда мы шли, я точно не знал, но слышал, что должны были мы идти на соединение с какой-то частью на Морской у Синего моста через Мойку.

Как только мы прошли арку Главного Штаба и стали подходить по Морской улице к Невскому проспекту, неожиданно из-за всех углов по Невскому и из всех домов и подворотней на Морской высыпали сотни вооруженных людей, рабочих с красными флагами и винтовками, и в один миг окружили всю нашу батарею. Не успел я заметить, как вся улица и перекресток Невского заполнились этой толпой, как меня захватили сзади и сбоку и вытащили из седла. То же самое случилось и с другими юнкерами нашей батареи и ее командиром, и о сопротивлении орудиями или иначе не могло быть и речи. Пока с меня сдирали погоны, отнимали шашку и револьвер, я заметил группу солдат, около ста человек, под предводительством унтер-офицера, которые пробивалась сквозь окружавшую нас толпу и отталкивали от нас толпу рабочих. Унтер-офицер закричал на рабочих: «Товарищи рабочие, этот пункт поручен мне лично Лениным, и я забираю этих юнкеров в плен!! Мы их должны доставить в наши казармы!!» На этом солдаты его нас всех окончательно окружили и повели за угол по Невскому в сторону Мойки, а затем по боковой улице в казармы Павловского полка, что на западной стороне Марсова поля (где теперь парк и могилы жертв революции), между Невой, Мойкой и Летним садом.

Как только нас окружили солдаты и повели на Невский, много рабочих бросилось за нами, приставая к солдатам с криками: «Товарищи, чего вести этих гадов-капиталистов в плен, тащите

их к Мойке и покончим с ними! Мы только что захватили тех, что были на телефонной станции, покончили с ними и побросали в реку! Чего тащите их в казармы?!...» С такими криками толпа шла за нами еще два-три квартала и постепенно растаяла. А нас действительно привели и заперли в одном из помещений Павловского полка, которое было совершенно пусто, и сидеть можно было только на полу.

Иными словами, унтер-офицер этого полка, которого я никогда больше не видел, спас жизнь большинству юнкеров, а почему он это сделал, остается для меня навсегда загадкой.

Часа через три после моего «пленения» в наше помещение в Павловских казармах стали прибывать другие пленные, захваченные после нашего ухода в Зимнем Дворце. Среди них были еще юнкера нашего училища и разные другие люди, которые мне рассказывали, что они видели вечером 25 октября. После бегства Керенского к вечеру 25 октября Временное Правительство решило не сопротивляться, посчитав, что их дело проиграно, некоторые военные части, как мы и казаки, покинули дворец до его захвата толпой рабочих с Путиловского (ныне Кировского) и других заводов и небольших групп солдат. Там еще были юнкера Владимирского училища, персонал военных лазаретов во дворце и раненые, а также часть женского батальона Бочкаревой. Как рассказывали мои пленные собеседники, после знаменитого выстрела с крейсера «Авроры» толпы, скрывавшиеся в боковых улицах вокруг Зимнего Дворца, ринулись ко дворцу и ворвались в него, так как сопротивления было очень мало. Отстреливались только части женского батальона и немного пехотных юнкеров; были раненые, принесенные в лазарет дворца, которых доктора с трудом отстояли от расправы толпы. Точно не знаю, были ли убитые среди юнкеров, но бочкаревским женщинам пришлось плохо: были и убитые, и раненые, и изнасилованные, но никого из них в наше место заключения не привели.

В течение 36 часов, то есть до утра 27 октября, мы сидели в «плёну» (своих же!), выпускались поодиночке только в уборную с середины 26 октября и не получали никакой пищи и даже воды до вечера 26 октября. В течение ночи на 27-е появились какие-то советские представители и в числе их юнкер Каннегисер, нашего младшего курса, который имел какие-то связи с советским

командованием и объявил нам, что рано утром 27-го нас поведут под охраной пешком в Михайловское училище, после чего оно будет немедленно распушено.

Так и было на следующее утро, и днем 27-го я уже вернулся домой и нашел мою мать в ужасном состоянии беспокойства, как за меня, зная, что я был в охране Зимнего Дворца, так и за моего отца, который еще не вернулся из Ярославля, где он ревизовал кадетский корпус. К счастью, отец сумел замаскироваться на железной дороге и благополучно прибыл домой в тот же вечер.

Александр Синегуб

В восемь часов утра я был уже в Школе и сидел в канцелярии, постепенно входя в свою тяжелую роль адъютанта Школы. «Пройдут эти дни ожидания выступления Ленинцев, наладится курс для государственной жизни Родины, и я тогда подам рапорт об отставке. В деревне моя работа будет полезнее, чем здесь, среди заговоров тех, кто сам не отдает себе отчета в последствиях, кто личное ставит выше народного благополучия... Как распинались в “Колхиде”, сколько таинственности и верных доказательств! Смешно... Нет доверия друг к другу, а запрягаются в воз, должный вывезти Россию на светлый путь жизнедеятельности. Никакой самодеятельности, спаянности. А о любви к Родине и уж говорить нечего! Словно это — молодчики, тучами являющиеся в последнее время в Школу для поступления в юнкера и цинично-откровенно объяснявшие свои побуждения, толкающие их именно в нашу Школу. Одни стоят других — одинаковые карьеристы тыла», — злобно размышлял я, почему-то припоминая случай третьего дня во время приема с предложенной мне взяткой...

«А это что?» — прервал я невеселые думы во время механической подписи размноженных на гектографе повесток к педагогическому персоналу Школы...

«Телюкин!» — позвал я старшего писаря, так гордившегося, несмотря на свое нынешнее эсэрство, бывшей службой в личной канцелярии Государя-Императора.

«Что прикажете?» — вырос с вопросом передо мною позванный унтер-офицер.

«Почему эта телеграмма из Главного Штаба в очередном до-

кладе, кто ее вскрыл и почему не доложена мне, как только я пришел?» — задал я вопросы Телюкину, внутренне волнуясь и едва воздерживаясь от повышения тона, чтобы этим не привлечь внимания юнкеров, зашедших в канцелярию по делам службы, а главное, тех разночинцев, которые уже успели явиться за какими-то справками к дежурному писарю.

«Это дежурный офицер сюда положили: она исполнена, ваше высокоблагородие; сегодня ночью я дежурил, и когда пришла телеграмма, то я лично позвонил к Начальнику Школы и ее по приказанию Начальника Школы я вскрыл и прочитал им в телефон. Так что вы не извольте беспокоиться, Начальник Школы лично приезжал сюда и сами отдали распоряжения. И сейчас в Главном Штабе находятся наши юнкера для связи, также посланы юнкера в Николаевское инженерное училище, Николаевское кавалерийское училище, а двое из членов совета Школы направлены в личное распоряжение товарища Керенского», — нагибаясь своей длинной фигурой ко мне, конфиденциально доложил Телюкин.

«А это что-нибудь да значит, если даже посланы юнкера непосредственно к главе Временного Правительства. Значит, Главному Штабу не особенно того», — читал я в его глазах. Но чтобы не показать виду, что я его понял, — а главное, что он правильно подчеркнул последние распоряжения Начальника Школы, — я задал вопрос о том, почему он, а не дежурный офицер принимал телеграмму из Главного Штаба.

Ответ был, к сожалению, самый неожиданный и лишний раз обрисовывающий и нравы офицерства Школы, и то падение не только военной дисциплины, но просто даже честного порядочного отношения, если не к долгу и обязанностям, то к оплате труда, просто к двадцатому числу. Дежурный офицер, поручик Б-ов, из прапорщиков запаса мирного времени, оказалось, ушел спать к себе на квартиру.

«Но почему же вы, Телюкин, не позвонили сперва мне, не послали за мной? Ведь я вас и всех писарей столько раз просил обо всем экстренном и внезапном немедленно уведомлять меня. Особенно вас», — попрекнул я своего друга.

Телюкин затоптался и, не выдерживая моего настойчивого вопросительного взгляда, зачесал свой несоразмерно длинный нос. «Почему?.. Забыли, да?..»

«Никак нет, я сперва хотел это сделать, но потом решил, что раз телеграмма из Главного Штаба, да и курьер передавал, что она особой важности, вам все равно придется звонить к Начальнику Школы, и дежурный юнкер советовали прямо позвонить к Начальнику, а к тому же они говорили, что вчера вы всю ночь провели в канцелярии и что и сегодня около двух часов ночи заходили в Школу».

«Ну ладно, ладно, идите и пошлите горниста за дежурным офицером, да еще Панову прикажите составить список юнкерам, ушедшим в связь, и позвоните в 1-ю роту, чтобы сейчас прислали дневник нарядов.» И только Телюкин вышел, я снова впился в телеграмму.

«Начинается», — заработала мысль. А ведь на улицах было тихо, и движение было обычное. Вспомнил я Кирочную и Литейный проспект, на которых по обыкновению последних дней прошелся перед службой, чтоб взглянуть на Неву и на Выборгскую сторону.

«Однако много думать не приходится», — заключил я свои размышления, вставая из-за стола, чтобы пойти в кабинет Начальника Школы и посмотреть на блокнот, в который он, в моменты моего отсутствия, вносил те распоряжения, которые должны были идти через меня.

Но не успел я подойти к двери в коридор, как она отворилась, и передо мной появился юнкер 2-й роты Исаак Гольдман, с винтовкой в руках и патронной сумкой на плечо. По возбужденным глазам, молодцеватой выправке и учащенному дыханию я сразу догадался, что это один из юнкеров связи, явившийся, очевидно, с новостями, должными сыграть какую-то роль.

«Здравствуйте, юнкер! закройте дверь. Откуда? С чем?»

«Из Главного Штаба с запиской о немедленной готовности Школы к выступлению... В Штабе паника... Никто ничего не делает... Подобные же распоряжения посланы в другие Школы и части».

«Петропавловка на нашей стороне. Там говорили, что у Финляндского вокзала сосредоточилась тяжелая артиллерия, перешедшая на сторону ленинцев. Но это ничего. Пехота и казаки объявили нейтралитет, но и это ничего. Если придут войска из Гатчины, Царского Села, то положение будет восстановлено бы-

стро и без нас; но если они запоздают, то нам придется идти арестовывать Ленина, образовавшего какое-то новое правительство из коммунистов», — докладывал юнкер слышанное им в Главном Штабе, пока я вскрывал и читал принесенное им приказание.

«Прекрасно, можете идти», — отпустил я юнкера.

«Вы ели уже сегодня?» — справился я.

«Никак нет, нас в четвертом часу отправили в связь. И товарищи просили, чтобы им прислали или смену, или пищу».

«Хорошо, идите в роту и передайте фельдфебелю, чтобы он послал смену, вы же оставайтесь в Школе».

«Телюкин! — позвал я снова писаря. — Где же список юнкерам связи? Живо! Да идите сами сюда с машинкой».

Через минуту я уже диктовал:

«Приказание командирам 1-ой и 2-ой рот. По приказанию из Главного Штаба немедленно...»

Машинка стучала под длинными, тонкими пальцами виртуоза своего дела, и я едва успевал комбинировать те распоряжения, которые могли своим исполнением выполнить приказание Штаба.

«Пулеметы получить у заведывающего оружием», — диктовал я, а в голове нарастало сомнение. А вдруг нестроевая команда, объявившая нейтралитет, на этот раз видя, что дело приняло характер разрешения для Ленина вопроса — «быть или не быть», переменит свое решение и перейдет в открытую оппозицию. Тогда пулеметы, револьверы и патроны командиры рот не получат.

«Здравствуйте, Александр Петрович, — приветствовал меня поручик Шумаков, войдя в этот момент ко мне в кабинет. — Я получил записку поручика Б-ва. Он болен и продолжать дежурство он не может и просит меня заменить его. Вам это известно?»

«Нет, что за сволочь!» — теряя хладнокровие и забывая присутствие солдата, выругал я нарушившего дисциплину поручика. — Не я буду, если он не полетит под суд.

Спасибо, дорогой, что вы пришли. Сейчас же приступайте к дежурству. Ага! Хорошо, Панов. Позвоните на квартиру Начальника Школы, узнайте, где он; потом пошлите за капитаном Галиевским, он должен быть в первой роте. А, полковник Киткин пришел? Да? Конечно, у него другого дела нет, как беседовать с юнкерами», — отнесся я уже к поручику Шумакову, после ухода являвшегося писаря.

«Борис, наладь тот вопрос, ты знаешь, оказывается, Мейснер

до сих пор не привел в порядок пулеметов, а револьверы у этого мерзавца Кучерова. Его второй день, подлеца, в Школе нет. Запил. И нашел же время! Нет... я не могу дальше. Этак с ума сойдешь. Согласись, что это форменный бедлам, а тут у меня все болит», — начал я жаловаться на свои недомогания, как вошел Телюкин и доложил о приезде Начальника Школы.

«Ну слава Богу! Борис, тебе Телюкин все объяснит по этому вопросу, а я к Полковнику», — и я бросился из кабинета через канцелярию, чтобы бежать с докладом к Начальнику Школы.

Канцелярия была полна юнкерами и штатскими разночинцами; едва я вошел в нее, как меня засыпали какими-то вопросами и просьбами.

«Потом, потом, — отмахнулся я от них. — Господа юнкера, оставьте ваши личные дела и освободите канцелярию. Штатских сегодня не принимать. Все справки прекратить», — отдал я распоряжения экспедитору.

«Вы господа, — обратился я к частным посетителям, — будьте любезны в следующий раз зайти», — говорил я уже у двери в коридор.

«Здравствуйте, закройте дверь; доклада не надо — все знаю; теперь не время. Я уже приказал портупей-юнкеру Лебедеву собрать Совет Школы и комитет юнкеров. И сейчас я должен идти туда. Вы же прикажите прекратить всякие приемы. В Школе не должно быть никого из посторонних. Сделано? Отлично! О Мейснере, Б-ве — знаю. Все телеграммы знаю. Из Главного Штаба? Одна проформа. У меня, повторяю, все ясно и налажено. Все изменилось. Рассказывать нет времени. Что выйдет — посмотрим. Я же решил выступить, если юнкера не переменили настроение. Во всяком случае, выступлю с желающими. Господам же офицерам приказываю последовать за мною. Считаю, что это вопрос долга и чести. Не сомневаюсь, что и вы будете там, где и я», — ровно, спокойно, без единой вибрации в тоне, твердо и без рисовки говорил Начальник Школы.

«Итак, будьте более внимательным, а главное — выдержанным. Забудьте, пожалуйста, канцелярию и вспомните свои позиции и проявите себя тем офицером, каким вы были до этого проклятого времени», — продолжал, улыбаясь, он.

«Ну, можете идти. Все распоряжения — после совещания.

Сейчас никаких. Да приготовьте свое оружие. А, здесь? Ну, это прекрасно!» — закончил свой прием, отпуская меня, Начальник Школы.

Я щелкнул шпорами, повернулся и взялся за ручку двери, как легшая на мое плечо рука остановила меня.

Я повернулся. В голове было пусто. Ни одной мысли...

«Вот что, Саня, — с грустью в своих больших голубых глазах тихо заговорил уже не Начальник Школы, а мой любимый старший брат. — Все пошло к черту! Кто-то предал. Временному Правительству не удержаться. Только чудо может спасти его. Ни один из планов не применим, и через три дня также не сбросить большевиков. Они будут еще сильнее. Все должно быть построено иначе. И уже, конечно, не нами... Я простился с семьей и написал письма родителям... Ты тоже напиши... Они нас поймут. Я с тобой должны погибнуть. Мне только жалко юнкеров. Но ты ведь понимаешь меня. Мы ведь дворяне и рассуждать иначе не можем. А там как Бог... С нами будет Галиевский. Ну, бодрись. И иди», — и поцеловав меня, он слегка подтолкнул меня к двери.

Я вышел словно в тумане, не понимая, где, куда и зачем иду.

«Капитан Галиевский, голубчик, постойте минутку!» — наскочил я в полутемном коридоре на худощавую фигуру куда-то спешившего капитана.

«Здравствуйте, послали смену юнкерам?»

«А! Александр Петрович!.. Ну как же, как же, послал. Ну что, друг мой, повоюем нынче, а?»

«Да, да, придется. Жаль только, что обстановка меняется».

«Плевать! Я очень рад, что не ошибся в вас при приеме вас в Школу. Только мы, старого покроя офицеры, и можем еще что-нибудь делать. А Б-ов хорош! А? Недаром же я перестал подавать ему руку. Присяжный поверенный несчастный — туда же, в офицеры полез. Понимаю я его болезни. Трус! Начальник Школы приказал ему явиться. Ах, голубчик, что я вам посоветую», — продолжал капитан, когда мы остановились у канцелярии.

«Вы вот здесь не были в феврале, да и нестроевую команду хорошо не знаете, ведь в ней ни одного порядочного человека нет; так вот вам я и говорю — вы на всякий случай снесли бы к себе на квартиру что у вас поважнее есть, а главное, ничего собственного, ничего не оставляйте. Ну, бегу в роту. Надо к пулеметам

замки наладить. Эти прохвосты мало того что ключи потеряли от склада, так что мне пришлось приказать взломать дверь, да еще замки с пулеметов поснимали и куда-то запрятали. Да, будьте, дорогой Александр Петрович, осторожнее с Мейснером. Он что-то крутит. Этот почище Б-ова будет», — шепотом закончил капитан и понесся дальше, а я вошел в канцелярию.

На этот раз в ней было пусто. Писаря, очевидно, пошли на собрание нестроевой команды, и только Телюкин складывал со стола бумаги в ящик. В кабинете я застал Бориса Шумакова, сидящего вразвалку и сладко позевывавшего.

«Вот, друг, как надо действовать! Надеюсь, доволен?» — встретил меня он вопросом.

«Дрянь дело, но я с наслаждением буду всаживать в эту провокаторскую мерзость пульки из моего любимчика», — снова заговорил он, поглаживая увесистый наган, болтавшийся сбоку в кожаном чехле на поясе. — Сами работать не хотят и другим не дают. Ну что ж, что сеют — то и пожнут. А ты чего копаешься со своим снаряжением? Тоже готовишься идти? Нет, нет, ты должен оставаться в Школе. Тебе там не место. И без тебя, слава Богу, есть кому идти. Смотри, на что ты похож?» — переменял мой друг резонерский тон на подкупающую убедительность.

«Ты не прав, Борис. Именно мне, тебе, Галиевскому, одним словом, нам, старикам, там место, и в первую голову. Я думаю, я надеюсь, что там все офицерство Петрограда соберется. Подумай, какая это красивая, сильная картина будет. Помнишь, я рассказывал, что когда я девятнадцатого числа ездил с докладом в Главный Штаб, то перед Зимним и перед Штабом стояли вереницы офицеров в очереди за получением револьверов».

«Ха-ха-ха, — перебил меня, раздражаясь смехом, поручик. — Ну и наивен же ты. Да ведь эти револьверы эти господа петербургские офицеры сейчас же по получении продавали. Да еще умудрялись по несколько раз их получать, а потом бегали и справлялись, где это есть большевики, не купят ли они эту защиту Временного Правительства. Нет, ты дурак, да и законченный, к тому же! Петроградского гарнизона не знает!..» — заливался Шумаков.

Мне стало весело от этой неудержимой молодой задорности друга, и вдруг я вспомнил, что ничего еще не ел, а потому предложил ему пойти позавтракать.

«Есть не хочу, а выпить не вредно», — решил он, подымаясь и беря меня под руку. «Выпить?» — переспросил я.

В столовой никого из собранской прислуги не оказалось, и так как до обеда еще оставалось около двух часов, то мы и решили пойти на кухню и что-нибудь вымотреть на закуску к вину.

«Здравствуйте!»

«Здравствуйте, баре-голубчики. Добро пожаловать», — приветствовала нас кривоглазая Фекла, кухарка за повара.

«Здравствуйте, красавица, — пробасил Борис. — Ага, картошечка подрумянивается. Добро. Мы вот сейчас малость закусить хотим, красавица, и за ваше доброе сердце по стаканчику вина выпить, чтобы женишок поскорее к вам заявился», — продолжал он подшучивать над кухаренцией.

«Сейчас, сейчас, батюшка. Уж для вас, как для сынков родных», — сладостно пела скрипучим тонким тоном Фекла. «Да вы извольте присесть, соколики мои ясные. И куда это парни девались? Совсем народ замутился. Все одна хлопочу. И дрова принесу, и картошку очищу, а они, черти, знай семки лузгают и лясы на собраниях точат. И что это, скажите мне, Христа ради, делается на нашей православной земле», — внезапно перешла на плаксивый тон Фекла, лишь только захлопнулась дверь за ушедшим ополченцем.

«В нестроевой сказывали, что будто-сь вы юнкерей рабочий народ расстреливать вести хотите... Да я веры не дала... Да еще напустилась на смутьянов-то наших. Лодыри окаянные!.. Статочное ли дело, говорю, чтобы наши господа, мухи никто из них не обидел, да на душегубство пошли. Это им, треклятым, чужие погребца дай пограбить, как давеча Петровский вылакали — ироды... Лишь Павлуха мне шкалик дал... Я вот им и сказываю, что ежели да наши офицеры, уж если и пойдут, то правду одну с собой понесут, которая вам, дармоеды, глаза палит», — кипятилась Фекла, забыв о картошке и о цели нашего прихода.

Поручик Шумаков, не выносивший, в противоположность мне, болтовни на злободневные темы, начал уже рыться в ящиках стола, отыскивая штопор, как вбежал посыльный и подал записку от Начальника Школы. В ней нам приказывалось немедленно собрать всех наличных чинов Школы в гимнастическом зале для производства общего собрания, а также указывались некоторые меры на случай скорого выступления Школы.

Штопор не находился, тон записки был очень категоричен, а поэтому терять время на то, пока Фекла сбегает за другим, не приходилось. И мы, огорченные неудачей, несолоно хлебавши покинули кухню, оставив почуявшую что-то недоброе Феклу завывать во все ее легкие...

Выйдя в коридор Школы, мы расстались. Поручик Шумаков, как дежурный офицер, отправился к телефону передавать соответствующие приказания дежурным юнкерам по ротам и господам офицерам, а я помчался в канцелярию писать допуск к запасным винтовкам, находившимся под охраной караула на внутреннем балконе гимназического зала.

В десять часов 45 минут огромная буфетная зала, с идущим вдоль внутренней стены балконом, была запружена юнкерами, среди которых отдельными группами разместились чины нестройной команды.

Кое-кто из господ офицеров тоже уже находились в зале, стараясь держаться в стороне от возбужденных юнкеров, стремясь этим предоставить полную свободу фантазированию на злобу грядущих событий.

Я, всей душою ненавидящий этот новый сорт собраний в среде военной корпорации, с чувством глубочайшей горести и боли ожидал начала парадного представления. Я сидел и, наблюдая, мучился. А вокруг — горящие глаза, порывистые разговоры, открытая прямодушность и страстные партийные заявления.

Лишь две-три малочисленные группки держались в стороне и внимательно вглядывались то в колышущуюся массу юнкеров, то на двери, в которые должны вот-вот войти члены Совета Школы.

«Что призадумались, Александр Петрович?» — подсел ко мне с вопросом седовласый капитан Галиевский. — Не по нутру парадное представленьеце? Что делать, голубчик; нам, очевидно, этого не понять. Но я так думаю, раз Александр Георгиевич это дает, значит, это надо. Да и трудно в наши злые дни. Эх, не война бы с немцами — я и минутки не остался бы в этом царстве болтологии. Однако долго что-то не идут, ведь еще масса работы», — и капитан начал перечислять, что ему надо еще сделать и что и как он уже сделал.

Мы так погрузились в беседу, что не заметили, как вошли члены Совета Школы, а также остальные господа офицеры Школы, успевшие прибыть к этому времени. И только последовавшая

при входе Начальника Школы команда: «Смирно, господа офицеры!» — пропетая помощником Начальника Школы, вернула нас к сознанию горькой трагической действительности.

В зале настала тишина и нависла всеобщая напряженность. Все смотрели туда, вперед, где перед лицом зала, на составленных подмостках от классных кафедр располагались члены Совета и вошедший его председатель, Начальник Школы.

Процедура открытия заседания быстро сменилась докладом о побуждениях, толкнувших Совет Школы на производство такового.

Оказалось, что перед Советом Школы встала дилемма разрешения вопроса об отношении к текущему моменту, требовавшему выяснения отношения Школы к Временному Правительству, к мероприятиям последнего в борьбе с новым выросшим злом в лице Ленина и исповедуемой им идеологии, все более и более увлекающей сырые рабочие массы Петрограда и войск. Конечно, Совет Школы не колеблясь принял в принципе твердое решение следовать всем последующим мероприятиям существующего до момента открытия Учредительного собрания правительства.

Ввиду особо необычного момента и положения правительства Совет Школы предложил комитетам юнкеров и нестроевой команды произвести совместное заседание по заслушанным Советом Школы вопросам. Однако от означенного заседания комитет нестроевой команды уклонился, делегировав для информации своего председателя — старшего унтер-офицера Сидорова. Состоявшееся собрание приняло в принципе решения Совета, а равно постановило произвести общее собрание Школы для рассмотрения принятых резолюций.

И вслед за докладом последовало чтение резолюции по подвर्гавшимся обсуждению вопросам. Во все время доклада в зале, собравшем в себя около 800 человек, царил жуткая по своей напряженности тишина. Ни звука одобрения, ни шелеста жестов отрицания, ничто не нарушало тишины со всасывающимся в нее мирным чтением ровного в своих нотах голоса секретаря Совета, портупей-юнкера Лебедева. Чтение кончено.

Момент — и объявляется открытие прений. Вдох облегчения вырвался из сгрудившейся аудитории. Вот входит на кафедру первый оратор.

Это лидер кадетской партии. Школы юнкер Х.

И краткий, горячо-страстный призыв полился к слушателям. Оратор находил не только необходимым принятие резолюции Совета Школы, но и всех возможных активных, немедленных мероприятий, которые не только войдут в Школу с верха иерархической лестницы власти, но о которых сейчас же надо просить Начальника Школы и гг. офицеров Школы. Порывистые требования слепого подчинения лишь офицерству Школы, лишь военным законам, стоящим вне всяких советов и комитетов, вызывает бурю аплодисментов и восторженный гул одобрения, за которыми оратора не слышно.

Я оборачиваюсь на зал и весь ухожу в искание протеста.

«Он должен быть! — говорю я себе. — Да, он там», — ловлю я легкое движение в обособившихся группах, еще ранее замеченных мною.

«Посмотрим и послушаем; это становится интересным», — летит мысль в голове и останавливается от звонка и от наставшего успокоения.

Говорит уже новый оратор, тоже лидер, но уже эсэр.

«Странное дело», — ловлю я себя на критике выступления оратора.

«А где же стрелы в огород кадет? Что такое? И вы идете дальше решения объединенного заседания Совета Школы и комитета юнкеров? И вы предлагаете с момента военных действий передать всю власть офицерству Школы, запрещая какие-либо вмешательства членам Совета и комитета? Да ведь это обратное явление августовскому собранию по вопросу конфликта Корнилова с Керенским», — припомнил я дико потрясшую меня речь юнкера князя Кудашева.

«Ах, да!.. Ведь Керенский — эсэр. Он ваш. Да, да... Я теперь понимаю. Понимаю, откуда и почему теперь вы к нам, к офицерам!»

Следующее выступление вызывает гул в задних рядах зала и на балконе. Внезапно началось какое-то движение к дверям. Звонок председательствующего не помогает. И вдруг раздаются крики: «Уходят чины нестроевой команды».

Оборачиваюсь к кафедре. Что-то, понуря голову, говорит унтер-офицер Сидоров. Что — не слышно.

Требования из залы: «Тише, тише, громче!..» — грозят

остаться гласом вопиющего в пустыне, как вдруг чей-то звонкий голос с балкона покрывает весь гам:

«Громче, так громче, — орет этот голос. — Товарищи солдаты нестроевой команды постановили соблюдать нейтралитет. А так как на этом собрании решается вопрос о братоубийстве, о борьбе за капитал против свободы рабочего трудящегося народа, против нашего защитника Владимира Ильича Ленина и, значит, образованного им настоящинского народного правительства, то мы, члены комитета нестроевой команды, решили вас, господ, оставить одних. Нам с вами не по дороге. Товарищи солдаты! И кто в Бога верит! Вон отсюда. И на товарища Сидорова, что там на кафедре слезки льет, не смотрите. Он враг пролетариата, так как продался буржуазии!» — окончил греметь неожиданный голос.

«Чей это голос? — работала моя голова. — Я всех чинов команды знаю. О, неужели к нам сюда в Школу успел проникнуть агитатор? Хотя — вспомнил я наши порядки-непорядки, — ничего удивительного нет. Ай, как жалко. С собою револьвера нет. Капитан, милый, дайте свой револьвер, скорее...» — обратился я с просьбой к соседу. Тот недоуменно взглянул на меня и слегка отшатнулся.

Но, очевидно, затем поняв мои переживания, схватил меня за руку и начал упрашивать выйти из зала. Однако этот момент моего порыва, продиктованного ослаблением воли, также быстро прошел, как и налетел. И мое внимание среди бури гремящего негодованием остального большинства зала уже снова было захвачено новой картинкой.

«Что еще будет?» — неожиданно уверенно говорил я себе, видя, что от обособившихся группок юнкеров отделились фигурки, направившиеся к эстраде.

Вот первый юнкер четвертого взвода второй роты, восемнадцатилетний юноша А-к, с матовым, тонким лицом, жгучий брюнет, поднялся на кафедру и с леденящим спокойствием на лице ждет прекращения в зале шума и крика. Но это кажется безнадежным. Крики:

«Товарищи юнкера, смотрите, чтобы кто из юнкеров не ушел бы за молодцами! К столбу позора таких!.. Да здравствует Временное Правительство! К нему!.. Ура!..»

И это «ура» облегчило атмосферу зала, и стоявший на кафедре юнкер, поймав момент затишья, начал речь. Но хохот, покрывший первые слова оратора, анархиста-максималиста, начал расти, и он, вздернув плечами, так же спокойно сошел, как и поднялся.

В этот момент вбежал в залу юнкер Х. и, поднявшись на кафедре, закричал:

«Господа, сейчас я видел Родзянко. Он просит вас, закликает встать на защиту Временного Правительства от посягательства на него, на благополучие народа гостей из plombированного вагона. Сам Родзянко занят мобилизацией общественных сил для оказания правительству моральной поддержки», — выпалил юнкер и так же быстро сошел с кафедры...

«Пустьки — занятие изобрел для себя господин бывший председатель Государственной думы», — вдруг снова заработала моя мысль, но уже в веселом тоне.

«Тебя, милягу, эти господчики из кабинета Временного Правительства оттерли от пирога власти, а ты, сердешный, хлопчешь за них. Или думаешь этим жестом поднять свой кредит? Не знаю, кто как, а я так предполагаю, что это дешевый способ мобилизовать для моральной поддержки! А если все станут на точку зрения оказания поддержки лишь в форме “моральной”? Тогда и я мог бы, пожалуй, нанять десятка два хулиганов, да и тешиться себе над вами так, как вы, вместе с Гучковым, потешились над всеми нами. Краснобаи проклятые!..»

А в это время на кафедре стояло уже двое. Никто их не слушал. В зале творилось что-то невозможное. Кто хохотал, кто чуть не плакал от надрыва в тех призывах, которых и сам не понимал. Кто требовал порядка. Президиум тоже надрывался в призыве к порядку, но ничего не выходило. Нарождался хаос.

Не знаю, в фарс или трагедию вылилось бы все это в дальнейшем, если бы выходивший было во время последних прений Начальник Школы не вернулся обратно и, с нескрываемой озабоченностью взойдя на кафедру, не пригласил бы жестом к молчанию. Как ни были перебудоражены все лучшие из господ юнкеров, это появление Н-ка Школы сейчас же привело к порядку.

«Господа, есть новости. И я прошу спокойно отнестись к тому, что будет вам сообщено и что требует немедленного вашего ре-

шения, — начал говорить Начальник Школы, окончательно завладевая вниманием зала. — Помимо только что полученного приказа от Главного Штаба явиться сейчас же в боевой готовности к Зимнему дворцу для получения задач по усмирению элементов восставших против существующего правительства, сюда прибыл юнкер Н. от Временного Правительства с призывом к вам выполнить свой долг перед родиной в момент наитягчайших напряжений, в дни, когда заседает народившийся Совет Республики. При этом я считаю своим долгом перед вами подчеркнуть то обстоятельство, что момент крайне тяжелый, что обстановка складывается очень неблагоприятно для правительства, и поэтому для принявших решение честно продолжать нести свой долг перед родиной — это может оказаться последним решением в жизни», — продолжал четко, твердо говорить Начальник Школы.

«Мы это решение приняли! Ведите нас туда. Мы идем за вами, и только за вами!..» — прервали Начальника Школы крики юнкеров.

«Прекрасно, господа, — среди вновь потребованного Начальником Школы спокойствия раздался его голос. — Прекрасно. Терять времени не будем, его у нас нет, и поэтому от слов к делу. Объявляю заседание закрытым. Совет Школы и юнкеров, впредь до распоряжения, объявляю распущенным. Приказываю командирам рот немедленно отдать распоряжение о разводе рот по помещениям и приготовлении к выступлению. Форма одежды — караульная. Сборное место — на дворе. Сбор через 20 минут. Если обед готов, то накормить юнкеров, если нет, то пища будет выдана из Зимнего дворца. Дежурный офицер — пожалуйста ко мне».

«Господам офицерам через 5 минут собраться в помещении столовой Офицерского Собрания», — уловил я последние распоряжения Начальника Школы. Что он говорил далее — не мог слышать из-за раздавшихся команд и распоряжений, отдаваемых командирами рот и перехватываемых фельдфебелями и должностными юнкерами.

«Вот это я понимаю, это я чувствую», — анализировал я свои переживания при виде систематизировавшейся массы юнкеров в компактные, организованные по слову военного искусства группы, носящие названия взводов.

«Первый взвод, направо; шагом — марш!» — неслась команда, и мерный ритм возбужденного шага грузно повис над залом.

Через 2 минуты в зале никого не осталось, и я выходил из нее с группой офицеров, окруживших Начальника Школы и выслушивавших различные приказания, однако не мешавшие острить и веселым смехом поддерживать легкость и ясность в настроении. Я внутренне торжествовал.

«Это прекрасно, — говорил я себе, — бодрость — залог благополучия; ну, сегодня уж постараюсь, пускай на фронте, в полку потом узнают, что я не подкачал мундира 25 саперного батальона.

О, как хорошо бы или быть растерзанным штыками восставших после упорной борьбы, или стать ногою на горло вождей их и подсмеиваться им в физиономию над лицемерием ими того, как эти несчастные, обманутые ими люди будут восторженно приветствовать нас, своих избавителей, полные готовности, по первому нашему жесту, смести на нашем пути все, что только мы укажем. Дорогие Корнилов и Крымов, что не удалось вам, то, Бог милостив, может быть, удастся нам!»

В столовой уже все оказалось готовым к обеду, и горячие закуски дымились посреди стола; офицеры шумно располагались за столом, продолжая остра комментировать всевозможные сведения, уже проникшие в Школу.

Не успели мы пообедать, как в столовую вошел дежурный портупей-юнкер и доложил, что юнкера уже оделись и ожидают приказаний.

«Ну что ж. Тогда идем без обеда», — сказал Начальник Школы.

«Господа офицеры, пожалуйста к ротам. Вы, — обратился он к находящемуся тут же, по его приказанию, поручику Б-ову, — вы будете в моем особом распоряжении, и если вы последующим поведением не загладите сегодняшней ошибки, то вам придется пенять уже на самого себя. Поручик Скородинский и вы, — относясь ко мне, продолжал Начальник Школы, — будьте так же при мне. В Школе остаются: вы, господин полковник, и поручик Шумаков. Надеюсь, что у вас будет все благополучно и нестроевая команда из-под вашего наблюдения не выйдет... Вы, доктор, — обратился к вернувшемуся из кабинета доктору, — пойдете с нами. Не правда ли?»

«А теперь, господа, по ротам! Выводите юнкеров; стройте и пойдем...»

Офицеры быстро и шумно, но без каких-либо разговоров, покидали столовую, стремясь к своим местам, к выполнению полученных приказаний. Даже вечно не умолкавший о всякого рода спекуляциях Николаев, с какой-то особой серьезностью, поправляя на ходу снаряжение, ни одним словом не обмолвился, пока мы вместе шли по коридору до канцелярии, где я и пор. Шумаков отстали от общей компании, направляясь в нее.

Я передал Борису ключи, обнялся с ним, а затем мы вместе вышли из канцелярии, направляясь на двор... «Что-то будет дальше», — начинало сверлить в мозгу.

Через полчаса я шел впереди вытянувшегося батальона юнкеров на Литейный проспект. На меня было возложено командование авангардом батальона, командование которым затем принял вернувшийся капитан Галиевский, отлучавшийся к своей семье.

На улице было тихо — ничто не предвещало грозы, и, если бы сзади не остались в Школе трое юнкеров, отказавшихся выступить, двое — Дерум (латыш) и Тарасюк (хохол) — без объяснения причин и третий — юнкер Вигдорчик, открыто заявивший Начальнику Школы, через дежурного офицера, о своей принадлежности к коммунистической партии с довоенных времен, мы бы еще бодрее шли вперед. Но постепенно воспоминание об оставшихся изгладилось, и забота о внимании к окружающей жизни заняла доминирующее положение в направлении мыслей. Но все было обычно, буднично. И мысль невольно возвращалась к ранению самого себя поручиком Хреновым, о чем он прислал рапорт из дому, где это случилось при зарядке револьвера, за которым он было побежал.

«Черт возьми! Извольте вот теперь командовать его ротой! Странно — но бывает!» — сделал я вывод и принялся объяснять юнкерам принятую батальоном форму построения. Подходя к Сергиевской, я получил приказание от командующего батальоном выслать вперед заставу с дозорами, которым приказывалось вступить в бой без всякого размышления. Это было кратко, но ясно, и поэтому, выделив 1-й взвод от своей 2-й роты, я, лично став во главе его, быстро ускоренным шагом, значительно продвинулся вперед. Но вот снова получается приказание идти не к Марсову полю, а на набережную Невы, так как, по донесениям разведчиков, на Марсовом поле происходят митинги солдат Павловского полка.

Подходя к мосту, у меня от внезапно пробежавшего в мозгу вопроса: «А кто эти, стоящие около него?» — сильно запульсировало сердце.

«Будьте внимательнее и спокойнее, — сказал я вслух юнкерам. — Может быть, придется действовать». — «Слушаемся», — кратко ответили они.

Для придачи большего безразличия к окружающей обстановке и, значит, к стоящей на посту у моста группе часовых я, вынув из портсигара папиросу, небрежно зажал ее зубами и закурил... Поравнялись. От группы вооруженных и винтовками, и гранатами отошел один из солдат и, подойдя вплотную, справился, куда идем. В ответ я задал вопрос, что они тут делают. «Мост от разводки охраняем!» — ответил солдат-артиллерист из гарнизона Петропавловской крепости.

«Ага, прекрасно!» — внутренне радуясь тому, что Петропавловка пока еще не потеряла головы, похвалил я солдата и сейчас же пояснил ему, указывая на приближающихся юнкеров авангарда, что Школа прапорщиков инженерных войск также выполняет свой долг перед Родиной и идет в распоряжение Временного Правительства.

«А как ведут себя павловцы?» — справился я.

«Сперва митинговали, а потом в казармы зашли. Решили нейтралитет объявить, но караулы выставили. Вон гуляют!» — указал в сторону Марсова поля артиллерист.

«Ну, всего вам хорошего», — пожелал я часовым, и мы направились дальше.

И скоро свернули на площадь перед Зимним дворцом. Представшая картина ландшафта этой огромной площади меня обидела. Площадь была пуста.

«Что такое! Отчего так пусто?» — невольно сорвалось у меня с языка.

Юнкера молчали. Я взглянул на них. Легкая бледность лиц, недоуменная растерянность ищущих взглядов красноречивее слов мне рассказали о том, что родилось у них в душе. Ясно было, что они еще более меня ожидали встретить иную обстановку. Желая поднять их настроение, я воскликнул:

«Черт возьми, это будет очень скучно, если из-за опоздания мы останемся в резерве... Ну так и есть... Смотрите, у Алек-

сандровского сада и там, у края площади перед аркой, бродят юнкерские патрули».

«Ясно, что части здесь были уже в сборе и сейчас уже выполняют полученные задачи... В окнах Главного управления Генеральною Штаба выглядывают офицеры.

Значит, там происходят занятия, а следовательно, обстановка несравненно спокойнее, чем то обрисовывали на школьном собрании», — делал я выводы, впиваясь взглядом во второй этаж знакомого здания, где еще несколько месяцев назад я старательно корпел за столом.

«Что же наши не идут? Юнкер Б., взгляните на колонну и, если она остановилась, отправьтесь и доложите по цепочке, что все благополучно и что я ожидаю приказаний. Я же буду перед памятником», — отдал я распоряжение одному из юнкеров.

Юнкер оживился и с энергичным поворотом отправился исполнять полученное приказание. В этот момент со стороны Александровского парка, перейдя дорогу, подошел юнкерский 2-й Ораниенбаумской Школы прапорщиков дозор. Старший дозора остановил дозор, скомандовал «Смирно!» и направился ко мне. Я принял честь как должное приветствие в нашем лице мундира нашей Школы и потому, желая ответить тем же, подал и своим двум оставшимся возле меня юнкерам: «Смирно».

Легкая судорога удовольствия, промелькнувшая на крупных лицах юнкеров дозора, указала мне, что карта мною бьется правильно.

«Что хотите, портупей-юнкер?» — спросил я вытянувшегося старшего дозора.

«Разрешите узнать, какой части и цель вашего прибытия сюда», — твердо, на густых нотах ответил вопросом старший дозора.

«Передовой дозор идущего сюда в распоряжение Временного Правительства баталиона Школы прапорщиков инженерных войск», — с чувством бесконечного сознания всего веса, должного заключаться в названии и значении той части, в которой протекает служба Родине, твердо, но фальцетом ответил я.

«Скажите, портупей-юнкер, — сейчас продолжал я свой ответ, переходя на вопрос, — скажите, вы давно здесь? Ваша школа? И какие еще части и школы были тут, и куда они делись? Мы, к сожалению, кажется, запоздали. Вообще, что слышно нового?»

«Никак нет, вы не опоздали. Плохо... — с набегавшей улыбкой горечи начал было портупей-юнкер, но сейчас же, спохватившись, желая, очевидно, скрыть мучившие его душу сомнения, в искусственно бодром тоне продолжал. — Очевидно, еще соберутся. Слава Богу, что вы пришли, это подымет настроение. И во дворце говорили, что казаки сюда идут и войска из Гатчины... А покамест у нас тут сперва стояли одиночные посты, но так как утром у Александровского парка группа рабочих обезоружила и избила двоих, то теперь мы несем дозоры».

«Вот оно что. Прекрасно. Мы быстро устроим границы должного поведения для господ хулиганствующих. Эх, черт возьми, разрешили бы арестовать Ленина и К°, и все пришло бы в порядок. Ну, всего вам хорошего, господа. Надеюсь, совместной работой останемся довольны», — уже на ходу закончил я свою случайную беседу с встретившимся дозором, направляясь к памятнику, чтобы собою обозначить правый фланг расположения для имеющего в каждый момент подойти баталиона нашей школы.

Действительно, только мы подошли к памятнику, как из-за оставленного нами угла показались первые ряды юнкеров. Спокойствие и гордость от начавшей обрисовываться в воображении картины встречи с представителями власти и руководства судьбой Родины сразу захватили меня. И то обстоятельство, что площадь была пуста, что около парадного главного входа во дворец нелепо лежали неизвестно откуда свезенные поленицы дров, что около этого входа и у подъезда в здание Главного Штаба стояли малочисленные группы людей частью в военной форме, частью в штатских костюмах — как-то эти перечисленные обстоятельства уже иначе укладывались в моей голове, рождая в ней представление о солидности в отношении к совершающемуся со стороны правительства.

Холодное спокойствие в принятии мер воздействия — лучшая ванна для протрезвления умов заблудших. В этом спокойствии есть своеобразная красота.

При появлении на площади головной части нашего баталиона группы людей у подъездов начали увеличиваться. Кое-кто из одной группы перешел в другую. Это дало новый поворот моим мыслям. «Наше прибытие обсуждается. Значит, положение се-

рьезнее, чем это было бы желательно. Очевидно, мы им нужны как воздух», — повторял я оценку возникшим новым соображениям по отношению неведомого мне положения дел в городе.

«Что же, очаровательно! За нами дело не станет. Пускай скорее дадут задачу и полномочия, а там будет видно, на чьей улице будет праздник», — гордо думал я, любуясь чистотой передвижения втянувшегося на площадь баталиона и принимавшего построение в развернутый фронт, лицом к Зимнему дворцу и правым флангом к Главному Штабу Петроградского военного округа.

Построения закончились. Раздалась команда: «Стать вольно». Наблюдавший за построением Начальник Школы с поручиками Ск. и Б. направились к Главному Штабу. Ко мне, на правый фланг фронта, перешел капитан Галиевский... Меня потянуло к нему.

«Не густо...» — встретил он меня замечанием.

«Образуется...» — в тон, лаконично ответил я.

«Равняйся!» — неожиданно скомандовал он, поворачиваясь к линии фронта.

Я быстро взглянул по направлению к Штабу.

К нам приближалась группа лиц, в центре которой, часто беря руку под козырек, отвечал на чьи-то вопросы наш Начальник Школы. Было ясно, что с ним идет «начальство». «Интересно, выйдет ли Керенский», — не находя знакомой фигуры в приближающейся группе, мелькнул вопрос.

«Господа офицеры, пожалуйста сюда!» — вслед за командой «вольно», раздалось приказание Начальника Школы, отрывая меня от размышлений.

Офицеры покинули свои места в строю и, окружив полукольцом озабоченное «начальство», строго официально вглядывались в их лица.

Подошедший в этот момент один из офицеров Главного Штаба, обращаясь к Начальнику Школы, попросил его отойти в сторону Главного Штаба.

«За Начальника Школы ухватились!» — прошептал кто-то сзади меня свое впечатление.

«Это мы сделаем карьеру!» — также шепотом произнес другой голос.

«Господа, господин военный комиссар при Верховном Главнокомандующем поздоровается с юнкерами», — почти сейчас же, возвращаясь обратно в сопровождении очень высокого, худощавого штатского, бросил нам Начальник Школы.

«Нет, нет, вы оставайтесь здесь», — остановил Начальник Школы попытавшихся было направиться в строй офицеров, лично же направляясь к юнкерам, в сопровождении все того же штатского.

«Баталион, смирно! — скомандовал Начальник Школы. — Сейчас вас будет приветствовать господин военный комиссар при Верховном командовании, поручик Станкевич».

«Господин комиссар...» — обращаясь к поручику Станкевичу, начал было соответствующий уставу рапорт Начальник Школы.

Но продолжение церемонии рапорта военный комиссар отклонил и, приподымая штатский головной убор, обратился к юнкерам Школы:

«Я счастлив видеть вас, товарищи-граждане, здесь, в момент напряжения всех усилий членами Временного Правительства на пользу великой нашей революции. Я рад, что некоторым образом родная мне Школа... Старший курс должен помнить меня... Я был в вашей Школе в числе ваших офицеров, пока революция не позвала меня к новому делу... в армии. Я сейчас приехал из армии. И я свидетельствую вам, что вера армии в настоящий состав правительства, возглавляемого обожаемым Алекс. Федор. Керенским, необычайно сильна. Дело борьбы за Россию с немцами также в армии сейчас стоит на должной высоте. И вот, в этот момент под стройное здание величайших усилий правительства обезумевшими демагогами, помнящими лишь свои партийные расчеты, подводится предательская мина. Везде царит вера в ясную будущность России, ведомой стоящим на страже революции правительством к победе, без аннексий и контрибуций, над сдающим уже врагом.

И только здесь, в столице, в красном Петрограде, готовится нож в спину революции. Я рад и счастлив приветствовать вас, так решительно и горячо, без колебаний, отдающих себя в распоряжение тех, кто единственно имеет право руководства жизнью народа до дня Учредительного собрания. Да здравствует Учредительное собрание! Ура!..»

Когда стихли вызванные речью военного комиссара клики ура, комиссар, отирая платком капли выступившего на лбу пота, продолжал свое приветствие.

Но продолжение было уже значительно короче. В нем военный комиссар высказал уверенность, что товарищи-граждане юнкера окажутся такими же доблестными защитниками дела революции, какими оказались на фронте те товарищи-граждане офицеры, которые раньше кончили эту родную ему школу.

«Да, да, вы правы, господин военный комиссар», — согласился я с ним в этой части его речи.

«Александр Петрович! — обратился ко мне капитан Галиевский, — я вижу, вам очень нравится речь; вы знаете, кто это? Это — один из бывших преподавателей полевой фортификации у нас в Школе. Величайшая бездарность, сумевшая, однако, быстро сделать карьеру. Вам, наверное, приходилось слышать также об учебнике по полевой фортификации, недавно изданном Яковлевым, Бартошевичем и им. Он в этой книжечке яковлевской стряпни врисовал несколько где-то на фронте позаимствованных чертежиков. И после этого вообразил себя чуть ли не профессором академии...»

«Ну, поехали, капитан! — вмешался в разговор поручик Скородинский. — Я хорошо знаю поручика Станкевича — это удивительно милый и чуткий человек. Правда, он очень увлекающийся, но зато искренний. А что он сделал карьеру, — это не удивительно. Теперь его партийные друзья на верхах власти и, конечно, своих приспешников они не забывают», — закончил Скородинский, отходя от нас.

«Тоже карьеру сделает», — мотнул головою в его сторону мой собеседник и, видя, что я никак не реагирую на его сведения, замолчал.

«Очень приятно встретиться с вами, господа», — между тем, мягко улыбаясь и порывисто пожимая руки некоторых из бывших своих сотоварищей по деятельности в Школе, просто и искренне здоровался военный комиссар.

«Я прямо из Ставки, — продолжал он. — Какая разница с вашим питерским настроением. Но это ничего..., я полагаю, мы быстро уладим все шероховатости, и вам снова можно будет вернуться к более мирному продолжению вашей продуктивной,

полезной работы. Ваши бывшие питомцы отличаются на фронте, и пехота их высоко ценит...»

«Владимир Станкевич», — протянул, наконец, и мне руку военный комиссар.

«Александр Синегуб», — в тон представился я.

«Это наш новый офицер, недавно с фронта», — зачем-то нашел нужным прибавить поручик Б.

«Да, у вас, я вижу, есть новые лица!» — ответил ему военный комиссар.

«Александр Петрович!» — окликнул меня поручик Скородинский

«Что скажете?» — обернулся я к спешившему ко мне поручику.

«Начальник Школы вас требует. Работа есть. Счастливчик!..» — ласково улыбаясь, передал он мне приказ Начальника Школы.

«А где начальник?» — обрадованно заторопился я.

«Вон там, около группы Багратуни у Главного Штаба», — указал мне поручик на местонахождение Начальника Школы.

«Явитесь к военному комиссару при Верховном командовании, поручику Станкевичу», — подчеркивая титул служебного положения поручика, мягко, но с особой, свойственной ему манерой отдавать так приказания, что они, для получающего таковые, приобретали значение сверхстепенного значения, — проговорил он.

«Ах, вы здесь! — продолжал он, уже обращаясь к подошедшему в этот момент военному комиссару, — вот, согласно вашего желания и приказания Главного Штаба, я предоставляю в ваше распоряжение полуроту юнкеров, под командой поручика Синегуба. Я вам даю самого опытного офицера, недавно только прибывшего к нам в Школу с фронта. Надеюсь, поручик, — снова отнесся Начальник Школы ко мне, — вы учтете всю серьезность значения оказываемой вам чести предоставления выполнения тех задач, которые вы будете получать непосредственно от господина военного комиссара и исполнять которые будете как мои личные приказания...» — в упор смотря мне в глаза, добавил Начальник Школы.

«Слушаю-с, господин полковник; а какую полуроту прикажете взять?» — «Капитан Галиевский получил приказание, и он

вам предоставит таковую!» — «Слушаю-с! Разрешите идти?» — «Да, с Богом!» — весело ответил Начальник Школы, протягивая мне руку и делая шага два вперед, приблизился вплотную ко мне и вдруг, понижая голос, быстро проговорил:

«Дело крайне серьезно. Соберите все внимание. И чаще присылайте донесения мне и капитану Галиевскому, — и, переходя на обычный тон, продолжал. — Все указания испрашивать у господина военного комиссара. Ну, в добрый час! Берегите юнкеров!» — отпустил меня Начальник Школы.

«Господин военный комиссар, — обратился я, поворачиваясь к комиссару и беря руку под козырек, — поручик Синегуб, по приказанию Начальника Петроградской прапорщиков инженерных войск Школы, представляется по случаю назначения в ваше распоряжение».

«Очень приятно, — принимая честь, любезно ответил военный комиссар, — я попрошу вас немедленно выступить. И так слишком много времени потеряно», — нервно смотря на часы, бросил замечание военный комиссар.

«Слушаю-с! Разрешите построить и куда прикажете вести и какое будет назначение?» — «Я буду с вами. Мы пойдем в Мариинский дворец на охрану заседающего в нем Предпарламента, так как, по имеющимся сведениям, готовится обструкция и выступления против заседающих. Скорее стройте юнкеров», — нервно закончил комиссар.

«Слушаю-с!» — и заражаясь необходимостью спешить, я бегом направился к батальону юнкеров.

«Александр Петрович, — встретил меня поручик Мейснер, — ваша полурота готова. Я назначен командовать второй полуротой, в качестве резерва для вас, и, голубчик, если надо, вызывайте меня скорее», — весь оживляясь, попросил поручик.

«Спасибо; хорошо, обязательно. Подождите, еще много будет дела. А что, патроны будут выдавать?» — вдруг с ужасом вспомнил я отсутствие этой соли нашей сущности.

«Патроны? Во дворце их надо получить. Там большой запас. Я сейчас доложу капитану Галиевскому», — бросаясь к командующему батальоном, ответил поручик.

«Полурота, равняйся!» — принялся я между тем отводить свою полуроту от батальона.

«Послушайте, поручик, — подходя ко мне, заговорил военный комиссар, — постройте мне так юнкеров, чтобы все могли слышать меня без повышения мною голоса».

«О, черт возьми, опять разговорчики. Да ведь вам спешить надо... Хотя это на руку — патроны принесут...» — промелькнуло успокаивающее соображение.

«Слушаюсь!» — уже вслух ответил я и принялся строить полуроту в каре.

Военный комиссар выждал эволюцию фронта и начал говорить:

«Господа, в данное, исключительно тяжелое время для Революции и страны свершилось событие огромной исторической важности. В залах Мариинского дворца заседает цвет нашей мысли и гордость наших чаяний — Совет Республики. Я был там и видел их святую работу над укреплением завоеваний Революции и выводом страны на тот путь величественного шествия к счастью, которого только достойна демократия мира. Я видел, как, забыв все личное, забыв даже о еде, сидят над разрешением вопросов те, кто не только является гордостью нашей мысли, но и творцом дела дружественного, творческого сожительства демократий всего мира. И их работа, верьте мне, еще священнее, чем защитников нашей великой страны, выбросившей впервые миру такие лозунги, как война до победного конца, без аннексий и контрибуций. И вот, товарищи-граждане, в этот момент демагогическая злобность, посеянная Лениным и разжигаемая врагами революции и страны, готовится стать катастрофичной для Революции. Опыненные демагогией отбросы рабочего мира готовятся произвести срыв происходящего заседания Совета Республики. Спокойствию в творческой работе, в часы ее максимального напряжения, грозит опасность. А между тем дорог каждый час этого труда, результаты которого в бесконечном волнении ожидают и армия, и демократия. И вот, дорогие товарищи-граждане юнкера, вам предоставляется высокая честь охранить спокойствие работы Совета Республики. Я счастлив, что могу вас поздравить с назначением в караул Мариинского дворца. И я убежден, что это будет лишь почетным для вас служением Революции и стране и что дело до применения оружия не дойдет, так как, если массы хулиганствующих увидят вас на постах у дворца,

они только побурлят и разойдутся...» — застенчиво улыбаясь, закончил свою речь военный комиссар.

«Разлука ты, разлука, чужая сторона», — навязчиво ныло у меня в ушах при вслушивании в речь оратора. «Ей-ей, вы житель какой-то подлунной планеты, но не земли. У вас нет времени, а вы продолжаете его тратить на то, что, право, удивительно просто и ясно. К чему?» И как бы в ответ на мои мысли сзади раздалось обращение ко мне:

«Господин поручик, разрешите доложить, что мы хотим есть, а там у дворца юнкера получают хлеб».

«Ага! Сейчас кончит комиссар говорить, я попрошу разрешения завестись хлебом».

«Вот что нас губит», — вдруг обратился ко мне юнкер N.

«Тише! Бросьте! Вы в строю! — оборвал я не выдержавшего юнкера. — Пускай делают что хотят, лишь бы мы сами не забыли о Родине», — уже смягчаясь, добавил я.

«Господин военный комиссар! — как только последний кончил говорить, обратился я. — Разрешите получить хлеб — его здесь рядом выдают, юнкера сегодня еще не ели».

«Да, да, только скорее!» — дал согласие военный комиссар с несколько озабоченным выражением лица, очевидно от мелькнувшей мысли, что слушать и прекрасные песни на пустой желудок не особенно весело.

Пока юнкера получали хлеб, я получил ответ о патронах. Патроны действительно были, но на выдачу требовалось распоряжение из Главного Штаба. От кого же это должно было изойти и кто должен был их выдать, пока, несмотря на все усилия поручика Мейснера, выяснить не удавалось.

«Вы не можете себе представить, какой там внутри царит карвардак», — указывая на дворец и здание Главного Штаба, рассказывал поручик. «Я ни от кого не мог добиться ни одного путного указания. Начальник Штаба посылает к адъютантам; те к коменданту дворца, а последний к Начальнику Штаба. Черт бы их всех драл, сволочь штабная!» — вспылil поручик. — Хороши гуси. Не беда. Я доложу Станкевичу, пускай распорядится, на то он, кстати, и комиссар, чтобы за порядком наблюдать». Военного комиссара уже осаждала какая-то группа из военных и штатских.

«Ну что, готовы?» — встретил он меня вопросом.

«Так точно. Хлеб получен. Вот не могу получить патронов».

«Патронов? Зачем?» — перебил меня комиссар.

«У нас мало. По пятнадцати штук на винтовку. Пулеметов и гранат совсем нет. Обещали выдать здесь, но добиться...» — «Это лишнее; дело до огня дойти не может. И пятнадцать штук за глаза довольно. Идемте, ведите роту. Дорогу знаете во дворец? Прямо по Морской. А придя во дворец, вы хорошенько ознакомьтесь с постами и решительно прикажите огня без самой крайней необходимости не открывать. Я буду сам все время там, так что вы можете быть спокойным. А если и подойдет к Мариинскому дворцу какая-либо хулиганствующая толпа, то, право, для укрощения ее достаточно одного вида юнкеров, стоящих на постах с винтовками. Вот внутри дворца надо быть начеку. Я боюсь, чтобы кто не устроил обструкцию в зале заседания и не произвел паники. Стройте во вздвоенные ряды и идемте», — подходя к полуроте, распорядился военный комиссар.

Мы двинулись. Юнкера, сперва молчаливые, теперь вполголоса делились впечатлениями. Только военный комиссар весь ушел в какую-то беседу с сопровождавшими его офицером, штатским и двумя юнкерами из членов Совета Школы, зачем-то ему понадобившимися.

«Не выслать ли вперед разведку?» — подумал я, выйдя на Морскую.

«Хотя это зачем же?! Ведь достаточно же ясно заверил военный комиссар, что с боевой точки зрения — все спокойно. А кроме того, если впереди и окажется что-нибудь скверное, то ведь, слава Богу, какая у меня силища, вы, мои хорошие господа юнкера, плохо владеющие винтовками, и вы, господин военный комиссар».

«Раз, два!.. Тверже ногу!.. Ноги не слышу!» — словами команды попытался я оторвать себя от легкомысленных дум и вдруг рассмеялся — у одного из юнкеров выпал из-под мышек несомый им хлеб. Смущенный своею неловкостью, юнкер выскочил из строя за покотившимся по серому гляncy цементной мостовой буханкам хлеба.

«Куда? — завопил отделенный командир. — Из строя, без разрешения? На место!»

«Ха-ха-ха...» — смеялись юнкера. «Ха-ха-ха!» — заливались,

обрадовавшись случаю, остановившиеся на тротуаре две девушки, по костюмам и кричащим манерам определенно принадлежавшие к категории заблудших созданий.

«Да, посмеяться есть отчего, — говорил я фланговому юнкеру, — юнкера в боевой готовности, и с хлебами под мышками, и на Морской».

«Остановитесь!» — догоняя меня, быстро отдал распоряжение военный комиссар.

«Оставайтесь здесь, я зайду на телефонную станцию попытаться произвести смену находящегося там караула, который, по полученным сведениям, перешел на сторону ленинцев», — сообщил мне свое намерение военный комиссар.

Я остановил полуроту. Пока военный комиссар переходил улицу, к нам подошел какой-то офицер и стал возмущенно рассказывать о том, что сегодняшней ночью у Петроградского коменданта из стола выкрали пароли и отзывы караулов Петроградского гарнизона. И вот сегодня в час смены на телефонную станцию проникли большевики. Но они еще скрывают это для того, чтобы перехватывать телефонные разговоры правительственных органов и членов Совета Республики.

Возбужденное описание нервно настроенным офицером казалось хотя и интересным, но крайне сомнительным. Особенно меня настраивал против рассказа вид рассказчика. Бегающие глаза, тонкий, визгливый голос, резко подчеркивающий простоту стиля фраз, и приказчиьи ухватки, заменявшие ему манеры, буквально били по нервам.

«Что-то нечистое здесь», — закопошилось в голове в результате интуитивного отрицания навязчивой убедительности особы в офицерской форме. «Не от вас ли узнал такую необычайную новость господин военный комиссар? Боже мой, надо скорее его предупредить. Ведь он — сама наивность!» — «Они отказываются добровольно освободить телефонную станцию, — озабоченно проговорил военный комиссар, — и я решил произвести смену силою. Оставьте половину юнкеров с офицером здесь, приказав следить за воротами и окнами, а с другой половиной вы продвиньтесь вперед и уже с той стороны ворот ведите наблюдение за нею. Отделите мне нескольких юнкеров, и я попытаюсь с ними проникнуть на станцию. Землячки увидят, что с ними не шутят,

и сразу сбавят тон. Там караульный начальник какой-то прапорщик; очевидно, он все и мутит», — высказал свои соображения военный комиссар.

«А кто ему подал пример, и кто его этому научил?» — подумал я, услышав тон глубочайшего пренебрежения, с которым было произнесено: «какой-то прапорщик».

Но забота выполнения полученного приказа оказалась сильнее всяких философствований, и я, отделив первое отделение 1-го взвода в распоряжение военного комиссара, начал производить по улице соответствующее передвижение для получения лучшего надзора за зданием телефонной станции, а в случае надобности и ее обстрела.

Прапорщик Одинцов-младший, оставаясь на том же расстоянии от здания телефонной станции, построил свой 2-й взвод 2-й роты поперек Морской, во всю ее ширину фронтом к Марининской площади. Я же, перейдя с тремя отделениями 1-го взвода фасад телефонной станции, принял тоже построение, но фронтом в обратную сторону, в сторону Невского проспекта.

Из безвинтовочных юнкеров я создал команду связи. Между тем военный комиссар с юнкерами 1-го отделения 1-го взвода подошел к воротам станции, но они оказались уже закрытыми. И я, стоя на тротуаре, впереди правого фланга своего взвода, старался предвосхитить у военного комиссара выход из создавшегося положения, которое, наконец, меня убедило, что на телефонной станции действительно находятся приверженцы Ленина и К°.

«Вот у кого надо, оказывается, учиться энергии. И откуда только у них такое руководство? Интересно, как бы вы объяснили это теперь?» — мысленно обращался я к всплывшей в памяти картине ночного совещания 19-го в «Колхиде». — «Начало не дурное, — просмаковал я решительность действий господ подпольщиков. Теперь дело за нами. Однако что же предполагает предпринять военный комиссар», — в нетерпении вглядываясь в окна и ворота станции, топтался я на месте.

«Та-та-та-та, — вдруг резко разрезался воздух визгливо стучащим свистом, родившим представление о железных, зелено-темных и красно-бурых крышах домов, которые с силою полили металлическим градом, отчего переливающиеся дробью отзвуки становились коротко-сухими. — Та-та-та-та, — поплыла

вдоль Морской новая волна дробящих отзвуков, отвеивая от себя какой-то захватывающий дыхание мысли холодок.

«Что такое?» — пришел я в себя от мгновенной внезапности ударивших по нервам звуков. «Пулеметный огонь! Откуда? По нас?» И я быстро обернулся, ища пешего или конного врага в том конце Морской, который выходил на Мариинскую площадь.

«Там бой», — мелькнула мысль, но под ощущением уловленных слухом новых, более близких, знакомых звуков, представившаяся было в воображении картинка расстрела Мариинского дворца уплыла вдаль, а на месте ее родилась большая тревога, колко жавшая сердце. «Это стреляют по юнкерам. Стоять так нельзя. Слишком большая цель...» — работала мысль.

«К стенкам домов! Далеко не распространяться!» — крикнул я приказание юнкерам.

Тревожное недоумение, сковавшее было юнкеров, мгновенно прошло, и они, повинуясь словам команды, вмиг рассыпались по тротуару, становясь спинами к стенкам домов.

«Зарядить винтовки!» — вслед отдал я приказ, в то же время соображая, куда лучше стать самому, чтобы не выпустить из рук командование полуротой.

«Никто не упал — значит, стрельба демонстративная и в воздух. Но где же военный комиссар и его юнкера?» — окидывая взглядом улицу, точно по мановению волшебного жезла ставшую жутко пустою, спрашивал я себя. Но в первые секунды осмотра сторон улицы я его фигуры не находил. «Что такое? Неужели я так растерялся, что не вижу военного комиссара», — мелькало в голове. Но, замечая в то же время, как нервно прижимались некоторые из юнкеров к каменным стенам домов и стальным жалюзи, спустившимся на окна витрин, что придавало этому участку Морской впечатление глубокой, холодной могилы, во мне проснулось чувство дикой обиды и злобы.

«Воспользоваться горячностью порыва молодых сердец и без сожаления принять их безрассудное самопожертвование. Ужасно! Ведь некоторые не умеют заряжать винтовки», — содрогалась мысль при виде, как один юнкер тщетно старался утопить патроны в магазинную коробку винтовки. «Как куропаток перестреляют нас из окон и с крыш, если только окажется это им выгодным и если есть достаточно для этого средств. Про-

клятие! Какое жалкое, унижительное положение! Хотя бы открыли настоящий огонь и убили бы меня», — со злобой вглядываясь в чердачные окна, смалодушничал я.

«Ах, вот и комиссар!» — и я пошел навстречу к нему, идущему ко мне.

«Я все не могу определить, откуда и где стрельба. Боюсь, что на Мариинской площади бой идет. Не отправиться ли туда? Здесь сейчас ничего так не сделаешь!» — обратился я к нему.

«Ничего, это пустяки. Вы приведите в больший порядок юнкеров и продолжайте осаду станции. Огня не открывайте, пока они сами не станут стрелять по вас. А я отведу ту часть юнкеров к углу Невского, чтобы не допустить сюда могущих явиться на выручку караулы красногвардейцев. Я убежден, что на станции сейчас переполох, так как не могут они знать, кто открыл стрельбу и кто берет верх, а видя, что здесь находятся юнкера, они даже скорее решат, что их дело проиграно и они сдадутся», — говорил мне военный комиссар.

«Слушаюсь!» — отвечал я с радостью, черпая в словах военного комиссара уверенность, что эта стрельба идет со стороны верных долгу частей, выполняющих, очевидно, порученную им задачу.

«Наверно, гвардейский экипаж или семеновцы очищают Мариинскую площадь от демонстрирующих толп», — заработало мое воображение. «Надо будет и в сторону площади принять меры предохранения. И если сюда бросятся бегущие толпы, то заарестовать. А чтобы было удобнее и планомернее это выполнить, займу углы Гороховой», — принял я решения и пошел передавать соответствующие распоряжения начальникам отделений.

Через несколько минут стрельба затихла. А еще спустя немного времени на улице появились любопытствующие и случайные прохожие. Юнкера с винтовками наготове бодро обменивались замечаниями, внимательно глядя со своих мест на углах улиц Морской и Гороховой вдоль них и следя за воротами и окнами станции. Я же с гордостью расхаживал по цементной мостовой. «Больше непринужденности в виде!» — говорил я себе. «На тебя смотрят не только юнкера, но и землячки караула. И чем ты спокойнее и довольнее, тем страшнее им», — продолжал я кокетничать с собою.

«Но, черт возьми, какая гладкая мостовая. Вот бы наши кирпичи-мотыги, и устроить бы здесь окопчики для пулеметов. Ах да, пулеметов. Надо послать донесение к Начальнику Школы, что мы перешли к боевой задаче, и попросить прислать пулеметы и пироксилиновых шашек для взрыва ворот телефонной станции».

И я, вызвав юнкера связи, передал ему написанное донесение для доставки в Зимний дворец.

Эта моя мера вызвала еще большее оживление у юнкеров, и я с наслаждением наблюдал за все растущим усвоением создавшегося положения. «Молодцы друзья», — созерцая выражения лиц, мысленно подбадривал я их, по временам произнося те или иные замечания.

Расхаживая таким образом по улице, я одновременно не упускал из внимания закрытых ворот станции. «Что-то там творится. Пожалуй, военный комиссар прав, и там теперь каются в своем промахе и обсуждают, как исправить свой поступок. Не хотел бы я быть на вашем месте», — всматриваясь в окна, соображал я. «Ага, отворяется дверца в воротах — уж не делегация ли?» — мелькнуло радостное предположение, и я сделал несколько шагов вперед к воротам, приглашая юнкеров к усилению внимания.

Юнкера, стоявшие по сторонам ворот, взяли винтовки на изготовку. Я потихоньку расстегнул кобуру, а затем руки засунул в карманы.

«Ну-с, выходите», — внутренне торопил я, жадно впиваясь в расширяющуюся щель отворяемой вовнутрь двора двери. Наконец высунулась круглая голова на короткой шее. Глаза напряженно забегали, осматривая улицу. Затем голова на мгновение обернулась назад, показав коротко подстриженный затылок, и снова повернулась к нам, подавшись вперед, обнаруживая плечи с офицерскими прапорщичьими погонами.

«Выходите, прапорщик, — любезно предложил я, — юнкера стрелять не будут», — предупредительно добавил я, видя, как глаза его косились то вправо, то влево на винтовки юнкеров.

«Посмотрел бы я, как вы стали бы стрелять!» — задорно крикнул он. «Ступайте вы лучше по домам, пока не поздно, а то будет худо!» — продолжал он.

«Тише, прапорщик! Больше спокойствия. Вы же видите, что с офицером разговариваете! Нечего дурака ломать! И поверьте

мне, право, лучше будет и более достойно для вас, если вы добровольно впустите нас на станцию. Подумайте хорошенько над тем, что вы делаете и куда ведете людей!» — «Что вы хотите?» — меняя тон, задал он вопрос.

«Нести караульную службу на станции.» — «Я ее несу...» «Я не знаю, как и почему вы ее несете, но мне приказано военным комиссаром при Верховном командовании армией сменить ваш караул».

«Дайте пароль и приказание коменданта — я не знаю, кто вы?» — прищурился прапорщик. Сзади него раздался смех. «Тише, товарищи, мешаєте разговаривать!» — осторожно оборачиваясь, сказал он.

«Вы, очевидно, только сегодня нацепили на себя погоны!» — ссызвил я.

«Неправда, я их получил на фронте, а не в тылу!» — презрительно окидывая взглядом надетое на мне мирного образца пальто с серебряными погонами, съехидничал юный прапорщик.

«Жалею вас, что теперь вам приходится их пачкать изменой присяге!» — «Неправда, я не изменяю присяге! Я иду за народом, а это вы продались прислужникам капитала, одевшимся в социалистическую тогу. Эта вы губите народ. Э, да что с вами толковать! Убирайтесь подобру-поздорову, а то мы вам пропишем, где раки зимуют!» — возбужденно махая револьвером, снова закипятился прапорщик.

«Послушайте, — не вытерпев, прикрикнул я на него, — я раз сказал уже, чтобы вы приличнее разговаривали... Что за хамская манера махать руками», — вынимая из кармана руку с портсигаром и беря из него папиросу, продолжал я. Мое внешнее спокойствие подействовало на него, и он опустил револьвер.

«Вот что, — заявил он, — я даю вам пятнадцать минут на размышление. И если через 15 минут вы со своими юнкерами не уйдете, то пеняйте на себя!» — закончил он и исчез за дверью.

Я закурил вынутую папиросу. «Что же, однако, делать? Так стоять — это скучно. А любопытно, что делается сейчас на Мариинской площади? Пулеметы молчат, и лишь идет одиночная ружейная стрельба. Черт возьми! Наверное, много убитых.

Эх, Ленин!.. А еще идеалист. Идти к осуществлению земного рая по трупам людей и лужам человеческой крови! Ничего тогда

твой рай не стоит! Шулер ты политический, а не идеолог!» — снова вернулось философское настроение ко мне.

«Ну, что у вас?» — подходя ко мне, задал вопрос военный комиссар.

«Да вот, пробовал убеждать караульного начальника согласиться на смену; но он, в свою очередь, требует, чтобы мы ушли, и дал четверть часа на размышление. А что, нового ничего не слышно?» — в свою очередь заинтересовался я.

«Неважно. Многие части держат нейтралитет. Некоторые же примкнули к восставшим. Рабочие Путиловского и Обуховского заводов идут в город. Надо станцию скорее взять. Во что бы то ни стало ее надо занять, а то операционный штаб восставших слишком широко пользуется телефонной сетью, и наоборот — правительственные органы лишились этой возможности. А стрельба затихает», — заметил в раздумье военный комиссар.

В этот момент появился юнкер связи от прапорщика Одинцова и доложил, что на Невском появились какие-то патрули и что на Мойке у мостов рабочие начинают строить баррикады.

Услышав доклад, военный комиссар сразу оживился:

«Продолжайте убеждать сдаться — а я пойду узнаю, в чем дело», — заторопился он.

«Слушаюсь. Разрешите потребовать на всякий случай из Зимнего дворца подкрепление, по крайней мере вторую полуроту. Пулеметы и пироксилин я уже вытребовал!» — доложил я.

«Попробуйте. Не думаю, чтобы было что присылать. Смотрите же, первыми огня не открывать. Это может все дело испортить. Потом будут кричать, что мы первые открыли стрельбу и что мы идем по стопам старорежимных городских — стреляем в народ», — закончил военный комиссар и быстро зашагал к Невскому.

«Это черт знает, что за двойственность! Там — стрельба, а здесь не смей, а то кто-то какие-то обвинения предъявит. Да ведь раз мы введем порядок, то кто же откроет рот? Или как после июльских дней будет?!.. Комедианты проклятые!.. Там стрельба, а здесь жди, чтобы тебя сперва убили... Что за чертовщина — ничего не понимаю! Ну ладно, пришлют пироксилин, на собственный страх взорву всю станцию к черту!..» — злобствовал я и принялся писать новое донесение Начальнику Школы и капитану Галиевскому. Донесения на этот раз я написал в двух экземпля-

рах. «Черт его знает, что творится, — заработало во мне сомнение, — может, и донесения еще не должны попадать по адресу? — Пошлю двумя дорогами двух юнкеров: это будет надежнее». Сказано — сделано!..

Через минуту юнкера связи, получив категорическое приказание передать донесения в собственные руки по назначению, уже скрывались вдаль: один в направлении Невского, а другой в обход, по Гороховой, через Александровский сад.

Прошло еще несколько минут, и из одного из окон станции раздался голос прапорщика:

«Слушайте, убирайтесь! А то нам надоело ваше присутствие. Смотрите, если через три минуты вы не уйдете, то перестреляем вас, как собак!..» — «Ах вы, сволочь этакая!» — вскричал я и, выхватив револьвер из кобуры, взмахнул его на взвод.

Но прапорщик скрылся.

«Черт его знает, что такое, — нервничал я, шагая по тротуару, — Черт, а хочется есть!» — замечая валяющиеся на дороге куски хлеба, брошенные юнкерами, вспомнил я об еде. «Ведь я сегодня так ничего и не ел. Даже рюмки водки не успел выпить!.. А что сейчас в Школе творится? Шумаков, пожалуй, спит в дежурке, а нестроевые пьянствуют и жарят в карты. Хорошенький результат дала революционная дисциплина!» — И размышления поплыли одно за другим...

На улице, через наши цепи хотя и редко, но все же продолжала проходить публика. Видно было, что улица уже привыкла к нам: мы уже достаточное время болтались на ней.

Но вот со стороны Невского показался броневик.

«Броневи́к идет!..» — раздалось несколько возгласов доклада с места.

«Вижу, — отвечал я. — Это, наверное, наш. У Зимнего дворца, когда мы уходили, я видел, как появились две машины. Очевидно, одну из них и посылают нам на поддержку!» — «Никак нет; это броневик восставших — это я хорошо знаю. Я видел сегодня брата из броневого дивизиона. И он говорил, что часть дивизиона объявила нейтралитет, а часть перешла на сторону восставших», — сообщил неприятную новость один из юнкеров.

В этот момент подбежал юнкер связи от взвода, отошедшего к углу Невского и Морской, и доложил о том, что приближа-

ющийся броневик пришел со стороны Невского и что военный комиссар требует спокойствия.

«Внимание!» — крикнул я юнкерам, выслушав доклад. «Если я выстрелю, открыть по нем огонь. Без этого же моего сигнала Боже сохрани стрелять! Возможно еще, что это наш!» Броневик приближался.

«Если откроет огонь сейчас, то подрежет колени. Значит, пускай юнкера стоят», — работала напряженная мысль. «Чего он едва тащится? Нет, это не наш! Наш был бы с офицером, а офицер не позволил бы продолжать напряжение в наших рядах и дал бы о себе знать. Да, да... нет сомнения — это восставшие. — Черт!

Что он хочет? Неужели откроет огонь по верхней части туловища! Ох, успею ли положить юнкеров? О, мука какая! Стрелять в него нет смысла: не прошибешь!

Снять юнкеров и увести от бессмысленного расстрела», — мелькнуло раздумье.

«Что ты? Обалдел? Бежать будешь? Стыдись! Но как он медленно ползет! Сволочь, издевается! Ладно, издевайся, а я покурю, но остановись и выйди кто только из машины — застрелю», — затагиваясь папироской, давал я себе обещание.

Броневик приблизился. Глазки были открыты, оттуда велось наблюдение.

«Ладно, смотри, не смотри, а с места не сойдем!» — с трудом удерживаясь от желания вести наблюдение за дулом пулемета, твердо говорил я себе, попыхивая папиросой.

Но вот броневик поравнялся с воротами телефонной станции и остановился. Через секунду из ворот выскочил прапорщик и, подойдя к машине, о чем-то переговорил в боковой глазок с находящимися внутри машины. Переговоры продолжались не более минуты. Кончив говорить, прапорщик исчез, а машина, вздрогнув, снова тихо поползла вперед... к нам.

«Пройдет мимо нас, повернется — и тогда...» — начали было наслаиваться в голове комбинации возможных действий бронемшины, как ее новая остановка оборвала их. — «Ну, начнется», — решил я. «В живот или в голову?» — вырос вопрос, и я взглянул на дуло пулемета. Оно было закрыто чехлом.

«Сволочи! — выругался я. — Насмехаетесь вы, что ли?» — и я было шагнул к машине с желанием выяснить, что же, наконец,

они собою представляют, как скрип передовых рычагов и начавшийся ход машины назад с заворотом зада корпуса в ворота станции остановил меня.

Вот открылись ворота, и машина медленно вошла под арку. «Почему они медлят?» — «Хорошо медлят! — сейчас же ответил я себе. Заняли уже станцию своим караулом. Прислали на помощь броневик и строят на улицах баррикады. Вот мы медлим. Мало того — идиотов-ротозеев из себя изображаем!» — негодовал я на пассивность действий военного комиссара и Зимнего, откуда все еще не присылали просимый пироксилин. «Скорее бы его получить, тогда машину подорву уближенным снарядом, приспособленным хотя бы к штыку винтовки, которую и подсуну под броневик», — размышлял я, как ко мне подошел портупей-юнкер Гаккель, бывший студент Института путей сообщения, и попросил разрешения высказать свои соображения.

«Пожалуйста, говорите, я слушаю вас», — дал я согласие.

«Разрешите доложить, что юнкера очень смущены нашей деятельностью. Сколько времени мы стоим здесь и дождались того, что уже броневик прибыл. Некоторые опасаются, что здесь кроется провокация».

«Что за вздор! Вы же видите, что я связан повиновением военному комиссару. Он распоряжается здесь!» — с негодованием, горячо запротестовал я против усмотрения в моих действиях чего-то нечистого.

«Ради Бога! Господин поручик, ваше поведение, наоборот, только и поддерживает настроение и повиновение вам, — торопливо ответил портупей-юнкер. — Я к вам потому и подошел, что знаю вас. Вы же тоже знаете, что я был на фронте и георгиевский кавалер и что, конечно, поэтому мне непонятна малодушная тактика какого-то комиссара, который сперва нас поздравил с почетным назначением в караул Мариинского дворца, а затем, зная об отсутствии патронов и неопытности наших юнкеров, держит нас уже столько времени перед станцией. Если он не решался занять ее раньше, то как же он займет ее теперь, когда там броневик? Нет, здесь если не зло скрывается, то глупость, господин поручик», — серьезно и резонно докладывал портупей-юнкер.

«Черт вас возьми! — неслось у меня в голове, — Что вы, мои мысли читали, что ли?..»

«Но что же делать, дорогой, — надо ждать, — дружелюбно заговорил я. — Я послал четыре донесения с просьбой о высылке пироксилина и подкрепления, которое думаю послать на Мойку для снятия баррикад. И я думаю, что скоро мы получим и то, и другое, а тогда я буду действовать на свой страх и риск».

«Вот, это прекрасно, господин поручик; простите, что беспокоил вас», — довольно ответил портупей-юнкер.

В этот момент вдруг Морская заголосила на всевозможные лады.

«Что такое? — повернулся я в сторону визга и истерического крика — Женщины? Откуда они взялись? Ах, с телефонной станции!» — «Это телефонные барышни. Очевидно, их выпроводили в намерении открыть уже боевые действия», — высказал свое соображение портупей-юнкер Гаккель.

Между тем вой, истерический вой вырывавшихся из ворот станции потока барышень все усиливался. А почти пустынная Морская сразу запестрела различными бегущими, прыгающими нарядами и шляпками.

Юнкера, наблюдая картинку печального бегства, искренне захлебывались от смеха, на который более пожилые барышни отвечали кто усовещанием, а кто карканьем беды.

«Нашли над чем смяться! — кричали одни, — вы бы посмотрели, как с нами обращались! Это не люди!..»

«Уходите вы поскорее отсюда. Вас губят нарочно. Весь город в руках Ленина.

Все части перешли на его сторону. А вам здесь готовят западню».

«Господин офицер, — принялась тормозить меня одна длинная и сухая, как палка, барышня. — Вся станция полна ими. Они через какой-то ход с Мойки, что ли, набираются. А что они делают с проводами! Многие войсковые части не знают, в чьих руках телефонная станция, а нам запрещено говорить... за каждой по солдату стоит. Военная часть просит телефон Главного Штаба, или коменданта, или Зимнего дворца, а они какой-то свой дают. Поэтому многие части не знают правды. Я сама слышала, как они смеялись, что одно военное училище убедили в

том, что Ленин и его компания уже арестованы и что юнкеров можно отпустить в городской отпуск. Одна барышня передала знакомым, что у нас большевики, так ее чуть не убили!.. Уходите отсюда и юнкеров спасайте — все равно ничего не сделаете. Продали Россию!»... — рыдая, кончила барышня и побежала дальше.

Я стоял как истукан.

«Господин поручик, — подбежал ко мне портупей-юнкер Гаккель, — с вами хочет говорить один француз!» — «В чем дело? Кто хочет говорить? Какой француз? Давайте его сюда!» — ответил я.

«Господин лейтенант, — подходя ко мне и приподымая котелок, заговорил элегантный штатский на французском языке, — господин лейтенант, я секретарь второго атташе французского посольства», — отрекомендовался он. — Я сейчас иду с Садовой по Гороховой. На Гороховой и на Мойке, у Государственного банка, много рабочих, и они сейчас идут на баррикады, которые их товарищи начали строить перед мостом через Мойку на Гороховой. Рядом лежат и пулеметы. А когда я вышел на угол Морской и увидел юнкеров и спросил, что они делают, то я понял, что вам с тыла грозит опасность. Я только хотел из чувства любви к вашему прекрасному, но больному сейчас народу предупредить вас об этом.

Будьте осторожнее, и дай вам Бог всякого благополучия!» — пожимая мои руки, протянувшиеся к нему с благодарностью, кончил он свою медленную, видя, что я с трудом вникаю в смысл, речь.

«Можно мне пройти здесь? Мне надо на Невский», — спросил он, указывая рукою вдоль Морской.

Я предупредил его, что это теперь небезопасно, так как поток барышень кончился и над Морской висело уныние пустоты.

«О, ничего! Я не боюсь. Я очень спешу, и у меня нет времени обходить!» — «В таком случае, пожалуйста, разрешите просить вас все, рассказанное вами мне, передать офицеру, находящемуся на углу Невского. И скажите, пожалуйста, ему, чтобы он доложил об этом в Зимний дворец и военному комиссару. Спасибо еще раз», — поблагодарил я его.

«О, пожалуйста! Счастлив быть полезным. Я ваше поручение

выполню, господин лейтенант. Можете быть спокойным. До свиданья! Всякого успеха!» — и, приподняв котелок, он быстро засеменил по Морской к Невскому. Пройдя последнего юнкера, он опустил котелок на голову, а затем и скрылся.

«Что делать? Что делать?» — стучало в висках. Мысли путались, и голова горела. «Пропали! Бедные вы», — сквозь слезы смотря на юнкеров, думал я.

«Увести вас я не могу. Делать что-нибудь тоже не могу, потому что не знаю, что мне с вами делать, такими жалкими и бесполезными. Бедные ваши жены, дети и матери!» — и я, если бы снова не подбежал портупей-юнкер Гаккель, наверное, разрыдался бы; так была сильна спазма, сжавшая горло...

«Господин поручик, с Мариинской площади идет грузовик с рабочими. Разрешите его задержать. Я сниму шофера, сяду за руль и подведу его к воротам станции.

Загорожу дорогу броневнику!» — восторженно сияя от пришедшей идеи, выпалил портупей-юнкер.

«Прекрасно! Спасибо! Скорее!»

«Стой, стрелять буду!» — наперерез грузовику бросился я и портупей-юнкер.

Юнкера тоже взяли винтовки на изготовку. Грузовик остановился.

«Слезай! Живо!» — начал дальше распоряжаться портупей-юнкер, а я снова вернулся на свое место, чтобы наблюдать за воротами станции.

Рабочие слезли без сопротивления. Шофер же начал ругаться, но портупей-юнкер ударом приклада в плечо лучше слов убедил в безнадежности его положения, и он с извинениями стал слезать со своей машины.

Менее чем через минуту машина проплыла мимо меня под тихое и внешне спокойное приветствие юнкеров. Еще несколько секунд, и огромный грузовик, выехав правыми колесами своей тележки на тротуар, почти вплотную к стенам домов, закрыл собою вход в ворота и остановился. Остановив машину, портупей-юнкер Гаккель спокойно сошел с нее и, что-то покрутив в коробке скоростей, со скромностью, достойной скорее институтки, чем боевого солдата, направился ко мне.

«Господин поручик! Ваше приказание исполнено!» — мяг-

ко и легко останавливаясь передо мною, бодро и весело доложил портупей-юнкер Гаккель.

«Сердечное спасибо, славный и чуткий друг!» — растроганно поблагодарил я его.

«Рад стараться, господин поручик! Господин поручик, разрешите и эту машину туда же», — снова попросил портупей-юнкер.

«Где? Какую?» — озадаченно спросил я.

«А вот вторая идет. Черти, флаг красного креста нацепили, а сами, наверное, оружие перевозят».

«А черт с ним, с флагом. Арестуйте и эту машину, и туда же!» — в восторге от набежавшей мысли, что начинает везти, отдал я приказ.

Так же чисто и быстро была поставлена рядом с первой, но перпендикулярно к ней, и вторая машина.

Эта комбинация с машинами дала мне возможность произвести некоторую необходимую перегруппировку моих малочисленных сил.

А когда я кончал производить ее, ко мне явился юнкер связи из Зимнего дворца с сообщением от капитана Галиевского. Сообщение было радостное, и я им поделился с юнкерами.

Капитан Галиевский выслал нам подкрепление, которое, по получении пулемета и пироксилина, уже скоро явится сюда. «Теперь и взорвать станцию будет много легче», — показывая на машины, говорил я юнкерам.

«Затем во дворце получены сведения, что в город вошли казачьи части генерала Краснова. Первые эшелоны уже заняли, кроме Царскосельского вокзала, еще и Николаевский вокзал», — докладывал юнкер связи, мой любимец, юнкер 2-й роты И. Гольдман.

«А сейчас, когда я проходил через Невский на улицу Гоголя, — я слышал стрельбу по направлению Казанского собора — очевидно, это с Николаевского вокзала ведут наступление казаки», — с довольным видом докладывал свои соображения юнкер в ответ на мою справку, что за стрельба доносится со стороны Невского.

«Ага, теперь понятно, почему так долго не показывается милейший прапорщик. Ну-ну, посмотрим, что будет!» — работала мысль.

«А что, не видали вы военного комиссара, поручика Станкевича?» — «Никак нет, господин поручик!» — «А как же вы прошли? Ведь он должен быть на углу Морской и Невского!» — «По маршруту, данному капитаном Галиевским: Александровский сад, улице Гоголя и Кирпичному переулку», — отвечал юнкер связи, на мгновение озадачивая меня сообразительностью хитрого капитана.

«Так, так, капитан что-то чувствует, что дает кружный путь. Эх ты, Господи, что-то будет дальше?» — «А что, Начальника Школы не видали?» — снова поинтересовался я.

«Никак нет. Его страшно рвут. То зовут на заседание правительства, то в Главный Штаб».

«Броневи́к идет со стороны Мариинской площади!» — раздался доклад с места.

«Новое дело!» — ударила по мозгам мысль, и снова стало тепло под левым соском.

«Внимание! Приготовься!» — крикнул я юнкерам.

На этот раз машина шла быстро. В глазки двойной башенки смотрели дула пулеметов. Пройдя мимо нас, машина замедлила ход. Дула пулеметов задвигались.

«Ну, теперь как», — струсил было я, но машина, продолжая двигаться, молчала. Доползя до наших заграждений, машина остановилась.

Вслед за тем со стороны Невского подошла вторая машина. Из этой последней машины выскочило трое человек и, обойдя наши заграждения, подошли к первой.

Переговорили. Двое направились в ворота станции. Дверь в воротах открылась, и эти двое вошли в нее.

«Что же теперь будет? Пока казаки генерала Краснова дойдут, от нас ничегосеньки не останется. А, черт, что будет, то будет!» — тупо работала уставшая мысль. Болела голова, ныли ноги. Хотелось сесть. Закрывать глаза и так сидеть. И, поддавшись чувству бесконечной усталости, я уперся плечом в стенку, лениво смотря на броневики и на ворота станции.

Снова вышли из ворот те же люди.

«Гей, юнкера, отпустите шоферов, да живо!» — крикнул один из них.

Шоферы, никем не охраняемые, так как я и не думал их аре-

стовывать, а только отобрать у них машины, болтались тут же. И теперь, когда услышали зов, со всех ног бросились к своим машинам.

Побитый шофер попытался было начать какие-то разговорчики с одним из распоряжавшихся, но моментально отказался от пришедшего намерения. Причина, которая его побудила к этому, был увесистый кулак, поднесенный к его подбородку.

«Живо поворачивайся, скотина. Тебя ждут там, а ты прохлаждаешься, сволочь! Ну, ну, живо!» — И шофер бомбой отпрыгнул к своей машине.

Через минуту грузовики исчезали в направлении Невского. Броневики продолжали стоять. На нас не обращали внимания.

«Что такое? — недоумевал я. — Они ждут, очевидно, приказаний. Но почему не трогают нас? Да я бы за проделку с грузовиками давно уже расправился бы, да так, что никто ноги не унес бы», — злился я за пренебрежение к нам. «Нет, они нам что-то готовят, но что? А не все ли равно тебе, что? Они в данном случае господа положения. А ты свою роль окончил. Как глупо начал, так глупо кончил.

Ну, затянул Лазаря! Подожди, авось что-нибудь изменится». И в этот же момент первый броневик начал идти к Невскому.

А вслед за его уходом на тротуаре показалась штатская фигура военного комиссара.

«Что такое? Ты мило гуляешь? Или я с ума сошел! Ничего не понимаю! Что за чушь творится!» — гудело в голове.

«Соберите юнкеров и постройте их, да быстрее. Я согласился прекратить осаду.

За что получил свободный проход для юнкеров», — проговорил, подойдя ко мне, не смотря на меня, комиссар.

Я не ответил ни одного слова.

Через 2-3 минуты мой оставшийся взвод уже равнялся, строясь на Гороховой улице. С баррикад на мосту через Мойку на нас смотрели пулеметы.

«Смирно. Направо. На плечо!» — ровно командовал я, как будто это обычное занятие на дворе Школы.

«А второй взвод тоже уже ушел?» — задал я вопрос.

«Не знаю, но я думаю, они сами догадаются это сделать, увидя, что мы ушли», — ответил наш злой гений.

«Шагом марш!» — скомандовал я. Взвод пришел в движение.

«Если бы юнкера не были бабами, все дело пошло бы иначе», — вдруг бросил злое, глубоко несправедливое, недостойное обвинение достойный друг главноуговаривающего.

Чтобы не отяготить своей души, я, вместо ответа, стал подсчитывать ногу.

Пересекая улицу Гоголя, я чуть было не вздрогнул: поперек улицы стояла команда матросов с винтовками на изготовку.

«Раз, два!.. Ногу тверже!..» — с упорством крикнул я слова команды, маршируя дальше, чутко вслушиваясь в воздух в стремлении услышать щелканье затворов.

Но в воздухе стояло мерное отсчитывание шага моего взвода.

«Левое плечо вперед!» — выходя к Александровскому скверу, подал я команду, с облегчением уводя взвод от тяжело-нудной атмосферы Гороховой, принесшей столько разочарования, стыда и боли.

Поравнявшись с Невским, я, все же боясь, что 2-й взвод, может быть, продолжает стоять на Невском, отправил к прапорщику Одинцову юнкера связи с приказанием идти в Зимний дворец.

Еще несколько минут, и мы вышли на площадь. Разнообразные чувства волновали душу, когда мы направлялись к Зимнему дворцу, где мерещились упреки, насмешки, и чувство горечи к виновнику наших напрасных переживаний и неудачи сразу выросло в дикую ненависть и презрение. Вот и памятник, уходящий в густоту нависших сумерек спустившегося на город вечера, а несколько дальше к Миллионной стоят каких-то два броневики.

Увидя нас, броневики вздрогнули и мирно поплыли к нам. «Наши — не наши? Э, разницы нет. Обнюхаете нас и вернетесь на свои места. Сегодня игра в кошки с мышками: ведь здесь военный комиссар!» — проиронизировала мысль серьезно сосредоточенный осмотр машинами нас. Однако юнкера, задетые за живое тактикой поведения машин, обратились с вопросами, что они делают, на чьей стороне. Ответ был самый неожиданный: «Мы держим нейтралитет. Но выехали в город с целью препятствия боевым стычкам между обеими сторонами. Войска драться между собою не должны. Пускай правительство и штаб Ленина идут на соглашательство или дерутся между собою. Таково наше,

бронедивизиона, решение. И вы можете себе идти во дворец, но если будете нападать первыми, то мы будем против вас».

Но вот мы подошли и к Дворцу.

Я остановил юнкеров и послал связь к капитану Галиевскому с докладом о нашем прибытии, поручив также узнать, явился ли уже прапорщик Одинцов-младший со своим взводом — на площади его не было, а по времени он должен был бы тоже подойти. Вообще на площади было тускло и пусто, как и в момент нашего прихода. Также продолжали нелепо-разбросанно лежать дрова перед Дворцом, наводя мысль на воспоминания о баррикадах. «Но почему не видно приготовлений к устройству наружной обороны? Вот из этих брусьев можно сделать отличные баррикады. Великолепно можно использовать слева решетку сада. Затем, все окна первых этажей. Кроме Дворца безусловно занять и привести к оборонительному состоянию Главный Штаб, Министерство Финансов и Иностранных Дел, прорыв под Аркой к Невскому глубокую канаву, и заложить мину, если не взводный окоп устроить. Затем надо использовать и здание Главного Управления Генерального и Главного Штабов. Где же офицерство этих всех учреждений? Или оно уже на выполнении какой-либо задачи? А дадут ли нам еще какую-нибудь задачу, или теперь мы останемся за флагом? Конечно, военный комиссар будет делать доклад Правительству, и совершенно ясно, что доклад будет неблагоприятен для юнкеров и вреден для освещения обстановки момента», — мучительно рвали голову печальные выводы о знакомстве с деятельностью и способностями представителя Правительства при верховном командовании.

«Господин поручик!» — раздалось обращение, заставившее вернуться к ощущению мелкой действительности, окружавшей нас. «Господин поручик! Капитан Галиевский приказал ввести юнкеров во двор и присоединиться к баталиону, а затем вам явиться к нему, а где он находится, я вас провожу. Прапорщика Одинцова с юнкерами во Дворце нет. Их, по докладу убежавших юнкеров и некоторых офицеров Штаба, очевидцев, окружили солдаты Павловского полка, рабочие и броневики, и взяли в плен. Причем страшно издевались и били юнкеров. Куда их увели — неизвестно...» — возбужденный печальной новостью о судьбе товарищей, торопливо доложил вернувшийся юнкер свя-

зи. Вздых горести и краткие восклицания, вырвавшиеся у юнкеров, разрядили было нависшую атмосферу молчания, в которой мы ожидали возвращения из дворца связи.

Гул голосов рокотом переливался под аркой, посреди которой стоял броневик.

«Это уже наш!» — оживленно прокомментировали юнкера. «Да, здесь все уже наше», — тускло мелькнула мысль. А где-то в глубине застонал червячок тоски:

«Здесь и преступление наше, здесь и его искупление». Простонал и исчез. Дух бодрой решимости захватил меня при выходе из-под арки во двор, где, между высокими рядами сложенных в кубы дров, стояли козлы винтовок, с разгуливающими перед ними часовыми, а слева и справа торчали холодные черные дула трехдюймовых скорострелок. Весь двор говорил. И в этот говор вносилось резким диссонансом ржание лошадей. Налево от входа во двор, перед длинным рядом дров, оказалось место, отведенное для нашего батальона, куда я и подошел с юнкерами.

Наши юнкера, в большинстве, находились тут же: кто сидел на дровах, а кто прямо на цементной мостовой двора. Из офицеров никого не было видно. Когда я, поблагодарив своих юнкеров за их прекрасную службу, разрешил им разойтись из строя, мне сейчас же было сообщено окружившими нас юнкерами, что они не надеялись уже видеть нас. Это было трогательно, и я не замедлил использовать этот момент для подлития масла в огонь настроения борьбы, и борьбы активной.

«Не имеем права мы заниматься разговорчиками с теми, кто бил, а сейчас, может быть, умерщвляет наших товарищей, только за то, что те, будучи такими же детьми Русского Народа, как и рабочие и крестьяне, отличаются от них существенно знаниями, расширяющими кругозор мирозерцания, а потому во имя светлой истины великой правды берутся за оружие, но берутся не как за цель, а как за средство отрезвления загипнотизированных ложью слова диких слуг безумного фанатизма нелепого учения, ведущего в ярмо кошмарного рабства».

«Вы извините, что я, заболтавшись с вами, оторвал вас от вашего отдыха!» — поставил я точку над своею беседою с юнкерами, которые, к моему большому, внутреннему удовлетворению, слушали меня с большим вниманием.

«А где господа офицеры?» — спохватился я, видя, что беседа может затянуться, а между тем надо идти с докладом к капитану Галиевскому, о чем мне напоминала стоящая тут же фигура юнкера связи.

«Господа офицеры с некоторыми из наших юнкеров в Белом Зале на митинге».

«Митинге? На каком таком митинге?» — как ужаленный подскочил я с бревна, на котором с наслаждением сидел после нескольких часов стояния на ногах.

«Так точно. Самый настоящий митинг. Во Дворец явились, для защиты Временного Правительства, школы прапорщиков из Ораниенбаума, Петергофа, взвод от Константиновского Артиллерийского, наша школа, и ожидается прибытие казаков. Сперва все шло хорошо. Но бездеятельность и проникшие агитаторы, а в то же время растущие успехи восставших вызвали брожение среди Ораниенбаумцев и Петергофцев. Их комитеты устроили совещание и потребовали к себе представителя от Временного Правительства из его состава для дачи разъяснений о цели их вызова и обстановки момента. А когда разъяснения были выданы Пальчинским, то они объявили, за недостаточностью таковых, общее собрание для всего гарнизона Зимнего Дворца. И вот уже с час митингуют в Белом Зале, куда вышли все члены Временного Правительства во главе с Коноваловым. Там такая картина стыда, — горячо докладывал портупей-юнкер Мациевский, — что я, сперва заинтересовавшийся причиной собрания, убежал отсюда. Друг друга не слушают, кричат, свистят. Не юнкера, не застрашные офицеры, а стадо глупого баранья.

Вы вот увидите, господин поручик, что за физиономии этих юнкеров: тупые, крупные и грубые. Уже по виду на них, вы догадаетесь, что все это от сохи, полуграмотное, невежественное зверье... Быдло!..» — с дрожью в голосе, едва сдерживал набежавшее желание разрыдаться от гнета впечатления дикости картины, еще продолжавшей мучить этого стройного, хрупкого, нежного юношу.

«Говорит Коновалов — председатель Совета Министров Временного Правительства, какое бы то там ни было Правительство, но оно Правительство твоего народа. И что же? Он говорит, а его перебивают. Коновалов так и бросил. Затем Маслов выступил,

ведь старый революционер; Терещенко принимался — вот этот красиво, хорошо говорил, а результат тот же. Ни к кому никакого уважения. Тут же и курят, и хлеб жуют, и семечки шелкают». — Я слушал с закрытыми глазами; меня шатало, тошнило; мысли путались... Наконец, забрав себя в руки, я справился о Керенском.

«Господь его ведает! Сперва скрывали от юнкеров даже пребывание Временного Правительства. Говорили, что оно заседает в Главном Штабе. Потом объявили, что находится здесь. И что принято решение вести оборону Зимнего Дворца, так как восставшие предполагают его занять, как уже заняли весь город. О последнем, конечно, не говорят, а наоборот усиленно лгут, что идут войска, что авангард Северной Армии в лице казачьих частей корпуса генерала Краснова вошел в город. Сперва объявили, что занят Царскосельский вокзал и Николаевский, что дало возможность прибыть эшелонам из Бологое и ст. Дно.

Затем, это было в три часа дня, что казаки двинулись по Невскому и что только задержались у Казанского Собора. Пока вы, господин поручик, были у телефонной станции, мы еще верили в правдивость этих сообщений. Но когда пошедшая к вам на подкрепление полурота, увидев, что на углу Невского и Морской происходит какая-то стычка, под охраной броневиков вернулась назад, нам стало ясно, что происходившая стрельба говорит о торжестве восставших и что здесь по инерции продолжают лгание. А вас мы было уже похоронили. И слава Богу, что вам удалось вернуться!» — тихо, утомившись от возбуждения, закончил свое тяжелое описание портупей-юнкер.

Наступило молчание. Сгустившаяся темнота не позволяла видеть выражения лиц. И только звуки пощелкивания где-то выстрелов, оседавших во двор, напоминали о необходимости действия, но тяжесть впечатления от взаимоотношения членов Временного Правительства и юнкеров, их защитников, — обволакивала туманом серых вопросов душу, сердце и нервы.

«Ну а пока друзья, я пойду к капитану Галиевскому. Поручик Скородинский», — позвал я поручика, вышедшего под освещенную арку, справа из Дворца. — «Кто меня зовет?» — оборачиваясь, задал вопрос к нам в темноту длинный, изящный поручик. —

«Это я, Александр Синегуб!» — «А, здравствуйте, поздрав-

ляю с благополучным возвращением», — приветствовал он меня, как только я вошел в полосу света.

«Чего уж благополучнее, когда взвод юнкеров потерял. Зря время потеряли и людей! — повторил я. — Чорт знает, голова кругом идет; вот что, поручик, останьтесь пожалуйста около юнкеров — мне надо явиться к капитану Галиевскому. Чорт знает, ведь мы не в школе. Никого из офицеров нет около них. Мало ли какая сволочь начнет им засорять мозги», — попросил я поручика.

«Да, да, Александр Петрович, мне это самому в голову пришло, я и ушел с митинга». — «Что, он все еще продолжается?! Безобразие, неужели никто его не догадается разогнать? Ну и Правительство! — говорил я. — Удивительно слабое, хотя это понятно». — «Но в конце концов все же договорились, и юнкера обещали остаться, если будет проявлена активность и если информация событий будет отвечать действительности. Правительство обещало, и юнкера теперь расходятся», — сообщал поручик.

«А где Начальник Школы?» — «Его рвут. Сейчас он в Главном Штабе. Его Правительство назначило комендантом обороны Зимнего Дворца, и ему подчинены все находящиеся в Зимнем Дворце силы».

«Да что вы говорите?! Слава Богу! Теперь я опять начинаю верить, что мы не погубим зря наших юнкеров и что что-нибудь да вытанцуется у нас. Ну, я бегу к Галиевскому. Где капитан?» — «В комендантской комнате, первая лестница вверх, во втором этаже, сейчас же рядом с выходом», — ответил поручик, направляясь в темень двора.

«Броневик есть, а около него ни души», — почему-то вспомнил броневик, когда стал подниматься по ступенькам в темный вход. Юнкер связи, нащупав ручку двери, открыл ее. Перед глазами оказался длинный, сравнительно узкий коридор первого этажа.

В коридоре пахло тем запахом, который так присущ стенам казарм. «Здесь караул помещался до революции», — сообщил юнкер связи, очевидно заметив, что я повел носом.

«А теперь где?» — улынувшись наблюдательности юнкера, справился я.

«В Портретной галерее. Но часть и здесь. Здесь, от наружных ворот. А здесь налево — патроны выдают», — указал он первую дверь левой стороны.

«Постойте. А нам уже выдали?» — «Никак нет. Патронов не хватило! Но теперь новые доставлены, и их будут выдавать».

Но вот и капитан Галиевский. Я подошел с докладом.

«Александр Петрович! очень рад, милый, вас видеть. Хорошо еще, что хоть так кончилось. С этими представителями власти у меня уже опухла голова. Но в добрый час теперь назначен комендант обороны Зимнего. Вы уже знаете это? Да?

Я очень успокоился душою, когда узнал, что назначили Ананьева. Лишь бы не оказалось поздним это единственно разумное до сих пор мероприятие со стороны Правительства и Главного Штаба. Сколько и чего только, дружок, я вам не перескажу потом, вы диву дадитесь. Одним словом, я пришел к заключению, что Керенскому надо было передать власть Ленину. Но как это сделать? Подождите, вы сами в этом убедитесь! А ведь сам исчез, оставив несчастных дураков-сотоварищей расхлебывать кашу, которой, пожалуй, подавятся, а никак не расхлебают. Правительство — это какие-то особенные люди. В частности, многие на меня произвели сильное впечатление. Я убежден, что их здесь обрабатывают самым бессовестным образом. Около них все время вертятся какие-то темные личности, да кое-кто и в среде их далеко от этих не ушел. Но все же оно дитя перед улизнавшим главноуправляющим. Еще вчера, мороча людей в Совете Республики, в этом сборище козлиц, клялся умереть на своем посту, а сегодня, переодевшись, как рассказывают наши, сestroю милосердия, удрал из города. Учужал, что его песня все равно к концу идет. Так хоть бы чести хватило слово сдержать, других не подвести, так нет, он и товарищей предал. А те и сейчас все еще верят в него, а может быть... Знают, да считают за лучшее молчать. Ну да я решил их по совести защищать. Александр Георгиевич тоже того же мнения. У нас решения не меняются, не правда ли. А если дать восторжествовать Ленину без сопротивления, то народ никогда не разберется, где черное и где белое, кто его друг и кто ему готовит ярмо беспросветного рабства. И вот для этого мы должны погибнуть здесь. И теперь я уже вижу, что это неизбежно, что нашим прежним расчетам не осуществиться. Что же делать; не мы — так другие, но начать мы должны. Да, тяжелая расплата за наш невольный грех. Это тяжело говорить. Лучше идемте, посмотрим, не пришел ли

Александр Георгиевич», — вставая с диванчика комендантской комнаты, закончил Галиевский.

«Да, да, дорогой капитан, именно все так, как Вы говорите. Вот если останемся живы, я расскажу вам о своих наблюдениях и выводах. А если бы Бурцеву об этом рассказать. Старик стал бы волосы рвать за свое проклятое дело благословения революции. И хотя он начинает опоминаться последнее время, но это еще далеко от искренности: до нутра у него еще не дошло сознания. Ну, да провались они все в болото. А вот мне патронов надо, господин капитан. У кого их можно потребовать?» — «У Вас полевая книжка есть, так Вы напишите требование и получите в караулке, а я побегу посмотреть, что делается на площади у ворот. Место встречи — комендантская», — уже на ходу крикнул капитан. «Слушаюсь», — ответил я вдогонку, принимаясь выписывать на листке из полевой книжки требование на патроны для юнкеров 2-ой роты.

«Пришлите мне фельдфебеля 2-ой роты Немировского», — отдал я приказание, поймав одного из проходивших юнкеров 1-ой роты.

«Слушаюсь», — ответил тот и побежал исполнить полученное приказание, а я продолжал дальше возиться с полевой книжкой, но уже занося в ее вторую половину, в отдел моих впечатлений и наблюдений, схему происшедшим встречам.

«Юнкера говорили еще о Петербургской и Ораниенбаумской школах, — писал я, стараясь оттенить легкими штрихами наибольшие выпуклости общего рельефа. — А если свершится чудо и я уцелею, то расшифрую записанное, — это даст козыри обществу Анны Петровны для конкуренции с Бурцевым и борьбы с Батмаевцами».

Удовлетворенный записью, спрятал полевую книжку в боковой карман пальто.

Между тем прибывали приемщики из школ, от чего на душе становилось весело.

«Заработали! Ну давай Бог! В добрый час!» — и я выскочил в коридор, а из него на двор. Двор гудел. Возгласы команды, споры, смех. Все это напоминало бивуак, а направо через решетчатые верхи ворот светились кое-где огоньки в здании Главного Штаба... Мимо прошла команда юнкеров 2-ой Петергофской Школы,

направляясь к выходу из дворца. «На смену дозоров пошли», — догадался кто-то. «Ну, а что мы делать будем?» — не решаясь прямо спросить меня, начали задавать юнкера друг другу вопросы при моем появлении, в расчете вызвать меня на высказание каких-либо соображений.

«Счастливики идут. Право, чем скорее, тем лучше. Ну вот вы вечно панически настроены, а я так убежден, что придет утро, а мы все будем сидеть в резерве. Вот увидите, что ничего не случится. Не забывайте, что Керенский, теперь это не секрет, отправился к армии и к утру войдет в Питер. И поверьте, эти господа все учитывают и, конечно, в ночь, раз за день ничего не успели сделать, рассеются так же быстро по своим норам, как неожиданно и выползли из них» — «Неожиданно! Когда еще за несколько дней до сегодня пресса называла час начала их действий. Вы эс-эры просто...» — кто-то старался оспорить мнение говорившего. «Бросьте разговорчики, господа, не мешайте, пока возможно подремать», — несло с высоты поленниц, где кое-кто умудрился даже всхрапывать, не смущаясь твердостью дров.

«А я вас ищу, Александр Петрович», — вырос передо мною с восклицанием поручик Скородинский, очевидно, узнав меня по любимому мною мурлыканью Рылеевского «Часового», привязавшегося к моему языку чуть ли не с одиннадцатилетнего возраста. «Вам есть задание, — продолжал он. — Капитан Галиевский приказывает отвести роты на предназначенные им места по разработанному Начальником Школы плану обороны дворца на случай нападения на него каких-либо групп восставших, явно не предполагающих наткнуться на такое сопротивление, как юнкерские батальоны. Вам приказано занять первый этаж налево от выхода из ворот, распространившись от крайнего левого угла дворца так, чтобы на Миллионную получился продольный огонь углового окна, куда потом вам будет дан пулемет.

Это окно должно явиться вашим левым флангом. Правый уже обозначится стыком с моим левым. Я начинаю от окна, выходящего на площадь рядом с главными этими воротами с левой стороны их, если смотреть отсюда по направлению к Морской. Таким образом, мы получаем фронтное наблюдение за площадью и с огнем на нее. Главная оборона этого участка первого этажа дворца вверяется вам с подчинением вам и меня с моей ротой.

При этом вам приказывается под строжайшей ответственностью не открывать первым огня, несмотря ни на что.

Огонь разрешается лишь в случае атаки со стороны банд, и то если атака будет сопровождаться огнем с их стороны. Такова воля Временного Правительства.

Кроме того, при размещении юнкеров в комнатах приказывается учитывать высоту подоконников в расчете на закидывание ручными гранатами комнат, а также принять во внимание возможную внезапность открытия огня из окон верхних этажей противоположащих Дворцу зданий, которые, хотя и будут приведены в оборонительное состояние средствами офицерских отрядов, все же могут случайно перейти в руки восставших. Это все меры предположительные и руководящего характера. В данное же время надлежит лишь занять позицию и начать вести самое строгое наблюдение, дав возможность свободным юнкерам лечь отдыхать, так как решительные действия ожидаются лишь к утру, вследствие происшедшей какой-то заминки в приближении восставших к Дворцу. Следовательно, опасаться можно лишь случайных банд. К утру же подойдут войска с фронта. Да я забыл добавить, что вы должны иметь резерв на случай наружного действия у ворот.

Резерв надлежит иметь от 1-ой роты, т.е. теперь моей. Действовать резервом лишь с доклада капитану Галиевскому. Ну теперь я, кажется, все передал. Эти детали должны быть сообщены юнкерам, которым вменяется в обязанность самое осторожное обращение с вещами, находящимися в комнатах. И когда будет все исполнено, доложить капитану Галиевскому. Он желает лично явиться для проверки. К нему от 1-ой роты, по его приказанию, я назначил связь, которая в его распоряжение уже и ушла», — закончил поручик действительно подробное приказание.

«Вот это спасибо, поручик, за приятную новость. А то неведение, что с собою делать, довольно тяжелое чувство. Пока я введу в помещение свою роту, вы разъясните вашим юнкерам полученную задачу», — сделал я предложение.

«Слушаюсь, господин поручик! Разрешите пойти?» — входя в роль подчиненного мне по службе, официально строго ответил поручик Скородинский.

«Да!.. Фельдфебель 2-ой роты ко мне», — крикнул я в темноту, и в свою очередь начал распоряжения, радостно встреченный юнкерами.

Через несколько минут я вводил роту в комнаты 1-го этажа.

Я видел, как юнкера располагались у окон, всматриваясь в происходящее на площади, как приспосабливались лечь на полу, покрытом коврами. Я слышал их неуверенные формулировки ощущений, получаемых ими от обстановки комнат, в которых еще недавно, года нет, была атмосфера уюта личной жизни наших земных богов. Я понимал их стесненные тяжелые движения членами тела, словно налившегося пудами какой-то невероятной тяжести. И видя, и слыша, и понимая их, я жалел и болел душою за них, и за себя, и за грех.

Мы ждем. И, видно, это давало мне силы, не понимая себя, не контролируя своих распоряжений, отдавать их в таком виде, что, выполняя их, достигалось поставленное мною задание. «Не мудрствуй! — твердил я себе. — Теперь не время! Но... тщетно пытался я взять себя в руки. И не я один мучился. Юнкера, которые были на дворе просты и естественны, здесь томились и были странны.

Я несколько раз обращался то к тому, то к другому из тех, мысль и чувства которых играли на лицах их. Я обращался к ним как брат к брату, а не начальник к подчиненному, так как это ощущение мною было утеряно с момента проникновения в эти комнаты. Я что-то говорил, на что-то жаловался, чего-то хотел — но что, чего — не знаю...

Но время делает свое дело.

Постепенно мысль прояснилась, чувства обрели покой, и я снова получил способность отдачи себе отчета в поступках и обстановке момента. И мне стало легче. Вот явилось желание и юнкерам передать это облегчение. А для этого я попробовал вникнуть в возможные мероприятия.

Оказывается, голова работает. Мысль такие меры нашла. И энергия снова во мне закипела. — «Вы бы заснули», — убеждал я молчаливо сидевшую парочку друзей юнкеров с горящими глазами, окаймленными налившимися синевой под яблочными мешками.

«Пробуем, но не выходит. Обстановка давит», — конфузливо признаются юнкера.

«Да, это верно. Я вас понимаю. Но необходимо сохранить силы. Бог знает, что нас еще ждет впереди. Право, перестаньте думать и отдохните», — пробовал я урезонить их.

«А хорошая мебель», — выскочил кто-то из юнкеров с трезвой оценкой вещей, находившихся в комнатах. — «Да тут как-то все сохранилось на месте, — не успели растащить, или же рассказы о грабеже чистый вымысел», — подхватил я затронутую тему, чтобы развитием ее отвлечься от других.

«Ну нет. Тут массу растащили, но надо отдать справедливость Керенскому. Он горячо и настойчиво требовал сохранения в целости вещей — объявляя их достоянием государства. Но разве устроишь за нашей публикой. Особенно дворцовыми служащими и той шантрапой, что набила дворец», — заметил один из разлегшихся на полу юнкеров.

«А вы видели молельню, господин поручик? Там есть такие образа, что им цены нет».

«Да видел, но в нее не входил. Не смог себя заставить. Ведь там государыня Богу молилась. И мне казалось, что если я войду туда, то это будет кощунство.

Ведь мы здесь не гости по приглашению хозяев Дворца, а игрушка в руках судьбы, занесенная ею сюда, для тех достижений, которые еще сокрыты от нас.

Поэтому я не смел войти в нее. И даже если бы мне сказали, что наша жизнь была бы охранена стенами ее, я и тогда не вошел бы в нее и никого добровольно туда не впустил».

«А Керенский немножко иначе мыслит», — начал опять кто-то говорить о Керенском, но его перебили возгласы из соседней комнаты.

«Где господин поручик? Доложите, что казаки пришли и располагаются в коридорах и в комнатах около молельни и хотят также занять ее».

«Казаки! Какие казаки? Откуда?» — и я бросился в коридор.

Коридор уже был набит станичниками, а в него продолжали втискиваться все новые и новые.

«Где ваши офицеры? Где командир сотни?» — обратился я с вопросом к одному из бородачей уральцев. Он махнул головой и, не отвечая, продолжал куда-то проталкиваться через своих товарищей.

«Что за рвань? — соображал я, смотря на их своеобразные костюмы, истасканные до последнего. — Э, да у них дисциплина, кажется, тоже к черту в трубу вылетела. Хорошенькие помощники будут...» — «Эй! Станичники, кто у вас здесь старший», — снова обратился я с вопросом, но уже к массе.

«Всяк за себя — а на што тебе», — раздались два слабых ответа среди гама, с которым они продолжали продвигаться по коридору, частью заваленному какими-то большими ящиками, о которых острили, что Керенский не успел их с собою забрать по причине преждевременного исчезновения.

Услышав эти своеобразные ответы, я было чуть не разразился бранью за нелепость их и за игнорирование во мне офицера.

«Смотри — среди них нет почти молодежи, это все старших возрастов. Ага, то-то они и явились сюда», — проталкиваясь среди казаков к стоявшему на ящике и следившему за движением казаков подхорунжему, подумал я.

«Хотя на большом заседании представителей совета съезда казаков и говорено было о воздержании от поддержки Временного Правительства, пока в нем есть Керенский, который нам много вреда принес, все же мы наши сотни решили придти сюда на выручку. И то только старики пошли, а молодежь не захотела и объявила нейтралитет».

«Так, так. А где офицеры ваши?» — «Да их не много, пять человек с двумя командирами сотен. А они к коменданту Дворца пошли. Их позвали туда... — Эй, вы там, давай пулеметы туда в угол, вот разместится народ, тогда и их пристроим... — А вы давно здесь?» — уже обращаясь ко мне, продолжал подхорунжий, крепкий, бородатый казак.

«С полудня. Ходили уже к телефонной станции, да толку не вышло — уклончиво ответил я. — Вот что я вас хотел попросить, — продолжал я. — Здесь молельня царя есть. Так чтобы в нее не ходили». — «Зачем толкаться туда, казаки сами не пойдут, разве который пред образом лоб перекрестить захочет».

«Вы не думайте, поручик, станичники понятие большое имеют», — смотря мне прямо в глаза, добавил подхорунжий.

«Вот это спасибо. Ну я побегу к своим, а вы, значит, располагайтесь, как можете, а когда придут ваши офицеры, пошлите сказать мне», — спрыгивая с ящика, попросил я.

«Слушаюсь, господин поручик», — вслед ответил подхорунжий. Придя к первому взводу, где было назначено место моего пребывания для юнкеров связи, я застал поручика Скородинского и юнкера Гольдмана, явившегося с приказанием от капитана Галиевского. Но не успел я открыть рта для вопроса, что есть нового, как из соседней комнаты, слева расположенной, угловой, выходящей окнами и на Миллионную улицу, вбежало двое юнкеров.

«Господин поручик», — разлетелись они ко мне. «Стоп. По очереди. Говорите вы, в чем дело?» — «Господин поручик, казачи нас выставляют из угловой комнаты. Взводный командир приказал просить вас прийти».

«Они ничего слушать не хотят и располагаются в комнате так, словно в конюшню явились», — возмущенно докладывал юнкер.

«А вы что хотите?» — справился я у второго.

«У нас та же картина, господин поручик, но кроме того хотят еще в молельню пойти. Их не пускает часовой, а они кричат, что может умирать придется, так чтобы помолиться туда пустили. — Нам будет очень приятно помолиться там, где сами цари молились — кричат они, — а вы не пускаете, жидовские морды. Часовой из наших евреев оказался. Юнкера обиделись, и если вы не придете, то еще дело до драки дойдет», — с еще большею растерянностью доложил второй юнкер.

«Смех и грех — пронеслось в голове. Это теперь не оберешься скандалов с этими бороатыми дядями».

«Александр Петрович, — пока только кончили свои доклады юнкера, обратился ко мне поручик Скородинский, — вот как раз капитан Галиевский через юнкера связи приказывает отдать левую часть этажа обороне казаков, так как у них есть пулеметы, а нам сосредоточиться лишь в расположении моей роты».

«Ну прекрасно. Передайте в ваши взводы командирам взводов, чтобы они их привели в комнату направо», — отдал я распоряжение юнкерам.

«Фельдфебель Немировский!» — обратился я к стоявшему недалеке фельдфебелю 2-ой роты и прислушивавшемуся к происшедшим докладам. — «Я здесь», — подлетел он со своею пружинностью в манере вытягиваться при обращении офицеров к нему.

«Наблюдайте за отданным приказанием. Да чтобы все это бы-

стро было исполнено. Я буду при 1-ом взводе 1-ой роты. А пока пойдемте к моленной комнате, — предложил я Скородинскому, — посмотреть, что там за антраша выкидывают станичники, а то еще действительно в рукопашную схватятся».

Через несколько минут все приняло обычный вид порядка в настроениях юнкеров, — сцепившихся с казаками, но теперь тоже удовлетворенных полученной возможностью войти помолиться там, где «сами цари с деточками молились», — как, мягко улыбаясь сияющими грустно глазами, говорили они.

«Какие большие дети они еще», — возвращаясь к своим ротам, говорил я поручику.

«Вот и на фронте я не раз наблюдал, как бородачи 2-ой Уральской казачьей дивизии, увлекшись спором о преимуществах одного святого перед другим, абсолютно не обращали никакого внимания на лопавшиеся вокруг них гранаты и шрапнели. А однажды при отступлении я едва оторвал от богословского спора и выгнал из халупы шестерых казаков. Еще немного, и мы не успели бы сесть на коней и ускакать от вошедших в деревню австрийцев», — вспоминал я сюжеты фронтовой жизни.

«Да, они особенные, — соглашался поручик со мною. — И они мне очень нравятся, только не молодые, те так распустились, что противно на них смотреть».

«Да, да, а какие были это войска!» — вздохнули мы и смолкли. Через открытые окна ночная прохлада освежала воздух комнат, уже пропитавшихся запахом сапог, внесенным нами в эти так взволновавшие наши чувства стены. Тишина, соблюдаемая юнкерами, позволяла улавливать звуки где-то вспыхивающей ружейной трескотни, что не мешало подумывать о кухнях, находящихся во дворце, на предмет использования их для приготовления чая юнкерам. И эти думы опять напомнили мне о моем 26 часовом голоде. Хорошо еще, что Телюкин догадался сунуть коробку папирос.

«А вы бы пошли наверх. Там у комендантской есть столовая, где придворные лакеи сегодня подали дивный обед и вина. Право, сейчас — вы видите — все тихо, и можете положиться на меня», — начал убеждать поручик.

И словно меня кто подслушал. В комнату вошел капитан Гали-

евский и, подойдя к темноте на наши голоса к нам, передал приказание Начальника Школы явиться в помещение комендантской.

«Начальник Школы приказал всем офицерам школ и частей собраться для обсуждения мер и получения заданий по развитию обороны Зимнего. Поэтому идемте скорее, господа. Времени терять нельзя. А у вас хорошо здесь», — невольно поддавшись впечатлению покоя, закончил капитан.

Спустя немного мы входили в продолговатую комнату, шумно наполненную офицерством. Здесь были и казаки, и артиллеристы, и пехотинцы — все больше от военных школ, молодые и старики. Строгие, озабоченные и безудержно веселые.

Последние были неприятны; они были полупьяны. Начальника Школы еще не было. И поэтому все говорили сразу и на разные темы. Причем преобладающей темой служила противная черта Петроградского гарнизона, высчитывание старшинства в производстве в тот или другой чин, всегда с недовольными комментариями и завистливыми сравнениями.

Один полковник кричал: «Я при царе 10 лет был полковником, меня тогда обходили и теперь меня обходят. Да и не меня одного, а и вас, и вас... — обращался он к своим собеседникам, — а сегодня нам кланяются, просят защищать их, великих мастеров Революции, да в то же время сажают на голову какого-то Начальника Инженерной Школы, из молодых. Да чтобы я ему подчинялся? нет! слуга покорный!» «А вино отличное», — смаковал капитан одной Ораниенбаумской Школы. — «Это марка! И то, представьте себе, господа, что лакеи, эта старая рвань, нам еще худшее подали. Воображаю, что было бы с нами, если бы мы да старенького тяпнули: пожалуй, из-за стола не вышли бы. А что, не приказать ли сюда подать парочку-другую, а то ужасная жара здесь, все пить хочется».

«Да так эти жирные негодяи тебе и понесут сюда», — возмущенно возразил штабс-капитан той же школы.

«Ну старики и решили запереть молодых в конюшнях, чтобы их нейтралитет был для них большим удовольствием, а сами решили идти защищать землю и волю, которые по убеждениям эзровских агитаторов хочет забрать Ленин со своею шайкою», — рассказывал один из казачьих офицеров группе окружавших его слушателей, среди которых стояли офицеры и нашей школы.

«Господа офицеры!» — прокричал вдруг полковник, отказывавшийся от подчинения Начальнику Школы, при появлении последнего из боковой комнаты в сопровождении высокого штатского в черном костюме. Офицеры поднялись со своих мест, и щелканье шпор заменило стихнувшие разговоры. — «Здравствуйте, господа офицеры, — начал говорить Начальник Школы, — волею Временного Правительства я назначен Главным Штабом комендантом обороны Зимнего Дворца. Поэтому я пригласил вас для принятия следующих директив: Соблюдение полного порядка во вверенных вам частях. Господа офицеры должны прекратить шатание по дворцу и, вспомнив, зачем они здесь, находиться при своих людях, не допуская к ним агитаторов, которые уже успели сюда проникнуть. Затем объяснить людям, что министр Пальчинский свидетельствует о получении телеграммы о начавшемся движении казаков генерала Краснова на Петроград. Поэтому наша задача сводится сейчас к принятию мер против готовящегося нападения на Дворец, для чего прошу начальников частей подойти сюда и рассмотреть план расположения помещений Зимнего Дворца. А кроме того, дать мне данные о количестве штыков и способности принятия на себя той или другой задачи, за выполнение которой вся ответственность ввиду недостатка времени и условий обстановки момента, конечно, ложится на взявших таковую», — продолжал говорить Начальник Школы, развернув план и положив его на стол. Офицеры, почувствовав энергию и сильную волю в словах Коменданта Обороны Зимнего Дворца, подтянулись и оживленно стали обступать стол, всматриваясь в план Дворца. «Здесь, — показывал карандашом на плане Комендант Обороны, — расположены сейчас казаки и юнкера школы прапорщиков Инженерных Войск — это первый этаж налево...» — «Виноват, — перебил Коменданта Начальник Петергофской Школы прапорщиков, — я полагал бы, что юнкерам-инженерам следовало бы заняться устройством баррикад снаружи Дворца, а внутреннюю оборону и патрули возложить на пехоту, т.е. на наши школы». — «Совершенно верно, вы полагаете совершенно правильно; но этого нельзя было возложить на ваши школы, ибо они занялись митингами. Теперь, когда более или менее настроение ваше и ваших юнкеров выяснено, когда у нас есть казаки и артиллерия, мы можем строго разграничить

функции по родам оружия. Поэтому вы, полковник, возьмете на себя оборону решетки этого сада, примыкающего ко Дворцу, против адмиралтейства», — дал задачу Комендант Обороны Начальнику Петергофской Школы.

«Простите, — возразил тот, — юнкера мои очень устали; я рассчитывал бы на внутренний караул Дворца, так сказать, на резерв».

«Господа, я прошу не отказываться от выполнения получаемых заданий. Мы все здесь устали. Не уставших нет. Поэтому я считаю этот вопрос законченным».

«Господин полковник», — вбегая в припрыжку в комнату, еще с порога закричал Штаб-ротмистр. «Господин полковник, имею честь явиться. Я едва пробился со своими инвалидами георгиевцами. Сволочи нас хотели разоружить, но мы им прописали кузькину мать. Честь имею явиться, Штабс-ротмистр И. Прошу дать работу. Вы не смотрите, что я одноногий. Я и мои инвалиды в Вашем распоряжении». — Действительно, шумно явившийся Штаб-ротмистр был с протезом вместо левой ноги. Маленький, подвижный, с тараканьими усами, он мне напомнил пана Володьевского из «Огнем и Мечом» Генриха Сенкевича.

Это появление инвалида отразилось на настроении офицеров, и когда Штаб-ротмистр, заверенный Комендантом Обороны в предоставлении ему и его инвалидам боевой работы, отошел от Коменданта, Начальник Школы Петергофцев заявил, что он принимает к исполнению порученную ему задачу. Вслед за Петергофцами получили задания Ораниенбаумская первая и вторая школы. Первой вручалось дальнейшее продолжение внутреннего караула, а второй предназначена была защита баррикад у ворот, у Дворцового Моста и Зимней канавки, причем резервом для нее считалась Школа Петергофцев. На инвалидов, явившихся в группе свыше 40 человек, возлагалась оборона первого этажа взамен батальона инженерной школы, которую приказывалось вывести во двор для прикрытия артиллерии с выделением из батальона взводов на баррикадные работы. Поручики Мейснер и Лохвицкий получили приказание отправиться возводить баррикады у моста через Зимнюю канавку. Поручики Скородинский и Бакланов — строить баррикады у Главных Ворот, из тех полениц дров, что лежали на площади перед Дворцом.

Капитану Галиевскому вверялось общее руководство работами инженерной школы и наблюдение за внутренней обороной. Мне было приказано составить расписание расположения частей, с ними поддерживать связь через команду связи, которая организовывалась из четырех человек от части, и иметь местонахождение в комендантской, где объявлялась штаб-квартира Коменданта обороны. Командиру артиллерийского взвода от Константиновского Училища вменялась оборона ворот на случай прорыва, а пока нахождение в резерве во дворе.

Офицеры, получив задания, постепенно расходились по своим частям, обещая мне немедленно прислать от себя юнкеров для команды связи. Комендант обороны уже сидел за столом, черкая карандашом на плане названия частей в местах, им отведенных. Я сидел над полевой книжкой.

«Слава Богу, дело начинает клеиться», — успокоительно звенела мысль в голове.

Все, казалось, налаживалось и прояснялось. Но вот открывается дверь, и перед столом вырастает офицер артиллерийского взвода Константиновского Училища.

«Господин Полковник, — обратился он к Коменданту Обороны, — я прислан командиром взвода доложить, что орудия поставлены на передки и взвод уходит обратно в Училище согласно полученному приказанию от Начальника Училища через приказание от Командира батареи».

Взрыв гранаты произвел бы меньше впечатления, чем сделанное заявление офицером взвода.

И сейчас же вслед за офицером явилось несколько юнкеров Константиновцев, в нерешительности остановившихся на пороге комнаты.

Комендант Обороны и оставшиеся офицеры-добровольцы вскочили со своих мест и в недоумении смотрели на докладывавшего офицера.

«Как это так?! — вырвалось у Коменданта. — Немедленно остановите взвод». — «Поздно! — ответили юнкера. — Взвод уже выезжает. Мы просили остаться, но командир взвода объявил, что он подчиняется только своему командиру батареи».

Вот мы и еще несколько юнкеров остались. Взвод уходит не хотел, но командир взвода настоял с револьвером в руках». —

«Да что вы с ума сошли? — раскричался Комендант на офицера Константиновца. — Ведь взвод, раз он здесь, подчинен только мне. Немедленно верните взвод!» — приказал он одному из офицеров. «А Вас я арестую», — обращаясь к офицеру артиллеристу, продолжал Комендант.

«Я не причем, господин Полковник, а остаться я не могу, мне приказано вернуться», — и быстро повернувшись, артиллерист выскочил из комнаты.

Несколько офицеров было с криком сорвались со своих мест, хватаясь за кобуры своих револьверов.

«Стойте! Ни с места!» — снова прогремел Комендант.

«Пускай уходят. Им же будет хуже: они не дойдут до Училища. Их провоцировали, и они расплатятся за измену».

«А Вы, — обращаясь к юнкерам, продолжал Комендант, — присоединяйтесь к Инженерной Школе. Спасибо Вам за верность долгу... и идите». Юнкера еще помялись на месте, и затем, получив от меня указание, куда пройти, вышли. Я боялся взглянуть на Коменданта обороны. Я боялся увидеть чувство горести на его лице.

«А может быть, их задержать в воротах», — заметил кто-то из офицеров, нарушая наступившее молчание. «К сожалению, некому этого сделать; едва ли успели занять баррикады», — ответил Комендант, вставая и направляясь к выходу. «Я иду к Временному Правительству в Белый Зал», — обращаясь ко мне, сказал Комендант, приостанавливаясь в дверях с планом в руках. Но не успел он выйти из комнаты, как слегка отталкивая его от двери влетела в комнату офицер-женщина. «Где Комендант Обороны, Господа?» — женским, настоящим женским голосом спросил офицер. «Это я», — ответил Комендант.

«Ударная рота женского батальона смерти прибыла в Ваше распоряжение. Рота во дворе. Что прикажете делать?» — вытягиваясь и отдавая честь по-военному, отрапортовал офицер женщина. «Спасибо. Рад. Займите 1-й этаж вместе с инвалидами. Поручик, — отнесся Комендант ко мне, — пошлите юнкера связи с госпожой... с господином офицером для указания места и сообщите об этом Капитану Галиевскому. Еще раз прошу принять выражение благодарности. Дела будет много. Не беспокойтесь, не забудем Вас», — добавил

Комендант, заметив выражение легкой неудовлетворенности, пробежавшей по личику офицера, и вышел.

Через несколько минут вслед за выходом Коменданта комната опустела, а спустя еще немного времени начали постепенно прибывать юнкера для связи. Кончив возиться с полевой книжкой, я стал соображать о близости столовой. Наконец я, не выдержав сидения, отправился разыскивать столовую, захватив с собой одного из юнкеров. Это оказалось довольно сложным занятием. Но вот я и у цели, у двери комнаты, где сейчас насыщу свой пустой желудок. Толстый, бритый, важный лакей отворил дверь. Я шагнул на яркий ослепительный свет и остановился.

Клубы табачного дыма, запах винного перегара ударили в нос, запершило в горле, а от пьяного разгула каких-то офицеров, из которых некоторые почти сползали со стульев, у меня закружилась голова, затошнило. Я не выдержал картины, и несмотря на желание есть и пить, я выскочил из комнаты. «Пир во время чумы... Пир во время чумы... позор, это офицеры...» — и предомно стала моя адъютантская комната в Школе и в ней Борис, говорящий мне: «Нет, ты дурак, да и законченный, к тому же Петроградского гарнизона не знаешь». «Да, да, ты прав, Борис, я дурак; ну а дураков учить надо. Вот сегодня и танцуешь, моралист паршивый, — ругал я себя. — Э, брось, брат, не мудрствуй лукаво, не забывай, что имеешь дело с людьми, что это самый вульгарный тип животного мира...»

А пожалуй, это лучше, что я не остался в столовой, — возвращаясь в комендантскую, соображал я. — Наелся бы чего доброго, сам напился... ведь тебе стоит только начать пить, и ты станешь ничуть не лучше других, а пожалуй, и похуже».

Нового ничего не было. Минуты томительного ожидания бежали тягуче медленно.

Но вот скрипнула дверь, и показалась фигура капитана Галиевского. Бледный от волнения, шатаясь от усталости, капитан направился ко мне.

«Я не могу. Устал. Выбился из сил, убеждая казаков. Они, узнав, что ушла артиллерия, устроили митинг и тоже решили уйти... Вот что, Александр Петрович, идите к своей роте и займите баррикады у ворот. Пехотные юнкера еще этого не сделали, а между тем восставшие приближаются. Получено известие

от главного штаба. Потом убедите казаков оставить вам пулеметы, которые поставьте на баррикады. Среди юнкеров найдите пулеметчиков, хотя бы чужой школы. А я... я отдышусь и пойду к Александру Георгиевичу. Бедный, тяжело ему сегодня и еще хуже будет». — Но я уже не слушал капитана, и сорвавшись с места, бросился спасать положение. Своих юнкеров я нашел во дворе, на старом месте, куда они были выведены для предоставления места в первом этаже казакам, теперь уходящим, инвалидам георгиевцам и ударницам. Юнкера были расстроены, что я сразу уловил по отдельным замечаниям, которыми они перекидывались.

«Ну, теперь с ними не разговаривай — это хуже их расстроит, а сразу действуй», — промелькнуло решение и, подойдя к середине фронта, я скомандовал: «Рота смирно!» Разговоры от внезапности моего появления смолкли. «Рота равняйся! Смирно! Друзья, Вам предстоит честь первыми оказаться на баррикадах. Поздравляю. На плечо! Рота правое плечо вперед, шагом марш!» — и рота, словно назлектризованная, взяла твердый отчетливый шаг.

Вот броневик, испорченный, как оказалось, а потому и торчащий здесь на манер пугала от ворон в огороде... Ворота. Открываю. Темно. Кто-то копошится впереди. Различаю в стуче, сопровождающем копошение, звук ударов бросаемого дерева. Ага — это и есть линия баррикад — быстро соображаю и развожу роту в темноте по линии, растущей вверх преграды-защиты.

И еще немного, и юнкера начинают сами продолжать завершение создания баррикады и приспособляться к более удобному положению для стрельбы. Отысканы и пулеметчики, и взводные юнкера, посоветовавшись со мной, определили места для пулеметов: таковыми оказались исходящие углы баррикады. Теперь остановка за пулеметами, и я, оставив вместо себя фельдфебеля Немировского, побежал к казакам, захватив несколько юнкеров. У броневика сталкиваюсь с какой-то фигурой. Оказывается, офицер-женщина, а за ней еще фигуры. Спрашиваю, в чем дело. — «На баррикадах никого нет, решил занять их», — по-мужски отвечает командир ударниц. «Виноват. Ошибаетесь, юнкера Школы Прапорщиков Инженерных войск уже заняли баррикады. И я бы просил вас, наоборот, занять весь 1-й этаж, так как казаки ухо-

дят». — «Знаю, но там хватит георгиевцев. Да что же, наконец, вы нам не доверяете?» — заволновался офицер-ударница. «Ничего подобного, таково приказание Начальника Обороны. Ради Бога, не вносите путаницы», — уже молил я. «Ну что ж, раз баррикады заняты, я вернусь на место. Рота кругом!» — скомандовал командир ударниц. Видя, что инцидент окончен, я понесся дальше в коридор. В коридоре творилось что-то невероятное. Галдеж. Движение казаков, собирающих свои мешки. Злые, насупленные лица. Все это ударило по нервам, и я, вскочив на ящик, стал просить, убеждать станичников не оставлять нас... Не выдавать! — рассчитывая громкими словами сыграть на традициях степных волков. В первый момент их как будто охватило раздумие, но какая-то сволочь напоминанием об уходе взвода артиллерии испортила все дело. Казаки загудели и опять задвигались. «Ничего с ними не сделаете, — пробившись ко мне, заговорил давешний подхорунжий. — Когда мы сюда шли, нам сказок наговорили, что здесь чуть не весь город с образами, да все военные училища и артиллерия, а на деле-то оказалось — жида да бабы, да и Правительство, тоже наполовину из жидов. А русский-то народ там с Лениным остался. А вас тут даже Керенский, не к ночи будет помянут, оставил одних. Вольному воля, а пьяному рай», — перешел на балагурный тон подхорунжий, вызывая смешки у близстоявших казаков. И эта отповедь, и эти смешки взбесили меня, и я накинулся с обличениями на подхорунжего. «Черти вы, а не люди? Кто мне говорил вот на этом самом месте, что у Ленина вся шайка из жидов, а теперь вы уже и здесь жидов видите. Да, жида, но жид жиду рознь», — вспомнил я своих милых, светлых юнкеров. «А вот вы-то сами, что сироты казанские, шкурники, трусы подлые, женщин и детей оставляете, а сами бежите. Смотрите, вас за это Господь так накажет, что свету не рады будете. Изменники!» — кричал я уже, положительно не помня себя.

И удивительное дело! Подхорунжий молчал, опустив голову и посапывал. «Черт! Заколдованный круг какой-то! Родиться и жить для того, чтобы ругаться в Зимнем Дворце», — холодом обдала меня набежавшая откуда-то мысль, и я, сразу ослабев, тоже смолк. Казаки уходили, и в этом было дикое, жуткое. «Так Пилат умывал руки», — скользнуло нелепое сравнение; а злоба послала им вслед эпитет Каина. «Стой! — снова спохватился я. — Черт

с ними, пускай убираются, только пулеметы оставили бы». И я уже смягченным тоном обратился к подхорунжему: «Бог вам судия. Идите. Но оставьте пулеметы, а то мы с голыми руками», — попросил я. — «Берите», — мрачно ответил, не глядя на меня, подхорунжий. «Они там, в углу, в мешках, они нам ни к чему», — махнул он рукою, а затем сунув ее мне, добавил: «Помогай вам Бог, а нас простите», — и, грузно шлепнув ногой о пол, направился за уходящими в глубь первого этажа казаками. «Постойте, — куда же они идут?» — под влиянием недоумения остановил я подхорунжего. — «Куда вы идете? Ведь ворота там». — «Ну да, дураков нашли», — снова резко ответил подхорунжий. «Там юнкера у ворот, а мы через Зимнюю Канавку выйдем, там нам свободный пропуск обещан». — «Кем?» — озадаченный спросил я. — «Прощайте!» — не отвечая на вопрос и прибавляя шаг, пошел подхорунжий.

«Вот оно что! там есть выход! Они через него уйдут, а потом через него большевики влезут. Свободный пропуск обещан», — повторил я фразу подхорунжего. — «Так, так, голубчик, спелись уже. Ну что ж, от судьбы не уйдешь». — «Послушайте, юнкер», — с приливом новой энергии обратился я к одному из взятых с собой юнкеров. — «Отправляйтесь вслед за казаками и заметьте выход, в который они уйдут, а затем вернитесь сюда и ждите меня, предварительно указав этот выход командиру Георгиевцев. Поняли?» — «Так точно, понял!» — «И помните, что это боевой приказ. Понимаете?» — «Так точно, понимаю», — снова лаконично ответил юнкер.

«Ну идите; а вы, господа, — обратился я к остальным, — берите пулеметы и тащите их на баррикады. Фельдфебель знает, где поставить, а я побегу к Коменданту Обороны Зимнего Дворца с докладом».

Высочив в проход под аркой, я остановился. Где-то совсем близко щелкали выстрелы. «Скорее к Коменданту или Галиевскому и назад к юнкерам», — кольнула мысль, и я снова бросился в противоположный вход, направляясь в комендантскую. По дороге попались какие-то юнкера, а затем группа безобразно пьяных офицеров, среди которых один высокий офицер, размахивая шашкой наголо, что-то дико вопил. Влетев в комендантскую, я наскочил на поручика Лохвицкого, что-то заикаясь докладывавшего капитану Галиевскому, обескураженно сидящему на стуле.

«Господин капитан», — перебивая Лохвицкого, начал я докладывать об уходе казаков через выход на Зимнюю Канавку. «Так, так», — только твердил он, выслушивая мой доклад, а когда я кончил его, вдруг сразил меня новостью: «Паршиво. Но еще хуже растерянность Правительства. Сейчас получен ультиматум с крейсера “Авроры”, ставшего на Неве против Дворца. Матросы требуют сдачи Дворца, иначе откроют огонь по нем из орудий. Петропавловская крепость объявила нейтралитет. А вот послушайте, что докладывают юнкера артиллеристы ушедшего взвода Константиновцев», — показал он рукой на незамеченную мной группу из трех юнкеров. «Положение дрянь и пехотные школы снова волнуются. А Правительство хочет объявить для желающих свободный выход из Дворца. Само же остается здесь и от сдачи отказывается», — сообщал рвущие мозги, душу и сердце новости капитан. Я молчал. Я не чувствовал себя и в себе языка, мысли, ничего. Капитан барабанил по столу своими длинными, костлявыми, худыми пальцами. Я смотрел на них. И вдруг жалость защемила сердце. «Господи, придется ли еще этим пальцам ласкать личико болезненной славной дочурки?» — и эта мысль отрезвила меня.

«Да черт с ними, капитан», — заволновался я. «Чем меньше дряни во дворце останется, тем легче будет обороняться. Ведь до утра досидеть, а там в городе опомнятся и придут на выручку. Не так страшен черт, как его малюют. А вы, что, Лохвицкий, тут? Баррикады построили?» — «Какого дьявола», — ответил за него капитан. «Разбежались при подходе Семеновцев, а Мейснер попал в их руки... добровольно, — выдержав паузу, продолжал капитан, — заявил, что хочет идти парламентаром от той части защитников Дворца, которую здесь держат силою. Я вам говорил, что он что-то выкинет».

«Да, да, да. Теперь я все понимаю», — твердил я. «Теперь ясны появления у нас в школе Рубакина. Теперь я все, все соображаю. Только бы теперь еще найти военного комиссара и кое-что спросить», — забежав по комнате, вцепившись руками в волосы, забормотал я. Капитан, пораженный моей выходкой, подскочил ко мне и начал успокаивать.

«Бросьте, не время, идемте к юнкерам. Поручик! — позвал он Лохвицкого. — Оставайтесь тут и, когда явится Александр Геор-

гиевич, доложите, что мы на баррикадах». Мы вышли. За нами вышли юнкера Константиновцы. «А эти назад прибежали, — рассказывал капитан. — Когда они стали выезжать на Невский, им преградили путь броневики и отняли у них орудия, которые теперь против дворца направлены. А эти молодцы как-то вырвались и просят идти на выручку. Сделать вылазку. Эх дела, дела».

Но вот мы подошли к выходу под арку. Несколько близких выстрелов густым эхом отозвались под нею.

«Вперед, Александр Петрович», — воскликнул капитан и бросился к воротам. За ними я и юнкера. Баррикады были освещены. Юнкера стояли на своих местах, готовые скорее быть растерзанными, чем сойти с мест. Пулеметы, налаженные, торчали на местах. Баррикады оказались высокими и довольно удобными с родами траверсов из перешеек, сложенных также из дров. Обойдя баррикады, капитан нашел, что защитников их недостаточно и что кроме того они слишком утомлены, а поэтому приказал заменить их первой ротой, что немедленно и было мною исполнено. И только юнкера расположились по местам за баррикадами, как открылся огонь по Дворцу, фонари погасли и мы очутились снова в темноте.

«Откуда стреляют? Ни черта не видно», — несло по баррикаде. «Спокойствие соблюдать! — отдавал распоряжение капитан. — Огонь открывать только по моему приказу. Черт его знает, кто может идти к нам», — обращаясь ко мне, говорил он. «А я вот, что сделаю: вперед дозоры выставлю», — и, приняв решение, капитан начал назначать юнкеров в дозоры.

Но вдруг снова загорелся свет в высоких электрических фонарях, стоящих по бокам ворот. И снова стало светло, как днем. И снова раздались выстрелы и щелканье пуль о стены Дворца. «Свет потушить», — кричал капитан. «Свет потушить», — бегая вокруг фонарей и ища выключателя, кипятился капитан, наблюдая, как звуки пуль, ударявшихся о стены, постепенно снижались с верха к земле.

«Александр Петрович, бегите во дворец и найдите собаку монтера и приведите сюда», — приказал он мне.

«Я ранен в руку», — спокойно отходя от пулемета, также спокойно доложил юнкер. Смотри на юнкера, на его спокойствие, написанное на его лице, и на Георгиевский солдатский крестик,

мне неудержимо хотелось схватить и поцеловать эту раненую руку. Но я сдержался и стал отвязывать бинт, прикрепленный к поясу. — «Оставьте, Александр Петрович, — заметил капитан. — Он пойдет в лазарет в третий этаж. Да скорее бегите за монтером», — крикнул мне капитан, топнув ногой, и я исчез в воротах. «Куда бежать, где искать? Дворец огромен, черт, до утра проплутаешь в нем! Ага!.. в столовую! — случайно сообразил я. — Там старые придворные лакеи, они все, конечно, знают.

«Живо, скорее, каждая секунда дорога, — мчась изо всех сил легких, подгонял я себя. Подбежав к столовой, я наткнулся на двух бритых служителей, над чем-то хохотавших. — Где монтер? Где — откуда дают свет на наружные ворота», — набросился я на них с вопросами. Озадаченные моим появлением и вопросами, они замолчали. — «Живо отвечайте. Я вас спрашиваю, где здесь во Дворце монтерная?» — «Я не знаю» — заговорил один. «Сейчас никого нет, все разбежались, вот только господа офицеры изволят погуливать тут» — сладенько, цинично улыбаясь, ответил пониже ростом. «Издеваешься скотина!» — и вдруг неожиданно для себя я ударил его в лицо. «Говори, где монтерная», — выхватывая револьвер из кобуры и суя его в лицо другому, давился я словами.

«Ой, убивают, караул», — закричал первый, куда-то убегая.

«Сейчас, сейчас, ваше сиятельство. Я покажу», — сгибаясь, засуетился спрошенный. «Ладно. Иди скорее», — торопил я его уже, не выпуская револьвера из рук. «Ну скорее, бегом. Времени нет. Жирная сволочь», — ругался по-извозицки я. Мелькали какие-то двери, переходы. Попадались юнкера, куда-то спешащие, а мы бежали из одного коридора в другой. Наконец остановились перед железною дверью. «Здесь», — запыхавшись, объявил, останавливаясь лакей. «Отворяй!» — приказал я ему. Лакей начал стучать. Прошло несколько секунд, показавшихся вечностью, и дверь открылась. Еще молодой маленький человек в кожаном переднике на жилетку, увидя меня с револьвером, поднял руки вверх. Но я не заговорил с ним, а быстро обернувшись, чисто инстинктивно, приказал жестом выпрямившемуся лакею войти в комнату и, когда он это исполнил, я опустил револьвер и объяснил монтеру свое желание.

«Не бойтесь, — успокаивал я, — не большевик, а офицер, как вы можете видеть по моей форме. И скорее, пожалуйста, погасите свет у ворот на площади». — «Слушаюсь, ваше высокоблагородие», — засуетился около распределительной доски монтер. «Слушаюсь. Сию минуту. Готово, ваше высокоблагородие», — объявил он, отходя от доски и смотря на мои руки.

«Спасибо. Отлично. А теперь выходи оба отсюда. А вы дайте мне ключ от этой комнаты», — обращаясь к монтеру, потребовал я. «Слушаюсь. Сейчас. Ах Боже мой, где же ключ». — «Ищи ключ на кожаном шнуре», — мечась по комнате, попросил он лакея, но тот уже выскочил и неся по коридору восвояси. «Живо, живо», — торопил я. «Есть», — радостно завопил монтер, подавая ключ. Я взял его и пробовал закрыть и открыть дверь. Замок действовал хорошо. «Ну, идемте. Свет оставьте здесь гореть. Вы будете находиться при мне», — говорил я ему, когда мы зашагали обратно, направляясь к выходу, к главным воротам. «А что, ваше высокоблагородие, — расспрашивал он меня, Вы из отряда его Превосходительства генерала Корнилова будете?» — «Почему вы это думаете», — задал я ему вопрос. «Да уж, наверное, не иначе. Уж вы больно решительно действуете, не то что здешние господа офицеры. Собрались с юнкерами нас защищать, а сами все гуляют». — «Да, да, вас защищать — думал я, — да я тебя бы уже отправил на тот свет, если бы не нужда в тебе». Но вот мы вышли к комендантской. «Ага, — сообразил я. — Я оставлю его и ключ у юнкеров связи. Это будет надежнее и целесообразнее», — и я вместе с ним вошли в комендантскую.

Комендантская была полна. Все одновременно говорили, кричали. Я провел к стене у шкапа монтера и, сдав его юнкерам связи и заявив им, что они мне отвечают за него и за ключ своими головами, стал прислушиваться к происходящему. Оказалось, в центре ударниц, инвалидов георгиевцев и откуда-то взявшихся юнкеров Павловского военного училища, которых во дворце не было, стоял комендант обороны дворца. Вся эта публика, волнуясь, с возбужденными глазами, а ударница со слезами на них, умоляли, требовали от коменданта обороны сделать вылазку на главный штаб, где, по их сведениям, писаря перешли на сторону Ленина и, обезоружив и частью убив офицеров, арестовали генерала Алексеева.

«Мы должны выручить ген. Алексеева. Это единственный человек, ради которого стоит жить. Только он спасет Россию, а они его замучают», — кричали, перебивая друг друга, просящие. «Уже, говорят, с него сорвали погоны», — визжала одна ударница. «Если вы не разрешите, вы враг родины», — вопил штаб-ротмистр, подпрыгивая на своей протезе. «Хорошо», — наконец согласился комендант обороны, видя, что все его уверения, что генерала Алексеева там нет, ни к чему не приведут. «Но только, — продолжал он, — могут произвести вылазку одни лишь ударницы. Инвалиды же должны остаться охранять 1-й этаж. Вас, ротмистр, я назначаю командиром внутренней обороны ворот. Но как только вы убедитесь, что генерала Алексеева нет, так немедленно же вернитесь на место», — снова обращаясь к ударницам, приказал комендант. Ликуя и торопя друг друга, покинула вся эта честная, чуткая публика комендантскую.

«Я не мог иначе поступить, все равно сами бы ушли, а это было бы хуже», — увидев меня, поделился со мною комендант. «Ну, как ты, жив еще, — подойдя ко мне и улыбаясь, продолжал он. — Ну, и устал я. Рвут. Говорят без конца и никакого толку. Положительно сладу нет ни с кем. Ну идем вниз, посмотрим, что там делается». И мы, разговаривая, вышли из комендантской. Внизу, навстречу нам, попался капитан Галиевский. «Разрешите узнать, вами ли разрешена вылазка ударницам», — обратился он с вопросом к коменданту. «Да», — ответил комендант обороны. «Слушаюсь», — и он снова бросился к баррикадам. «Ну я туда», — выйдя под арку и указывая на противоположащую дверь 1-го этажа, откуда выбежали ударницы, сказал он. «А ты, — продолжая обращаться ко мне, закончил он, — делай, что найдешь нужным, я доволен тобой и доверяю тебе».

Чувство удовлетворенности наполнило меня, и я выскочил к баррикадам. И в тот же момент снова загорелись потухшие было фонари, и я увидел выстроившуюся роту ударниц, стоявшую лицом ко дворцу и правым флангом к выходу из-за баррикад по направлению Миллионной улицы.

«Равняйся. Смирно», — покрывая щелканье пуль о стены, о баррикады и верхушку ворот, командовала, стоя перед фронтом ударниц, женщина-офицер. «На руку. Направо. Шагом марш», — и, вынув револьвер из кобуры, женщина-офицер побежала к голове роты.

Я и стоящие тут ж офицеры капитан Галиевский и штаб-ротмистр взяли под козырек.

«Броневик идет», — раздалось с баррикад.

«Пулеметчики, приготовься», — командовал Галиевский. «Александр Петрович, Христа ради, потушите огонь» — крикнул он мне и, выхватив револьвер, выстрелил в фонарь.

«Зря», — крикнул я, но ошибся. Фонарь потух. Пуля разбила его.

Стрельба по второму не давала результата, и я снова помчался во дворец.

«Тебе не свет тушить надо, а пойти с ударницами». — «Ну тут каждому свое», — глупо урезонил я себя, мчась в комендантскую.

Через несколько минут я с монтером снова был в монтерской. Доска оказалась выключенной, и он позвонил на станцию.

«Станция занята матросами», — объявил он, опуская слуховую трубку. «Теперь весь свет в их руках. Ваше высокородие, — молил он, пока я проверял его заявление, — отпустите меня: у меня жена, дети. Я ни при чем здесь».

«Хорошо, убирайся к черту и куда хочешь, но попадешься среди них — застрелю», — в бессильной злобе угрожал я, в то же время чувствуя бесполезность слов.

Назад я шел один. Ноги подкашивались. Я выбился из сил и часто останавливался, чтобы, прислонившись к стене, не упасть. В голове было пусто... Вот и комендантская. Вошел. Пусто. Я бросился к окну. «Назад, назад, господин поручик, вас убьют», — откуда-то раздался удивительно знакомый голос.

«Кто здесь, где?» — обернулся я. «Это я», — высываясь из-за шкапа, показалась, белая как снег, физиономия фельдфебеля Немировского. «Что вы тут делаете, почему не с юнкерами?» Немировский вздрогнул, затрясся, закрыл лицо руками и зарыдал. Я подошел к нему. «Ну, успокойтесь, в чем дело?» — допрашивал я его.

«Я был все время на баррикадах... Я не могу больше... Я не могу видеть крови... Один юнкер в живот, в грудь... Очень тяжело ранен, а у него невеста; старуха мать...» — рыдал Немировский. «Послушайте, — видя, что лаской ничего не сделаешь, сказал я, — послушайте, вы самовольно ушли. Вы знаете, что я имею право пустить вам пулю в лоб, но я этого не сделаю, если вы дадите слово взять себя в руки и отправитесь составить мне из первых попавшихся юнкеров команду связи». — «Спасибо,

спасибо. Слушаюсь. Но вы никому не скажете, что видели меня. Лучше застрелите, но не говорите никому».

«Это будет зависеть от вас, ведь вы казак, фельдфебель», — урезонивал я его.

«Я завтра подам рапорт об исключении из школы: я не имею права надеть офицерского мундира», — горячо клялся, приходя в себя и вытирая лицо, юноша-композитор, пианист, дивной игрою которого заслушивалась вся школа.

Бесконечная жалость к нему, к себе и ко всем заворошилась, защемила в груди.

«На баррикады», — крикнул я себе и с вновь вспыхнувшей энергией бросился к воротам. В коридоре 1-го этажа снова загудело от выползших откуда-то юнкеров пехотных школ. Кто стоял, кто шел. Но вот дверь. Выскакиваю. Противоположная дверь открыта, и в освещенном коридоре толпятся какие-то юнкера.

«Что-то неладное», — пронизывает мысль мозги, и я там. На ящике стоит какая-то фигура в солдатской шинели и орет отрывистые слова. Окружающие волнуются и гудят. Что такое, что за митинг? Проталкиваюсь вперед, в стремлении среди всеобщего гама уловить смысл бросаемых слов, говоримых с ящика, на котором часа два тому назад стоял хорунжий. Наконец удастся вслушаться. «Через пять минут “Аврора” вновь откроет огонь. Через пять минут».

«И еще раз повторяю: кто сложит оружие и выйдет из дворца, тому будет пощада. Вас обманывают», — вырвалось из груди говорившего.

«Агитатор», — понял я, и холодок пробежал у меня по спине.

«Ну, чего медлишь?» — со свирепостью накинулся я на себя. «В твоем нагане еще есть патроны. Говори, говори, собака. Собаке — собачья смерть», — шептал я губами, вытаскивая с трудом руку и осторожно поднимая дуло нагана над плечами впереди стоящих и целясь в голову говорящего.

«Ну, вот сейчас хорошо!» — и я взвел курок.

«С ума ты сошел!» — раздалось над правым ухом, и одновременно рука легла на мою правую руку, просунув палец под курок.

«Что за...», — и слова замерли на губах, я увидел лицо брата, склонившееся ко мне.

«Сейчас же, поручик, отправляйтесь в комендантскую и

ждите меня там. Слышите? Я вам категорически приказываю, как Комендант Оборона Дворца».

Ничего не отвечая, я повернулся и, засовывая наган в кобуру, поплелся, с чувством побитой собачонки, в комендантскую.

«Ишь ты», — успокаиваясь, сидя в комендантской, размышлял я. «Второй раз будет “Аврора” стрелять по Дворцу, а я и первого не слышал. Да где тут услышишь, когда такие стены. Тут, при твердости характера, можно отсиживаться целые недели, а не только до утра. Крепость! Эх, всех бы таких, как наша Школа!» — вяло скользила в голове мысль. «И чего я сижу? — вдруг решил я. — Скорей беги и арестуй Коменданта Оборона. А на что обопрешься?.. А Галиевского забыл?» — подсказала мысль, и я вскочил со стула. Но в тот же момент отворилась дверь и в комендантскую вошел Комендант Оборона в сопровождении каких-то офицеров и нескольких штатских.

«Поручик, — обратился ко мне Комендант, — отправьтесь к Временному Правительству и доложите, что вылазка, произведенная ударницами, привела их к гибели, что Главный Штаб занят восставшими, обезоружившими офицерский отряд, а также доложите, что положение усложняется и что Дворец кишит агитаторами.

Временное Правительство вы найдете, — подойдя вплотную ко мне и понизив голос, продолжал Комендант, — за белым залом, да вот возьмите связь — он вам укажет», — показал Комендант на маленького, в штатском костюме, очень изящного юношу.

«Слушаюсь, господин полковник», — покорно ответил я вслух и, повернувшись к юноше в штатском, передал ему приказание коменданта проводить меня к Временному Правительству. Юноша взглянул на коменданта и, увидев утвердительный кивок головой, любезно раскланялся передо мною и заявил, что всего себя предоставляет в мое распоряжение.

Свернув налево, затем направо в длинный и прямой, как стрела, коридор, я со связью бросились бежать. «Здесь налево, на лестницу у стеклянных дверей», — проговорил юноша. «А теперь вверх и налево», — и мы снова очутились в коридоре, в конце которого завернули направо и вышли в Портретную Галерею.

«Здесь час назад была брошена бомба сверху проникшими во Дворец большевиками, и Временное Правительство должно было

из этого зала перейти в другой, куда я вас сейчас приведу», — рассказывал он, когда мы уже шли по Портретной Галерее, где бежать не было возможности из-за валявшихся на полу матрацев юнкеров-ораниенбаумцев.

«Вот вы где, синьоры? Спите? Прекрасное занятие в то время, когда гибнут женщины! Нет, я ничего не понимаю», — в отчаянии, мысленно кричал я себе.

Но вот галерея кончилась, и огромный зал распластался перед нами. По залу ходили отдельные фигуры офицеров. Мы подошли ближе. В офицерах узнаю офицеров нашей Школы: поручиков Бакланова, Скородинского и Лохвицкого. Отдельно от них разгуливал маленький худенький доктор Школы — Ипатов.

Увидев меня, они бросились ко мне: «Как? Что? Уже заняли первый этаж?..» — дрожащими губами справился торопливо кругленький, упитанный Бакланов.

«Да, занят, — и выдержав паузу, закончил, — нами».

Из бледного Бакланов стал густо-красным и отошел. Скородинский что-то промямлил, что он находится здесь в карауле, и тоже отошел. Только Лохвицкий, с перекошенным лицом, сбиваясь и брызжа слюною, начал доказывать бесплодность дальнейшей борьбы. «Вы карьеристы, — говорил он, захлебываясь, — вы губите юнкеров и нас!» «Убирайтесь вы к черту!» — не вытерпев, огрызнулся я на поручика Гвардии, выставленного из нее с фронта за необычайное мужество. «Неврастеник несчастный!» — «Вы можете ругаться, сколько угодно, а только губить нас и Временное Правительство вы не можете», — продолжал он стонать над душой.

«Здесь. Стучитесь», — остановился мой провожатый у двери, на карауле которой стоял юнкер нашей Школы, Я. Шварцман. Я поздоровался с ним и объявил, что иду к Временному Правительству по приказанию Коменданта Обороны Дворца. Он ответил, что в таком случае я могу пройти, и постучал в дверь. Кто-то дверь толкнул изнутри, и я вошел в нее, закрывая сейчас же ее за собой.

«Что вам угодно?» — спросил меня в адмиральском скрутке старичок, сидевший налево от двери, в кресле.

«Поручик Синегуб, Школы Подготовки Прапорщиков Инженерных Войск, по приказанию Коменданта Обороны Зимнего

Дворца, полковника Ананьева, явился для доклада об обстановке момента господину председателю Совета Министров, Ваше Превосходительство», — громко, отчетливо, вытянувшись в позу «смирно», отрапортовал я ответ.

Во время моего ответа разгуливавшие по комнате двое министров, членов Временного Правительства, остановились и затем они и один поднявшийся из-за стола подошли ко мне.

В одном я узнал Терещенко, а во вставшем из-за стола — Коновалова.

«Я к вашим услугам. Что сообщите?» — приятным тембром голоса задал он мне вопрос. «Говорите, говорите скорее!» — живо заторопил меня Терещенко.

В кратких словах я изложил порученное мне Комендантом Обороны, упомянув о стойкости юнкеров нашей Школы, продолжающих лежать на баррикадах.

«Поблагодарите их от нашего имени!» — пожимая мне руку, говорил председатель Совета Министров, когда я кончил доклад и спросил разрешения идти. — И передайте нашу твердую веру в то, что они додержатся до утра», — закончил министр.

«А утром подойдут войска», — вставил Терещенко.

«Понимаете, надо додержаться только до утра», — добавил значительным тоном голос из-за его спины.

«Так точно, понимаю. За нашу Школу я отвечаю, господин председатель Совета Министров».

«Вот и прекрасно!» — обрадованно проговорил тот же голос. Я быстро взглянул в его сторону и увидел небольшого старичка с пронизывающими, колкими глазами.

«Спасибо, — говорил А.И. Коновалов, — и, пожалуйста, передайте Коменданту, что Правительство ожидает частых и подробных сообщений».

«А лучше, если он сам сможет вырваться и явиться к нам», — бросил Терещенко.

Во время этих приказаний я приблизился к двери и открыл ее, и в тот же момент в нее проскользнул поручик Лохвицкий и, поймав за пуговицу жакета А.И. Коновалова, начал доказывать ему бесполезность дальнейшей борьбы.

Изумленные министры пододвинулись и начали вслушиваться в развиваемую Лохвицким тему.

Мне было досадно и смешно. Взять его за плечи и вывести мне представилось актом довольно грубым по отношению Министров, поэтому я его ущипнул, но он только отмахнулся рукою. Меня это задело, и я объявил, что поручик контужен в голову на фронте, — что соответствовало истине, — и поэтому прошу разрешения его увести. Но мне ответили, что в том, что он говорит, есть интересные данные, и поэтому я могу без стеснения его оставить.

«Слушаюсь», — стереотипно ответил я, повернулся и вышел. Выйдя в зал, я снова почувствовал прилив бесконечной слабости от неожиданно для меня родившегося какого-то чувства симпатии к этим людям, в сущности покинутым всеми, на волю волн взыгравшегося рока. «Бедные, как тяжело вам».

«Господин офицер, господин офицер», — внезапно раздался зов сзади. «Это вас зовут», — сказал мне мой спутник. Я обернулся. Ко мне из кабинета заседания Правительства большими шагами, быстро приближалась высокая, стройная фигура Пальчинского.

«Сейчас звонили по телефону из Городской Думы, что общественные деятели, купечество и народ с духовенством во главе идут сюда и скоро должны подойти и освободить Дворец от осады. Передайте это Коменданту Обороны для передачи на баррикады и оповещения всех защитников Дворца», — говорил взволнованно министр. «Подождите, я...» — но его перебили передачей из кабинета приглашения подойти к телефону. «Хорошо, бегу!» — крикнул он и, снова обращаясь ко мне, добавил: «Вы сами, пожалуйста, тоже распространяйте это. Это должно поднять дух», — отходя от меня, закончил он отдачу распоряжений.

Это известие о шествии отцов города и духовенства подняло меня. И мне стало удивительно легко. «Это поразительно красиво будет», — говорил я сопровождавшему меня юноше.

Юноша сиял еще больше меня. Но вот Портретная Галерея, и я, несколько сдержав выражения своей экзальтированности, выбежав на середину Галереи, прокричал новость юнкерам.

«Ура! Да здравствует Россия!» — закончил я сообщение новости и, под общие торжественные крики «ура» юнкеров, побежал дальше, останавливаясь перед группами юнкеров и делясь с ними приближающейся радостью.

А в это время снова начала разговаривать с Невы «Аврора».

«Будьте добры, помогите мне, — говорил мне юноша, оказавшийся офицером-прапорщиком, только на днях приехавшим в отпуск к родителям с фронта и вот сегодня проникнувшим во Дворец, — разделить участь юнкеров и тех сыновей чести, которые служили в армии не из-за двадцатого числа, а в силу уважения к себе, как детям большого, прекрасного народа». «Вы это можете сделать, — убеждал он меня, — предоставьте мне нескольких юнкеров, и я организую вылазки. Позвольте, позвольте — предупредил он готовый было сорваться у меня протест. — Я уже ходил, но один. Я пробрался за баррикады и, вмешавшись у Александровского Сада в толпу осаждающих, бросил три гранаты.

Это же была картинка! Правда, помогите», — просил юноша.

Но я отказал. Одно дело грудь на грудь идти, и другое — из-за спины. И среди кого? Рабочих, отуманенных блестящей, как мыльный шар, фантазией... «Нет, — говорил я, — право, невинной крови не надо. Вот подойдут горожане с духовенством, и это, поверьте, окажется сильнее, чем “Аврора” с их стороны и вылазки такого сорта, как вы предлагаете, с нашей. Оставьте честь метаний бомбы из-за угла господам Савинковым», — урезонивал я горящего жаждою боя прапорщика.

«Вы правы; я не подумал с этой точки зрения», — согласился со мною юноша.

За беседой мы незаметно достигли поворота коридора в первом этаже к выходу под аркой, где нам снова попалось двое юнкеров и какой-то дворцовый служитель, стоявший прислонившись к стенке и беззаботно курящий махорку, напомнившую мне, что я давно не курил. Я остановился и попросил у него папиросу. Он охотно исполнил мою просьбу, но от денег отказался. Я закурил и пошел дальше, за поворот.

«Господин поручик», — вдруг остановил меня один из двух юнкеров, попавшихся навстречу до поворота.

«Господин поручик, этот человек, у которого вы брали папиросу, кажется большевик. У него под тулупом болтаются гранаты. Мы давно за ним следим. Он кого-то здесь ждет», — доложил юнкер свои соображения о здоровеннейшего роста субъекте, принятом мною за дворцового служителя.

«Так, отлично! Будьте внимательны! Я сейчас проверю», — поворачиваясь обратно, приказал я юнкерам.

«Послушайте, скажите, что вы здесь делаете?» — подходя почти вплотную, задал я прямо вопрос человеку в тулупе и валенках. И не давая возможности произнести что-либо в ответ, я быстро оборвал крючок воротника и задернул его на плечи, связав, таким образом, свободу действий рук.

Эффект был ошеломляющий как для него, так и для меня. На раскрытых плечах лежали солдатские погоны Семеновского полка, а за поясом торчало два револьвера и висело несколько гранат.

Мгновение — и мой револьвер у его носа, а штыки винтовок юнкеров прижались к животу и груди. И он стоял, не шелохнувшись, выпуча глаза и сдерживая дыхание. Прапорщик вмиг снял с него его украшения и вытащил из карманов кучу обойм и кошелек, в котором оказалась расписка в получении от товарища Сидора Евдокимова пакета за № 17 от 25 октября из Зимнего Дворца, от товарища N.

Печати не было. Подпись была, но не разборчива. Эту записку я спрятал в полевую книжку, а револьверы, патроны и гранаты предоставил в распоряжение юнкеров и принялся за допрос. Но ни угрозы, ни обещания свободы не действовали. И он, притворяясь дурачком, рассказывал сказку, что кошелек он нашел во дворе, что он неграмотный, и что он и не солдат вовсе, а так святым духом оказался в форме. Слушая галиматью, какую он нес, прапорщик бесился и все хотел его пристрелить. Но я решил иначе и приказал юнкерам отвести его наверх и сдать внутреннему караулу 2-го этажа. Прапорщик тоже пошел с ними.

«Надо быть осторожнее», — начала строить выводы мысль, когда, оставшись один, продолжал идти к комендантской, как в коридоре из другого, параллельного первому, из которого я только что вышел, с шумом показались юнкера-ораниенбаумцы. Я остановился и, подождав, чтобы их больше накопилось, передал им весть о шествии горожан ко Дворцу. И то, как они приняли это, подсказало мне, что они выходили в коридор для полного выхода из Дворца.

Теперь же настроение вновь переломилось, и они снова загалдели о возвращении обратно к своим постам. В это же время откуда-то выскочил офицер их Школы, и дело водворения порядка опять пошло на лад. Тут же попался мне на глаза один из

юнкеров связи нашей Школы, которого я и послал на баррикады передать новость капитану Галиевскому. «Медлить нельзя», — между тем, говорил я себе.

«Скорее находи Коменданта Обороны и проси направить свободных офицеров к юнкерам. Иначе приход отцов города будет впускать. Затем из юнкеров необходимо устроить заставы на подступах к Белому Залу, а то бесконечные коридоры никем не охраняются, и они свободно, через какие-нибудь ходы вроде Зимней Канавки просочатся и затопят Дворец своею численностью, а не победой оружия. Боже, как мне это раньше не пришло в голову», — едва плетясь к комендантской, казнился я. «О, где бы выпить воды и оправиться», — и у меня в глазах запрыгал стакан чаю, замеченный мною на столе в кабинете заседания Временного Правительства. «Дурак, почему не попросил, объяснив причины жажды».

«Ты этим бы даже подбодрил их. Они увидали бы, что есть люди, которые твердо стоят на своем посту служения долгу. Да, держи карман шире, — просто решили бы, что выскочка», — зло рассмеявшись, вошел я в достигнутую мною комендантскую. «Что они там делают?» — нечаянно оборачиваясь на пороге вправо и замечая группу юнкеров и офицеров, заинтересовался я над необычайностью их поз. «А, пускай делают, что хотят», — и я окончательно вошел в комнату. В ней я застал лишь нескольких юнкеров и верзилу вольноопределяющегося, удивительно напомнившего мне одного знакомого, и картины из родной Малороссии поплыли передо глазами, я зашатался и, если бы он не подхватил меня, то я бы грохнулся на пол.

«Вы ранены?» — участливо закидали меня вопросами, но я молчал.

Все куда-то исчезло, но я как-то сразу увидел нагнущегося надо мной верзилу вольноопределяющегося. «Что такое? Зачем вы здесь?» — вскочил я с вопросом со стула, на который меня усадили.

«Вам плохо! Сидите лучше, господин поручик», — ласково улыбаясь из-под мохнатых бровей голубыми глазами, просил он меня.

«Где Комендант Обороны?» — упрямо задал я вопрос.

«Комендант только что отправился к Временному Правительству», — ответил один из юнкеров.

«Догнать!» — заорал я.

И от этого внезапно вырвавшегося крика мне стала отчетливо ясна вся окружающая обстановка. Двое юнкеров, как-то подпрыгнув от неожиданности окрика, бросились в коридор исполнять приказание, но сейчас же вскочили обратно.

«Там дерутся», — срывая из-за спин винтовки, говорили они.

«Ворвались», — мелькнула мысль, обдавая жаром все тело, и я в момент бросился к коридору, вытаскивая револьвер из кобуры. Но, взглянув в коридор, сейчас же вложил его обратно. Дравшиеся на шашках, мелькавших в воздухе, оказались двое пьяных офицеров, быстро отделявшихся от группы, замеченной мною при входе в комендантскую. «Что скажу юнкерам? Какой стыд!» — смущенно решал я.

«Офицеры подрались, своих не узнали, что ли? Видно, большевики для вас, что пугало для ворон!» — крикнул я уже из коридора, бросаясь между приблизившимися драчунами. Мое появление смутило и внесло некоторое спокойствие, что дало возможность подбежавшим сотоварищам развести их в разные стороны.

«Господин поручик, — подошел ко мне с вопросом один из юнкеров, — что прикажете доложить коменданту? Вы приказывали его догнать».

«Спасибо. Я забыл. Не надо, я сам пойду... Кто знает дорогу? А то я запутаюсь», — схитрил я, боясь, что снова ослабею и не дойду самостоятельно.

«Я знаю, господин поручик, — вызвался вольноопределяющийся. — Разрешите, проведу?» — «Да, да. Идемте. А вы оставайтесь здесь и всем передавайте, что сюда идет народ», — и я повторил известие, с которым прибежал.

«Позвольте вас взять под руку», — предложил мой провожатый, когда мы скрылись за поворотом.

«Спасибо. Только с левой стороны», — быстро попросил я его, от мелькнувшего соображения: «почему он так быстро предложил свои услуги... и вообще, как странно он держится, почему он дернулся корпусом вперед, когда я говорил, что сюда идут отцы города. Ясно, ему это не понравилось... уж не он ли послал отсюда пакет за № 17?», — работало напряженно какое-то растущее чувство недоверия к спутнику, что-то болтавшему, что ускользало от моего слуха.

По мере приближения к цели спутник все круче и круче менял темы разговора, а я все ленивее ворочал языком и чаще стал отстраниваться, чтобы, опершись спиной к стенке, внимательнее рассмотреть лицо, руки и одутловатости карманов. «Странно — упорно сидела все одна и та же мысль в голове. Я его раньше все как-то не замечал, и почему он без винтовки или револьвера, или шашки. И что он может без них тут делать? Нет, определенно здесь дело нечистое», — заключал я и принимался идти дальше, чтобы через сотню шагов остановиться и снова обдумать те же вопросы. Но вот он, слегка запнувшись, с налета задал вопрос, не могу ли я использовать его желание быть полезным делу защиты Временного Правительства и, если понадобится, занять его так, чтобы сами члены Временного Правительства видели его усердие, за что его, после подавления мятежа, произведут в корнеты флота...

«Господин поручик», — повышенно закончил он, спотыкнувшись на слове «флота», свою просьбу. Я от неожиданности сопоставления корнета с флотом слегка вздрогнул и искоса взглянул на него снизу вверх. Он тоже смотрел на меня.

«Матрос», — выросла догадка...

«Что же, я с удовольствием сделаю это», — с трудом проговорил я, в то же время сжимая рукоятку нагана.

«Покорнейше благодарю!» — освобождая свою правую руку, ответил он. «Вы бы отдохнули, господин поручик, на вас лица нет», — остановился он с предложением, засунув освобожденную руку в правый задний карман. В коридоре, в который мы вышли с большой мраморной лестницы, была полутемнота и полное отсутствие какой-либо человеческой фигуры. В висках стучало, во рту было нехорошо. «Кто раньше?» — мелькал вопрос в голове, с жадностью улавливавшей доносящиеся звуки гула голосов из светлой полоски конца коридора. И вдруг из распахнувшейся двери, слева от выхода с лестницы, вышли с тяжелыми шагами, эхом покатившимися по коридору, один за другим пять юнкеров.

«А какой у меня револьвер, я всегда с ним», — смущенно говорил мне вольноопределяющийся верзила, вытаскивая правую руку и нерешительно подымая ее кисть, с зажатым в пальцах браунингом.

«Хороший, но вы не играйте им! Оружием не играют», — на-

ставительно громко произнес я ответ, хватая левой рукой за его кисть с револьвером и подымая свой наган правой рукой. «Играть можно убить», — кончил я.

Находившиеся в нескольких шагах юнкера-ораниенбаумцы уже стояли рядом.

«Бросьте револьвер, вы не умеете с ним обращаться! Взять его!» — приказал я юнкерам, когда браунинг упал из разжавшихся пальцев. «Я арестую вас! Ведите в Портретную Галерею!» — отдал я приказание юнкерам, внутренне поражаясь ровной четкой интонации собственного голоса в то время, когда сердце готово было выскочить из груди.

В Портретной Галерее, куда я вошел с юнкерами и нечаянным пленником, стоял в воздухе Содом и Гоморра. Строились какие-то юнкера, то вбегая в строй, то выскакивая из него. От шума и света и предшествующего волнения я остановился, чтобы разобраться в впечатлениях. Прямо передо мной стоял Комендант Оборона, правее Пальчинский, кричащий негодуя на поручика Лохвицкого, с совершенно искаженной физиономией, что-то в свою очередь кричащего Пальчинскому. А еще ближе направо у не замеченной мною деревянной загородки-будки стоял поручик Скородинский и двое юнкеров на часах. Из загородки доносились какие-то грубые восклицания и смех.

«Господин полковник, я приказываю арестовать этого большевика», — указывая на Лохвицкого Коменданту Оборона, горчился министр.

«Черт знает что! Второй офицер оказывается большевиком!» — кончил, приходя в себя, Пальчинский и, отвернувшись от поручика к строящимся юнкерам, стал торопить построение.

«А, вы пришли! Это превосходно. Вот, господин министр, офицер, за которого я вам ручаюсь», — указывая на меня Пальчинскому, продолжал Комендант Оборона.

«Не зевайте», — бросил я юнкерам и подошел к начальнику Оборона с докладом о положении вещей внизу и об аресте мною за странное поведение вольноопределяющегося, в котором я подозреваю матроса, но в чем убедиться документально не успел.

«Где он? А, этот! Отлично сделали, что арестовали. Я уже хотел это сделать, но он как-то ускользнул из глаз. Поручик Скородинский, примите и допросите...

А вы принимайте командование взводом и отправьтесь очистить от большевиков ту часть Дворца, что примыкает к Эрмитажу, откуда они все больше и больше наполняют Дворец», — отдал мне приказание Комендант Обороны, указывая на строящихся юнкеров.

«Приведите их скорее в порядок», — обратился ко мне министр.

«Слушаюсь! Взвод равняйся!» — и слова команды покрыли шум. «Разрешите идти, господин министр?» — спросил я у Пальчинского, когда назначенные мною взводный и отделенные командиры заняли свои места и произвели расчет.

«Да вы план Зимнего знаете?» — справился у меня министр.

«Никак нет!» — «Господин полковник, дайте поручику провожатого. А где комендант здания? Он где-то здесь был», — спрашивал министр.

«Так точно, я тут, господин министр!» — подлетел молоденький прапорщик в широчайших галифэ.

«Вот, вы пойдете вместе со взводом и укажете путь самый короткий и так, чтобы..., ну, поднявшись еще на этаж, спуститься к ним в тыл сверху... Одним словом, чтобы зайти в тыл. А со стороны ворот тоже будут приняты меры», — высказал соображения министр.

«Виноват, господин министр, я буду совершенно бесполезен... я... я не знаю ходов соединений помещений Дворца. Я только недавно вступил в должность и за сложностью обязанностей не успел еще ознакомиться», — оправдывался в своем незнании своих обязанностей шикарный комендант здания.

«Это черт знает что!..» — вскипел министр. «Я сам пойду с вами!» — отнесся он ко мне. «Подождите одну секунду», — и он подошел к Коменданту Обороны, отдававшему какие-то распоряжения юнкерам связи.

Я воспользовался этим перерывом и спросил поручика Скородинского о результате допроса.

«Да и допрашивать не пришлось. Сразу сознался, что все время болтался здесь и вел наблюдение, но на вас он даже не сердит. Слышите — хохочут подлецы». — «Ну, всех благ. Министр идет.» Я бросился к взводу. Министр кивнул головой. «Смирно! На плечо! Ряды вздвой!

Направо! Шагом марш!» — подал я команду, и взвод двинулся.

«Сколько юнкеров?» — справился министр, идя рядом со мной.

«27 человек», — ответил я.

«Достаточно. Эти негодяи очень трусливы. Важна внезапность», — проговорил министр и смолк.

Министр тоже не знал расположения ходов во Дворце, а поэтому вел на лобовой удар, а не в тыл.

Гулко неслись шаги взвода по длинным коридорам и лестницам, взбудораживая отдельные группы и фигуры юнкеров, большей частью бесцельно слонявшихся по Дворцу.

Но вот и коридор 1-го этажа. Опомнившиеся ораниенбаумцы держали некоторый порядок. Стояли кое-где парные часовые, а перед выходом под арку к воротам стояла застава. При нашем появлении они заметно оживились.

Взвод же, ведомый министром Пальчинским, также подтянулся и взял тверже ногу.

«На месте!» — скомандовал я перед выходом, выжидая, пока министр наведет справку о положении на баррикадах.

«Баррикады в наших руках, там же почти все в руках большевиков. Прямо!» — закончил министр.

Эхо ружейной и пулеметной трескотни смешивалось с пискливым жужжанием пуль, пронизывающих арку вдоль от ворот ко двору.

«По одному — прямо, бегом!» — скомандовал я, бросаясь через арку к противоположным дверям первого этажа второй части Дворца.

Перебежка протекла благополучно, без ранений. В знакомом уже мне вестибюле оказалась группа юнкеров, ведущих какое-то совещание. Я и министр накинулись на них с вопросом, где большевики и что они сами делают.

«Большевики тут, за следующей залой скопляются, у лестницы», — ответили спрошенные.

«Прекрасно, присоединяйся к нам!» — крикнул министр, бросаясь дальше. Я бежал рядом. Но вот зал с лестницей наверх. По залу в отдельных кучках раскинуты солдатские и матросские фигуры, вооруженные с пят до зубов.

С криком: «Сдавайся!» — направляюсь к лестнице, чтобы отрезать выход на лестницу. Первая пара юнкеров мчится туда же за мной. С нами, рядом, министр.

Вбегающие юнкера, с винтовками наперевес, ошеломляют группу, и первое мгновение воцаряется растерянность, местами превратившая матросов и солдат в столпников.

«Нас мало, а их много. Они разбросаны, а мы вбегаем лишь с одной стороны», — мелькает в голове, и я, оборачиваясь, ору слова команды, как будто бы за мной идет бригада; ору, словно меня режут на куски. У лестницы, куда стоявшие у нее матросы и солдаты вдруг бросились удирать, замахиваясь гранатами, но только замахиваясь, а не кидая их, очевидно, из боязни переранить своих, министр Пальчинский, находившийся все время рядом со мной, склоняется ко мне своею длинной фигурой и кричит мне в правое ухо: «перестаньте орать, словно вас режут, — я не могу слышать!» — Но я бросаю фразу, что так надо, и продолжая крик, устремляюсь на лестницу. Перед поворотом ее в обратную сторону вверх, моя пара юнкеров и я задерживаемся, чтобы обезоружить и стащить вниз пару пойманных матросов. И в этот момент я замечаю, что эффект нашего появления дал прекрасные результаты: несколько десятков человек уже обезоружено, а несколько в стороне, вправо от лестницы, группа юнкеров с тремя офицерами, бывшая до нашего появления в плену у нашего противника, уже устремляется к винтовкам и гранатам.

«Освободившиеся юнкера и офицеры сюда! — кричит Пальчинский. — Дальше спешите!» — бросает он мне. Но дальше бежать мне не с кем. Но несколько секунд, и ко мне подбежало человек 7-9 юнкеров и прапорщиков, и мы снова несемся вперед, но уже по лестнице. Ближайший матрос, все поворачивающийся в своем бегстве, словно затравленный зверь, пытается стрелять, но неудачно, и он спотыкается. Честь схватить его первым принадлежит мне, несмотря на горячее желание этого достигнуть у прапорщика. Вырываю револьвер и сталкиваю вниз к юнкерам, для ареста, для отнятия гранат, и снова несусь дальше за обогнавшим меня прапорщиком и двумя юнкерами слева. Но вот лестница кончилась, и преследуемые нами матросы и солдаты несутся уже по огромному залу.

Теперь их больше. Вместе с ними, в безотчетном страхе, удирают те товарищи, что в спокойном настроении спешили вниз в 1-й этаж.

В зале мы снова освобождаем небольшую группу юнкеров, из которых некоторых посылаю отвести вниз новых захваченных пленных, и снова дальше. Министра уже с нами нет. Он остался внизу закреплять успех.

Но вот и этот зал кончился, и налево перед нами — мной, прапорщиком и четырьмя-пятью юнкерами — новый зал с коридором впереди. В этом зале повторяется то же, но с тою разницей, что захваченные было в плен юнкера и находившиеся в нем уже сами при нашем появлении срываются со всех сторон и, набросившись на столы, с лежащими на них кучами гранат, помогают задерживать и обезоруживать своих бывших сторожей, пустившихся было наутек.

«Разве ты солдат?» — набросился я на замахнувшегося гранатой «большевика».

Тот заморгал глазами от моего вопроса.

«Я тебя, скотина, спрашиваю. Опустит руки, когда с тобой разговаривает офицер!» Он покорно опустил занесенные руки с гранатами.

«Положи на пол! Ведь не умеешь их держать! Еще себя взорвешь!» Солдат затрясся, положил гранаты и вдруг заревел.

«Сволочь, на офицера руку поднял!.. Ну ладно... ты не виноват. Тебе голову замусорили другие. Знаю... Не бойся... Жив останешься!» — говорил я ему и в то же время уже осматривал это поле битвы, к огромному счастью, совершенно бескровное.

«Надо дальше в коридор. Хорошо, что эта шантрапа без боевых руководителей», — оставляя земляка реветь, подошел я к прапорщику, снимавшему с матроса гранаты.

«Этих надо убрать», — заметил он мне.

«Да, это вы правы».

Через несколько минут пять юнкеров повели 11 человек матросов и солдат вниз.

«Пришлите сюда первопопавшихся юнкеров!» — отдал я приказание уходящим. И, оставшись один, я увидел, что нас осталось всего четверо: я, прапорщик, юнкер нашей Школы Шапиро и юнкер ораниенбаумец.

«Там где-то есть вход», — указал на коридор прапорщик.

«Черт его знает, там много этих дверей. Ну ладно, идемте! Вы останетесь тут охранять гранаты и в качестве резерва, — приказал я ораниенбаумцу, — а мы в коридор. Отыщем выход. Забаррикадируем столами, и все будет великолепно. Пока задача выполнена».

Уже несколько дверей нами освидетельствовано. Все закрыты. Но вот прапорщик открыл дверь и вскрикнул. Просунувший-

ся матрос схватил его за ногу. Он упал, и сразу оба исчезли за порогом. Крик испуга и ругань сразу родили во мне представление, что там, в темноте, лестница, и на ней засада. Моя стрельба подняла еще больший шум и топот. «Удирают». — «Вперед!» — И я с юнкером Шапиро бросились в темноту.

Проклятие! Лестница оказалась винтовой, металлической и вертикальной.

Стрелять и бросать гранаты бесполезно. Но вот просвет пролета — и граната летит туда. Взрыв. Еще крики. Хлопанье двери и тишина.

Прислушался. Тихо, ни одного звука. Начали спускаться — площадка и дверь.

Толкнули. Заперта. Еще раз толкнули — заперта. Поискали еще выход. Нет.

Голые, холодные стены. Порылся в кармане, отыскивая спички. Коробка есть, но спичек не оказалось. Я посоветался с юнкером Шапиро, и стали подниматься обратно. И вдруг проскользнуло соображение: «А что, если наверху, из других комнат, выскочили на нашу стрельбу и заперли двери?» — И от этой мысли стало холодно. «Скорее, скорее наверх, к двери, к свету!» — звенело в голове.

Но вот площадка. Руки ощупывают холодные, гранитные стены.

«Дверь!» — вскрикиваю я и толкаю. «Заперта...» — мелькает сознание от ощущения бесплодности надавливания на нее. Ищу ручку. Таковой не оказывается.

«Выше!» — вдруг просветляется мозг соображением, что это промежуточный этаж, и мы снова с юнкером бросились подниматься по лестнице вверх. Но вот стало что-то сереть на стене, и через несколько ступенек мы очутились перед открытой дверью в показавшийся мне необычно ярко освещенный коридор. С чувством облегчения вышли в коридор.

«Но ведь это не конец», — сказали мне груды гранат, спокойно лежащие на полу около стола перед дверью в этот коридор. И вопрос о том, что делается там, на баррикадах, у комендантской, у Портретной Галереи, у мучеников, членов Временного Правительства, снова вырос в душе.

И необходимость действия повелительно завладела всем существом.

«Дорогой мой, вам не будет неприятно остаться одному здесь, пока я сбегаю за юнкерами? Я послал бы вас, но боюсь, что юнкера чужих Школ вас не послушаются».

«Ради Бога, господин поручик, приказывайте. Я все исполню, что вы прикажете, только не считайтесь с желанием уберечь меня. Я не боюсь. А вам необходимо оправиться и организовать оборону, а то снова налезут!» — «А где же ораниенбаумец?» — спохватился я и бросился в залу. Там было пусто.

«Может быть, в следующей зале еще есть кто?» — и я бросился дальше. Но никого не было и там... И я вернулся обратно в коридор, где продолжал стоять юнкер Шапиро.

«Господин поручик, я стану на лестнице, у стенки. Это будет незаметнее и выгоднее», — встретил он меня своим соображением. «Хорошо», — согласился я.

«Никого нет, надо идти к Пальчинскому. Черт, не понимаю, почему не присылают подкрепления», — говорил я, передавая юнкеру револьверы и гранаты, захваченные из залы.

«А может быть, там идет бой», — высказал он предположение.

«Возможно. Ну — я бегу. Да хранит вас Господь! Если все благополучно, я сейчас же назад. Простите, родной, что оставляю, но по совести иначе не могу».

И смотрите, в случае чего, живым в руки не попадайтесь. Пощады теперь не будет!..» — крикнул я уже из зала и понесся бегом к 1-му этажу.

Лишь в конце второго зала, у лестницы, попался только обрюзглый, маленький, седой придворный служитель, при моем приближении весь сжавшийся и задрожавший.

«А, револьвера испугался», — подумал я, заметив, что его глаза смотрят на мою руку, сжимавшую наган, который я забыл спрятать в кобуру. И от этой мысли рука было дернулась к кобуре, но сразу не попав в нее, я оставил руку с револьвером в покое.

Но вот и вестибюль, с которого началось наше победное торжество, приведшее к нескольким десяткам пленных и потере прапорщика.

В вестибюле была группа юнкеров и еще каких-то людей. Я бросился к юнкерам:

«Сейчас навех. Налех, через один зал, а затем через другой, в коридор».

Там увидите открытую дверь налево, на лестницу. И там стоит часовой — юнкер Шапиро. Так немедленно отправляйтесь туда... Но почему вы без винтовок? Что это за люди?» — озадаченно недоуменно, ничего не понимая, спрашивал я.

«Мы... Дворец сдался...» — наконец мрачно ответил один юнкер.

«Сдался?!.. Вранье, не может быть», — и я бросился в дверь под арку. Под аркой шумело, гудело, двигалось. И я, рванувшись в поток, напирющий в те же двери, что и мне нужны, проталкивался, дрался, и снова проталкивался, пока не очутился, совсем сдавленный водоворотом человеческих тел, перед лестницей в комендантскую, тоже всю занятую людьми.

От этой невольной остановки я начал уяснять, что действительно что-то случилось, но что, я не отдавал себе отчета.

«А, вот где ты? — Стой!» — оглушил меня окрик, и перед лицом, над плечами, отделившими меня от кричавшего матроса, показалась с трудом тянущаяся ко мне мозолистая, с короткими корявыми пальцами, рука.

«Он схватит меня за лицо!» — мелькнула мысль, и ужас овладел мной. И от этого ощущения я рванулся в сторону и вступил на ступеньку лестницы; и только тут я заметил, что еще немного выше стоит Комендант Обороны, а рядом высокий, с красивым лицом, вольноопределяющийся лейб-гвардии Павловского полка. Увидев Коменданта, я сделал еще усилие и, снова протиснувшись, поднялся еще на несколько ступенек.

Он заметил меня. И нагнулся ко мне: «Саня, я вынужден был сдать Дворец. Да ты слушай», — увидя, что я отпрыгнул от него, продолжал он.

«Сдать Дворец?» — горело в мозгу.

«Не кипятись. Поздно — это парламентареры. Беги скорее к Временному Правительству и предупреди... скажи: юнкерам обещана жизнь. Это все, что пока я выговорил. Оно еще не знает. Надо его спасать. Для него я ничего не могу сделать. О нем отказываются говорить...»

«Да, да, спасать!..» — овладело моей душой новое горение. И я повернулся бежать. А навстречу тянется матрос. «В живот!» И я, нагнувшись сверху вниз, ткнул головою ему в живот и, как-то проскользнув дальше в толпу, стал пробираться. Тяжело, не понимаю

как, но я продвигался вперед среди этой каши из рабочих, солдат, юнкеров, оборачиваясь посмотреть, где матрос. Но его из-за сгрудившихся тел не было видно. Но вот стало свободнее. Только одни юнкера, медленно продвигающиеся без оружия к дверям.

А вот и выскочил из толпы и побежал дальше. «Скорее за поворот. Нет, не сюда. За второй...» — и я продолжал бежать. Вот и поворот.

«В этот», — решил я и завернул.

«Господин поручик, там большевики, пулеметы», — выросли передо мною две фигуры юнкеров.

«Где?» — «За стеклянной дверью, в конце коридора. Слава Богу, что вас встретили. Мы нарочно стоим здесь, чтобы думали, что все хорошо, что мы часовые. А то в тыл баррикадам зайдут!» — говорили братья Эпштейны, юнкера нашей Школы.

«Правильно. Стойте», — и я сделал движение, чтобы бежать дальше.

«Господин поручик, ораниенбаумцы идут».

«Ораниенбаумцы? Где?» — из одной из дверей в покинутый мной коридор действительно выходила новая толпа юнкеров.

«Надо бежать к Временному Правительству, чего медлишь?» — работала мысль. — «Нет, постой!» — и что-то толкнуло меня к выходящим юнкерам.

«Юнкера стой!» — заорал я и начал говорить. Что я говорил, я не отдавал себе отчета. Я призывал и проклятия матерей за оставление Дворца, за позор, которым покроются их погоны, эта ступень к высокому званию офицера, я и взывал к товариществу, к традициям. Юнкера мрачно слушали меня. А когда я выкричался, то снова пришли в движение, но уже тихо и безмолвно. Но все же несколько человек бросились ко мне и со слезами стали просить прощения за уход: «Но что мы можем сделать! С нами нет офицеров! Мы попробовали, после первого раза, когда вы говорили с нами о шествии из города народа с духовенством, vybrать начальников из юнкеров. Но ничего не вышло, когда те начали распоряжаться. Сами же выбиравшие стали отказываться. Вот если бы у нас были такие офицеры, как капитан Галиевский вашей Школы, то этого не было бы... Простите, мы побежим, а то отстанем от товарищей, будет хуже!..» — и они побежали к удалявшейся роте.

Опять пустынные коридоры, лестница и, наконец, Портретная Галерея. Никого. На полу винтовки, гранаты, матрацы. А со стен в скованных золотых рамах стоят, во весь рост, бывшие Повелители могучей, беспредельной России.

«Счастливые! Вы безмятежно спите!» — в благоговейном страхе взглянул я на портреты Владык моих предков, которые так им служили со своими современниками, что перед Россией трепетала Европа. «А теперь!..» — и я стал молиться Богу, с просьбой прощения за кощунство, которое я собой представляю, шагая по этому залу.

«Скорее, скорее отсюда», — несло в голове, но ноги не слушались, и я уже едва плелся. «Какая длинная галерея! Я не дойду. Это что? А, да, след от разорвавшейся бомбы. Бомбы? — Да, да, бомбы!» — «Господин поручик, вы куда?» — и из-за портьеры, оббивавшей вход в залу из Портретной Галереи, показалось двое юнкеров нашей Школы, но кто — я не узнавал.

«Идите в полуциркульный зал; там есть наши и Никитин, член Временного Правительства».

«Ах да, спасибо», — и я опомнился. «А где само Временное Правительство?» — спросил я, снова овладевая собою.

«Оно? Не знаем!» — «Здесь, господин поручик!» — раздался голос справа из маленькой темной ниши.

Я бросился туда. В ней лежало и стояло несколько человек юнкеров с винтовками в руках. «Что вы делаете?» — спросил я.

«Мы в карауле при Временном Правительстве — оно здесь, направо», — и мне указали дверь.

Я вошел. А.И. Коновалов выслушал доклад, затем я вышел из маленького кабинета и пошел в галерею. И здесь я сел на маленький диванчик. Скоро выскочила женщина и, говоря, что она представительница прессы и поэтому, представляя собою общественное мнение, может быть совершенно спокойна, что ее никто не тронет, металась от одной двери к другой. Меня это смешило.

Посмотрит направо, напротив, на дверь, на винтовую лестницу, сейчас же отскочит и бросится в зал. Но вот выскочил штатский, схватил ее под руку, и они побежали в зал.

Сидеть было приятно. Мягко. И я с удовольствием сидел. В голове было так тихо, спокойно.

Вышел Пальчинский, за ним Терещенко.

«Нет, это неприемлемо, я категорически утверждаю!..» — доносился до меня голос Пальчинского. «Надо вернуть юнкеров! Послушайте, бегите, верните юнкеров», — продолжал он.

«Ах, это ко мне относится!» И я попытался подняться. Но ничего не вышло.

«Я здесь умереть могу, но бегать, бегать больше не в силах!..» — проговорил я и отвернулся. Мне было больно, стыдно за свой отказ.

«Я сам пойду, — отнесся Пальчинский к Терещенко, — а вы вернитесь». — «Ну хорошо...» — согласился тот.

Пальчинский пошел, а Терещенко вернулся назад. Через минуту выскочил какой-то молоденький офицер в черкеске и побежал за Пальчинским.

Минуты бежали.

Но вот откуда-то начал расти гул.

Еще кануло в вечность несколько времени.

Гул становился явственнее, ближе.

Вот в дверях Пальчинский. Затем маленькая фигурка с острым лицом в темной пиджачной паре и с широкой, как у художников, старой шляпчонке на голове.

А еще несколько дальше звериные рожи скуластых, худых, длинных и плоских, круглых, удивительно глупых лиц. Рожи замерли в созерцании открывшегося их блуждающим, диким взглядам ряда величественных Царей Русского народа, скованных золотом рам.

Я поднялся, но идти не было сил. Тогда я встал в дверях и прислонился к косяку. Мимо прошел Пальчинский, направляясь в кабинет.

«Что, патронов у вас достаточно?» — спросил я у юнкеров.

«Так точно, господин поручик».

Но вот жестикуляция широкополой шляпенки и гул, все растущий сзади, сделали свое дело, и те, передние, качнулись, дернулись и полились широкой струей в галерею.

Теперь шляпенка не звала их, а сдерживала:

«Держите, товарищи, дисциплину! — урезонивал тягучий, резкий голос. — Там юнкера!» Толпа увидела в дверях зала двух юношей, отважно, спокойно стоящих на коленях, чтобы можно было брать с пола патроны и гранаты, сложенные с боков дверей.

«Если Пальчинский выйдет сейчас от Временного Правительства, где, очевидно, совещаются об условиях капитуляции — хотя неизвестно, кто ее будет принимать — выйдет и прикажет открыть огонь, то первые ряды будут сметены, но последующие все равно растерзают нас. И если Правительство решит сдаться, то эти звери юнкеров не пощадят. Так или иначе, а вам, юноши, — смерть!» — смотря на юнкеров, думал я.

Снова вышел Пальчинский и махнул рукой. Шляпенка засеменила к дверям. Толпа ринулась за ним.

«Стой! — кричал Пальчинский, — если будете так напирать, то юнкера откроют огонь!» Упоминание об юнкерах опять сдержало зверье.

«Ну и поиздеваются они над вами, мои дорогие», — несло в голове, смотря, как юнкера твердо держали винтовки, готовые по малейшему знаку открыть огонь.

Шляпенка, прокричав еще раз призыв к революционной дисциплине, направилась к нашей нише и совместно с министром через нее прошла в кабинет.

Прошло несколько утомительно-тяжелых минут ожидания последующего хода событий.

Обстановка была уже не в нашу пользу. По винтовой лестнице напротив ниши, куда так растерянно засматривало «общественное мнение», начали показываться свежие революционные силы, один бандит краше другого. Тактически, для нашего сопротивления, это представлялось их торжеством. Мы уже годились лишь для того, чтобы умереть и, в лучшем случае, с оружием в руках, что единственно избавляло от лишних мучений, что ускоряло развязку. И от осознания этой уже теперь неизбежности я не мог продолжать смотреть на юнкеров. Они волновали меня, и ощущение какой-то вины перед ними за свою невольную беспомощность отвратить от них грядущее неизбежное все сильнее и острее пронизывало все мое существо. «Почему так долго ведутся разговоры? Неужели там никто не понимает, что каждая минута дорога, что обстановка может так сложиться, что даже умереть с честью нельзя будет. Ну а если достигнуть какого-либо соглашения, то ведь надо же учитывать настроение этой черной массы, готовой уже во имя грабежа, во имя насыщения разбуженных животных инстинктов, во имя запаха крови, которой их

дразнили весь вечер и ночь, потерять всякую силу воли над собой и тогда ринуться рвать и терзать все, что ни попадется под руки. Ведь вот маленький человек типа мастерового уже подобрал с матраца гранату и вертит ее в своих трудовых руках. И стоит ему сделать неосторожное движение, и она взорвется. А тогда вас всех разорвут вместе, не только с этой находящейся у вас шляпенкой, но еще и с десятками им подобным. Да, да... чашу переполняет всегда лишняя, последняя капля... А ты не философствуй. Забыл, что там штатские люди, деятели кабинетов, уставшие, задерганные и растерянные.

Спешу к ним и спроси, чего хотят, если смерти, — то дать немедленный бой... а если... да если они захотят жить, то юнкера все равно пропадут. Эти новые, собирающиеся, эти уже понюхали крови там внизу: у них иной вид, иной взгляд.

Боже мой, да если пойти докладывать да объяснять, — потеряешь время. А если начать действовать, то там у Правительства — шляпенка-парламентер, их сотоварищ. Боже, научи, что делать?..» И вдруг я догадался:

«Кто сзади, зайдите в кабинет и просите разрешения открыть огонь. Еще несколько минут, и этого нельзя будет сделать. — Живо!» — полушепотом, стараясь всеми силами сохранить равнодушие на лице, бросил я в темноту ниши приказание юнкерам, в отношении которых, в данном случае, я этим брал на себя самовольно руководство, а следовательно, и ответственность.

«Слушаюсь!» — донесся до меня ответ, а затем легкое шевеление, нарушившее соблюдаемую нами тишину, сказало мне, что юнкера приняли мое вмешательство.

«Целься в матросов. Первый ряд в ближайших, второй — в следующих. Стоящие, возьмите на себя тех, кто у двери на винтовую лестницу. По команде “огонь” дать залп. Без команды ни одного выстрела. Гранаты бросать: первые к лестнице, а затем влево. Бросать — только стоя. Пулемет есть?» — задал я вопрос, отдав указания, словно речь шла об изяществе рам или о качестве паркета.

«Никак нет! Пулемета нет!» — донесся шепот.

«Смотрите, не волноваться — только по команде».

Но в этот момент дверь широко раскрылась, и из нее на фоне шумливого разговора показались шляпенка и Пальчинский.

Масса, топтавшаяся на месте и подпираемая новыми волнами все прибывающих снизу товарищей, уже давно перешла границу дозволенного и постепенно докатилась до нас на расстояние двадцати-двадцати пяти шагов. В галерее уже было душно, и вонь винного перегара с запахом пота насыщали воздух.

Вот шляпенка прошла мимо меня.

Масса, увидев ее, загудела, завопила и, размахивая кто винтовками, кто гранатами, ринулась к нему.

«Спокойствие, товарищи, спокойствие», — распластав руки в стороны, кричала, поднимаясь на носки, шляпенка. «Товарищи! — диким голосом вдруг завопила шляпенка. — Товарищи! Да здоровствует пролетариат и его Революционный Совет!

Власть капиталистическая, власть буржуазная у ваших ног! Товарищи, у ног пролетариата! И теперь, товарищи пролетарии, вы обязаны проявить всю стойкость революционной дисциплины пролетариата Красного Петрограда, чтобы этим показать пример пролетарию всех стран! Я требую, товарищи, полного спокойствия и повиновения товарищам из операционного Комитета Совета!..»

Между тем министр Пальчинский сообщал юнкерам решение Правительства принять сдачу без всяких условий, выражая этим подчинение лишь силе, что предлагается сделать и юнкерам.

«Нет, — раздались ответы, — подчиняться силе еще рано! Мы умрем за Правительство! Прикажите только открыть огонь».

«Бесцельно и бессмысленно погибнете», — убеждал новый голос.

«И Правительство погубите этим», — доказывал третий.

«Нет, о нас они не должны думать. Слагать оружие для сохранения наших жизней мы не имеем права требовать, но убеждать сохранить свои мы должны, и мы вас просим отказаться от дальнейшего сопротивления. Вы будете с нами. Мы позаботимся о вас или погибнем вместе, но сейчас нет смысла!» — страстно, быстро убеждал голос председателя Совета Министров А.И. Коновалова.

Юнкера молчали...

В это время ораторствовавшая шляпенка выдохлась и уже давно от надрыва сипела.

«Один выстрел. Все равно куда — и эта орава бросится и все

сокрушит на своем пути», — ясно и отчетливо предупреждало сознание при виде, как от фанатических выкриков шляпенки масса пришла в неистовство и... рванулась вперед, напирая на шляпенку. Министр Пальчинский вскочил на порог ниши. Я прижался к косяку... «Поздно», — мелькнуло в голове, и круги поплыли перед глазами. Но последнее усилие, и я отступил в нишу. Министр же смешался с толпой. Юнкера вскочили. Я закрыл на мгновение глаза.

«Огонь!» — мелькнуло в голове. Но... выстрелов не раздалось. «Если вы, юные, жертвуете собой и идете навстречу страданиям, то не мне ускорять разрешения счетов с жизнью», и я вышвырнул наган и сорвал Анненскую ленту с рукоятки шашки.

«Ну, теперь терзайте меня», — подумал я, став у стенки ниши, против двери в кабинет последнего заседания Временного Правительства России, и эта жалкая, трусливая мысль заслоняла собою отчетливость выражения лиц членов Правительства, стоявших вокруг стола и частью выжидаяще вглядывающихся во вход из ниши, а частью продолжающих что-то быстро, вполголоса говорить друг другу. При этом один из министров торопливо кончал рыться в каких-то бумажках и затем, подойдя к стене, куда-то торопливо засунул руку, после чего, вернувшись к столу, с облегчением сел.

Это мужество министра отвлекло меня от думы о себе и сразу создало какое-то оригинальное решение войти во что бы это ни стало в кабинет и понаблюдать, что будет дальше. И я, приняв решение, чуть было не пошел. «Стой! — остановил я себя, — подожди, когда войдет эта шляпенка, направляющаяся сюда, а то члены Правительства, увидев тебя первым, еще подумают, что ты трусил и прибегаешь под их защиту». И я пропустил войти в дверь шляпенку, а за ним еще несколько человек, за которыми уже и протиснулся в кабинет и остановился у письменного стола перед окном и стал наблюдать.

«Историческая минута!» — мелькнуло в голове.

«Не думай — смотри!» — перебило сознание работу мысли.

И я смотрел.

С величественным спокойствием, какое может быть лишь у отмеченных судьбою сыновей жизни, смотрели частью сидящие, частью стоящие члены Временного Правительства на зло-

радно торжествующую шляпенку, нервно оборачивающуюся то к вошедшим товарищам, то к хранящим мертвенное, пренебрежительное спокойствие членам Временного Правительства.

«А это что?..» — поднялся Терещенко и говорил, протянув руку, сжатую в кулак. «Что он говорит?» — и я сделал шаг вперед.

«Сними шляпу...» — но его перебивает другой голос: — «Антонов, я вас знаю давно; не издевайтесь, вы этим только выдаете себя, свою невоспитанность!

Смотрите, чтобы не пришлось пожалеть; мы не сдались, а лишь подчинились силе, и не забывайте, что ваше преступное дело еще не увенчано окончательным успехом», — обращаясь к нервно смеющемуся, говорил новый голос, который я не успел определить, кому принадлежит, так как в этот момент меня что-то шатнуло, и перед глазами выросла взлохмаченная голова какого-то матроса.

«А, вот где ты, сволочь! Наконец попался!» — врезалось в уши грубое, радостное удовлетворение матроса.

«Пусти руки, не давай воли рукам; что тебе надо? Я не знаю тебя!» — глупо растерянно защищался я словами, свалившись с неба на землю.

«Не знаешь? А кто меня арестовал на лестнице и отобрал револьвер?.. Отдай револьвер!» — приставал матрос, действительно отпустив руки от воротника моего, мирного времени, офицерского пальто.

«Ого, с ним можно разговаривать!» — пронеслась мысль.

«Какой револьвер? Я тебя не знаю. Мало ли кого я забирал, так что ж, я всех помнить должен? Голова!..»

«Ну, нечего там, отдай револьвер, а то...»

«Что — то? Видишь, у меня моего нет. Пойди в Портретную Галерею и там возьми; отстань от меня. Не мешай слушать!..»

«Да ты мне мой отдай. Я за него в ответе буду».

«Врешь! Кому отвечать будешь? Начальства нет теперь для вас, так нечего зря языком чесать. Смотри лучше, там на столе нет ли какого револьвера», — убеждал я его.

Но он вытащил из кармана кошелек и из него бумажку — удостоверение, что ее предъявитель, товарищ матрос такой-то действительно получил револьвер системы наган за таким-то

номером от Кронштадтского Военно-Революционного Комитета, куда по выполнении возложенной на него задачи обязан вернуть означенный револьвер. Следовали подпись и печать комитета.

«Да ты прав, ты должен был бы его вернуть, если бы имел. Но ты его потерял в бою. Ты это и доложи», — урезонивал я его, в то же время соображая, что он или глуп как пробка, или издевается надо мной. Мне начинало надоедать, и я стал нервничать.

«Мне не поверят, скажут, что я пропил. Да чего там болтать! Раз взял чужую вещь, то должен знать, где она. Отдай револьвер!» — приходя в повышенное состояние настроения, снова начал свои требования матрос, но на этот раз замахиваясь кулаком.

«Стой, подожди!..» — остановил я его с внутренним ужасом, что он меня сейчас ударит, а затем...

И тут, под влиянием ужаса, что меня ударит по лицу, я совершил гадость, мерзость. Я бросился к стоявшему к нам спиною члену Временного Правительства:

«Послушайте, избавьте меня от этого хама. Я не могу его убить, иначе всех растерзают!» — говорил я, дергая его за плечо.

Он обернулся. Бледное лицо и колкие, пронизывающие глаза.

«Ах, это вы давеча что-то объясняли мне!» — вспомнил я. «Вот этот матрос требует, чтобы я вернул ему револьвер, который я у него отобрал вечером, во время очищения первого этажа у Эрмитажа. У меня его нет. Объясните ему», — быстро говорил я.

Старичок выслушал и принялся мягко что-то говорить матросу, который растерянно стал его слушать. Я же воспользовался этим и быстро отошел на свое старое место у письменного стола, рядом с окном, и снова стал смотреть, что творится в кабинете.

В кабинете уже было полно. Члены Временного Правительства отошли большею своею частью к дальнему углу. Около адмирала вертелись матросы и рабочие и допрашивали его.

Но вот шляпенка Антонов повернулся и прошел мимо меня в нишу и, не входя в нее, крикнул в Портретную Галерею: «Товарищи, выделите из себя двадцать пять лучших вооруженных товарищей для отвода сдавшихся нам слуг капитала в надлежащее место для дальнейшего производства допроса».

Из массы стали выделяться и идти в кабинет новые представители Красы и Гордости Революции.

Между тем внимание вернувшейся назад шляпенки одним из членов Правительства было обращено на то, что его сподвижники все отбирают, а также хозяйничают на столах. Едкое замечание задрало шляпенку, и он начал звать к революционной и пролетарской порядочности и честности.

«А где же юнкера?» — спросил я прижавшегося к стене за дверью одного юнкера, только сейчас замечая его.

«Часть увели в залу, а я и еще несколько здесь! Товарищи по ту сторону шкапа у стены», — ответил он.

«А что вы думаете делать?» — спросил я.

«Что? Остаться с Правительством; оно, если само будет цело, сумеет и нас сохранить!» — ответил он.

«Ну, я под защиту Правительства не пойду. Да с ним и считаться не станут.

Все равно разорвут», — ответил я.

«Но что же делать?» — спросил он.

«А вы смотрите на меня и действуйте так, как я буду действовать», — ответил я. И стал выжидать.

Комната уже наполнилась двадцатью пятью человеками, отобранными шляпенкой.

«Ну, выходите сюда!» — крикнул шляпенка членам Временного Правительства.

«Ну, да хранит вас Бог!» — взглянув на них, мысленно попрощался я с ними и вышел в нишу.

В нише, прислонившись к косяку, стоял маленький человек, типа мастерового-мещанина, — недавний объект моего наблюдения.

«Послушайте, — тихо и быстро заговорил я с ним, — вот вам деньги... выведите меня и его, — я указал на юнкера, — отсюда через Дворец к Зимней Канавке. Вы знаете Дворец?» — продолжал я спрашивать его, словно он уже дал мне согласие на мое абсурдно-дикое предложение провести через крупнейший Дворец, насыщенный ненавидящими нас, офицерство, революционным отбросом толпы — чернью и матроснею.

«Я что? Я так себе. Товарищ прибежал ко мне сегодня и зовет идти смотреть, как Дворец берут. Он в винном погребе остался, а я непьющий, вот и пришел посмотреть сюда на Божье попущенье», — тянул мастеровой, отмахиваясь от денег.

«Ладно, ладно, потом расскажете! — убеждал я его, — прячьте деньги и идите, а то сейчас и нас заберут, а я не хочу вместе быть», — убеждал я.

Мастеровой крикнул, взял кошелёк и, посмотрев в разредившуюся от масс Портретную Галерею, наконец произнес: «Идите туда и там подождите. Ежели они не заметят, я выйду и попробую провести», — закончил он.

«Ну, была не была! Помяни Царя Давида и всю кротость его...» — всплыла на память завещанная бабушкой молитва, и я, дернув за рукав юнкера, пошел в Портретную Галерею навстречу всяким диким возможностям.

Юнкер шел за мной. Вышли. И тут снова возбуждение оставило меня, и я, покачиваясь, едва дошагал до диванчика у противоположной стороны и сел.

«Делайте, что хотите!» — несло в голове. «Не могу идти», — рвало отчаяние души.

Мимо шли, бежали, а мы сидели. Юнкер тоже сел рядом со мной.

Наконец к нам подошел мастеровой. «Их повели», — проговорил он. «Идите! Ой, не знаю, как выйдем, там здорово вашего брата поколотили», — махнул он рукой.

«Я устал. Я не могу идти. Дайте курить», — попросил я.

«У меня нет. Я этим не занимаюсь. Эй, товарищ!» — крикнул он одному солдату, ковырявшемуся под матрацами, вытаскивая из-под них револьверы и винтовки. И тут я заметил, что таких «ковырял» было много, и что все заняты, очевидно, одной мыслью что-нибудь забрать, утащить. Были и такие, что с диванчиков отпарывали плюш. «Гиены», — мелькнуло сравнение и вспомнилось, как под Люблином я однажды таких обирал отгонял от тел убитых товарищей при лунном свете прелестной летней ночи. И на сердце засосала безысходная тоска.

«Вот есть папироска. Кури, сердечный, полегчает!.. Ишь, лица нет на человеке», — говорил, давая мне папиросу, взятую у «товарища», мастеровой.

«Ах ты русская натура...» — с наслаждением затягиваясь, думал я, и почему-то на память набежали первые строчки описания Днепра: «Чуден Днепр при тихой погоде...» «Ну, идите», — поднялся я.

«Пора!» — подтвердил мастеровой; и я, молчаливый юнкер и мастеровой пошли. В голове снова образовалась какая-то пустота, и я, идя, почти не отдавал себе отчета в совершающемся вокруг и не замечал пути, по которому мы шли. Я ясно запечатлевал лишь необходимость сохранения, как можно более ярко выраженного, равнодушия ко всему окружающему, чему учила меня то, чем я привык руководствоваться за войну, — интуиция.

Мы шли медленно. Иногда нас останавливали вопросами, на которые или мастеровой, или я давали ответы.

Наконец мы добрались до арки. Прошли через нее среди бушующего моря голов.

С площади неслась стрельба. Под аркой была темнота, и мы также благополучно протолкались в первый этаж следующего здания.

«Идти в ворота нельзя, — говорил мастеровой, — там нас всех арестуют, а вас расстреляют. Там кровью пахнет!» — на ухо шептал он мне.

«Да, да, — согласился я, — потому и просил вас вывести на канавку», — отвечал я, довольный, что пока все идет отлично и мой интуитивный расчет меня не обманул и на этот раз.

В вестибюле, где у меня было так много связано со всем этим злосчастным днем, толпа рабочих и солдат взламывали ящики, о которых казаки говорили, что они с золотом и бриллиантами. Я на одну минуту просунул голову между плеч, чтобы заметить содержимое, но неудачно. Мешкать же было нельзя, и мы продолжали идти. Прошли мимо лестницы, на которой я взял в плен матроса, от которого дважды пришлось ускользнуть.

Но вот коридор. Затем лестничка, на которой спешащая во Дворец группа солдат Павловского полка учинила допрос и, удостоверившись, что ни у меня, ни у юнкера нет оружия, оставила нас в покое и пошла дальше.

Мы тоже двинулись. Но вдруг мастеровому пришло в голову какое-то решение, и он, оставив нас ожидать его, побежал вслед за уходящими. Через минуту он вернулся с солдатом-павловцем и, обращаясь ко мне, сказал, что дальше нас будет вести этот солдат, а он должен вернуться назад. Я и юнкер поблагодарили его за услугу, и мы расстались.

Но вот мы и на Миллионной. В конце ее, у Марсового Поля, трещали пулеметы, а сзади гудела толпа, и среди нее горели огни броневиков.

На Миллионной же было пусто, темно. Мы шли по середине улицы.

Но вот навстречу попалась группа из 3-х человек. В темноте нельзя было видеть, кто идет. Наш сопровождающий окликнул. Оказались преображенцы. Он справился о комитете полка, под сень которого он предполагал нас сдать для ночлега, так как через Марсово Поле пройти уж никак нельзя было бы из-за патрулей.

Спрошенные отвечали, что он еще заседает и чтобы мы спешили.

«Полк держит нейтралитет, и комитет взял на себя охрану порядка; он и вас примет», — говорил он, идя с нами дальше.

«Итак, я в плену. Оригинально. Ну, посмотрим, что произойдет дальше», — решал я, как солдат объявил, что мы пришли, и вошел в открытую дверь одного из домов по левой стороне Миллионной, откуда на улицу падала полоска света.

Вошли. Передняя — пусто. Прошли в коридор, голоса из ближайшей комнатки нас остановили у ее двери. Солдат вошел и через несколько секунд выскочил, прося «пожаловать».

Маленькая комната. Накурено. Усталые лица двух поднятых голов от какой-то бумаги повернулись в нашу сторону.

«Кто вы?» — раздался вопрос. Спрашивал офицер.

Меня что-то обожгло. «Я из Зимнего. Защищал Временное Правительство. Дворец взяли. Правительство арестовано. Ради Бога, капитан, во имя чести вашего мундира, дайте мне одну из ваших рот. Надо идти туда. Поднимайте солдат», — горячо понес я вздор, забыв, где нахожусь, видя пред собой лишь офицерские погоны.

«Вы с ума сошли!» — вскочил офицер. «Вы не туда попали! Какой Зимний? Как вы могли оттуда выйти? Глупости!.. Идите в другой полк, у нас нет свободного места», — резко отчеканивал он.

«Да нет, — вмешался юнкер, — мы оба оттуда. Временное Правительство арестовано на наших глазах! Господин поручик говорит правду».

«Арестовано? Кто?» — раздался вопрос с порога другой комнаты. Я взглянул в сторону вопроса: спрашивающий оказался солдатом.

«Чепуха, — проговорил капитан, — они повторяют какие-то сказки о том, что Зимний кем-то взят. У нас места нет; не мешайте нам. Идите в Павловский полк», — снова твердо отчеканивал капитан.

«Послушайте, — обратился он к вошедшему, — вот здесь, мы с прапорщиком...» «Извините, что беспокоили», — наконец сообщая, что упоминанием о Зимнем мы вредим себе, ответил я и вышел.

Наш сопровождающий еще был в коридорчике.

«Вот что, любезный, отведите нас в Павловский полк. Здесь нет места», — попросил я.

Солдат согласился, и мы двинулись.

Теперь пулеметы стучали громче. Местами щелкали винтовки.

«Расстреливают», — прервал молчание солдат.

«Кого?» — справился я.

«Ударниц!..» — и помолчав, добавил: «Ну и бабы, бедовые. Одна полроты выдержала. Ребята и натешились! Оне у нас. А вот что отказывается или больна которая, ту сволочь сейчас к стенке!..»

«Ого, куда я попаду сейчас!» — пробежала жуткая мысль в голове... «Эх, все равно!» В этот момент раздался оклик: «Кто идет?» — и на фоне справа, впереди светящегося сиротливо фонаря показался матрос.

Но не успели мы что-либо ответить, как матрос, завопив: «А, офицерская сволочь!» — и, схватив винтовку наперевес, сделал выпад в меня.

«В живот!» — мелькнуло в голове, и я невольно закрыл глаза.

«Отчего не больно?» — неслось в голове, и я открыл глаза.

Перед мною стояла спина сопровождающего меня солдата. Я продвинулся вправо.

Матрос лежал на земле, мокрый от изредка морозящего дождика, и что-то бормотал.

«Бегите вправо на угол! Я сейчас», — бросил мне солдат, продолжая держать винтовку за штык.

Я обежал фонарь и, подойдя к углу, остановился. Юнкера не было. Он еще раньше убежал.

«Как быстро все произошло», — соображал я, поджидая солдата, который и не замедлил подойти.

«Сволочь! — говорил он. — Этих матросов мы за людей не считаем. Им только резать да пить!.. Будет, собака, помнить!..» — закончил он, шагая рядом.

«А что ты ему сделал?» — по старой привычке обратился я к нему на «ты» с вопросом.

«Да ничего особенного, Ваше Благородие».

И помолчав, добавил:

«У них, сволочей, всегда кольца на руках, а у меня тут бабенка одна, так я для нее и снял у него. Пьян, собака! Теперь, поди, уже спит. Я его к тротуару оттащил, чтобы броневик не переехал. А вот и наши патрули. Я вас сдам им, чтобы они вас проводили. Да вы, ваше Благородие, не говорите, что из Дворца. Я им скажу, что вы из города сами пришли в Преображенский полк, да там места нет, вот вас сюда и послали», — говорил заботливо мне мой спутник.

«Ну, спасибо за совет. Только, родной, у меня денег нет. Я все отдал!» — «Что вы, ваше Благородие! Я из кадровых, с понятием. Мне, да и многим нашим ребятам так тяжело видеть, что делается в Матушке Россее, что мы и в толк не возьмем. А господ офицеров мы по-прежнему уважаем и очень сочувствуем. Да что делать, кругом словно с ума сошли! Ну, будьте счастливы!..» — и солдат подбежал к остановившемуся патрулю.

Через минуту я был в коридорах Павловских казарм, куда меня ввели двое патрульных.

«Откуда?» — спросил болтавшийся в коридоре солдат.

Я молчал — соврать солдату мне было стыдно.

«Со стороны», — в голос ответили патрульные.

«Ладно; в ту дверь, ежели со стороны; а вы поменьше таскайте всякий хлам», — говорил он, уже обращаясь к патрульным.

«Какой это хлам?» — устало соображал я, идя к указанной двери.

«Через комнату, в следующую!» — крикнул мне вслед солдатишко, когда я отворял дверь.

В комнате было тепло, грязно, полусветло и пусто. Из двери на-

лево доносились какие-то звуки. Прислушался: стон то повышаясь, то понижаясь, продолжал залазить в эту грязь четырех белых стен. Пошел к двери напротив. Открыл ее остановился в изумлении.

Первое, что бросилось в глаза и поразило меня, был большой стол, накрытый белой скатертью. На нем стояли цветы. Бутылки от вина. Груды каких-то свертков, а на ближайшем крае к двери — раскрытая, длинная коробка с шоколадными конфетами, перемешанными с белыми и розовыми помадками.

«Что это? Куда я попал?» — задавая себе вопросы, не сводя глаз с конфет, тихо направился я к столу и вдруг спотыкнулся. И только тут я окончательно осмотрел и запечатлел обстановку большой, длинной комнаты, наполненной так людьми, что я теперь не понимал, как я не заметил этого сразу, а обратил лишь внимание на какие-то конфеты, пакеты и бутылки, действительно лежавшие на столе, а не примерещившиеся. То же, что заставило меня спотыкнуться, было спящее тело офицера. И такими, издающими храп с подсвистами, была наполнена вся комната. Они лежали на полу, на диванчиках, на походных кроватях и стульях. «Странная компания», — думал я, наблюдая это царство сна. Но вот какие-то голоса из следующей комнаты. Пробрался туда. Та же картина, только обстановка комнаты изящнее.

«Офицерское Собрание полка», — наконец догадался я.

Опять раздался разговор, — прислушался, присмотрелся. Говорит седоватый полковник, склонив голову на руки, сидя за столом. Отвечает лежащий на диване.

Я пробрался к говорившему и позвал его.

«Господин полковник!» — тихо звал я его. Услышал. Поднял голову и окинул меня ослепевшими, припухнувшими глазами.

«Господин полковник, — продолжал я, — я из Зимнего Дворца. Ужасно устал. Могу я остаться здесь и лечь отдохнуть, или надо еще кому-либо явиться?» — «Глупо. Раз вы здесь, то делайте, что хотите, но не мешайте другим!» — ответил полковник, и голова опять легла на руки.

«Боже мой, что же это?.. Сколько здесь офицеров! На кроватях. Цветы. Конфеты. А там...» — и образы пережитого, смешиваясь и переплетаясь в кинематографическую ленту, запрыгали перед глазами, и я, забравшись под стол, уснул, положив голову на снятое с себя пальто.

Проснулся я в десятом часу. В комнате стоял шум от споров, смеха и просто разговоров. Солнце лупило вовсю. Было ярко и странно.

«Почему надо мной какой-то стол? Что за гостиная? Что за люди? Где я?» — быстро промелькнули недоуменные вопросы, но сейчас же исчезли от воспоминания о ночном, о вчерашнем.

«Где брат? Что с ним?» — впервые вырос вопрос тревоги о любимом брате, гордости нашей семьи.

«Господи, милый, славный, Господи! Что же это теперь будет с Россией, со всеми нами?» — и я принялся читать «Отче наш». Молитва успокоила, и я вылез из-под стола. Офицеры, которые преобладали в наполнявшей комнаты публике, кончали пить чай. Около некоторых столиков сидели дамы.

«Что за кунсткамера?» — зло заработала мысль.

«Что здесь делают дамы? Ну ладно, умоюсь, поем и выясню, в чем дело!» — «Послушайте, где здесь уборная?» — справился я у пробежавшего мимо солдата с пустым подносом.

«Там», — махнул он рукой на дверь, через которую я вчера вошел сюда.

Я пошел. Из пустой следующей комнаты, где я слышал стоны, я ткнулся во вторую дверь и попал в большую когда-то залу, а теперь ободранную комнату, с валяющимися и еще спящими телами, в которых я узнал юнкеров.

Около уборной-солдатской, я увидел, через окно в другом помещении, дикую картину насилования голой женщины солдатом, под дикий гогот товарищей.

«Скорее вон отсюда!..» — и я, не умываясь, бросился назад.

Через час я познал тайну убежища для гг. офицеров, мило болтавших с дамами.

Еще за несколько дней до выступления большевиков гг. офицеры Главного Штаба и Главного Управления Генерального Штаба потихохоньку и полегохоньку обдумали мероприятия на случай такого выступления. И вот это убежище оказалось одним из таких мероприятий. Находящиеся здесь все считались добровольно явившимися под охрану комитета полка, объявившего нейтралитет. Таким образом создавалась безболезненная возможность созерцания грядущих событий: «а что, мол, будет дальше?» Но вот меня окликнул молодой офицер с эксельбантами.

«Вы меня не узнаете? Я адъютант Петергофской Школы прапорщиков. Вас я видел в Зимнем. Как вы попали сюда? Ваши юнкера рассказывали, что вас выбросили в окно, а вы себе здесь.. ха, ха, ха...» — заливался от плоской шутки красивый поручик.

«Послушайте, я ужасно хочу есть, — перебил я его, — но денег с собою у меня нет. Не найдется ли у вас свободных сумм? Я вам, если будет все благополучно, пришлю по адресу, какой вы мне укажете», — попросил я у поручика.

«Пожалуйста, ради Бога, для вас все, что угодно. Вот, разрешите четвертную.

Этого будет достаточно?» — любезно предложил он мне.

«За глаза! Огромное спасибо. Вот мой адрес, на случай, если события вытеснят у меня из головы мое обязательство».

«Я адрес возьму не для этого, а как память о вас», — слюбезничал адъютант, стреляя глазами в даму в огромнейшей шляпе, украшенной перьями.

За болтовней, а затем за завтраком, за который взяли 10 рублей, время незаметно бежало.

В это время в комнатах началось оживление.

«Комиссар из Смольного приехал», — раздавалась из уст в уста новость, вызывая комментарии.

Через несколько минут вошел в комнату высокий красавец вольноопределяющийся — студент Петроградского Университета. В вошедшем я узнал того вольноопределяющегося, который в качестве парламентаря вел переговоры с Комендантом Обороны Зимнего Дворца.

Новая ниточка, — решил я, выслушав его заявление о том, что он уполномочен Военно-Революционным Комитетом выдать удостоверения на право свободного прохода по городу тем из офицеров, кто явился сюда сам или кого привели патрули, забрав на улицах города, но без оружия в руках и не в районе Зимнего Дворца. Тех же, кто защищал Временное Правительство, отправят в Петропавловку.

«И пожалуйста, — закончил он, — разбейтесь на группы и составьте списки. При этом для офицеров Генерального Штаба должен быть отдельный список».

«Вот это хорошо! — заволновался подполковник, — Я всех на-

ших знаю, и я вам, господин комиссар, его сделаю», — с улыбкой, почтительно говорил молодой подполковник.

«Какой ты подполковник? Ты подхалим, а не офицер! Но что же со мной будет? Ей-Богу, в Петропавловку не хочется», — подходя к окну и смотря на улицу, соображал я.

На ней было пустынно, но ярко, свободно.

Но вот загремело, и показался грузовик с рабочими, сжимавшими в руках винтовки.

«Каины поехали», — произнес над ухом знакомый голос свое заключение.

«Нет, слепые и обманутые!» — ответил я, не оборачиваясь.

«Ты жив?»

«Глупый вопрос!» — «Ну чего злишься? — Ты знаешь, какие у меня нервы», — беря за руку, вкрадчиво говорил Бакланов.

«Ну, ладно. Горбатого могила исправит, господин присяжный поверенный. Ну, ну, хорошо, я не буду. Скажи, как ты сюда попал? Я тебя и не заметил», — прочитав следы отчаяния на как-то сильно осунувшемся лице поручика, заговорил я, уже значительно смягчаясь.

«Потом. Тяжело вспоминать! Били... Погоны сорвали... А теперь расстреляют», — плаксиво закончил поручик.

Я молчал.

«Начальник Школы убит», — вдруг произнес он.

«Царствие Небесное!» — и я перекрестился.

«Вот и прекрасно, если расстреляют, скорее увидимся с ним, через несколько мгновений», — не выдавая ни одним мускулом ощущения этого горя, так грубо мне преподнесенного злым поручиком, подумал я.

Бакланов понял и отошел.

Через минуту другой голос приветствовал меня.

Оборачиваюсь — прапорщик Одинцов-младший. Я, искренне обрадованный, бросился к нему.

Между тем офицеры составили листы с фамилиями по группам.

Разгуливая с Одинцовым, мы подошли и, случайно остановившись около группы из Генерального Штаба, услышали восторги по адресу Смольного:

«Они без нас, конечно, не могут обойтись!» — «Нет, там,

видно, головы, что знают вещам цену», — говорил один, вызывая осклабывание у других.

«Да, это не Керенского отношение к делу!..» — глубокомысленно подхватил другой.

«Ха-ха-ха... Этот сейчас мечется, как белка в колесе. От одного антраша переходит к другому — перед казаками, которых также лишат невинности, как и ударниц», — грубо сострил третий.

«Господин поручик, вы живы? Как хорошо, что я заглянул сюда!» — вырастая предо мною, говорил юнкер N., член Совета нашей Школы.

«Здравствуйте. А что вы здесь делаете?» — справился я.

«Я из Смольного, куда ездил от Комитета Спасения и Городской Думы с ходатайством скорейшего освобождения юнкеров. И вот получил бумажку — приказание выпустить и направить в Школу. Идемте со мной. Я вас выведу. Еще есть кто-нибудь из гг. офицеров?» — говорил, поражая меня, юнкер N.

Через пять минут я подошел к уже выстроившимся юнкерам для возвращения домой в Школу. Встреча была теплая, но крайне грустная — мы не досчитывались многих товарищей.

Под свист из окон казарм мы произвели перестроение и пошли, соблюдая ногу и должный порядок. На повозке ехали побитые и Бакланов. Впереди и сзади шел караул от Павловского полка, очень пригодившийся на мосту чрез Фонтанку у цирка Чинизелли, где уличные хулиганы начали швырять камнями в юнкеров, виновных лишь тем, что обладали чистыми душами и сердцами.

Придя, наконец, в Школу и поблагодарив юнкеров за проявленную дисциплину духа, я распустил их из строя и пошел здороваться с полковником Киткиным, вышедшим встречать нас на подъезд.

С милой улыбкой на своих сочных губах, помощник Начальника Школы теперь, потирая руки, восхищался своею дальновидностью:

«Я говорил, что ничего не выйдет, кроме позора. Ну, теперь убедились! Так уж не жалуйтесь, что пришлось много тяжелого перенести. Сами виноваты — нечего соваться туда, где ничего не потеряли. Ну, а теперь пойдемте, выпьем водчонки!» — предложил он, заканчивая свои милые излияния. Но я отказался от этой чести, сославшись на головную боль.

Зато через несколько минут я беседовал с Борисом, а затем с явившимся капитаном Галиевским, грустным от общей боли, от человеческой подлости и глупости.

«Я бесконечно счастлив, что моя рота юнкеров так стойко и мужественно вела себя, что по сдаче Дворца даже эти господа оставили у нас оружие и беспрепятственно пропустили с баррикад прямо идти в Школу», — тихо, с гордостью говорил капитан.

«Да, да, — соглашались мы. — Большинство юнкеров прекрасно зарекомендовало себя. Тяжело будет, если не удастся их довести до производства в офицеры. В таких на фронте только и нуждаются», — и тихая беседа нас переносила то к далекому готовящемуся к зимовке фронту, то к переживаемым явлением политической жизни Родины, в которую вкопился и такой день, как вчерашний.

«Да, — делали мы выводы, много было странного за эти часы, вчерашнего дня и сегодняшней ночи... Да! Защищать положение, сопровождая его требованиями не открывать огня. Оригинально... и подлежит выяснению, в чем зарыта "собака"...»

Ну да Бог видит правду, и хоть не скоро ее скажет, но все же скажет...

Доживем ли?..» «Ну, пора и по домам», — наконец решили мы и расстались.

А еще через три часа я пил шампанское за здоровье брата, оказавшегося тоже на свободе, и начал строить планы мести офицерам Генерального и Главного Штабов, за издевательство над нами, вызывая своими планами смех у прелестной хозяйки дома.

Приложение 3

Ж

Б

В

КЕНСКИЙ АТАЛЬОН СМЕРТИ

Будь оружие,
многие предпочли
бы смерть насилью

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН СМЕРТИ

Мария Бочарникова

24 октября перед Зимним дворцом должен был состояться парад. Поручик Сомов и тут решил отличиться и тайком от других прорепетировал прохождение роты, ошетилив штыки.

Чистились, мылись и писали прощальные письма домой. За несколько дней до выступления командир батальона проверял наши знания. Батальон был выстроен в поле, и 1-я рота под его команду делала все перестроения, рассыпалась в цепь, совершала перебежки и пошла в атаку. Результатом подготовки он остался доволен.

Наступило 24 октября. Погруженные в вагон, но конные разведчики в пешем строю, мы с песнями двинулись в Петроград.

Из одного вагона несло «Гей, ну-ты, хлопцы!..» с захватским припевом «И-ха-ха, и-ха-ха!». Из второго — «По дороге пыль клубится...». Грустная история казака-сироты, возвращающегося с набега. Из третьего — разудалая «Ой, да течет речка по песку, да!». Перекликались, точно петухи на рассвете. На каждой остановке пассажиры и служащие высыпали на перрон послушать наше пение. Запевала Яцулло заливалась соловьем. По прибытии в Петроград двинулись по улицам с пением. «Ох, и хорошо же спивают», — проговорил какой-то солдат, когда мы проходили.

Вот и Дворцовая площадь. Прибыл оркестр какого-то полка, скоро пожаловало и начальство: генерал со штабом (фамилии не помню) и военный министр Керенский. Мы построились во взводную колонну. Грянул оркестр. Пошел наш 3-й взвод.

Я вышла на середину взвода. Взвод поравнялся на дистанцию с желонером. Командую: «Прямо!» Тело натянуто, как струна. Вперила взор прямо в точку, боясь потерять равнение. «Ногу» отбиваю с таким усердием, что опасаясь, как бы после парада мои ступни не превратились в две отбивные котлетки. Смерила взглядом расстояние до начальства: пять шагов... Резкий поворот голов вправо. Вот уже по уставу «пожираю» начальство

глазами, хотя от волнения не только не вижу лиц, но даже не замечаю фигур. Да как не волноваться! До сего времени приходилось водить взвод в знакомой обстановке под взглядами редких прохожих да котов с крыш! Здесь же — перед командующим и тысячью зрителей.

Накануне парада было получено донесение, что «товарищи» (большевики) во время парада хотят нас расщелкать. Мы шли на парад с заложенной обоймой патронов и курком, поставленным на предохранитель. По карманам и в под сумках были патроны. Получили приказ поручика: «В случае нападения первый залп давайте в воздух. Второй — по нападающим».

Второй раз идем поротно. Поручик командует: «На ру-ку!..» Рота идет, ошетилив штыки. Что и говорить, грозный вид! Как тут врагам при виде нас не засверкать в страхе пятками, спасая свою жизнь!..

Но что это? 1-я рота направилась прямо на вокзал, а нашу — правым плечом заводят обратно на площадь. Мы видим, как весь батальон, пройдя церемониальным маршем, также вслед за 1-й ротой уходит на вокзал. Площадь пустеет. Нам приказывают составить винтовки в «козлы». Откуда-то донесся слух, что на заводе, кажется, «Нобель», взбунтовались рабочие и нас отправляют туда для реквизиции бензина. Слышатся недовольные голоса: «Наше дело — фронт, а не мешаться в городские беспорядки». Раздается команда: «В ружье!» Мы разбираем винтовки, и нас ведут к воротам дворца.

Казаки отказались защищать Зимний дворец и ушли 25 октября, оставив пулеметы юнкерам. Проходя по двору, я увидела юнкера, прохаживавшегося с обнаженной шашкой около орудия — Михайловское артиллерийское училище.

Роту вводят в роскошные апартаменты с окнами, выходящими на Дворцовую площадь. Говорили, что это покои Екатерины Великой. Раздают патроны; новенькие гильзы блестят, как золотые. Почти все по одному-два патрона прячут за пазуху — «на память».

Усаживаемся на полу, не выпуская винтовок из рук. Никто не решался сесть на мебель, боясь испачкать ее шинелями. И как мы впоследствии были возмущены, узнав, что солдаты, ободрав с мебели шелк и бархат, свалили вину на нас.

Проходя на обед, видела сидевших на полу и стоявших юнкеров. Пока все тихо. Мы уже знаем, что оставлены для защиты Зимнего дворца.

Ночь не принесла никаких перемен. Добровольцы сидят, обхватив винтовки, готовые по первому приказу вступить в бой. Я несколько раз прикинула к стеклу, силясь что-нибудь рассмотреть. Незаметно никакого движения. Поручик предупредил: «После приказа открывать огонь накладывайте на стекла что-нибудь мягкое и выдавливайте!»

Михайловское артиллерийское училище было обманом уведено перекинувшимся к большевикам комиссаром. 25-го во дворец пробрался комиссар Абрам Гундовский, уговаривавший юнкеров уйти. Он был ими арестован, но потом выпущен.

В ночь с 24-го на 25-е броневики покинули Зимний дворец. Остался лишь один броневик, из которого солдаты вынули магнето.

Во дворец с вокзала пробралось несколько ударников. Слышали, что среди них была и женщина-прапорщик.

Штаб округа вызвал вечером 24-го фронтовые части, а Смольный — кронштадтских матросов. В Неву вошла целая флотилия (несколько тысяч матросов). Матросы высадились около Николаевского моста и оттуда повели наступление на Зимний дворец. Штаб округа приказал развести мосты (Литейный, Троицкий, Николаевский), чтобы отрезать рабочие районы от центра. Мосты были разведены, но в 3 часа рабочие и красноармейцы свели их снова. Ночью крейсеру «Аврора» было приказано подойти к Николаевскому мосту (находившемуся в руках юнкеров) и захватить его, что и было исполнено.

Все эти сведения были мной получены три года назад от г-на Зурова, пишущего «Историю русской революции», которому я дала кое-какие сведения о Женском батальоне. Теперь возвращаюсь к личным воспоминаниям.

25 октября 1917 года около 9 часов вечера получаем приказ выйти на баррикады, построенные юнкерами перед Зимним дворцом.

У ворот высоко над землей горит фонарь. «Юнкера, разбейте фонарь!» Полетели камни, со звоном разлетелось стекло. Удачно брошенный камень потушил лампу. Полная темнота. С трудом

различаешь соседа. Мы рассыпаемся вправо за баррикадой, смешавшись с юнкерами. Как потом мы узнали, Керенский тайком уехал за самокатчиками, оставив вместо себя министра Коновалова и доктора Кишкина, но самокатчики уже «покраснели» и принимали участие в наступлении на дворец. В девятом часу большевики предъявили ультиматум о сдаче, который был отвергнут.

В 9 часов вдруг впереди загремело «ура!». Большевики пошли в атаку. В одну минуту все кругом загрохотало. Ружейная стрельба сливалась с пулеметными очередями. С «Авроры» забухало орудие.

Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и влево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхали сотни светлячков. Иногда вырисовывался силуэт чьей-нибудь головы. Атака захлебнулась. Неприятель залег. Стрельба то затихала, то разгоралась с новой силой.

Воспользовавшись затишьем, я спросила, повысив голос:

— Четвертый взвод, есть ли еще патроны?

— Есть, хватит! — послышались голоса из темноты.

— Есть еще порох в пороховницах, не ослабели еще казацкие силы! — раздался веселый голос какого-то юнкера.

Нас обстреливали от арки Главного штаба, от Эрмитажа, от Павловских казарм и Дворцового сада. Штаб округа сдался. Часть матросов прошла через Эрмитаж в Зимний дворец, где тоже шла перестрелка. В 11 часов опять начала бить артиллерия. У юнкеров были раненые, у нас одна убила.

Прослужив впоследствии два с половиной года ротным фельдфебелем в 1-м Кубанском стрелковом полку, я видела много боев, оставивших неизгладимое впечатление на всю жизнь, но этот первый бой, который мы вели в абсолютной темноте, без знания обстановки и не видя неприятеля, не произвел на меня должного впечатления. Было сознание какой-то обреченности. Отступления не было, мы были окружены. В голову не приходило, что начальство может приказать сложить оружие. Был ли страх? Я бы сказала, как и раньше, при стоянии на часах в лесу, сознание долга его убивало. Но временами охватывала сильная тревога. Во время стрельбы делалось легче. В минуты же

затишья, когда я представляла, что в конце концов дойдет до рукопашной и чей-то штык проколет мой живот, и он, как спелый арбуз, затрещит по всем швам, — то, признаюсь, холодок пробежал по спине. Надеюсь, что минует меня чаша сия и я заслужу более легкую смерть — от пули. Смерть нас не страшила. Мы все считали счастьем отдать жизнь за Родину.

«Женскому батальону вернуться в здание!» — пронеслось по цепи. Заходим во двор, и громадные ворота закрываются цепью. Я была уверена, что вся рота была в здании. Но из писем г-на Зурова узнала, со слов участников боя, что вторая полурота защищала дверь. И когда уже на баррикаде юнкера сложили оружие, добровольцы еще держались. Как туда ворвались красные и что происходило, не знаю.

Нас заводят во втором этаже в пустую комнату. «Я пойду узнаю о дальнейших распоряжениях», — говорит ротный, направляясь к двери. Командир долго не возвращается. Стрельба стихла. В дверях появляется поручик. Лицо мрачно. «Дворец пал. Приказано сдать оружие». Похоронным звоном отозвались его слова в душе...

Мы стоим, держа винтовки у ноги. Через некоторое время просовывается в дверь голова солдата и быстро исчезает. Минут через пять заходит солдат и нерешительно останавливается у двери. И вдруг под напором громадная дверь с треском распахнулась и ворвалась толпа. Впереди матросы с выставленными громадными наганами, за ними солдаты. Видя, что мы не оказываем сопротивления, нас окружают и ведут к выходу. На лестнице между солдатами и матросами завязался горячий спор. «Нет, мы их захватили; ведите в наши казармы!» — орали солдаты. Какое счастье, что взяли перевес солдаты! Трудно передать, с какой жестокостью обращались матросы с пленными. Вряд ли кто-либо из нас остался в живых.

Выводят за ворота. По обе стороны живая стена из солдат и красногвардейцев. Начинают отбирать винтовки. Нас окружает конвой и ведет к выходу для отправки в Павловские казармы; по нашему адресу раздаются крики, брань, хохот, сальные прибаутки. То и дело из толпы протягивается рука и обрушивается на чью-нибудь голову или шею. Я шла с краю и тоже получила удар кулака по загривку от какого-то ретивого защитника советской

власти. «Не надо, зачем», — остановил его сосед. «Ишь как маршируют, и с ноги не сбиваются», — замечает конвоир. Подошли к какому-то мосту. Вдруг с улицы вынырнул броневик и пустил из пулемета очередь. Все бросились на землю. Конвойные что-то закричали. Броневик умчался дальше. В суматохе добровольца Холзиева благополучно сбежала.

В казарме нас заводят в комнату с нарами в два яруса. Дверь открыта, но на треть чем-то перегороджена. В один миг соседняя комната наполняется солдатами. Со смехом и прибаутками нас рассматривают, как зверей в клетке.

Накануне парада из госпиталя выписалась добровольца. Несмотря на слабость, решила участвовать в параде. Все перенесенное так подорвало ее силы, что ее вели под руки. В казармах же она потеряла сознание.

— Господин взводный, наша больная, кажется, умерла, — сообщила мне добровольца.

Высоко под потолком висела маленькая лампочка. На нарах темно. Забравшись, я нащупала ее пульс. Неощутим. Дыхания не слышно. Я подошла к двери:

— Товарищи, дайте огня, наша больная, кажется, скончалась!

— Подожди, мы сейчас зажжем тебе электричество, — проговорил солдат и под гогот окружающих стал щелкать дверной ручкой.

Да простят мне читатели мое признание! В жизни не ругалась я и не выношу сквернословия. Но помню, какое было искушение — единственный раз в жизни, забыв девичий стыд, за их издевательства пустить их «вниз по матушке по Волге» с упоминанием всех прародителей. И только сознание, что я их этим не оскорблю, а доставлю веселую минутку, так как для них это все привычно, заставило меня стиснуть зубы и отойти прочь.

Нас мучила неизвестность о судьбе командиров. Наконец одна не выдержала:

— Товарищи, а где наши офицеры?

— Тю, о ком вспомнила! Да ваших офицеров красноармейцы еще во дворце прикончили. А теперь очередь за вами...

Я почувствовала, как ослабели вдруг ноги и холод подкатил к сердцу.

Страшное известие вмиг разлетелось по роте. Везде, где свет

выхватывал фигуры, видны были добровольцы с поникшими головами. Я подошла к сидевшей на нарах курсистке, с которой подружилась:

— Поликарпова, наши офицеры убиты красноармейцами во дворце.

Жестом отчаяния она схватилась за голову, и мы обе замерли. Что же дальше? Командиры погибли, если нас даже не расстреляют, все равно батальон расформируют, и фронта не видать как своих ушей. Да стоит ли после этого жить? Впервые мысль о самоубийстве закралась в голову. Я подозревала, что та же мысль овладела и Баженовой. Все остальные более или менее спокойно ожидали своей участи. Не берусь, конечно, судить, что творилось у них на душе. Только Б., с белым, перекошенным от ужаса лицом проговорила прерывающимся голосом:

— Нас расстреля-а-а-ют...

— А вы думали, по головке погладят? — раздался чей-то спокойный голос с нар. — Товарищи, вы знали, на что шли, когда записывались в батальон. Если вы так дорожите своей жизнью, нужно было уходить до присяги. Знаете, есть украинская поговорка «Бачили очи шо куповалы, так и йишты хочь повилазты» («Видели глаза, что покупали, так и ешьте, хотя бы им пришлось вылезть»). Теперь отступать поздно!

Настроение солдат постепенно менялось, начались угрозы, брань. Они накалялись и уже не скрывали своих намерений расправиться с нами как с женщинами. Что мы могли сделать, безоружные, против во много раз превосходящих нас численностью мерзавцев? Будь оружие, многие предпочли бы смерть насилью. Мы затаились. Разговоры смолкли. Нервы напряжены до последнего предела. Казалось, еще момент, и мы очутимся во власти разъяренных самцов.

— Товарищи! — вдруг раздался громкий голос. К двери через толпу протиснулись два солдата — члены полкового комитета, с перевязкой на рукаве. — Товарищи, мы завтра разберемся, как добровольцы попали во дворец. А сейчас прошу всех разойтись!

Появление комитетчиков подействовало на солдат отрезвляюще. Они начали нехотя расходиться. По очистке от них комнаты дверь заперли. Появились вооруженные солдаты и, окружив нас, внутренними переходами, где никто не встретился, вывели во двор.

Решено было нас переправить в казармы Гренадерского полка, державшего нейтралитет. Но вот путь до Гренадерских казарм и наше пребывание в них, к сожалению, совершенно выпали из моей памяти. Вспоминаю лишь момент, когда нас привели на обед в столовую. На столах груды белого хлеба. Направо от стола над баком с борщом стоит симпатичный кашевар-бородач, лет сорока пяти. Рядом с ним человек пятнадцать солдат. Ловим на себе их доброжелательные взгляды. Чувствуем, что попали к друзьям. Усаживаемся за столы. «Встать! На молитву!» — командует фельдфебель. «Отче наш...» По мере того как поют, прибегая к Единому нашему Заступнику, нервы кой у кого сдают, и по лицу текут слезы. И вдруг вижу, что у кашевара задергалось лицо и по бороде потекли крупные слезы. Вынув из кармана тряпочку, тяжело вздыхая и покачивая сокрушенно головой, начал вытирать лицо... Когда же запели «Спаси, Господи, люди Твоя», раздался голос: «Зачем они поют эту молитву — она запрещена!» Никто из солдат не шевельнулся, и когда вместо «Благоверному Императору» пропели «Христолюбивому воинству», успокоился и спрашивающий. Солдаты сами разносили нам пищу по столам.

Александр Ильин-Женевский (*комиссар Гренадерского полка*)

Было уже совсем темно, когда женщины-ударницы, окруженные конвоем, вступили на территорию Гренадерского полка. Я впервые видел женщин-ударниц и потому с особенным интересом приглядывался к ним. В общем они производили довольно-таки жалкое впечатление. По стриженным головам и простым, грубым обветренным лицам их можно было принять за молодых солдат, но сразу же бросался в глаза их низкий рост (по сравнению с гренадерами они казались прямо карликами), маленькие ручки и так нелепо выглядевшие в обмотках толстые ноги. С тремя из них, в том числе с их командиром, тотчас же по их приходе сделались обмороки. Мы кое-как дотащили их до помещения полкового комитета, посадили здесь на стулья и дали воды. Постепенно они пришли в себя.

— Эх, не нужно бы вам воевать! — невольно вырвалось у кого-то из солдат.

— Да разве мы знали, — горячо заявила командир отряда, —

нас обманом завлекли на Дворцовую площадь. Мы получили предписание явиться туда для парада, а вместо этого оказались впутанными в какую-то войну.

Однако ударниц нужно было где-то разместить. Я произвел расчет, их оказалось 138. Арестное помещение при полку для такого количества пленниц было, конечно, слишком мало. Вместе с председателем полкового комитета тов. Федоровым мы выбрали пустую изолированную казарму и поместили ударниц там, поставив у дверей надлежащий караул. На другой день я получил распоряжение от Военно-революционного комитета освободить ударниц и предоставить им возможность следовать на Финляндский вокзал для дальнейшего направления в свои казармы на станцию Левашево. Я тотчас же объявил им об этом, и они радостно засуетились и начали собираться и строиться, приготавливаясь в путь-дорогу. Буржуазная печать впоследствии писала, что пленные ударницы подверглись всякого рода истязаниям, а часть их была изнасилована. Все это, конечно, совершеннейший вздор. Когда ударницы были уж в сборе, ко мне явилась от них специальная делегация и поблагодарила за хорошее и товарищеское к ним отношение.

Я искренно пожал им руки и пожелал счастливого пути. Скоро их небольшая серая колонна скрылась за массивными воротами казарм запасного Гренадерского полка.

Мария Бочарникова

Как мы узнали впоследствии, английский консул потребовал нас немедленно освободить. «Иначе вам придется отвечать перед другими государствами», — заканчивалось его послание.

Под вечер, окруженные конвоем, мы были приведены на Финляндский вокзал. До Левашова должны были следовать одни. Вдруг к поезду подошла большая группа вооруженных с ног до головы матросов, едущих с этим же поездом. До нас донеслось: «А, керенское войско! Пусть едут, в Левашово мы с ними расправимся». Услыхали это и наши конвоиры и уселись с нами в поезд.

В Левашово вылезаем, и конвой нас окружает. Высыпавшие матросы, видя, что нас охраняют, с бранью и проклятиями вернулись в поезд. В лагере не застаем никого. По одной версии, батальон ушел на маневры; по другой — в нескольких верстах око-

пался, ожидая «гостей». Конвой, приветливо распрощавшись, вернулся в Петроград. Двое же конвоиров просидели с нами до утра.

Большинство добровольцев заснуло мертвым сном. Небольшая же группа разговаривала с конвоирами всю ночь. «Вот, товарищи, — рассказывала одна из взводных, Д., — утверждают, что революцию хотел простой народ. Я сельская учительница. Помню, как после первых дней революции приехали агитаторы и собрали митинг. Слышу, один дядя говорит: “Ливарюцья, пушай себе ливарюцья, только Царя бы нам дали подобрея!”», что вызвало смех у конвоиров. Наутро мы с грустью распрощались с ними.

Ходили слухи, что погибли все защитницы Зимнего дворца. Нет, была только одна убита, а поручику Верному свалившейся балкой ушибло ногу. Но погибли многие из нас впоследствии, когда, безоружные, разъезжались по домам. Насиловали солдаты и матросы, насиловали, выбрасывали на улицу с верхних этажей, из окон поезда на ходу, топили. Я расскажу об этом в дальнейших описаниях — о тех случаях, о которых мне лично рассказывали сами пострадавшие или о которых читала в газетах.

Кончилось наше веселое житье, полное надежд и упований на скорое выступление на фронте. Командиры убиты... Нас, конечно, расформируют. Унынье и тоска овладели всеми. Слонялись по даче без дела, не находя себе места. Вдруг дверь в помещение, где находился наш взвод, быстро распахнулась, влетела добровольца. На ней, что называется, не было лица. «Наши командиры идут!..» — не крикнула, а по-пороссячи взвизгнула. Боже! Что тут поднялось! Другая побежала оповестить остальные взводы.

Налетая друг на друга, застревая в двери, все бросились на шоссе. Вдали виднелись наши командиры. Поручик Верный сильно хромал. С громоподобным «ура!», которое, думаю, не оглашало так ни одного поля сражения, мы ринулись к ним навстречу. Забыты дисциплина и выдержка. Со всех сторон их обнимали руки и к ним прижимались головы. Не то их несли, не то на них висли — разобрать было невозможно. От офицеров торчали только их головы, и они продвигались черепашьям шагом. А из дачи вылетали все новые добровольцы, и опять ширилось и гремело, переливаясь по шоссе, нескончаемое «ура!». Все забыто! Командиры с нами, и мы счастливы.

В тот же день мы были вновь вооружены винтовками из цейхгауза, но патронов оказалось всего около сотни. Во все стороны разосланы разведчики. Добровольицу Подгорных тридцати пяти лет, в прошлом сапожника, поразительно похожую на мужчину, нарядили в полушубок и кепку, в карманы насыпали семечек, неизменную принадлежность всякого уважающего себя «товарища», и она поехала в Петроград потолкаться и послушать, о чем говорят солдаты. На второй или на третий день со станции прибежала запыхавшаяся разведчица: «Господин поручик! На станции Левашово высадились четыре роты вооруженных красноармейцев, двигаются к нашему лагерю!» Поручику было уже известно местонахождение нашего батальона, и он немедленно отправил несколько человек за патронами. С какими целями большевики направлялись к нам, неизвестно. Если успеют принести патроны, решено не сдаваться. Настроение у всех приподнятое, будет бой. Через полчаса являются парламентареры с требованием сдать оружие. Поручик попросил отсрочки для ответа, не помню, на один или два часа.

Красногвардейцев нигде не видно. Наша дача окружена с трех сторон лесом, четвертая выходит на шоссе. Оно на возвышении, так что, согнувшись, с этой стороны можно пробежать и залечь незамеченными. Патронов все нет. Поручик нервничает. Да и вряд ли наши посланцы смогли бы с патронами пробраться к нам. Наверняка дорога под наблюдением красноармейцев. Появляются вновь парламентареры. Поручик вторично просит отсрочки. «Если через десять минут вы не сложите оружие, мы открываем огонь!» — предупредили они.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я вижу, что бой был бы бесполезным истреблением роты. Дача была деревянная, с несколькими окнами. Правда, мы не знали, какая нас ждет участь, если сложили бы оружие. По тому времени можно было ожидать самого худшего. Правительство, которому мы присягали, пало. Мы хотели защищать себя самих, быть может, от горькой участи.

Прошло десять минут. Приказано винтовки сложить в кучу на землю, на шоссе. «Черта с два я отдам вам винтовку целой!» — услышала я голос соседки. Схватив винтовку, она вынула затвор и сунула его в вещевой мешок. Несколько человек последовали

ее примеру, вынув еще шомполы: «Господин взводный, штык заметят!» Подъехала подвода, и подводчик сам бросал винтовки по несколько штук сразу. Красногвардейцев нет. «Дайте мне ваши две винтовки. Я ими прикрою свою. А если заметят, что штыка нет, скажу, что свалился». Я благополучно сложила оружие в общую кучу.

Впоследствии, уезжая из Петрограда, я оставила мои вещи, среди которых везла «на память» части винтовки, в поезде. Если бы они не уехали с поездом, я наверняка была бы расстреляна. Но об этом потом.

Как только винтовки были погружены и подвода отъехала, начали стекаться на шоссе и строиться красногвардейцы. Остался в памяти правофланговый, здоровенный красивый детина лет двадцати трех. Раздалась команда: «По порядку номеров рассчитайсь!» — «75 полный!» Итого в роте 150 человек. Другие роты приблизительно такие же. Итого около 600 человек.

Красногвардейцы ушли, через полчаса добровольцы принесли 10000 патронов. Когда вернулся наш батальон, при каких обстоятельствах он сложил оружие, не знаю. Дачи были далеко разбросаны одна от другой, и мы почти не общались. Объявление о расформировании батальона.

С тех пор на несение нарядов уже не назначались, а вызывались желающие. Однажды пополудни ко мне подошла отделенный Баженова. Взяв под козырек, она проговорила: «Господин взводный! Я сегодня утром самовольно отлучилась в Парголово...» Меня поразил ее вид. Осунувшаяся, сразу точно постаревшая. А главное — ее глаза. Это были тусклые глаза мертвеца на живом лице. Батальон уже фактически расформирован, дисциплину мы старались поддерживать сами. Я не хотела с нее взыскивать: «Ничего, Баженова, только никому не говорите, что вы отлучились самовольно».

После обеда зашел дежурный: «Поручик требует кого-нибудь для связи!» Баженова вскочила: «Я пойду!» Часа через три она пришла вместе с ротным. Я обратила внимание, что Баженова была с винтовкой. Как потом мне рассказали, она, придя по поручению в одну из рот и увидев несколько винтовок, предназначенных для охраны цейхгауза, со словами: «Я назначена к поручику в связь, а ходить сейчас небезопасно» —

схватила винтовку. Те засмеялись: «Ай да храбрая, боится днем перейти через поле!..» Баженова не обратила внимания на насмешки и унесла винтовку.

Мне утром сказали, что якобы поручики Сомов и Верный едут на фронт. Я решила проситься ехать с ними. Выйдя из ворот, я поджидала поручика. Показался он в сопровождении Баженовой. Я подошла к нему:

— Господин поручик, мне сказали, что вы с поручиком Верным едете на фронт. Разрешите мне ехать с вами. Если нельзя рядовым, то хоть как ваш денщик.

— Не говорите, Бочарникова, глупостей! Вы же знаете, что новая власть денщиков отменила. И никуда мы не едем.

Рушилась последняя надежда попасть на фронт. Начало смеркаться. В дверях показалась Баженова:

— Поручик требует всех взводных к себе!

Нас четверо отправилось к ротному. Он был сильно простужен, опасались воспаления легких. Держась рукой за грудь и страшно кашляя, отдавал нам какое-то приказание. Вдруг дверь быстро распахнулась, вбежала взволнованная дежурная по роте Хваткова. Взяв под козырек, она что-то быстро проговорила. Я не расслышала. Поручик схватился руками за голову.

— Взводные! Чтобы этого больше не было! Идите, идите! — замахал он на нас руками.

Мы бросились бежать.

— Товарищи, что случилось?

— Мне никто не ответил. По шоссе, в сторону канцелярии, где жили офицеры, бежала доброволица. Я повторила свой вопрос.

— Доброволица застрелилась!

Когда мы подбежали к даче, в передней маленькой комнатке, где раньше стояли винтовки, толпа добровольцев, держа высоко лампу, обступила небольшое место, и все смотрели вниз.

— Товарищи, пропустите взводного! — раздался чей-то голос.

Передо мной расступились. На полу с остановившимся взглядом лежала мертвенно бледная Баженова. Кто-то держал винтовку с привязанной к курку веревочкой. Достаточно было одного взгляда, чтобы удостовериться, что она мертва. Крови не было, произошло внутреннее кровоизлияние. Я встала на колени и взяла ее за пульс. Умерла! Десятки мыслей и образов вихрем

пронеслись в голове. Вспомнился ее помертвевший взгляд... Сожаленье, почему она вызвалась на дежурство... Может быть, поговорив с ней, я бы смогла облегчить ее душевную тяжесть и не случилось бы непоправимого. Я не заметила, как по щекам потекли две слезы. Но их заметили добровольцы.

— Это возмутительно, что такое!.. Безобразие!.. Позор, солдат, а плачет!.. — слышались негодующие возгласы.

Тело Баженовой отправили к родным в Парголово. Мне потом рассказали следующее. Баженова поступила в батальон против воли родителей. В день смерти, приехав домой, она сказала матери: «Мама, наш батальон расформирован». На что та раздраженно ответила: «Говорила тебе, незачем было поступать, а сейчас и сами без работы, голодные, а еще ты нам сядешь на шею». Слова матери были последней каплей, переполнившей и без того горькую чашу. Выпросив у матери сухарей, она их раздала добровольцам и вечером, когда мы отправились к ротному, привязала к курку веревочку, заложила патрон, спрятанный «на память» в Зимнем дворце, и, приставив дуло к сердцу, ногой спустила курок. Во взводе стоял такой гам, что никто не обратил внимания на выстрел. Добровольца же, всегда спавшая в коридоре и сидевшая в этот момент у себя, открыла дверь во взвод: «Товарищи, кто-то нечаянно выстрелил, а может быть, и застрелился!..» Схватив лампу со стены, все бросились в коридор. На полу, вздрагивая в предсмертных конвульсиях, лежала Баженова.

На другой день мы поехали в Парголово на панихиду. У гроба страшно убивалась старшая сестра Баженовой. Поражало выражение необыкновенного покоя на лице умершей. Точно после тяжелого утомительного пути она заснула безмятежным сном. На погребении мне не удалось быть, так как я была дежурной.

На другой день после самоубийства в роту зашел вольноопределяющийся, недавно назначенный к нам в роту, лет двадцати четырех, фамилии не помню. Он говорил относительно самоубийства и закончил словами:

— Может быть, есть у вас еще кто-нибудь на подозрении, способный последовать примеру Баженовой?

Я вдруг увидела обращенные на меня взгляды.

— Я скажу... — услышала я чей-то голос. — Да, господин вольноопределяющийся! Бочарникова!

Меня точно хлестнули эти слова. Что ж? Отпираться, лгать? Не в моем характере. Я опустила голову.

— Бочарникова! — обратился он ко мне. — Уйти из жизни вы сможете в любой момент. Но зачем кончать так бесславно, если свою жизнь сможете отдать родине за правое дело?

— Господин вольноопределяющийся, фронт развалился. Батальон расформирован. Все кончено!..

— Неужели вы думаете, что наше офицерство и все те, кому дорога Россия, останутся только зрителями всего происходящего?.. Нет, борьба скоро начнется, и жестокая борьба! Вот там вы и сможете, если захотите, пожертвовать своей жизнью...

Он еще долго говорил на эту тему. После этого разговора мне стало немного легче. Но с тех пор, куда бы я ни шла, замечала за собой Канценебину.

— Куда вы идете?

— Фельдфебель послал с поручением.

Следующий раз:

— Вы куда идете?

— Адрес нужный спросить у товарища.

У нее всегда находился готовый ответ. Впоследствии я узнала, что она была приставлена следить за мной.

Вольноопределяющийся оказался прав, и подоспевшие события вылечили меня окончательно от желания покончить с собой.

Добровольцы начали разъезжаться по домам. Выпал снег, и ежедневно со всех рот отправлялись команды в лес за дровами. Кругом рыскали красноармейцы, форма у них была черная. Раз доброволица семнадцати лет возвращалась среди леса домой со станции. Встречный красноармеец набросился на нее, пытаясь изнасиловать. На ее крик прибежал другой: «Как тебе не стыдно издеваться над женщиной?.. Оставь ее в покое!» Тот злобно толкнул девушку и, когда она упала, начал бить ее ногами. Второй силой оттащил его в сторону. На нее этот случай так подействовал, что она все время искала «черного», во всем остальном оставаясь нормальной. Мы об этом слышали, но ее не знали, так как она была из другой роты.

Однажды добровольцы из нашей роты пошли в лес за дровами и встретились с другой командой. Одна из наших несла веревки и

топор. «Дайте я понесу топор», — предложила соседка. Та дала. На шоссе показался красногвардеец, и вдруг она, занеся топор, бросилась к нему навстречу. Добровольца нашей роты замерла от ужаса. Мелькнула догадка: «Сумасшедшая!» Та же, не добежав несколько шагов, остановилась: «Черный, да не тот!..» — и медленно пошла обратно.

Лет пять тому назад я по объявлению нашла бывшую добровольцу, взводного 3-й роты. Я была приглашена к ней. На редкость милая и интересная дама. Конечно, вспоминали прошлое. Она покинула батальон сейчас же после расформирования. Я же оставалась в Левашове, пока от роты не остались я да еще одна добровольца. Когда я сказала, что многие при разъезде погибли, она ответила: «Ничего подобного! Это все одни разговоры. Доехала же я благополучно! — И тут же добавила: — Правда, пассажиры нашего поезда рассказывали, что солдаты на ходу сбросили в окно двух добровольц...»

А сколько таких случаев было на тысячеверстных просторах России, когда наши возвращались домой! Ведь у нас были добровольцы из отдаленных мест Сибири. Я ниже расскажу только о случаях, известных мне самой.

Когда же мы коснулись боя у Зимнего дворца, она говорит: «Если бы была наша рота, мы бы все погибли, но не сдались...» Мне стало больно за свою роту. Не мы сдались, а начальство, во избежание лишнего кровопролития, приказало сложить оружие. Во-первых, я никогда не вступаю в споры, считая это бесполезной тратой времени. Во-вторых, мне не хотелось обижать милую хозяйку, доказывая ее неправоту. А в-третьих, из-за полной глухоты мне все ответы приходилось писать, что затрудняло беседу. Приказу начальства мы должны были подчиниться. Ведь не могли же мы на заявление поручика, что дворец пал и приказано сложить оружие, ответить: «Сдавайтесь, поручик, если хотите, а мы себя покажем. Вы говорите, дворец пал? Какие пустяки! В нашем распоряжении есть еще целая комната, кстати, с одним выходом, и по несколько пачек патронов. Мы еще повоюем!» Так? Теперь опишу несколько случаев. Начну с «бескровных».

На площадке трамвая стояла добровольца. На остановке сели двое, юнкер и штатский. Увидев офицера, юнкер взял под козырек. Штатский, оказавшийся тоже юнкером, забыв, что он не

в форме, тоже приложил руку к козырьку. В то время две трети пассажиров составляли солдаты. «А, св...чь, прячешься?» — наступая на него, заорали они. Штатский, видя, что дело плохо, бросился на площадку, солдаты за ним. Добровольца втиснулась между ними и крикнула юнкеру: «Прыгайте!» Тот на полном ходу благополучно соскочил. Взбешенный солдат наотмашь ударил ее по лицу кулаком.

И еще. Двухнадцатилетняя интеллигентная, хорошенькая Офицерова шла по Петрограду. Подскочили два солдата и нанесли ей несколько ударов кулаками по лицу. Она вернулась с распухшим, как от флюса, лицом.

В то время вагоновожатые, точно издеваясь, останавливали трамваи чуть ли не на полном ходу, отчего вся публика летела друг на друга. И не дождавшись, пока соскочат пассажиры, рвали с места. Публика, зная это, заранее напирала друг на друга и спрыгивала со страшной быстротой. Я ехала на передней площадке. Около меня стоял лет тридцати пяти солдат с симпатичным, изнуренным лицом и две бабы с мешками. Приближалась остановка. В дверях показались трое солдат. Один, белесый, с отталкивающей физиономией, заметив меня, закричал:

— Чего красногвардейцы смотрят и не расщелкают эту св...чь? Только нас позорят!

— Ничего не позорят! Если одна сделала глупость, а другая последовала ее примеру для нас ничего позорного, — огрызнулся зло стоявший на площадке.

— А ты кто такой, что защищаешь эту дрянь?

— Такой же солдат, как и ты!

У них завязалась перебранка. Бабы приняли мою сторону. Я молчу. Вмешиваться в разговор и получить от хама по физиономии или даже быть выброшенной на ходу с трамвая, как это случалось, мне, конечно, не улыбалось. В дверях показался офицер. Солдаты считали в то время чуть ли не за позор приветствовать офицера. Я нарочно, на виду у всех врагов, вытянулась как можно сильнее и отдала честь. На! Выкуси!.. Офицер с улыбкой ответно приложил руку к козырьку. Приближалась остановка. Публика сзади навалила. И когда я увидела, что белесый вот-вот должен соскочить, я, как храбрая шавка из подворотни, бросила вдогонку:

— Считаю выше своего достоинства вступать с вами в какие-нибудь пререкания!

Белесый, соскочивши на землю, повернулся и злобно поднял кулак:

— Я тебе покажу «достоинство»... — и «трехэтажное здание» обрушилось на мою голову.

Он попытался вскочить обратно, но пассажиры, прыгавшие со скоростью блох, его отталкивали. У меня что-то под ложечкой тоскливо засосало. «Если вскочит, обязательно залепит по физиономии...» — мелькнула тревожная мысль. Вагон с силой рвануло... Я вздохнула с облегчением: слава Богу, пронесло! Через несколько остановок, слезая и проходя мимо своего защитника, у меня вырвалось от всего сердца: «Спасибо, товарищ!» По изнуренному лицу солдата пробежала добрая улыбка.

Как-то во взвод вбежала доброволица: «Товарищи, из отпуща вернулось двое, над которыми солдаты издевались. Идемте слушать, они будут рассказывать». Мы направились в соседний взвод. Одна — интеллигентная девушка восемнадцати лет, вторая — высокая худенькая крестьянка двадцати лет.

И вот что мы услышали. Они шли по Петрограду около каких-то казарм. На них напали солдаты и силой приволокли в помещение. Комната быстро наполнилась гогочущей солдатней. «А ну, барышни, раздевайтесь!» Видя, что те не двигаются, один, со словами: «Нужно помочь раздеться» — толкнул младшую на койку и, когда та упала, схватил ее за ногу и сдернул. Та затылком ударилась об пол. И сейчас же на них набросились и с подбаюющими выражениями и, оказывая «внимание», сорвали всю одежду... «Надо посмотреть, нет ли молока», — заявил один из них и схватил младшую пальцами за кончик груди, с силой перекрутил. Из надорванного соска брызнула кровь. Добровольцы заметили молоденького вольноопределяющегося, который, не принимая участия, смотрел на все со слезами на глазах. Вдруг, быстро повернувшись, он выбежал из комнаты. В это время в дверях появился прапорщик. «Товарищи, прапорщик Владимиров пришел!» Солдаты обратились к нему: «Господин прапорщик, мы тут свежинки приготовили!..» Тот, нагло улыбаясь, направился к пленницам. Вдруг дверь распахнулась и вбежали члены полкового комитета, по-видимому предупрежденные вольноопределяю-

щимся. Они приказали немедленно вернуть одежду и освободить девушек. Тогда солдаты начали отмахиваться руками: «Да ну их к черту! Мы их не трогали. Еще заразишься от них!»

В газете было сообщение, что в Мойке или Фонтанке (не помню) были выловлены два женских голых трупа со стриженными головами. У одной вырезана грудь, у другой погоны.

Группа добровольцев, сорок или сорок два человека, поехали по домам. В Петрограде видели, как их захватили матросы и увезли в Крондштадт. Они пропали бесследно. Нами было получено письмо от родителей уехавшей с этой группой: справлялись о судьбе дочери.

Вторая группа в тридцать пять человек была в Москве захвачена солдатами и приведена в казармы. От одной из тех добровольцев наши получили письмо, где она, сообщая о случившемся, пишет: «Рассказать, что было с нами, я не в состоянии... Но лучше бы они нас расстреляли, чем после всего пережитого отпустить по домам».

Опишу еще два случая, происшедших не с добровольцами, чтобы показать, какие были нравы в то время. Оба были описаны в газете, и одного из этих случаев был свидетель мой знакомый. После приказа о снятии погон юнкер, не подчинившись этому приказу, шел с сестрой под руку. Подошел к ним солдат и со словами: «Товарищ, погоны было приказано снять!» — попытался их сорвать. Юнкер его ударил. В один момент на него набросились солдаты и начали бить. Сестра лишилась сознания. Они повалили несчастного на землю, били и топтали ногами, поднимали за голову и руки и били телом о землю. И наконец, схватив обезображенный, окровавленный труп за ноги, поволокли на Горховую.

Второй мой знакомый увидел, как к мосту солдаты ведут за шиворот какого-то парня. Тот, с белым, перекошенным от ужаса лицом что-то кричал, пытаясь вырваться. «Что случилось?» — «Вора ведем топить...» — весело отозвался мальчишка лет двенадцати, бежавший за ними вприпрыжку. Поднявшись на мост, солдаты сбросили свою жертву в ближайшую прорубь. Но тот упал на лед. С трудом поднявшись и простирая руки к палачам, что-то кричал. С моста загремели выстрелы. Вор опрокинулся, лед обгарился кровью...

Впоследствии, когда в доме (кажется) графа Шереметьева, на Спасе на Водах, было устроено под видом лазарета общежитие для разъезжающихся добровольцев, ко мне подошла добровольца. По званию я была здесь старшей. «Господин взводный! Из Обуховской больницы дали знать, что нужно забрать нашу выздоравливающую добровольцу». Я направилась туда. Меня провели в палату. Оказалась интеллигентнейшая барышня лет девятнадцати. Лежала с поврежденной ногой. Она с другой добровольцей проходила по улице Петрограда, когда на них напали солдаты и, затащив силой в Зимний дворец, выбросили их со второго этажа через окно на улицу. Эта разбилась и повредила ногу, вторая сломала пальцы и, раскроив череп, умерла. «Господин взводный, мне не в чем выйти, сапог разрезали. Не сможет ли кто-нибудь из товарищей одолжить мне для переезда к вам свои сапоги?» Я на другой день отвезла их, и она прибыла к нам.

КЕ

Приложение 4

□

ЕРЕНСКИЙ СЛАВИНКОВ КРАСНОВ

Подкрепления
не подойдут.
Мы окружены

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. КЕРЕНСКИЙ. САВИНКОВ. КРАСНОВ

Александр Керенский

Ночь с 24 на 25 октября прошла в напряженном ожидании. Мы ждали прибытия с фронта воинских частей. Я вызвал их загодя, утром 25 октября они должны были быть в Петрограде. Однако вместо войск поступили телеграммы и телефонограммы о блокаде и саботаже на железных дорогах.

К утру (25 октября) войска так и не прибыли. Центральная телефонная станция, почтамт и большинство правительственных зданий были заняты отрядами Красной гвардии.

Зимний дворец оказался в полной изоляции, с ним не было даже телефонной связи. После продолжительного заседания, которое затянулось до раннего утра, большинство членов правительства отправились домой, чтобы хоть немного передохнуть. Оставшись одни, мы с Коноваловым пошли в штаб военного округа, который находился совсем рядом на Дворцовой площади.

После краткого совещания было решено, что я немедленно отправлюсь навстречу эшелонам с войсками.

На всех улицах вокруг Зимнего дворца стояли патрули Красной гвардии. Все контрольно-пропускные посты на подступах к Петрограду вдоль дорог к Царскому Селу, Гатчине и Пскову были тоже заняты большевиками.

Понимая всю рискованность такого шага, я решил ехать через город в автомобиле. Такие поездки я совершал постоянно, и к ним все привыкли.

Водителю было велено ехать по главной столичной улице в сторону контрольно-пропускных постов с обычной скоростью. Такой расчет полностью оправдался. Мое появление на улицах охваченного восстанием города было столь неожиданно, что караулы не успевали на это отреагировать надлежащим образом. Многие из «революционных» стражей вытягивались по стойке «смирно» и отдавали мне честь! Выскочив за пределы города, водитель нажал на акселератор, и мы вихрем понеслись по доро-

ге. Видимо, ему инстинктивно чудилось, будто кто-то уже донес Ленину и Троцкому о моем отъезде.

У контрольно-пропускного пункта у Московской заставы нас обстреляли, тем не менее, мы благополучно прибыли в Гатчину. Несмотря на попытку задержать нас там, мы и Гатчину миновали благополучно.

К ночи мы добрались до Пскова, где размещалась Ставка командующего Северным фронтом. Чтобы чувствовать себя в полной безопасности, мы устроились на частной квартире моего шурина генерал-квартирмейстера Барановского. По моему приглашению на квартиру прибыл командующий генерал Черемисов, который, однако, как выяснилось, уже вступил во «флирт» с большевиками. Движение войск к Петрограду, о котором я распорядился, было остановлено по его приказу. После довольно резкого разговора генерал Черемисов удалился.

У нас не было никаких сомнений, что он сообщит новым хозяевам положения о моем прибытии в Псков. А потому нам ничего не оставалось, как ехать дальше, в сторону фронта.

В маленьком городишке под названием Остров располагался 3-й Конный казачий корпус. Именно этому подразделению под командованием генерала Крымова надлежало в сентябре захватить столицу. В разговоре со мной Черемисов сообщил, что новый командующий 3-м корпусом генерал Краснов, находясь в Пскове, пытался установить со мной связь. Я поинтересовался, где Краснов находится в настоящее время, и получил ответ, что он возвратился в Остров.

За несколько минут до нашего отъезда в Остров у дверей раздался звонок, и в следующую секунду в комнату вошел генерал Краснов вместе с начальником своего штаба Поповым.

Петр Краснов

Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского. Я его никогда не видал, очень мало читал его речи, но все мне было в нем противно до гадливого отвращения.

Противна была его самоуверенность и то, что он за все брался и все умел. Когда он был министром юстиции, я молчал. Но когда Керенский стал военным и морским министром, все возмутилось во мне. Как, думал я, во время войны управлять военным делом бе-

рется человек, ничего в нем не понимающий! Военное искусство — одно из самых трудных искусств, потому что оно помимо знаний требует особого воспитания ума и воли. Если во всяком искусстве дилетантизм нежелателен, то в военном искусстве он недопустим.

Керенский — полководец!.. Петр, Румянцев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев... и Керенский.

Он разрушил армию, надругался над военной наукою, и за то я презирал и ненавидел его.

А вот иду же я к нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду как к верховному главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение?

Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским, я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию...

Вот о чем грезил, о чем переговаривались мы с С.П. Поповым, пока искали квартиру полковника Барановского, у которого был Керенский.

Искали долго. Наконец, скорее по догадке, усмотревши в одном доме два освещенных окна во втором этаже, завернули в него и нашли много не спящих людей, суету, суматоху, бестолочь, воспаленные глаза, бледные лица, квартиру, перевернутую кверху дном, и самого Керенского.

— Генерал, где ваш корпус? Он идет сюда? Он здесь уже, близко? Я надеялся встретить его под Лугой.

Лицо со следами тяжелых бессонных ночей. Бледное, нездоровое, с больною кожей и опухшими красными глазами. Бритые усы и бритая борода, как у актера. Голова слишком большая по туловищу. Френч, галифе, сапоги с гетрами — все это делало его похожим на штатского, вырядившегося на воскресную прогулку верхом. Смотрит пронизательно, прямо в глаза, будто ищет ответа в глубине души, а не в словах; фразы — короткие, повелительные. Не сомневается в том, что сказано, то и исполнено. Но чувствуется какой-то нервный надрыв, ненормальность. Не-

смотря на повелительность тона и умышленную резкость манер, несмотря на это «генерал», которое сыплется в конце каждого вопроса, — ничего величественного. Скорее — большое и жалкое.

Я доложил о том, что не только нет корпуса, но нет и дивизии, что части разбросаны по всему северо-западу России, и их раньше необходимо собрать. Двигаться малыми частями — безумие.

— Пустяки! Вся армия стоит за мною против этих негодяев. Я вам поведу ее, и за мною пойдут все. Там никто им не сочувствует. Скажите, что вам надо? Запишите, что угодно генералу, — обратился он к Барановскому.

Я стал диктовать Барановскому, где и какие части у меня находятся и как их оттуда вызволить. Он записывал, но записывал невнимательно. Точно мы играли, а не всерьез делали. Я говорил ему что-то, а он делал вид, что записывает.

— Вы получите все ваши части, — сказал Барановский. — Не только донскую, но и уссурийскую дивизию. Кроме того, вам будут приданы 37-я пехотная дивизия, 1-я кавалерийская дивизия и весь XVII армейский корпус, кажется все, кроме разных мелких частей.

— Ну вот, генерал. Довольны? — сказал Керенский.

— Да, — сказал я, — если это все соберется и если пехота пойдет с нами, Петроград будет занят и освобожден от большевиков.

Александр Керенский

К утру 26 октября мы оба уже были в штабе 3-го Конного корпуса в Острове.

Петр Краснов

Весть о том, что Керенский в Острове, сама собою распространилась по городу. Улица перед собранием стала загромождаться толпою. Явились дамы с цветами, явились матросы и солдаты Морского артиллерийского дивизиона, стоявшего по ту сторону реки Великой в предместье Острова. Я поставил часовых у дверей дома и вызвал в ружье всю енисейскую сотню, которая стала в длинном коридоре, ведущем к столовой, и никого не пропускала. Наверху собирались комитеты. Как ни следили мы, чтобы не было посторонних, но таковых набралось не

мало. Однако, передние ряды были заняты комитетом 1-й донской казачьей дивизии, brave казаками, на лицах которых было только любопытство и никакого озлобления. Совершенно иначе был настроен комитет уссурийской дивизии и особенно представители амурского казачьего полка, в котором было много большевиков.

Я никогда не слыхал Керенского и только слышал восторженные отзывы о его речах и о силе его ораторского таланта. Может быть, потому я слишком много ожидал от него. Может быть, он сильно устал и не приготовился, но его речь, произнесенная перед людьми, которых он хотел вести на Петроград, была во всех отношениях слаба. Это были истерические выкрики отдельных, часто не имеющих связи между собою фраз. Все те же избитые слова, избитые лозунги. «Завоевания революции в опасности». «Русский народ — самый свободный народ в мире». «Революция совершилась без крови — безумцы большевики хотят полить ее кровью». «Предательство перед союзниками» — и т.д. и т.д.

Донцы слушали внимательно, многие, затаив дыхание, восторженно, с раскрытыми ртами. Сзади в двух, трех местах раздались крики: «Неправда! Большевики не этого хотят!» Кричал злобный круглолицый урядник амурского полка.

Когда Керенский кончил, раздались довольно жидкие аплодисменты. И сейчас же раздался полный ненависти голос урядника-амурца.

— Мало кровушки нашей солдатской попили! Товарищи! Перед вами новая корниловщина! Помещики и капиталисты!..

— Довольно!.. Будет!.. Остановите его... — кричали из передних рядов.

— Нет, дайте сказать!.. Товарищи! вас обманывают... Это дело замышляется против народа...

Я послал вывести оратора и уговорил уйти Керенского.

— Большевики за дело стоят, — говорили в толпе. — Солдату что нужно? — мир, а он опять о войне завел шарманку, — говорили солдаты.

— Схватить его и предоставить Ленину — вот и все.

— А казаки?

— Казаки ничего не сделают.

Александр Керенский

Вся «боевая мощь» корпуса сводилась к нескольким сотням казаков (500-600) и к нескольким пушкам. Все остальные части были отправлены на фронт и в район Петрограда. С этими жалкими остатками войск и артиллерии мы решились пробиться к Петрограду.

В тот же вечер в поезде на пути в Петроград мы узнали, что накануне ночью большевики захватили Зимний дворец и арестовали все Временное правительство.

Петр Краснов

Со встречным Петроградским поездом прибыли офицеры, бывшие в Петрограде. Сотник Карташов подробно докладывает мне о том, как юнкера обороняют Зимний дворец, о настроении гарнизона, колеблющегося, не знающего, на чью сторону стать, держащего нейтралитет. В купе входит Керенский.

— Доложите мне, поручик, — говорит он, — это очень интересно, — и протягивает руку Карташову. Тот вытягивается, стоит смирно и не дает своей руки.

— Поручик, я подаю вам руку, — внушительно заявляет Керенский.

— Виноват, господин верховный главнокомандующий, — отчетливо говорит Карташов, — я не могу подать вам руки. Я корниловец!

Краска заливает лицо Керенского. Он пожимается и выходит из купе.

— Взыщите с этого офицера, — на ходу кидает он мне...

Александр Керенский

Наспех сколоченные большевиками военные комитеты и железнодорожники получили от Ленина приказ воспрепятствовать нашему возвращению в Петроград, однако остановить нас были не в их силах.

Петр Краснов

Бледное утро смотрит в окно. Серый, тоскливый осенний день. Станционная постройка, выкрашенная красной краской. Мокрая рябина, покрытая гроздьями спелых, хваченных морозом ягод. Мы стоим на Гатчине товарной...

В Гатчине тихо. Гатчина спит. Разведка донесла, что на Балтийской железной дороге выгружается рота, только что прибывшая из Петрограда, и матросы. Посылаю туда сотни и сам еду с ними. Казаки со всех сторон забегают к станции. Видно, как рота выстраивается на перроне. Кругом ходит публика, железнодорожные служащие. Рота стоит развернутым строем, представляя собою громадную мишень. Я приказываю снять одно орудие с передков и ставлю его на путях. От пушки до роты — не более тысячи шагов. Человек восемь казаков енисейской сотни с тем же молодцом Коршуновым бегут к роте. Короткий разговор, и рота сдает ружья. Это рота л.-гв. Измайловского полка и команда матросов.

Что я буду делать с пленными? Их 360 человек, а в моих трех сотнях едва наберется 200!

Обезоруживши их, я отпускаю их на все четыре стороны. Мне их некуда девать и нечем охранять.

Александр Керенский

Тем же утром я получил в Гатчине донесение из Петрограда, что временный паралич преодолен и все сторонники Временного правительства в разных полках и военных школах втайне готовятся к сражению. Мобилизованы также все подразделения боевиков партии эсеров. В помощь нам генерал Духонин вместе с командующими всех фронтов, за исключением Северного, направил воинские подразделения. С разных участков фронта к нам стремятся прорваться около 50 эшелонов с войсками. На фронте и в Москве вспыхнули бои между защитниками правительства и большевиками.

К тому времени большевики захватили самую в России мощную царскосельскую радиостанцию. Они немедленно начали вести пропагандистскую кампанию по деморализации русских войск на передовых линиях.

Петр Краснов

В Петрограде идет борьба между большевиками и правительством. На стороне большевиков — матросы, которых считают до пяти тысяч, и вооруженные рабочие. На стороне правительства — только юнкера. По существу, правительства нет. Оно рассея-

лось и никаких распоряжений не отдает, но в городской думе заседает какой-то «Комитет спасения родины и революции», который организует борьбу с большевиками и ведет агитацию в частях петроградского гарнизона. Солдаты держатся пассивно. Никакой желаний выходить из города и воевать. Были случаи, что солдатские патрули обезоруживались женщинами на улице. Преображенский и волынский полки будто бы решили выступить против большевиков, как только мы подойдем к Петрограду. 1-й, 4-й и 14-й донские полки собираются выступить к нам навстречу, к Пулкову, и идти с нами. Их убеждает сделать это совет союза казачьих войск, который очень энергично работает. Этот совет непрерывно снабжал меня донесениями.

Но были сведения и менее оптимистические. Они говорили, что петроградский гарнизон — ничто, с ним и сами большевики не считаются. Он не выступит ни на чьей стороне и ничего делать, не будет. Опора большевиков — матросы и красногвардейцы, т.е. вооруженные рабочие, которых будто бы больше ста тысяч. Рабочие очень воинственно настроены и хорошо организованы. Из Кронштадта в Неву пришла «Аврора» и несколько миноносцев. Большевистские вожди распоряжаются с подавляющей энергией и организуют все новые полки при полном бездействии правительства и властей. Верховский, Полковников и все военное начальство находится в состоянии растерянности и лавирует так, чтобы сохранить свое положение при всяком правительстве.

Александр Керенский

Войск у нас в Гатчине было очень мало. И противодействовать влиянию ленинской пропаганды на фронтовые части нам было нечем.

Краснов согласился со мной, что надо попытаться с боя захватить Царское Село и оттуда немедленно двинуться на Петроград, где нам на помощь придут верные воинские подразделения, офицеры кадетских корпусов и отряды боевиков из разных партий.

Петр Краснов

Моя жена жила в Царском Селе у подруги моего детства, жены одного артиллерийского генерала, мне удалось связаться с нею

городским телефоном и получить сведения о том, что делается в Царском. Все полученные донесения сводились к следующему:

В Царском спокойно. К вечеру с великими трудами удалось собрать две роты, одна пошла к Гатчине, другая — к Красному Селу. Шли в беспорядке, взразброд.

Эшелоны с войсками приходили туго.

К вечеру 27 октября я имел: две сотни 9-го донского полка, две сотни 10-го донского полка, одну сотню 13-го донского полка, восемь пулеметов и 16 конных орудий. Т.е. моих людей едва хватало на прикрытие артиллерии. Всего казаков у меня было, считая с енисейцами, 480 человек, а при спешивании — ? Идти с этими силами на Царское Село, где гарнизон насчитывал 16000, и далее на Петроград, где было около 200000, никакая тактика не позволяла; это было бы не безумство храбрых, а просто глупость. Но гражданская война не война. Ее правила иные, в ней решительность и натиск — все; взял же Коршунов с 8-ю енисейцами в плен полторы роты с пулеметами. Обычай и настроение петроградского гарнизона мне были хорошо известны. Ложатся поздно, долго гуляют по трактирам и кинематографам, зато и утром их не поднимаешь; захват Царского на рассвете, когда силы не видны, казался возможным; занятие Царского и наше приближение к Петрограду должно было повлиять морально на гарнизон, укрепить положение борющихся против большевиков и заставить перейти на нашу сторону гарнизон. Ведь — опять-таки думал я — идет не царский генерал Корнилов, но социалистический вождь — демократ Керенский, вчерашний кумир солдатской толпы, идет за то же Учредительное Собрание, о котором так кричали солдаты...

Я собрал комитеты. В этой подлой войне они мне были нужны для того, чтобы и то, что у меня было, не развалилось. Высказал свои соображения. Казаки вполне согласились со мною.

Александр Керенский

На рассвете 28 октября правительственные войска выступили из Гатчины. Генерал Краснов находился в прекрасном расположении духа и был абсолютно уверен в успехе. Наши взаимоотношения основывались на полном взаимном доверии. Не желая вмешиваться в приказы Краснова, я остался в Гатчине, чтобы ускорить прибытие эшелонов, направленных нам на помощь.

Петр Краснов

В мутном свете наступающего хорошего солнечного дня показалось Царское Село. Опять остановка. Дорогу преграждает цепь. Солдат много. Не меньше батальона (800 человек). Раздаются редкие выстрелы. Заставы мои прижались за домами деревни Перелесино. Наступает психологический момент, от него зависит все дальнейшее. Я приказываю спешить две головные сотни и выехать на позицию трем батареям. Остальным сотням их прикрывать. Сам еду к цепям.

Огонь со стороны стрелков усиливается. Трещит пулемет, по все-таки это не настоящий огонь батальона. Или у них мало патронов, или они не хотят стрелять. Я приказываю энергично наступать, а артиллерии открыть огонь по казармам. Там, подле казарм, живет моя жена, это знают многие казаки и офицеры, бывавшие у нее тогда, когда мы стояли в Царское. Командир батареи деликатно бьет на высоких разрывах. Казармы Царского окутываются дымками шрапнелей. Но цепи не отходят. Идти вперед? Но нас до смешного мало. Продвигаясь вперед, мы попадаем под обстрел с обоих флангов.

Опять выручают енисейцы. Коршунов ведет их — всего 30 человек — в обход.

И цепи стрелков отходят. Мы продвигаемся за Перелесино. Видны в конце шоссе ворота Царскосельского парка. Там все кишит людьми. Весь гарнизон столпился у ворот. Если они откроют дружный огонь по нас, то моих казаков сметет так же, как смела 111-я пехотная дивизия моих кубанцев. Но они не стреляют. Похоже, что там митинг. Дивизионный комитет садится на лошадей и едет вперед. По нему раздается пять-шесть выстрелов. Он, не обращая внимания, едет дальше. Кучка в девять всадников быстро приближается к толпе. От толпы отделяется несколько человек.

Разговоры...

Октябрьское солнце поднимается на бледном небе. Серебрится роса на рыжей траве и кочках болота, блестят дощатые крыши домов, ярко сверкают зеленые купола Софийского собора. День настает, а они все разговаривают. Это надо кончить. Я сажусь на свою громадную лошадь и в сопровождении адъютанта, ротмистра Рыкова и двух вестовых галопом еду туда.

Комитет окружен офицерами и стрелками. Идут разговоры. Или они стараются выиграть время, ожидая помощи (конечно, моральной — физической силы у них было слишком достаточно) из Петрограда, или сами не знают, что делать.

— Господа, — говорю я им. — Не нужно кровопролития. Сдавайте оружие и расходитесь по домам.

Офицеры соглашались со мною и идут уговаривать стрелков. Но между стрелками раскол. Часть — около полка — густой колонной отделяется вперед и идет к нам, чтобы сдать ружья. Но другая часть бежит в цепь по опушке парка, стараясь охватить нас, Я и комитет отъезжаем к цепям.

В цепях разговаривает с казаками статный, красивый человек средних лет, с выправкой отличного спортсмена в полувоенном платье, с амуницией и биноклем. С ним какие-то два молодых человека и офицер-казак.

— Савинков, — говорит он мне.

Мы здороваемся. Савинков расспрашивает про обстановку.

— Что вы думаете делать? — спрашивает он меня.

— Идти вперед, — говорю я. — Или мы победим, или погибнем; но если пойдем назад, погибнем наверно.

Савинков соглашается со мною. Он говорит мне несколько слов по поводу того, как лестно обо мне и любовно отзывались казаки.

Революционер и царский слуга!

Как все это странно!

Борис Савинков

25 октября 1917 года рано утром меня разбудил сильный звонок. Мой друг, юнкер Павловского училища, Флегонт Клепиков, открыл дверь и впустил незнакомого мне офицера. Офицер был сильно взволнован.

— В городе восстание. Большевики выступили. Я пришел к Вам от имени офицеров Штаба округа за советом.

— Чем могу служить?

— Мы решили не защищать Временного правительства.

— Почему?

— Потому что мы не желаем защищать Керенского.

Я не успел ответить ему, как опять раздался звонок, и в комнату вошел знакомый мне полковник Н.

— Я пришел к Вам от имени многих офицеров Петроградского гарнизона.

— В чем дело?

— Большевики выступили, но мы, офицеры, сражаться против большевиков не будем.

— Почему?

— Потому что мы не желаем защищать Керенского.

Я посмотрел сначала на одного офицера, потом на другого. Не шутят ли они? Понимают ли, что говорят? Но я вспомнил, что произошло накануне ночью в Совете казачьих войск, членом которого я состоял. Представители всех трех казачьих полков, стоявших в Петрограде (1, 4 и 14), заявили, что они не будут сражаться против большевиков. Свой отказ они объяснили тем, что уже однажды, в июле, подавили большевистское восстание, но что министр-председатель и верховный главнокомандующий Керенский «умеет только проливать казачью кровь, а бороться с большевиками не умеет» и что поэтому они Керенского защищать не желают.

— Но, господа, если никто не будет сражаться, то власть перейдет к большевикам.

— Конечно.

Я попытался доказать обоим офицерам, что каково бы ни было Временное правительство, оно все-таки неизмеримо лучше, чем правительство Ленина, Троцкого и Крыленки. Я указывал им, что победа большевиков означает проигранную войну и позор России. Но на все мои убеждения они отвечали одно:

— Керенского защищать мы не будем.

Я вышел из дому и направился в Мариинский дворец, во временный Совет республики (Предпарламент). Я хотел посоветоваться с покойным ныне генералом Алексеевым. По дороге я узнал, что Предпарламент разогнан матросами, что многие его члены арестованы и что Керенский поспешно уехал из Петрограда.

Выстрелов нигде не было слышно, улицы были спокойны, и я с удивлением заметил, что на Невском, по обыкновению, много юнкеров военных училищ. Я сделал заключение, что

юнкерам не было отдано приказание оставаться в казармах и что, значит, их нельзя будет быстро собрать в случае нападения большевиков на Зимний дворец.

Я вспомнил речь Керенского, произнесенную им накануне. Он утверждал, что Временное правительство приняло все необходимые меры для подавления готовящегося восстания.

На Миллионной я впервые встретил большевиков — солдат гвардии Павловского полка. Их было немного, человек полтора-ста. Они поодиночке, неуверенно и озираясь кругом, направлялись к площади Зимнего дворца.

Достаточно было одного пулемета, чтобы остановить их движение.

Генерала Алексеева я разыскал только к ночи. Штаб округа был уже занят, и Зимний дворец уже осажден. Его защищали добровольцы женского батальона и немногие юнкера.

С генералом Алексеевым мы решили сделать попытку освободить Зимний дворец, с которым можно было еще сноситься по телефону.

Был 1-й час ночи. Я пошел в Совет союза казачьих войск, и мне удалось убедить представителей казачьих полков и военных училищ собрать хотя бы небольшую вооруженную силу, чтобы попытаться дать бой осаждавшим Зимний дворец большевикам.

В половине второго генерал Алексеев принял депутацию юнкеров и, переговорив с ней, наметил план предстоявших военных действий.

Этим военным действиям не суждено было осуществиться. В два часа ночи, раньше, чем казаки и юнкера успели собраться, Зимний дворец был взят большевистскими войсками. Члены Временного правительства были арестованы. Защищавшие их женщины и юнкера были убиты. На другой день, 26, я получил известие, что генерал Краснов идет на Петроград во главе казачьих полков, двинутых с фронта.

Я решил пробраться к генералу Краснову.

Я переоделся рабочим. Флегонт Клепиков тоже. В таком виде мы по железной дороге проехали в Павловск. От казаков сводногвардейской сотни мы узнали, что войска генерала Краснова находятся под Царским Селом и что Керенский в Гатчине. Чтобы

присоединиться к генералу Краснову, надо было пройти через линию большевистских войск.

В Царском Селе мы наткнулись на заставу большевиков — броневой автомобиль и роту четвертого гвардии стрелкового полка. В одно мгновение мы были окружены.

— Кто едет?

Не успели мы еще решить, что нам делать, как Флегонт Клепиков уже выскочил из автомобиля, и я услышал, как он кричал на большевистского офицера — молодого человека в расстегнутой шинели и без погон.

— Вы с ума сошли! Кто вы такой? Как вы смеее останавливать нас? Разве вы не видите, кто мы и куда мы идем? Я буду жаловаться самому Троцкому! Мы — Совет союза казачьих войск и едем к генералу Краснову, чтобы убедить казаков не стрелять в своих братьев-большевиков!

— Вы едете, чтобы прекратить братоубийственную войну? — переспросил Флегонта Клепикова большевистский офицер.

— Конечно. И вы обязаны пропустить нас!

— Не сердитесь, товарищ. Вы свободны. С вами поедут два наших полковых делегата. Они вам помогут.

Я не верил своим ушам. Но уже два «товарища», два стрелка с винтовками, влезли в автомобиль. Через 5 минут мы были у генерала Краснова.

Когда автомобиль остановился, я взглянул на сопровождавших нас делегатов. Они поняли свое несчастное положение и были бледны как полотно. Я не захотел воспользоваться их ошибкой.

— Ну, «товарищи», налево кругом и бегом марш назад, к вашим большевикам!

Они не заставили повторять приказание. Бросив винтовки, они, как зайцы, побежали обратно.

Утром 28 октября я был с Флегонтом Клепиковым в Гатчинской обсерватории у Керенского.

Я сказал ему, что приехал из Петрограда, чтобы принять участие в борьбе с большевиками. Керенский выслушал меня и не дал мне никакого назначения — я считался уже тогда «контрреволюционером».

Я вернулся к генералу Краснову и спросил его, почему вер-

ховный главнокомандующий находится в такую ответственную минуту не при отряде, а в Гатчине, т.е. в далеком тылу. Генерал Краснов мне ответил:

— Я просил Керенского уехать. Я боюсь, что речи могут испортить дело.

Последующее показало, что опасения генерала Краснова не были лишены основания.

Александр Керенский

Прошло несколько часов, а от Краснова никаких известий не поступало. Это озадачило меня, ибо как раз перед уходом войск из Гатчины мы получили крайне обнадеживающее сообщение о состоянии дел в Царском Селе. За несколько часов положение не могло столь круто измениться. Я вызвал автомобиль и отправился вслед за Красновым.

На полпути между Царским Селом и Гатчиной находилась метеорологическая обсерватория. С ее вышки я в полевой бинокль разглядел расположение правительственных войск, которые пребывали в состоянии странной пассивности.

Я подъехал, чтобы разобраться в происходящем. Объяснения Краснова носили весьма туманный характер и были лишены смысла. Сам он держался сдержанно и формально.

Петр Краснов

Сзади из Гатчины подходит наш починенный броневик, за ним мчатся автомобили — это Керенский со своими адъютантами и какими-то нарядными экспансивными дамами.

— В чем дело, генерал? — отрывисто обращается он ко мне. — Почему вы ни о чем мне не доносили? Я сидел в Гатчине, ничего не зная.

— Доносить было не о чем, — говорю я. — Все торгуемся.

И я докладываю ему обстановку.

Керенский в сильном нервном возбуждении. Глаза его горят. Дамы в автомобиле, и их вид праздничный, отзывающийся пикником, так неуместен здесь, где только что стреляли пушки. Я прошу Керенского уехать в Гатчину.

— Вы думаете, генерал? — шурясь говорит Керенский. — Напротив, я поеду к ним. Я уговорю их.

Я приказываю енисейской сотне сесть на лошадей и сопровождать Керенского, еду и сам.

Александр Керенский

Совершенно случайно я неожиданно различил в окружении генерала Краснова несколько знакомых людей, входивших в Совет казачьих войск. Этот Совет, одна из наиболее правых антидемократических организаций, придерживался политики «использовать Ленина для свержения Керенского». Я спросил Краснова, почему рядом с ним находятся эти люди. Генерал казался крайне смущенным, однако уклонился от ответа. И тогда я понял причину внезапной остановки движения войск к Царскому Селу и перемены в поведении Краснова.

Мне пришлось оказать большое давление, чтобы заставить войска продолжить движение. И лишь ранним вечером, а не в полдень, как первоначально предполагалось, достигли мы окраин Царского Села. И тут Краснов доложил о своем намерении отвести войска несколько назад и взять город на следующий день. Это переполнило чашу моего терпения!

Как раз в этот момент к нам прибыл из столицы один из влиятельных политических деятелей и сообщил, что в Петрограде все готово для начала вооруженного восстания в поддержку правительственных войск, что население и все антибольшевистские партии с нетерпением ожидают нашего прибытия и что крайне важно действовать без промедления. Я отдал генералу Краснову письменный приказ немедленно занять Царское Село. Он все еще колебался. Тогда я подъехал к контрольно-пропускному пункту на окраине города, где собралась толпа оборванных вооруженных солдат, встал во весь рост, вынул часы и объявил, что даю им три минуты, чтобы сложить оружие, после чего артиллерия откроет по ним огонь. Солдаты немедленно подчинились. Царское Село было таким образом взято без единого выстрела, но после 12 часов фатального промедления.

Борис Савинков

Генерал Краснов приказал поставить на шоссе два орудия и послал броневой автомобиль с ультиматумом.

— Положить оружие в течение пяти минут.

Но не успели еще большевики исполнить приказание генерала Краснова, как сзади, со стороны Гатчины, показался автомобиль. Не останавливаясь и не обращая внимания на стоящие на шоссе орудия, он въехал прямо в толпу шумевших большевиков. Через минуту Керенский говорил речь.

Большевики кричали «ура», казаки покидали посты и смешивались с большевиками, и вскоре невозможно было понять, кто друг и кто враг.

После Керенского говорил его адъютант. Потом автомобиль повернул и умчался обратно в Гатчину. Человек сорок большевиков положили оружие. Остальные отошли на несколько десятков сажен и снова запрудили шоссе. Ультиматум генерала Краснова исполнен не был.

Петр Краснов

Керенский врывается в толпу колеблющихся солдат, стоящих в двух верстах от Царского Села. Автомобиль останавливается. Керенский становится на сиденье, и я опять слышу проникновенный, истеричный голос. Осенний ветер схватывает слова и несет их в толпу, отрывистые, тусклые, уже никому ненужные, желтые и поблекшие, как осенние листья.

...Завоевания революции... Удар о спину... Немецкие наемники и предатели!..

Казаки-енисейцы въезжают в толпу и силой отбирают винтовки. Сзади подъехал наш грузовик, и гора винтовок растет на нем.

Обезоруженные солдаты сконфуженно идут прямо полем к казармам. Но там, у ворот Царского, настроение иное. Там кто-то распоряжается. Цепи выходят из парка, они учуяли нашу малочисленность и стараются окружить нас. С моего правого фланга тревожные донесения. На него из Павловска наступают цепи и оттуда стреляет батарея.

Я прошу Керенского отъехать назад и вызываю взвод Донской батареи, той самой батареи, которая не раз выручала меня в тяжелые минуты в настоящей войне. Донские пушки становятся на шоссе в какой-нибудь версте от цепей и громадного скопища солдат у ворот Царскосельского парка. Молодцов артиллеристов можно перестрелять, как куропаток. Я и енисейцы отъезжаем в боковые улочки предместья.

Наступает томительная тишина. И вдруг — тах, тах, тах, — затрещали ружья по нашему левому флангу.

— Первое!.. — раздалась команда. — Пли!

И за первой, почти сливаясь, ударила вторая пушка. И затихла. Два белых мячика разрыва отчетливо сверкнули над самыми головами центральной толпы. И будто слизнули они все это море голов и блестящих штыками винтовок. Все стало пусто. Вся эта громадная многотысячная толпа метнулась в сторону и побежала сломя голову к станции, наваливаясь в вагоны и требуя отправки в Петроград.

Казаки стали входить в Царское.

В сумерках Царское Село было занято. Солдаты гарнизона, не успевшие убежать по железной дороге, попрятались в казармы, отказывались выдать оружие, но и не предпринимали ничего враждебного против нас. Казаки почти без сопротивления овладели станцией железной дороги, подошли к Александровской и заняли радиостанцию и телефон.

Победа была за нами, но она съела нас без остатка.

За весь день 28 октября к нам подошло три сотни 1-го амурского казачьего полка, но амурцы заявили, что «в братоубийственной войне принимать участие не будут», что они «держат нейтралитет», и отказались даже выставить заставы для охраны Царского Села и сменить усталых донцов... Они стали в деревнях, не доходя до Царского Села.

Те люди, которые шли со мною, были сильно утомлены. Они двое суток провели без сна в непрерывном нервном напряжении. Лошади отупели, не имея отдыха. Необходимо было дать передышку. Но мои люди не столько устали физически, сколько истомились в ожидании помощи. Комитеты мне заявили, что казаки до подхода пехоты дальше не пойдут. Надежда на то, что кто-либо подойдет за день, и желание лучше выяснить обстановку заставили меня назначить на 29 октября дневку в Царском Селе.

Офицеры моего отряда — все корниловцы — возмущались поведением Керенского. Он обещал дать помощь, но он не только не дает нам посторонних войск, но и не может принудить вернуть корпусу части, входящие в него. Его популярность пала, он — ничто в России, и глупо поддерживать его. Вероятно, под влиянием разговоров с офицерами и казаками, которые говорили: «Пойдем с кем угодно, но не с Керенским».

Джон Рид

В Царском Селе на станции все было спокойно, но там и сям виднелись кучки солдат, тихо перешептывавшихся между собой и беспокожно поглядывавших вдоль пустынной дороги в сторону Гатчины. Я спрашивал их, за кого они. «Что ж, сказал мне один солдат, — ведь мы дела не знаем... Конечно, Керенский провокатор, но, думается нам, нехорошо русским людям стрелять в русских людей».

В помещении начальника станции дежурил высокий приветливый и бородатый солдат с красной повязкой полкового комитета на рукаве. Наши удостоверения из Смольного внушили ему большое уважение. Он был, безусловно, за Советы, но находился в некотором смущении.

«Красногвардейцы были здесь два часа назад, но потом ушли. Утром явился комиссар, но, когда пришли казаки, он вернулся в Петроград».

«А сейчас здесь казаки?»

Он мрачно кивнул головой: «Здесь был бой. Казаки пришли рано утром. Они взяли в плен двести-триста человек наших и человек двадцать пять убили».

«А где же они теперь?»

«Да вряд ли далеко ушли. Точно не знаю. Где-нибудь там...» — и он неопределенно махнул рукой на запад.

Мы пообедали в станционном буфете, пообедали прекрасно, гораздо дешевле и лучше, чем в Петрограде. По соседству с нами сидел французский офицер, только что вернувшийся пешком из Гатчины. Он говорил, что там все спокойно. Город в руках Керенского. «Ах, эти русские! — восклицал он. — Что за оригиналы!.. Хороша гражданская война! Все, что угодно, только не дерутся...»

Мы пошли в город. У выхода из вокзала стояло двое солдат с винтовками и примкнутыми штыками. Их окружало до сотни торговцев, чиновников и студентов. Вся эта толпа набрасывалась на них с криками и бранью. Солдаты чувствовали себя неловко, как несправедливо наказанные дети.

Атаку вел высокий молодой человек в студенческой форме, с очень высокомерным выражением лица.

«Я думаю, вам ясно, — вызывающе говорил он, — что, поднимая оружие против своих братьев, вы становитесь орудием в руках разбойников и предателей».

«Нет, братишка, — серьезно отвечал солдат, — не понимаете вы. Ведь на свете есть два класса: пролетариат и буржуазия. Так что ли? Мы...»

«Знаю я эту глупую болтовню! — грубо оборвал его студент. — Темные мужики вроде вот тебя наслушались лозунгов, а кто это говорит и что это значит — это вам невдомек. Повторяешь, как попугай!» В толпе засмеялись... «Я сам марксист! Говорю тебе, что то, за что вы сражаетесь, — это не социализм. Это просто анархия, и выгодно это только немцам».

«Ну да, я понимаю, — отвечал солдат. На лбу его выступил пот. — Вы, видно, человек ученый, а я ведь простой человек. Но только думается мне...»

«Ты, верно, думаешь, — презрительно перебил студент, — что Ленин — истинный друг пролетариата?»

«Да, думаю», — отвечал солдат. Ему было очень тяжело.

«Хорошо, дружок! А знаешь ли ты, что Ленина прислали из Германии в заплombированном вагоне? Знаешь, что Ленин получает деньги от немцев?»

«Ну, этого я не знаю, — упрямо отвечал солдат. — Но мне кажется, Ленин говорит то самое, что мне хотелось бы слышать. И весь простой народ говорит так. Ведь есть два класса: буржуазия и пролетариат...»

«Дурак! Я, брат, два года высидел в Шлиссельбурге за революцию, когда ты еще стрелял в революционеров да распевал “Боже, царя храни!” Меня зовут Василий Георгиевич Панин. Ты обо мне никогда не слыхал?»

«Не слыхал, извиняюсь... — смиренно отвечал солдат. — Я ведь человек неученый. Вы, должно быть, большой герой...»

«Вот именно, — уверенно заявил студент. — И я борюсь с большевиками потому, что они губят Россию и нашу свободную революцию. Что ты теперь скажешь?»

Солдат почесал затылок. «Ничего я не могу сказать! — его лицо было искажено умственным напряжением. — По-моему, дело ясное, только вот неученый я человек!.. Выходит словно бы так: есть два класса — пролетариат и буржуазия...»

«Опять ты с этой глупой формулой!» — закричал студент.

«...Только два класса, — упрямо продолжал солдат. — И кто не за один класс, тот, значит, за другой...»

Мы пошли по улицам. Редкие фонари давали мало света, прохожих почти не встречалось. Над городом нависло угрожающее молчание, нечто вроде чистилища между раем и адом, политически ничейная земля. Только парикмахерские были ярко освещены и набиты посетителями, да у бани стояла очередь: дело было в субботу вечером, когда вся Россия моется и чистится. Я нисколько не сомневаюсь, что в тот вечер и тут и там мирно встречались советские бойцы и казаки.

Мчась в Петроград сквозь холод и мрак, я видел через окно вагона кучки солдат, жестикулирующих вокруг костров. На перекрестках стояли группы броневиков. Их водители перекрикивались между собой, высовывая головы из башенок.

Всю эту тревожную ночь по холодным равнинам блуждали без предводителей команды солдат и красногвардейцев. Они сталкивались и смешивались между собой, а комиссары Военно-революционного комитета торопились от одной группы к другой, пытаясь организовать оборону...

Борис Савинков

День 29 октября прошел спокойно. Генерал Краснов ожидал подкреплений, которые ему должны были быть присланы с фронта. Подкрепления эти не подошли. Царское Село было занято казаками, Павловск тоже, но ни в Царском Селе, ни в Павловске не было возможности организовать, за малочисленностью казачьих частей, правильную полицейскую службу. На всех углах раздавались большевистские речи, и на всех площадях происходили митинги солдат и казаков. Я обратил внимание генерала Краснова на опасность такой пропаганды. Он с сожалением пожал плечами:

— Вы правы. Но что же мне делать? Единственное средство — арестовать агитаторов. Но Керенский не согласится на это.

— Разве необходимо согласие Керенского?

— Он верховный главнокомандующий.

На это нечего было возразить.

Петр Краснов

Ко мне зашел Савинков и предложил убрать Керенского, арестовать его и самому стать во главе движения.

— С вами и за вами пойдут все, — говорил мне Савинков.

Но я знал, что это было не так. Я был генерал, это во-первых. Во-вторых, мое отношение к войне и победе было слишком хорошо известно солдатским массам. Я мог усмирить солдатское море не из Петрограда, а из ставки, ставши верховным главнокомандующим и отдавши приказ о немедленном перемирии с немцами на каких угодно условиях. Только такая постановка дела могла привлечь на мою сторону солдатские массы. Но, конечно, на это я не мог пойти. Да и это не спасло бы Россию от разгрома. С этим не согласились бы офицеры и лучшая часть общества. А без этого — без мира — свержение и арест Керенского только сделали бы из него героя и еще более усилили бы разруху.

Моею заботой было усилить до пределов возможного свой отряд за счет Царскосельского гарнизона. Неужели из 16000 солдат-стрелков не найдется хотя бы одной тысячи, которая согласилась бы пойти с нами! Я вызвал офицеров к себе. Они все были против большевиков и обещали повлиять на солдат. Начались митинги. Но резолюции были самые неутешительные. Солдаты обещали не вмешиваться в «братоубийственную» войну и держать полный нейтралитет. Я и этому должен был быть рад, — по крайней мере, не ударят в спину.

В Царском Селе находилась пулеметная команда 14-го донского казачьего полка. Я вызвал ее офицеров и комитет. Явились самые настоящие большевики. Злые, упорные, тупые, все ненавидящие. Тщетно и я и чины дивизионного комитета говорили им о любви к Дону, о необходимости согласия всех казаков между собою, о призыве от совета союза казачьих войск стать на защиту правительства. Напрасно простые казаки комитета, энергично разрушая программу большевистских вождей, говорили: «нам, господа, казакам, с большевиками никак не по пути» — представители 14-го полка уперлись, как бараны, что они заодно с Лениным, что Ленин за мир, и категорически отказались помочь.

Вечером ко мне явились комитеты 1-й донской и уссурийской дивизий. Подъесаул Ажогин, конфузясь и стесняясь, заявил, что казаки отказываются идти на Петроград одни, без пехоты. Если пехота не приходит, значит, она вся против правительства и идет с большевиками. Нам одним все равно ее не победить. Я горячо начал возражать им. Я говорил, что пехота сама не знает, чего

она хочет. Заняли же мы без боя Гатчину и Царское? Как можем мы отказываться идти вперед, не зная, что будет. А если правда, что 1-й, 4-й и 14-й донские полки выйдут нам навстречу, если преображенцы и волынцы только и ожидают нас? Мы должны разведать, узнать все и тогда решить. Я сам понимаю, что девятью сотнями нам Петрограда не взять, да если бы и взяли, так не охранили бы, но к нам примкнул сотни тысяч людей; будет великим позором для наших славных знамен, если мы откажемся даже разведать.

— Вы меня знаете за всю войну, — горячо говорил я казакам. — Разве я водил вас когда-либо очертя голову? Сделаем разведку, произведем усиленную рекогносцировку с боем, а тогда и увидим, кто наш противник. И если нельзя, то нельзя. Отойдем, будем обороняться и ждать помощи.

— Не придет эта помощь! Все против нас! — с тоскою сказал кто-то из казаков.

Но комитет сдался.

— Попробовать надо, — раздавались голоса. — Как же это так, без разведки-то никак невозможно. Генерал прав...

Разошлись, постановив на том, что мой приказ исполнять точно. Я понимал, что при таком настроении казаков нечего было и думать о серьезном бое, да и мало было нас, и отдал приказ об усиленной рекогносцировке в направлении на Пулковку.

Александр Керенский

К утру 29 октября нам следовало быть в Петрограде, а мы дошли лишь до Царского Села. В тот день в столице вспыхнуло антибольшевистское восстание. В четыре пополудни меня позвали к телефону. Звонили из Михайловского дворца, расположенного в самом центре города, где разместился штаб сторонников правительства. Они просили прислать помощь, а мы были бессильны это сделать.

Петр Краснов

Рано утром 30-го прорвавшийся из Петрограда гимназист передал мне клочок бумаги, величиной немного более гербовой марки, на котором стоял бланк совета союза казачьих войск и мелко было написано:

«Положение Петрограда ужасно. Режут, избивают юнкеров, которые являются пока единственными защитниками населения. Пехотные полки колеблются и стоят. Казаки ждут, пока пойдут пехотные части. Совет союза требует вашего немедленного движения на Петроград. Ваше промедление грозит полным уничтожением детей-юнкеров. Не забывайте, что ваше желание бескровно захватить власть — фикция, так как здесь будет поголовное истребление юнкеров. Подробности узнаете от посланных».

Я объявил эту записку собравшимся казакам и, казалось, поднял в них настроение.

Александр Керенский

Финальный акт трагической борьбы Временного правительства за свободу и честь России разыгрался 30 октября вблизи знаменитой Пулковской обсерватории. Так называемые Пулковские высоты были в руках кронштадтских матросов. В нашем распоряжении было 700 казаков, бронепоезд, пехотный полк, только что прибывший с фронта, и несколько полевых орудий.

Петр Краснов

Я направляю сотню 13-го полка по шоссе на Красное Село на дер. Сузи, сотню 9-го полка — на Петроградское шоссе на дер. Редкое Кузьмине, полусотню — на нижнюю порогу на Большое Кузьмине в обход Пулкова, взвод — на Славянку и к Колпину. Ушли... и у меня почти никого не осталось. Ожидаю донесений. Обстановка совсем какого-либо малого маневра под Красным Селом. Даже и разведка накоротке... Не прошло и часа, как я получил известие, что сотни остановились. У Сузи и у Кузьмине началась перестрелка.

Идем на выстрелы. Броневой поезд продвигается по Варшавской ветке к Петрограду.

Я выезжаю в Кузьмине. По Кузьмину уже свищут пули. Приходится слезать и идти пешком. За мною целая свита, чего я так не люблю. Савинков не отстаёт от меня, как бы рисуясь своим нахождением в цепях.

С ним — два каких-то штатских, только что прибывших из Петрограда. Мне называют их. Кажется, господа Гоц и Дан.

Мне эти имена ничего не говорят. Я их не знаю, но знаю одно, что им не место в цепях, в бою, и я их под разными предлогами удаляю. Помогает мне в этом и все усиливающийся огонь противника. Часто свистящие пули заставляют исчезнуть с поля битвы каких-то гимназистов-велосипедистов, офицера с двумя барышнями, вышедшими из дач посмотреть на бой. Только мужики и бабы с ребятишками все не могут понять, что это не маневры, и никак не уходят. Офицеры прогоняют их.

— Ну чего гонишь-то! Эка невидаль. Сколько маневров-то тут было. Никогда не гоняли. И царь приезжал и то не гоняли, — ворчат мужики.

Но появляются раненные, и настроение меняется. Редкое Кузьмине пустеет. Посторонних — никого. Один Савинков бесстрашно ходит по цепям и смотрит в бинокль на Пулково.

С окраины дер. Редкое Кузьмино, где залегли казаки, позиция противника и вся местность до Петрограда видны отлично. За Редким Кузьминым — глубокий овраг, по дну которого в осыпях голубой глины течет река Славянка. Этот овраг отделяет нас от большевиков. За оврагом — небольшая деревушка, потом Пулково. Все склоны Пулковской горы изрыты окопами и черны от красной гвардии. Даже на глаз можно сказать, что там — не менее пяти-шести тысяч. Они то рассыпаются в цепи, то сбиваются в кучи. Густые, длинные цепи их спускаются вниз и идут к оврагу. В бинокль видно, что это — не солдаты. Цепи двух видов. Одни в черных штатских пальто, идут неровно, то подаются вперед, то бегут назад, это — красная гвардия. Другие, одетые в черные короткие бушлаты, наступают, соблюдая строгое равнение, быстро залегают, применяясь к местности, это — матросы. Красная гвардия — в центре, на Пулковой горе, матросы — по флангам. Три броневика работают по шоссе. Они снабжены пушками и обстреливают Редкое Кузьмино. Другой артиллерии пока нет.

Владимир Малаховский

В боях под Пулковом сразу же выяснилась полная непригодность Красной гвардии к таким задачам. С одной стороны, красногвардейцы показывали необычайный героизм, самопожертвование, готовность умереть, холодать и голодать, своим энтузиазмом заражали и поддерживали солдат гарнизона, на-

стойчиво требовали снарядов, патронов на передовые позиции, беспрекословно выполняли все приказания, без малейшего намека на желание дезертировать шли на позиции. Ни в какой мере нельзя говорить, что петроградские рабочие дрогнули хотя бы на минуту. С другой стороны, эта лучшая по духу армия не могла бы продержаться сколько-нибудь продолжительно, так как не имела правильной централизованной организации, а главное, снаряжение этих прекрасных бойцов было рассчитано на то, что прямо от станков они идут в бой, не имея собственных продовольственных и значительных огневых баз. Если еще в городе как-нибудь можно было обходиться без этого, то здесь, на Пулковских высотах, положение складывалось весьма затруднительное. Единым духом Краснова с Керенским разбить было нельзя, пришлось поканителиться несколько дней, а для этого требовалось снабжение красногвардейцев хоть какой-либо пищей. Особенно старался для наших отрядов в этом направлении тов. Врублевич (с завода «Новый Парвайнен»), бегавший повсюду и добывший с большим трудом походную кухню, которую с еще большими затруднениями он перевез на позиции.

Был еще один характерный и существенный недостаток Красной гвардии: это — особое удалство. Так, когда перешли в наступление, часто во время перебежек красногвардейцы не наклонялись совсем, отчего не мало полегло лишних жертв. Многие красногвардейцы еще при обучении на полянках Выборгской стороны делали такие удалые перебежки. Когда же мы, обучавшие их солдаты, указывали на недопустимость этого, то получали в ответ, что сгибание при перебежках и стрельба лежа позорны для революционеров, показывают трусость. Не легко было еще на учении доказывать, что наши указания — это старые военные правила отнюдь не для трусов, и никакой надобности и разумности нет в подставлении без пользы своих лбов под пули врагу.

Петр Краснов

Моя сила в артиллерии и броневом поезде. Я расставил батареи за Редким Кузьминым — одну батарею вызвал совсем открыто перед Редким Кузьмине и артиллерийским огнем держу противника в почтительном отдалении. Один из наших снарядов

попал подле броневика, и видно, как из него убежала команда, а броневик остался стоять за дер. Сузи. Кто-то, вероятно, начальник и распорядитель боя, носился в автомобиле по шоссе, но и его остановили на шоссе удачным попаданием...

Слева мои пулеметчики перешли в наступление и заставили отойти противника к деревне Сузи. Мне уже было очевидно, что противник решил сопротивляться, что одним огнем артиллерии его не собьешь, а живой силы, чтобы надавить на него, у меня недостаточно; рекогносцировка дала свои результаты, но я не уходил. У меня были другие ожидания. Гром пушек под самым Петроградом, известие, что мы деремся под Пулково, должны же были как-нибудь повлиять на петроградский гарнизон и на донские полки, там находящиеся. Если они станут на нашу сторону, если в Петрограде произойдет восстание не одних юнкеров, Пулково будет очищено. Но на это нужно время. Хотя бы до вечера. И до вечера надо драться. Около полудня я получил донесение, что большая колонна солдат — тысяч до десяти — движется от Московского шоссе наперерез Варшавской железной дороги, выходя нам в тыл к Большому Кузьмину. Я послал броневой поезд и тридцать конных казаков. После получаса томительного ожидания донесение: колонна — л. гв. Измайловский полк, в полном составе, после первой же шрапнели бежал в беспорядке, один офицер взят в плен.

Разговоры об этом произвели сильное впечатление на молодого офицера л. гв. сводного казачьего полка, стоявшего за неимением винтовок у его казаков в бездействии сзади Александровской. Он прискакал ко мне и просил разрешить ему атаковать деревню Сузи.

— Погодите, — сказал я ему. — Еще рано. Вы атакуете вместе со всеми.

Но не понял ли он меня, или уж очень хотелось ему отличиться и потешиться над большевиками, но не прошло и пяти минут, как за домами стали мелькать конные фигуры скачущих казаков. Ко мне подошел полковник Попов и с тревогою спросил:

— Вы приказывали атаковать оренбуржцам?

— Нет, — отвечал я.

— Смотрите, они уже атакуют!

Вернуть было невозможно. Сотня оренбургской молодежи

с беззаветною лихостью развернулась в лаву и ринулась на деревню Сузи, занятую матросами.

Мы все вышли из-за домов следить за нею. Казалось, что вот-вот она достигнет своей цели и — кто знает — потрясет противника. Правее Сузи, вне поля атаки, целые толпы черных фигур в беспорядке кинулись бежать. Но это были красногвардейцы. Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулеметчики бегом побежали вперед, чтобы пулеметным огнем помочь атакующей части...

Но казаки наткнулись на болотную канаву. Лошади стали вязнуть, и атака остановилась. Еще секунда напряженного волнения. Видно, как под выстрелами, едва не в упор, падают люди. Командир сотни убит. И сотня — кто верхом, кто, соскочивши с лошади, пешком — побежала назад. Освободившиеся от всадников лошади, задравши хвосты, метались вдоль фронта и падали, сраженные пулями матросов.

Потери сотни были не так велики, как того можно было ожидать. Убит командир сотни, и около 18 казаков было ранено, да погибло до сорока лошадей, но морально эта неудачная атака была очень невыгодна для нас. Она показала стойкость матросов. А матросы численно более, нежели в 10 раз, превосходили нас. Как же было бороться при таких условиях?

Бой стал затихать. Прибывшие из Гатчины две сотни 9-го полка с великою неохотою спешивались и вступали в бой. То та, то другая батарея смолкала. Снаряды были на исходе. Патронов было мало. Я послал за снарядами и патронами в Царское Село. Но там у артиллерийского склада стояла сильная вооруженная команда, которая сказала, что ввиду заявленного нейтралитета она никому ни снарядов, ни патронов не даст.

Ко всему этому на Пулковской горе матросы установили морское дальнобойное орудие и начали обстреливать мой тыл, бросая снаряды вдоль шоссе по коноводам. Снаряды долетали и до Царского Села и падали возле Экономического Общества и дворца в. княгини Марии Павловны. Это начало влиять на царско-сельский гарнизон. Во всех полках собирались митинги.

Царскосельская молодежь, студенты, лицеисты и кадеты, кто верхом, кто на велосипеде, кто на извозчике, все время поддерживали связь со мною, сообщая мне обо всем, что творится у меня в тылу. Они бесстрашно проникали в казармы, присут-

ствовали на митингах, некоторые даже вступали в споры и поставляли меня в известность о всех резолюциях царскосельского гарнизона.

Резолюции были одинаковы: потребовать от казаков прекращения боя с угрозой, что иначе весь гарнизон с оружием в руках выйдет казакам в тыл. Эти резолюции волновали коноводов. Обремененные кто тремя, кто четырьмя лошадьми, они чувствовали себя под такую угрозу совсем плохо.

Борис Савинков

Около трех часов дня генерал Краснов попросил меня съездить в Гатчину, к Керенскому, просить подкреплений. Керенский мне сказал, что части 33-й и 3-й Финляндских стрелковых дивизий двигаются с фронта на помощь генералу Краснову. С этим известием я и вернулся к вечеру в штаб, но в Александровке застал совсем другую картину, чем утром. Артиллерийский огонь большевиков стал гораздо сильнее. Стреляли уже шестидюймовые гаубицы. Царскосельский парк обстреливался частым огнем. Чтобы попасть в Александровку, надо было проехать через огонь заграждения. Потери казаков были очень значительны. В самой Александровке свистели ружейные пули. Где-то очень близко стучал неприятельский пулемет. Но генерал Краснов не отступил еще ни на шаг, и я нашел его в той же избе, в которой оставил. И только когда стемнело и выстрелы стали реже, он написал на клочке бумаги несколько слов и передал мне. Я прочел: «У нас нет больше ни снарядов, ни ружейных патронов. Что делать?» Я ответил карандашом: «Отступить к Гатчине и ждать обещанных подкреплений». Генерал Краснов мне сказал:

— Я тоже думаю так.

Потом он отдал приказ отступить. Казаки в полном порядке, со всей артиллерией и обозами, сотня за сотней стали вытягиваться по Гатчинскому шоссе. В Гатчине нас ожидал Керенский.

Петр Краснов

Короткий осенний день сменялся сумерками ненастной ночи. Моросил дождь. Артиллерийский огонь смолкал. Батареи без приказа отходили назад. Матросы, не сдерживаемые артиллерийским огнем, перешли в наступление. С большим искусством

они стали накапливаться на обоих флангах; не только Большое Кузьмино было занято ими, но они выходили уже на Варшавскую железную дорогу, на царскую ветку и приближались к станции Царское Село, выходя мне в тыл. Пули прорезывали деревню Редкое Кузьмино с трех сторон. Я приказал отойти за полотно Варшавской дороги. Уходил я последним. У меня болела левая нога — и я, хромя, не мог поспевать за быстро уходящими казаками. Матросы уже входили в Редкие Кузьмино, непрерывно стреляя. Постреляли они плохо. Казаки, укрываясь за домами, перебежали от дома к дому, я шел с подьесаулом Кульгавовым и ротмистром Рыковым прямо по дороге. Пули свистали близко, но ни одна не попала.

С трудом перелез я через крутую насыпь железной дороги и прошел в одну из ближайших дач, чтобы написать приказ об отходе. В ста шагах вдоль по насыпи лежала редкая казачья цепь. Дальше все Редкое Кузьмино было полно матросами и красногвардейцами. Они подходили уже и к станции Александровской, но из Редкого Кузьмина не выходили. Боялись темноты.

Около часа ночи я был в Гатчине. Керенский меня ожидал. Он был растерян.

— Что же делать, генерал? — спросил он меня.

— Будет помощь? — спросил я его.

— Да, да, конечно. Поляки обещали прислать свой корпус. Наверно будет.

— Если подойдет пехота, то будем драться и возьмем Петроград. Если никто не придет, ничего не выйдет. Придется уходить.

Отдал распоряжение на все дороги к переправам поставить заставы с артиллерией и глубокою ночью прилег отдохнуть. Не успел я заснуть, как меня разбудили. У меня — полковник Марков, командир артиллерийского дивизиона.

— Ваше превосходительство, — взволнованно говорит он, — казаки отказываются идти на заставы и не берут снарядов. Сказали, что по своим больше стрелять не будут.

— Передайте, что я приказываю разобрать снаряды и выполнить мой боевой приказ.

Едва ушел Марков, как явился Лаврухин и заявил, что 9-й донской полк не взял патронов и не пошел на заставы. Гатчина никем не охраняется.

Накануне вечером пришли две сотни 10-го донского полка из Острова. Я направил их на заставы и ожидал установки с ним связи. Рано утром поехал их проверить. В Гатчине спокойно, но как-то сумрачно. Донцы 10-го полка устроили окопы, перекопали шоссе, чтобы броневые машины не могли подойти, смотрят на холодные воды реки Пудости и говорят: никогда красногвардеец вброд не пойдет, а тут удержим.

На душе стало немного спокойнее. Поехал назад уговаривать артиллерию. На дворцовом дворе, где стояли казаки, нашел толпы казаков и среди них матросов. Это прибыли переговорщики. Они вели переговоры не от себя, а от таинственного союза железнодорожников «Викжеля». «Викжель» уговаривал прекратить братоубийственную войну и сговориться миром. Он угрожал в противном случае железнодорожной забастовкой. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения казаков. Идея мира на внутреннем фронте казалась им не менее заманчивой, нежели идея мира на фронте внешнем. Все, даже самые солидные казаки, носились с этой идеей и находили ее прекрасной. Я вызвал комитеты. Говорят одно, но думают другое.

«Никогда донские казаки не подпадут под власть Ленина и Бронштейна»... «Этому не бывать». «Нам с большевиками не по пути!»...

И рядом с этим: «Отчего не вступить в мирные переговоры, может быть, до чего-нибудь и договоримся. Что же, разве большевики не люди?», «Они тоже драться не хотят». «Это дело Керенского». «Он заварил кашу, он пускай и расхлебывает». «Время протянется, может быть, к нам и подойдет кто. Тогда со свежими силами можно и снова войну начать». «Все одно нам одним, казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними — что же будем делать?»

Тщетно я, Ажогин и фельдшер Ярцев, лихой казак, перевязывавший мне рану, когда меня ранили в 1915 году в бою под Незвиской, уговаривали и доказывали, что с большевиками мира быть не может, — у казаков крепко засела мысль не только мира с ними, но и через посредство большевиков отправления домой на Дон, и с этим уже не было никакой силы бороться. В конце переговоров ко мне пришел адъютант Керенского; он просил меня, председателя комитета и начальника штаба придти к нему на совещание.

Джон Рид

Всего два дня назад по окрестностям Петрограда бесцельно бродили беспорядочные, лишенные руководителей команды. У них не было ни продовольствия, ни артиллерии, ни какого бы то ни было плана действий. Что сплотило эти массы красногвардейцев и солдат, у которых не было ни организации, ни навыков воинской дисциплины, ни офицеров, в армию, подчиняющуюся своему выборному командованию, способную выдержать и отразить удар артиллерии и казачьей конницы?

Восставший народ по-своему отбрасывает прочь военные шаблоны.

В воскресенье вечером комиссары Военно-революционного комитета вернулись с фронта в полном отчаянии, и петроградский гарнизон выбрал свой Комитет пяти, свой боевой штаб, в составе трех солдат и двух офицеров, несомненно свободных от контрреволюционной заразы. Общее командование было возложено на экс-патриота полковника Муравьева — дельного человека, за которым, однако, было необходимо зорко следить. В Колпине, Обухове, Пулковке, в Красном Селе были сформированы временные отряды, постепенно увеличивавшиеся, по мере того как к ним присоединялись бродившие по окружающей местности группы, в которых были перемешаны солдаты, матросы, красногвардейцы, отдельные части разных полков, пехота, кавалерия, артиллерия и несколько броневиков.

На рассвете показались казачьи разъезды Керенского. Началась беспорядочная ружейная перестрелка, сопровождаемая требованиями сдаться. Над холодной равниной ясный морозный воздух наполнился звуками боя. Их услышали блуждавшие команды, собравшиеся в ожидании у костров. Итак, началось! Они кинулись туда, где шел бой. Отряды рабочих, шедшие по главным дорогам, ускорили шаг. Ко всем атакованным пунктам сами собой стекались огромные массы охваченных гневом людей. Их встречали комиссары, указывавшие, какую позицию занять, что делать. Это была их битва за их собственный мир; командиры были избраны ими самими. В тот момент все многообразные и разнородные проявления воли многих слились в одну волю.

Участники этих боев рассказывали мне, как сражались матросы: расстреляв все патроны, они бросились в штыки; как необ-

ученные рабочие ринулись на казачью лаву и вышибли казаков из седел; как в темноте какие-то неизвестно откуда взявшиеся толпы народа внезапно, как волны, обрушились на врага. В понедельник еще до полуночи казаки дрогнули и побежали, бросая артиллерию. Пролетарская армия двинулась перед длинным, изломанным фронтом и ворвалась в Царское, не дав врагу времени разрушить правительственную радиостанцию. Теперь эта станция метала в мир торжествующие гимны победы.

Борис Савинков

На другой день, 31-го, Керенский собрал военный совет. На этом совете, кроме него, присутствовали: генерал Краснов, начальник штаба полковник Попов, председатель дивизионного казачьего комитета есаул Ажогин, помощник петроградского главнокомандующего капитан Кузьмин, комиссар Временного правительства Станкевич и я.

Керенский поставил вопрос, можно ли еще защищаться или надлежит вступить в переговоры с большевиками?

Голоса разделились. Генерал Краснов, полковник Попов и есаул Ажогин находили, что следует Гатчину защищать. Капитан Кузьмин и комиссар Станкевич были другого мнения.

Когда очередь дошла до меня, я сказал, что что бы ни было, но мы обязаны защищать Гатчину до конца. Комиссар Станкевич спорил со мной. Он указывал, что высшие государственные интересы требуют мира с большевиками и что я, не неся ответственности, не отдаю себе отчета в сложности положения. Керенский согласился с ним. Он сослался на полученную им телеграмму от «Викжеля» — Союза железнодорожников, в которой этот Союз требовал прекращения «братоубийственной войны» и в противном случае угрожал забастовкой.

Александр Керенский

Генерал Краснов и офицеры его штаба стали уговаривать меня вступить с большевиками в мирные переговоры. Я твердо выступил против, однако 31 октября военный совет решил направить в Петроград свою делегацию. К Гатчине вот-вот должны были подойти подкрепления с фронта. В Луге, ближайшем к Гатчине городе, весь гарнизон был на стороне правительства. И я решил

на какое-то время заняться игрой. В Петрограде уже был создан центр антибольшевистских сил — «Комитет спасения родины и революции». Прибегнув в качестве курьера к помощи комиссара при Ставке Верховного командования Станкевича, я направил с ним непосредственно в адрес этого комитета свои условия перемирия, конечно же, абсолютно неприемлемые для большевиков. Станкевич немедленно отбыл в столицу.

Петр Краснов

Разговор шел о высшей политике. Возможно или невозможно примирение с большевиками?

Я, начальник штаба, полковник Попов и подъяесаул Ажогин молчали. Образование нового министерства с большевиками или без них — это было дело правительства, а не войска, и нас не касалось.

На вопрос, поставленный мне Савинковым, можем ли мы продержаться несколько дней в Гатчине, я ответил:

— Оценивая позицию у Пудости и Таиц и боеспособность красной гвардии, — да, можем, но, оценивая моральное состояние казаков, отказавшихся брать снаряды и патроны и воевать, — конечно, нет. Перемирие нам необходимо, чтобы выиграть время; если за это время к нам подойдет хотя один батальон свежих войск, мы продержимся и с боем.

Решено было войти в переговоры о перемирии с «Викжелем». Против этого был только Савинков. Станкевич должен был поехать в Петроград искать там соглашения или помощи, Савинков ехал за поляками, а Войтинский — в ставку просить ударные батальоны.

Борис Савинков

В Гатчинском дворце царили растерянность и беспорядок. Верховный главнокомандующий не отдавал приказаний или, отдавая, отменял их и потом отдавал снова. Никто не знал, что ему делать. Начиналась паника, и чувствовалось, что дело проиграно.

Я не мог примириться с этим позором. После окончания военного совета я остался с Керенским с глазу на глаз. Я сказал ему, что, вступая в переговоры с большевиками, он принимает на себя ответственность неизмеримую. Я просил его подождать

хоть несколько часов, пока придут подкрепления, и предложил ему съездить на автомобиле за ними и, кроме того, проехать в расположение польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого и приказать ему от имени Керенского двинуть свой корпус на Гатчину. Керенский мне ответил:

— Подкрепления не подойдут. Мы окружены. Вы никуда не пойдете. Большевики вас убьют по дороге.

Я настаивал, и Керенский, наконец, согласился. Мне было выдано удостоверение на проезд в польский корпус, и тут же был изготовлен приказ на имя генерала Довбор-Мусницкого.

Вечером я прошел попрощаться с Керенским и напомнить ему его обещание подождать от меня известий и воздержаться пока от переговоров с большевиками. Керенский лежал на диване в одной из комнат Гатчинского дворца. В камине горел огонь. У камина, опустив головы, молча, в креслах сидели его адъютанты поручик Виннер и капитан второго ранга Кованько.

Керенский не встал, когда я вошел. Он продолжал лежать и, увидев меня, сказал:

— Не ездите.

— Почему?

— Вы никуда не доедете. Мы окружены.

— Я в этом не уверен.

— Я имею сведения.

— Я все-таки поеду.

— Не нужно. Оставайтесь здесь. Все пропало.

Тогда я сказал:

— А Россия?

Он закрыл глаза и почти прошептал:

— Россия? Если России суждено погибнуть, она погибнет... Россия погибнет... Россия погибнет...

Через час я уже ехал по шоссе, по направлению к Луге, где, по моим расчетам, могли быть части 33-й и 3-й Финляндских стрелковых дивизий. Со мной ехали Флегонт Клепиков и комиссар 8-й армии Вендзягольский.

(...) я почувствовал, что большевики победили, когда приехал в Лугу.

На улицах толпились солдаты. На всех углах говорились речи. Милиции не было. В городе царил беспорядок. Я послал Флегон-

та Клепикова посмотреть, что делается на вокзале. Вернувшись, он доложил мне, что эшелоны 33-й и 3-й Финляндских стрелковых дивизий стоят на запасных путях, но что много также большевистских солдат и что распоряжается ими матрос Дыбенко, впоследствии большевистский морской министр.

Через час я увиделся с офицерами 33-й и 3-й Финляндских дивизий.

— Давно вы в Луге?

— Два дня.

— Почему вы не двигаетесь на Гатчину?

— У нас нет определенного приказа.

— Но вы ведь получили приказание от генерала Духонина.

— Так точно.

— Так в чем же дело?

— Генерал Черемисов за эти два дня отдал пять противоречивых приказаний. То он приказывал погрузиться, то стоять в Луге, то опять грузиться, то возвращаться на Юго-Западный фронт. Люди истомились и перестали что-либо понимать. Большевики, разумеется, ведут пропаганду. Сбивают их с толку. Кроме того, говорят, Гатчина уже пала.

Павел Дыбенко

Были получены сведения, что к Гатчине приближаются эшелоны с ударниками. Для защиты Гатчины налицо имелось не более 500 матросов и двух батальонов Финляндского полка. Гатчинский военный совет решил выслать навстречу ударникам делегацию, предложив им сдаться.

Ночь прошла в тревоге. Несколько раз из застав доносили, что ударники приближаются. В 8 часов утра 3 ноября ударники в эшелонах подошли к Гатчине на расстояние пяти верст. Еду для переговоров. Тов. Сиверс с незначительным отрядом моряков занимает впереди Гатчины позиции и выставляет одну батарею. В Гатчине оставались два батальона Финляндского полка, охранявшие обезоруженных казаков и юнкеров. Условный сигнал, установленный тов. Сиверсом для открытия артогня по эшелонам, — три револьверных выстрела.

Наскоро перед тем сформировали длинный порожний эшелон. С ним приближаюсь к эшелонам ударников. На нашем паровозе

несколько матросов с пулеметами. Не доходя версты до ударников, останавливаю эшелон и иду к ударникам. Тут же предлагаю им сдаться. В противном случае немедленно откроем артогонь по их эшелонам. Ударники, числом около трех тысяч, колеблются. После кратких переговоров переходят на нашу сторону. Лишь незначительная группа офицеров, отстреливаясь, пытается бежать. Сами ударники рассеивают ее пулеметным огнем. Ударники мирно вступают в Гатчину. Для ознакомления с событиями они посылают свою делегацию в Петроград к Владимиру Ильичу.

Петр Краснов

Пока шло совещание начальства, другое совещание шло у комитетов. Прибывшие матросы-парламентеры, безбожно льстя казакам и суля им немедленную отправку специальными поездами прямо на Дон, заявили, что они заключать мир с генералами не согласны, а они желают заключить мир через головы генералов с подлинной демократией, с самими казаками.

Казаки явились ко мне. Они просили меня составить им текст договора, который они и будут отстаивать от своего имени, как бы игнорируя меня.

Я составил текст такого содержания:

— Большевики прекращают всякий бой в Петрограде и дают полную амнистию всем офицерам и юнкерам, боровшимся против них.

— Они отводят свои войска к Четырем рукам. Лигово и Пулково нейтральны. Наша кавалерия занимает исключительно в видах охраны Царское Село, Павловск и Петергоф.

— Ни та, ни другая сторона до окончания переговоров между правительствами не перейдет указанной линии. В случае разрыва переговоров о переходе линии надо предупредить за 24 часа.

С такими мирными предложениями наши представители казаки отправились уже поздно вечером 31 октября к большевикам.

Керенский выработал свой текст, мне неизвестный, и с этим текстом на большевистский фронт поехал на автомобиле капитан Кузьмин.

Казаки вздохнули свободно. Они верили в возможность мира с большевиками.

Джон Рид (*В Царском селе*)

Перед дворцом, где помещался Совет, стоял грузовик, отправлявшийся на фронт. Полдюжины красногвардейцев, несколько матросов и один или два солдата, которыми командовал рослый рабочий, забрались в кузов. Они крикнули мне, чтобы я ехал с ними. Из Совета выходили красногвардейцы, сгибаясь под грузом небольших бомб из рифленого железа, наполненных грубым, который, как они говорили, в десять раз сильнее и в пять раз чувствительнее динамита. Они взваливали все эти бомбы на грузовик. Потом зарядили трехдюймовку и прикрутили ее веревкой и проволокой к грузовику.

Мы отправились при шумных криках, разумеется, полным ходом. Тяжелый грузовик мотался из стороны в сторону. Пушка переваливалась с колеса на колесо, а грубитные бомбы катались у нас под ногами, звонко стучаясь о боковые стенки автомобиля.

Время от времени патрули пытались остановить нас. Солдаты выбегали на дорогу и, вскидывая винтовки, кричали: «Стой!»

Но мы не обращали на них никакого внимания. «Черт вас дерит! — кричали красногвардейцы. — Станем мы останавливать для всякого! Мы Красная Гвардия!»

И мы гордо, с шиком грохотали дальше.

Наш грузовик мчался к Романову, рассекая светлый и пустынный воздух. На первом же перекрестке навстречу нам, размахивая винтовками, выскочили двое солдат. Мы замедлили ход и остановились.

«Пропуска, товарищи!»

Красногвардейцы подняли крик: «Мы Красная Гвардия. Не надо нам никаких пропусков... Валяй дальше, нечего разговаривать!»

Но тут вмешался матрос: «Нельзя так, товарищи. Надо держать революционную дисциплину. Этак всякий контрреволюционер влезет на грузовик да скажет: "Не надо мне никаких пропусков!" Ведь эти товарищи нас не знают...»

Начался спор. Однако все мало-помалу согласились с мнением матроса. Красногвардейцы с ворчанием вытащили свои грязные бумажки. Все удостоверения были одинаковы, и только мое, выданное революционным штабом в Смольном, имело совсем

особый вид. Часовые заявили, что мне придется идти с ними. Красногвардейцы яростно запротестовали, но тот матрос, который первым заговорил о дисциплине, вступился за часовых. «Мы знаем, что этот товарищ человек верный, — говорил он, — но ведь есть комитетские приказы, и этим приказам надо подчиняться. Такова революционная дисциплина...»

Чтобы не вызывать дальнейших споров, я слез с грузовика, и он умчался вперед, причем вся компания махала мне руками в знак прощального приветствия. Солдаты с минуту пошептались, потом подвели меня к стене и поставили. Вдруг я понял все: они хотели расстрелять меня.

Я оглянулся: кругом ни души. Только один признак жилья — дымок над трубой деревянной дачи примерно в миле от дороги. Солдаты отошли от меня на дорогу. Я в отчаянии подбежал к ним.

«Да поглядите же, товарищи! Ведь это печать Военно-Революционного Комитета!»

Они тупо уставились на мой пропуск, потом друг на друга.

«Он не такой, как у других. — мрачно сказал один из них. — Мы, брат, читать не умеем».

Я схватил его за руку. «Идем! — заявил я. — Идем к тому дому. Там, наверно, есть кто-нибудь грамотный». Солдаты заколебались. «Нет», — сказал один. Но другой еще раз поглядел на меня. «Почему нет? — проговорил он. — Убить невинного тоже не шутка»

Мы подошли к двери дачи и постучались. Невысокая полная женщина открыла дверь и отпрянула назад с криком: «Я ничего об них не знаю! Ничего не знаю!»

Один из моих конвоиров протянул ей пропуск. Она снова закричала. «Да вы только прочтите, товарищ», — сказал солдат. Она неуверенно взяла бумажку и быстро прочла вслух:

«Настоящее удостоверение дано представителю американской социал-демократии интернационалисту товарищу Джону Риду...».

Вернувшись на дорогу, солдаты начали советоваться между собой. «Нам придется доставить вас в полковой комитет», — сказали они. Мы шли по грязной дороге сквозь густые сумерки. Время от времени нам встречались группы солдат. Они оста-

навливались, подозрительно оглядывали меня, передавали из рук в руки мой пропуск и ожесточенно спорили о том, следует ли расстрелять меня или нет.

Было уже совсем темно, когда мы дошли до казарм 2-го Царскосельского стрелкового полка — низкого и длинного здания, тянувшегося вдоль дороги. Несколько солдат, болтавшихся у ворот, засыпали моих провожатых нетерпеливыми вопросами: «Шпион? Провокатор?» Мы поднялись по винтовой лестнице и вошли в огромную комнату с голыми стенами. В самой середине стояла печь, вдоль стен тянулись нары, на которых играли в карты, разговаривали, пели или просто спали солдаты. Их было до тысячи человек. В потолке зияла брешь, пробитая пушками Керенского.

Когда я появился на пороге, сразу воцарилось молчание. Все уставились на меня. Потом началось движение, сначала медленное, потом порывистее, зазвучали злобные голоса. «Товарищи! Товарищи! — кричал один из моих провожатых. — Комитет! Комитет!» Толпа остановилась и с ропотом сомкнулась вокруг меня. Сквозь нее проталкивался худощавый юноша с красной повязкой на рукаве.

«Кто это?» — резко спросил он. Мои провожатые доложили. «Дайте его бумаги!» Он внимательно прочел и окинул меня пронизывающим взглядом. Затем улыбнулся и вернул мне пропуск.

«Товарищи, это американский товарищ. Я председатель комитета. Добро пожаловать в наш полк». Злобный ропот внезапно перешел в гул радостных приветствий. Все бросились ко мне, стали пожимать мне руки.

Я вернулся во дворец Совета в Царское в автомобиле полкового штаба. Здесь все оставалось, как было: толпы рабочих, солдат и матросов прибывали и уходили, все кругом было загромождено грузовиками, броневиками и пушками, все еще звучали в воздухе крики и смех — торжество необычной победы. Сквозь толпу проталкивалось с полдюжины красногвардейцев, среди которых шел священник. Это был отец Иван, говорили они, тот самый, который благословлял казаков, когда они входили в город. Позже мне пришлось услышать, что этот священник был расстрелян.

Из дверей Совета, раздавая направо и налево быстрые при-

казания, вышел Дыбенко. В руках у него был все тот же большой револьвер. Во дворе стояла заведенная машина. Дыбенко уселся один на заднее сиденье и умчался — умчался в Гатчину разделяться с Керенским.

К ночи он доехал до предместья, вышел из автомобиля и дальше пошел пешком.

Павел Дыбенко

В 11 часов вечера в Царское из Гатчины, без ведома Керенского и Краснова, прибыла делегация от казаков в числе трех человек (один офицер и два казака) с предложением вступить с ними в переговоры. Офицер заявил, что если мы теперь же решим вести наступление, то казаки и юнкера окажут упорное сопротивление; кроме того, к Гатчине ожидается подход батальона ударников.

Терять время было нельзя. Не ставя в известность Смольный и невзирая на протест моряков против того, чтобы я поехал один, решаю выехать для переговоров в Гатчину. Выезжаю с делегацией в час ночи, взяв с собой одного лишь матроса Трушина.

В час ночи 1 ноября, в санитарном автомобиле, по грязной дороге, без освещения, пробираемся к Гатчине. По пути ехавшие со мной офицер и два казака заявили, что они — против гражданской войны, что их ввели в заблуждение, рассказывая о жестокостях и зверствах большевиков, о том, что большевиками руководят немецкие шпионы Ленин и Троцкий и что они хотят продать Россию немецкому кайзеру. Их убеждали, что весь гарнизон Петрограда и население ждет их, казаков, как избавителей от нашествия большевиков. Но теперь они, лично побывав в Царском после занятия его большевиками, убедились, что здесь не шпионы немецкие, а матросы, солдаты и рабочие. Они просили выступить на митинге перед всеми казаками, разъяснить им, что такое Советская власть, кто именно избран министрами и какая участь ждет казаков.

По пути к Гатчине как будто из-под земли вырастают одна за другой казачьи заставы. После переговоров с казачьим офицером пропускают, удивленно посматривая, почему вместе с казаками едут матросы. Около трех с половиной часов ночи

подъезжаем к Гатчинскому дворцу. Прилегающая площадь слабо освещена. Автомобиль останавливается у ворот дворца. Выхожу из автомобиля.

Навстречу выходит дежурный офицер и, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Вы кто?

В эту минуту невольно мелькает мысль: предательство. Вместо переговоров с казаками — ловушка. Отвечаю:

— Я прибыл для переговоров с казаками.

Дежурный офицер:

— Я вынужден вас арестовать. Сдайте ваше оружие.

— Оружие мое — револьвер. Его я не сдам. Если вы посылали делегацию для того, чтобы захватить одного из нас как заложника, то этим вы не достигнете цели. Знайте, мой арест вам дорого обойдется.

Мой единственный спутник, матрос Трушин, выхватив револьвер, направил его на дежурного офицера. Он готов был дорого продать нашу жизнь.

В этот момент группа казаков, постепенно окружавшая нас и следившая за разговором, потребовала от дежурного офицера немедленно освободить меня. Дежурный офицер упорствовал, заявляя:

— Я должен арестовать и доложить генералу Краснову. Что он прикажет, то и будет сделано.

Казаки стали между мною и дежурным офицером, заявляя:

— Пусть большевики сами расскажут нам обо всем. Мы хотим знать, что делается в Петрограде.

Тут же предложили следовать в казармы. Почувствовав себя как будто бы на воле, я обращаюсь к казакам с вопросом:

— Керенский здесь?

— Да.

— Я требую, чтобы немедленно был приставлен к нему надлежащий караул. В случае его побега — вы отвечаете.

Казачий офицер, приехавший в числе делегатов в Царское, остался у дворца с целью усилить караул, охранявший Керенского. Как бы под конвоем казаков и охраной матроса Трушина, прихожу в казачьи казармы. Полумрак. Казармы переполнены только что проснувшимися казаками. Неряшливо одетые в шинели, со сбитой на затылок папашой, с растрепанными длинными

чубами и неумытыми лицами, казаки казались усталыми, разбитыми, безразличными. Многие, свесив головы, посматривали на нас со второго яруса нар. Среди казаков вперемешку — офицеры и юнкера, злобным взглядом осматривавшие с ног до головы прищельцев-матросов. Взобравшись на нары, говорю им о систематическом предательстве Временного правительства, начиная с первых дней февральской революции и до последнего дня, когда Керенский вместе с русской и иностранной буржуазией пытался сдать немцам Петроград, чтобы задушить революцию; что Временное правительство, так же как и царское, не стремится добиться мира и прекратить братоубийственную войну, спасти от разорения страну и передать землю крестьянам, а продолжает начатую царем войну, гонит на фронт все новые и новые десятки и сотни тысяч молодых солдат, не обеспечивая их ни вооружением, ни обмундированием, ни продовольствием, что наступающая зима грозит катастрофой на фронте.

И, наоборот, Советская власть ставит перед собой задачу немедленно добиться справедливого мира для всех, прекращения войны, передачи земли крестьянам, установления контроля над производством, отмены смертной казни на фронте. Советским правительством, избранным на Всероссийском съезде Советов, и самим съездом Советов по всем этим вопросам изданы декреты. Предательское Временное правительство низложено. Весь гарнизон Петрограда, Балтийский флот, рабочие и целый ряд армий и городов поддерживают новое Советское правительство. Армии посылают на поддержку Советского правительства войска с фронта, и в первую очередь двинуты полки 12-й армии. Попытка Керенского снова захватить власть бессмысленна и давно обречена на неудачу. Его поход вызывает лишь лишние жертвы со стороны казаков. Керенский снова пытается вас, казаков, превратить в жандармов и тем самым возбудить против вас всеобщую народную ненависть и преследование.

Злобно выкрикивают офицеры и юнкера:

— А немецкие шпионы в вашем правительстве — Ленин и Троцкий? Станичники, не верьте им. Это предатели и изменники России.

Вся казачья масса поворачивает свои головы в сторону выкрикивающих офицеров и юнкеров. Они смутно или почти ничего не

понимают, что такое Советская власть, и еще чутко прислушиваются к голосу своего властителя — офицера. Для них еще до сих пор офицер в золотых погонах — грозная власть, заставляющая покорно выполнять свою волю. Минутами казалось, что злобно рычащее офицерство подаст команду:

— Гнать их, немецких шпионов! Бей их!

В ответ офицерам заявляю:

— Не немецкие шпионы взяли власть в свои руки, а рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, такие же, как и вы, труженики-казаки. Флот первый доказал свою преданность революции и готовность к защите страны в моонзундских боях, где в борьбе с немцами он дрался до последней капли крови; он же первый выступил на защиту Советской власти.

Этот пример еще более убедительно подействовал на казаков; украдкой посматривая на офицеров, негромко заявляют:

— Правильно. Матросы — наши братья, мы с ними пойдем.

Через час-полтора казармы уже не вмещают собравшихся казаков, офицеров и юнкеров. Митинг затягивается. Офицерство более решительно выступает против, требуя, чтобы выгнали нас из казарм. Наконец, к 8 часам утра удастся убедить казаков прекратить гражданскую войну и арестовать Керенского. Казаки согласны арестовать Керенского, но требуют сперва согласовать арест Керенского с казачьим комитетом.

Изнемогая от усталости, задыхаясь в непроницаемом табачном дыму, которым окутаны были во все время митинга казармы, еле держась на ногах, вылезая на площадь. Пахнувший утренний холодок освежил, вдохнул новые силы. Ведь еще не все сделано. Они еще не примкнули твердо к Советской власти, они еще покорны своим офицерам, и что скажут они, когда перед ними выступит тот же грозный для них генерал Краснов, который не будет митинговать, а будет приказывать? Какой оборот примет дело, когда перед ними выступит Керенский как верховный командующий? На этой обширной дворцовой площади, освещенной восходящими лучами солнца и окруженной тысячами казаков и юнкеров, я чувствовал себя заложником. Следовавший позади матрос Трушин, держа все время в руках револьвер, говорит:

— Как бы арестовать Керенского? Тогда казаки сдадутся.

Но до ареста еще далеко. Мысль неизменно вращается во-

круг одного вопроса: что сейчас предпримут Краснов и Керенский? Как видно, в ожидании подхода с фронта батальонов ударников Керенский спал последнюю ночь в чине верховного командующего и председателя министров под охраной ненадежных казаков. Низложенный правитель доживал свои последние часы...

Около 10 часов прилегающая ко дворцу площадь забита казаками и юнкерами. Наконец собирается казачий комитет, почти целиком состоящий из офицеров и юнкеров. Выйдя из зала дворца, обращаюсь снова к казакам:

— Позвольте, ведь у вас офицерский комитет, а не казачий. Где же казаки в вашем комитете?

Последняя надежда: как на это будут реагировать казаки?

Из глубины казачьей массы несется более дружный возглас:

— Правильно!

На этот раз офицерство не рассчитало: оно в полном составе собралось в зале заседания комитета, предоставив решить этот вопрос самим казакам.

Перед дворцом в течение получаса происходят перевыборы комитета. Казаки просто избирали своих представителей: не голосуя, выкрикивали фамилии и тут же посылали в комитет.

Долго убеждаю новый комитет в необходимости немедленного ареста Керенского, заявляя, что 12-й час на исходе, что я отпущен моряками до определенного срока, после чего моряки начнут обстрел Гатчины и перейдут в наступление. Керенский, вероятно разбуженный шумом возле самого дворца, помещался всего через одну комнату от зала заседания комитета (во все время моих переговоров с комитетом адъютант Керенского, приоткрыв дверь в зал заседания, подслушивал).

Около 12 часов, наконец, мне удается склонить комитет арестовать Керенского. Вопрос ставится на голосование. В это время входит в зал дежурный офицер и читает телеграмму: «Из Луги отправлено 12 эшелонов ударников. К вечеру прибудут в Гатчину. Савинков».

Телеграмма вызвала среди казаков замешательство, нерешительность. Настроение стало колебаться. Мне предъявили контртребование: подписать договор, в котором казаки отказываются от вооруженной борьбы с нами, чтобы их пропустили

на Дон и Кубань с оружием в руках и чтобы в правительстве не было ни Ленина, ни Троцкого...

Нужно, с одной стороны, выиграть время до подхода отряда моряков, чтобы Гатчину захватить врасплох, с другой — без промедления, до прибытия ударников, арестовать Керенского. Оди-наково старался выиграть время, очевидно, и Краснов до подхода ударников. Для достижения своей цели, совершая «стратегиче-ский ход», я решаюсь подписать договор. Не казаки избирали Ленина и Троцкого — не они и будут их отстранять.

Договор подписан. Выносятся единогласное постановление об аресте Керенского. Цель достигнута.

Петр Краснов

Утром 1 ноября вернулись переговорщики и с ними толпа матросов. Наше перемирие было принято, подписано представите-лем матросов Дыбенко, который и сам пожаловал к нам. Громад-ного роста, красавец-мужчина с вьющимися черными кудрями, черными усами и юной бородкой, с большими темными глазами, белолицый, румяный, заразительно веселый, сверкающий бе-лыми зубами, с готовой шуткой на смеющемся рте, физически силач, позирующий на благородство, он очаровал в несколько минут не только казаков, но и многих офицеров.

— Давайте нам Керенского, а мы вам Ленина предоставим, хотите ухо на ухо поменяем! — говорил он смеясь.

Казаки верили ему. Они пришли ко мне и сказали, что требу-ют обмена Керенского на Ленина, которого они тут же у дворца повесят.

— Пускай доставят сюда Ленина, тогда и будем говорить, — сказал я казакам и выгнал их от себя.

Александр Керенский

В пустом Гатчинском дворце со мной рядом было лишь не-сколько верных мне людей, выступавших в роли посредников и державших меня в курсе проходивших переговоров. Мы знали о деморализации казачьих частей и о подрывной деятельности в войсках. И все же казалось невероятным, что генерал Краснов или офицеры казачьего корпуса опустятся до прямого предательства.

Генерал Краснов пришел ко мне приблизительно в 11 утра.

Если у меня и раньше были основания относиться к нему с подозрением, то после разговора с ним подозрения мои еще более укрепились. Он стал убеждать меня отправиться в Петроград для переговоров с Лениным. Он уверял меня, что я буду в полной безопасности под защитой казаков и что другого выхода нет. Не стану вдаваться в подробности нашей последней встречи. Оглядываясь назад, я понимаю, сколь трудно ему тогда пришлось, ибо по натуре своей он вовсе не был предателем.

Петр Краснов

Около полудня за мной прислал Керенский. Он слышал об этих разговорах и волновался. Он просил, чтобы казачий караул у его дверей был заменен караулом от юнкеров.

— Ваши казаки предадут меня, — с огорчением сказал Керенский.

— Раньше они предадут меня, — сказал я и приказал снять казачьи посты от дверей квартиры Керенского.

Что-то гнусное творилось кругом. Пахло гадким предательством. Большевицкая зараза только тронула казаков, как уже были утеряны ими все понятия права и чести.

В три часа дня ко мне ворвался комитет 9-го донского полка с войсковым старшиною Лаврухиным. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенского, которого они сами под своей охраной отведут в Смольный.

— Ничего ему не будет. Мы волоса на его голове не позволим тронуть.

Очевидно, это было требование большевиков.

— Как вам не стыдно, станичники! — сказал я. — Много преступлений вы уже взяли на свою совесть, но предателями казаки никогда не были. Вспомните, как наши деды отвечали царям московским: «С Дона выдачи нет!» Кто бы ни был он, судить его будет наш русский суд, а не большевики...

— Он сам большевик!

— Это его дело. Но предавать человека, доверившегося нам, неблагородно, и вы этого не сделаете.

— Мы поставим свой караул к нему, чтобы он не убежал. Мы выберем верных людей, которым мы доверяем, — кричали казаки.

— Хорошо, ставьте, — сказал я.

Когда они вышли, я прошел к Керенскому. Я застал его смертельно бледным, в дальней комнате его квартиры. Я рассказал ему, что настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками, но дворец имел и другие выходы. Я указал на то, что часовые стоят только у парадного входа.

— Как ни велика вина ваша перед Россией, — сказал я, — я не считаю себя вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь.

Выйдя от Керенского, я через надежных казаков устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было. Он бежал.

Александр Керенский

Вскоре наверх прибежали мои «наблюдатели» и сообщили окончательные результаты переговоров. Меня передают Дыбенко, а казакам разрешено возвратиться на Дон.

Время близилось к полудню. Шум и крики внизу все усиливались. Я старался убедить близких мне людей спастись бегством. Моего личного помощника Н.В. Виннера уговаривать не приходилось: мы с ним были полны решимости живыми не сдаваться. Мы намеревались, как только казаки и матросы станут искать нас в передних комнатах, застрелиться в дальних помещениях. В то утро такое наше решение казалось логичным и единственно возможным. Мы стали прощаться, и тут вдруг отворилась дверь, и на пороге появились два человека — один гражданский, которого я хорошо знал, и матрос, которого никогда прежде не видел. «Нельзя терять ни минуты, — сказали они. — Не пройдет и получаса, как к вам ворвется озверевшая толпа. Снимайте френч — быстрее!» Через несколько секунд я преобразился в весьма нелепого матроса: рукава бушлата были коротковаты, мои рыжевато-коричневые штиблеты и краги явно выбивались из стиля. Бескозырка была мне так мала, что едва держалась на макушке. Маскировку завершали огромные шоферские очки. Я попрощался со своим помощником, и он вышел через соседнюю комнату.

Гатчинский дворец, построенный безумным императором Павлом I в форме средневекового замка, был своего рода ловушкой. Со всех сторон окруженный рвом, он имел лишь единственный выход — через подъемный мост. Чтобы пройти сквозь тол-

пу вооруженных людей к автомобилю, который ожидал нас во внешнем дворе, оставалось рассчитывать лишь на чудо. Вместе с матросом мы спустились по единственной лестнице вниз. Мы двигались как роботы, в сознании не было ни мыслей, ни ощущения опасности.

Без особых приключений мы добрались до внешнего двора, но никакого автомобиля там не обнаружили. В отчаянье, не произнеся ни слова, мы повернули обратно. Должно быть, выглядели мы весьма странно. Стоявшие у ворот с любопытством смотрели на нас, однако, по счастью, среди них были и наши люди. Один из них подошел к нам и прошептал: «Машина ждет у Китайских ворот. Не теряйте ни минуты!» Появился он как нельзя более кстати, ибо к нам уже двинулась толпа людей и положение наше становилось совсем отчаянным. Но тут один из обмотанных бинтами офицеров неожиданно «потерял сознание» и забился в конвульсиях, чем отвлек от нас внимание толпы. Не раздумывая, мы тотчас воспользовались этой помощью и побежали со двора в сторону Китайских ворот, от которых шла дорога на Лугу. Затем мы пошли не спеша и, чтобы не привлекать внимания, громко разговаривая.

Мое исчезновение было обнаружено минут через 30, когда ватага казаков и матросов ворвалась в мою комнату на верхнем этаже. Немедленно во все стороны были брошены автомашины, и снова нам улыбнулось счастье. Нам навстречу по пустынной улице медленно тащилась телега. Остановив ее, мы посулили вознице хорошее вознаграждение, если он довезет нас до Китайских ворот. У него буквально отвисла челюсть, когда два матроса сунули ему сторублевку. У ворот нас ждала машина. Я быстро занял место рядом с офицером-водителем, а позади расположились матрос и несколько солдат с гранатами в руках. Дорога до Луги была в превосходном состоянии, но мы все время оглядывались назад, ожидая в любой момент увидеть наших преследователей. Мы решили в случае их появления использовать до конца все имевшиеся у нас гранаты. Несмотря на всю напряженность, офицер-водитель казался совершенно спокойным и, управляя машиной, даже насвистывал какой-то веселый мотивчик из репертуара Вертинского.

Преследователи не догнали нас еще из-за одной удачи, кото-

рую подарила нам судьба. Мой личный шофер, оставшийся в Гатчинском дворце, сохранил чувство верности ко мне. Он знал, что мы поехали в сторону Луги и, когда раскрылось наше исчезновение, поднял крик, заверив толпу, что на своем самом быстроходном автомобиле нагонит «негодяя». Понимая, что действительно без труда нагонит нас, он в дороге ловко организовал поломку машины.

Зинаида Гиппиус (*запись в дневнике от 5 ноября*)

Керенский, действительно, убежал — во время начавшихся «переговоров» между «его» войсками и большевицкими...

Рассказывают (очевидцы), что у него были моменты истерического героизма. Он как-то остановил свой автомобиль и, выйдя, один, без стражи, подошел к толпе бунтующих солдат... которая от него шарахнулась в сторону. Он бросил им: «Мерзавцы!» — пошел, опять один, к своему автомобилю и уехал.

Да, фатальный человек; слабый... герой. Мужественный... предатель. Женственный... революционер. Истерический главнокомандующий. Нежный, пылкий, боящийся крови убийца. И очень, очень, весь — несчастный.

Павел Дыбенко

Казаки, направившиеся арестовать Керенского, вернулись и доложили, что Керенский бежал. Возмущение бегством Керенского было громадно; казаки и юнкера тут же послали телеграмму:

«Всем, всем. Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя.

Казачий совет 3-го корпуса».

К моменту отправки телеграммы к казачьим заставам подошли Финляндский полк и отряд моряков. Заставы сообщили об их приближении. Мною было отдано распоряжение немедленно пропустить. В этот момент в зал вбежал весь запыхавшийся Войтинский. Он потрясал телеграммами, полученными от Савинкова и из ставки, где сообщалось о приближении ударников. Всячески пытаюсь повернуть настроение казаков, он убеждал их, что Керенский не бежал, что он выехал навстречу подходя-

щим войскам. Но доверие к ставленникам Керенского уже было подорвано. В ответ на речь Войтинского тут же его арестовали (позднее Войтинский бежал при помощи юнкеров).

Вскоре после того в Гатчину вступили Финляндский полк и отряд моряков, а через два часа юнкера и казаки были обезоружены.

Петр Краснов

Казаки кинулись ко мне. Они были страшно возбуждены против меня. Раздавались голоса о моем аресте, о том, что я предал их, давши возможность бежать Керенскому.

Но тут произошло новое событие, которое совершенно все перевернуло. К гатчинскому дворцу, в стройном порядке, сверкая штыками, подходила густая колонна солдат. Она тянулась далеко по дороге, идущей к Петрограду. Люди были отлично одеты; на всех взводах, сверкая погонами, шли офицеры. Это шел л. гв. финляндский полк. Он стал выстраиваться в резервную колонну против дворца. Казаки оставили меня и разбежались куда попало. Я остался один. Офицеры штаба находились все вместе в соседней комнате.

Я пошел взглянуть, что происходит. Неужели действительно помощь? Но за финляндцами шли матросы, за матросами — красная гвардия. В окна, сколько было видно, все было черно от черных шинелей матросов и пальто красной гвардии. Тысяч двадцать народа заполнило Гатчину, и в их темной массе совершенно растворились казаки.

Было ясно, что перемирие полетело к черту и все погибло. Мы в плену у большевиков. Однако эксцессов почти не было. Кое-где матросы задевали офицеров, но сейчас же являлись Дыбенко или юный и юркий Рошаль и разгоняли матросов.

— Товарищи! — говорил Рошаль офицерам, — с ними надо уметь. В морду их! В морду!

И он тыкал в морды улыбающимся красногвардейцам. Я присматривался к этим новым войскам. Дикую разбойничью вольницу, смешанную с современною разнузданною хулиганщиною, несло от них. Шарят повсюду, крадут, что попало. У одного из наших штабных офицеров украли револьвер, у другого — сумку, но если их поймают с поличным, то отдадут и смеются: «То-

варищ, не клади плохо! Я отдал, а другой не отдаст». Разоружили одну сотню 10-го донского казачьего полка: я пошел с комитетом объясняться с Дыбенко. Как же это, мол, так: по перемирию оружие остается у нас, — оружие вернули, но не преминули слизнуть какое-то тряпье. Шутки грубые, голоса хриплые. То и дело в комнату, где ютились офицеры, заглядывали вооруженные матросы.

— А, буржуи, — говорили они, — ну погодите, скоро мы всех вас передушим!

И это уже не шутка, это действительная угроза.

Ко мне в комнату пришли Дыбенко и подпоручик одного из гвардейских полков Тарасов-Родионов, человек лет тридцати с университетским значком.

— Генерал, — сказал Тарасов, — мы просим вас завтра поехать со мною в Смольный для переговоров. Надо решить, что делать с казаками.

— Это скрытый арест? — спросил я.

— Даю вам честное слово, что нет, — сказал Тарасов.

— Я ручаюсь вам, генерал, — сказал Дыбенко, — что вас никто не тронет. В 10 часов вы будете в Смольном, а в 11 мы вернем вас обратно.

— Вы понимаете, — сказал Тарасов-Родионов, — или нам придется арестовать и разоружить ваш отряд, или взять вас для переговоров.

— Хорошо, я поеду, — сказал я.

Павел Дыбенко

Оставался еще генерал Краснов, — надо было и его арестовать. В 6 часов вечера, вместе с командиром Финляндского полка, мы вошли в кабинет Краснова. При нашем появлении высокий, сидящий, красивый, со строгим и спокойным выражением глаз, генерал Краснов поднялся нам навстречу.

— Генерал Краснов, именем Совета Народных Комиссаров вы и ваш адъютант арестованы.

Краснов:

— Вы меня расстреляете?

— Нет. Мы вас немедленно отправим в Петроград.

Краснов:

— Слушаюсь.

Тут же были арестованы и два адъютанта Керенского. Арестованный генерал Краснов в автомобиле был отправлен в Смольный.

В эту же ночь напившиеся пьяными несколько казачьих офицеров пытались поднять восстание среди казаков и юнкеров, но были тут же расстреляны.

Петр Краснов

До утра во дворце продолжался шум и гам. То арестовывали, то освобождали офицеров. Матросы явно ухаживали за казаками и лстили им.

— В России только и есть войско, товарищи, что матросы да казаки, остальное дрянь одна.

— Соединимся, товарищи, вместе, и Россия наша. Пойдем вместе.

— На Ленина! — лукаво подмигивая, говорил казак.

— А хоть бы и на Ленина. Ну его к бесу! На что он нам сдался, шут гороховый...

— Так чего же вы, товарищи, воевали? — говорили казаки.

— А вы чего?

И разводили руками. И никто не понимал, из-за чего пролита была кровь и лежали мертвые у готовых могил, офицер оренбурец и два казака, и страдали по госпиталям раненые...

Автомобиль должны были подать к 8-ми часам, но подали еле к 10-ти.

Какой-то громадный солдат в пяти шагах от нас схватывает винтовку на изготовку и кричит:

— Стрелять этих генералов надо, а не на автомобилях раскачивать!

Тарасов мертвенно бледен. Я спокоен — тот, кто выстрелит, тот не кричит об этом. Этот не выстрелит. Я смотрю в злобные серые глаза солдата и только думаю: за что? — он и не знает меня вовсе.

— Скорее! Скорее! — говорит Тарасов шоферам, но те и сами понимают, что зевать нельзя.

В Гатчине людно. Шатаются солдаты и красногвардейцы. У Мозино мы обгоняем роту красной гвардии. Она запрудила все шоссе, автомобиль дает гудки, и красногвардейцы сторонятся, косятся, бросают злобные взгляды, но молчат.

Под Пулковым из какого-то дома по нас стреляли. Одна пуля щелкнула подле автомобиля, другая ударила в его край.

В Смольном хаос. На каждой площадке лестницы пропускной пост. Столик, барышня, подле два-три лохматых «товарища» и проверка «мандатов». Все вооружено до зубов. Пулеметные ленты сплошь да рядом без патронов крест-накрест перекручены поверх потрепанных пиджаков и пальто, винтовки, которой никто не умеет держать, револьверы, шашки, кинжалы, кухонные ножи.

И несмотря на все это вооружение, толпа довольно мирного характера и множество дам, нет, это не дамы, и не барышни, и не женщины, а те «товарищи» в юбках, которые вдруг, как тараканы из щелей, повылезали в Петрограде и стали липнуть к красной гвардии и большевикам, — претенциозно одетые, с разухабистыми манерами, они так и шныряют вниз и вверх по лестнице.

С рук на руки нас передавали и вели среди непрерывного движения разных людей вверх и вниз на третий этаж, где, наконец, нас пропустили в комнату, у дверей которой стояло два часовых матроса.

— Но ведь это арест?..

— Да, арест, — отвечают мне. — Но будет и хуже. Вчера генерала Карачана, начальника артиллерийского училища, взяли, вывели за Смольный и в переулке застрелили. Как бы и вам того же не было, генерал, — говорит один.

— Ну зачем так, — говорит другой, — может быть, только посадят в Кресты или Петропавловку.

— В Крестах лучше. Я сидел, — говорит третий.

Рядом комната. Бывшая умывальная институток. В ней тише.

Я прошел туда, снял шинель, положил под голову и прилег на асфальтовом полу, чтобы отдохнуть и обдумать свое положение. Более чем очевидно, что Тарасов-Родионов обманул, что меня заманили и я попал в западню.

В 5 часов я проснулся. Ко мне пришел Тарасов-Родионов и с ним бледный лохматый матрос.

— Вот, — сказал мне Тарасов, — товарищ с вас снимет допрос.

— Позвольте, — говорю я, — поручик, вы обещали мне, что через час отпустите, а держите меня в этой свинской обстановке целый день. Где же ваше слово?

— Простите, генерал, — ускользая в двери, проговорил Тарасов. — Но лучшее наше помещение, где есть кровать, занято великим князем Павлом Александровичем, если его сегодня отпустят, мы переведем вас в его комнату, там будет великолепно.

Матрос, назначенный для следствия, имел усталый и измученный вид. Он дал бумагу, чернила и перо и просил написать, как и по чьему приказу мы выступили и как бежал Керенский.

Вдвоем с Сергеем Петровичем Поповым мы составили безличный отчет и подали матросу.

— Теперь мы свободны? — спросил Попов.

Матрос загадочно посмотрел на нас, ничего не ответил и ушел.

Я долго смотрел, как сгущались вдали сумерки над Невой и загорались огни на набережной и на мосту Петра Великого. Скоро темная ночь стала за окном.

Через полчаса меня попросили в другую комнату. Я пошел с Поповым и Чеботаревым. У дверей стояло два мальчика лет по 12-ти, одетых в матросскую форму, с винтовками.

— Что, видно, у большевиков солдата не стало, что они детей в матросы записали, — сказал Попов одному из них.

— Мы не дети, — басом ответил матрос и улыбнулся жалкой, бледной улыбкой.

В комнате классной дамы посередине стоял небольшой столик и стул. Я сел за этот стол. Приходили матросы, заглядывали на нас и уходили снова. По коридору так же, как и днем, непрерывно сновали люди.

Наконец, пришел небольшой человек в помятом кителе с прапорщичьими погонами, фигура невзрачная, лицо темное, прокуренное. Мне он почему-то напомнил учителя истории захолустной гимназии. Я сидел, он остановился против меня. В дверях толпилось человек пять солдат в шинелях.

Это был прапорщик Крыленко.

— Скажите, ваше превосходительство, — обратился ко мне Крыленко, — вы не имеете сведений о Каледине? Правда, он под Москвой?

— А вот оно что! — подумал я. — Вы еще не сильны. Мы еще не побеждены. Поборемся.

— Не знаю, — сказал я с многозначительным видом. — Ка-

ледин мой большой друг... Но я не думаю, чтобы у него были причины спешить сюда. Особенно, если вы не тронете и хорошо обойдетесь с казаками.

Я знал, что на Дону Каледин едва держался и по личному опыту знал, что поднять казаков невозможно.

— Имейте в виду, прапорщик, — сказал я, — что вы обещали меня отпустить через час, а держите целые сутки. Это может возмутить казаков.

— Отпустить вас мы не можем, — как бы про себя, сказал Крыленко, — но и держать вас здесь негде. У вас здесь нет кого-либо, у кого вы могли бы поселиться, пока выяснится ваше дело?

— У меня здесь есть квартира на Офицерской улице, — сказал я.

— Хорошо. Мы вас отправим на вашу квартиру, но раньше я поговорю с вашим начальником штаба.

Крыленко ушел с Поповым. Я отправил Чеботарева с автомобилем в Гатчино для того, чтобы моя жена переехала в Петроград. Вскоре вернулся Попов. Он широко улыбался.

— Вы знаете, зачем меня звали? — сказал он.

— Ну? — спросил я.

— Троцкий спрашивал меня, как отнеслись бы вы, если бы правительство, то есть большевики, конечно, предложили бы вам какой-либо высокий пост.

— Ну и что же вы ответили?

— Я сказал: «Пойдите предлагать сами, генерал вам в морду даст!»

Я горячо пожал руку Попову. Милейшая личность был этот Попов. В самые тяжелые, критические минуты он не только не терял присутствия духа, но и не расставался со своим природным юмором. Он весь день нашего заключения в Смольном то издевался над Дыбенко, то изводил Тарасова-Родионова, то критиковал и смеялся над порядками Смольного института. Он и тут остался верен себе. О том, что мы играли нашими головами, мы не думали, мы давно считали, что дело наше кончено и что выйти отсюда, несмотря на все обещания, вряд ли удастся.

Наконец, в 11 часов вечера, к нам пришел Тарасов-Родионов.

— Пойдемте, господа, — сказал он.

Часовые хотели было нас задержать, но Тарасов сказал им что-то, и они пропустили.

В Смольном все та же суматоха. Так же одни озабоченно идут вверх, другие вниз, так же все полно вооруженными людьми, стучат приклады, гремит уроненная на каменной лестнице винтовка.

У выхода толпа матросов.

— Куда идете, товарищи?

Тарасов-Родионов начинает объяснять.

— По приказу Троцкого, — говорит он.

— Плевать нам на Троцкого. Приканчивать надо эту канитель, а не освобождать.

— Товарищи, постойте... Это самосуд!

— Ну да, своим-то судом правильнее и скорее.

Гуще и сильнее разгоралась перебранка между двумя партиями матросов. Объектом спора были мы с Поповым. Матросы не хотели выпускать своей добычи. Вдруг чья-то могучая широкая спина заслонила меня, какой-то гигант напер на меня, ловко притиснул к двери, открыл ее, и я, Попов и великан красавец в бушлате гвардейского экипажа и в черной фуражке с козырьком и офицерской кокардой втиснулся с нами в маленькую швейцарскую.

Перед нами красавец боцман, типичный представитель старого гвардейского экипажа. Такие боцмана были рулевыми на императорских вельботах. Сытый, холеный, могучий и красивый.

— Простите, ваше превосходительство, — сказал он, обращаясь ко мне, — но так вам много спокойнее будет. Я не сильно толкнул вас? Ребята ничего. Пошумят и разойдутся без вас. А то как бы чего нехорошего не вышло. Темного народа много.

И действительно — шум и брань за дверьми стала стихать, наконец, и совсем прекратилась.

— Вас куда предоставить прикажете?.. — спросил меня боцман.

Я сказал свой адрес.

— Только простите, я вас отправлю на автомобиле скорой помощи, так менее приметно. А то сами понимаете, народ-то какой!.. А людей я вам дам надежных. Ребята славные.

Громадный автомобиль Красного Креста, в который влезли я, Попов, Тарасов-Родионов и шесть гвардейских матросов, с неистовым шумом сорвался с места и тяжело покатился к воротам.

У разведенного костра грелись красногвардейцы. При виде матросов они пропустили автомобиль, не опрашивая и не заглядывая вовнутрь.

В городе темно. Фонари горят редко, прохожих нигде не видно. Через четверть часа я был дома. Почти одновременно подъехала моя жена с Гришей Чеботаревым и командиром Енисейской сотни, есаулом Коршуновым.

6-го ноября члены комитета сотник Карташов и подхорунжий Кривцов привезли мне пропуск на выезд из Петрограда. Я не знаю, насколько этот пропуск был настоящий. Мы об этом тогда не говорили, но мне рекомендовали его не очень давать разглядывать. Это был клочок серой бумаги с печатью Военно-Исполнительного Комитета С.С. и Р.Д. с подписью товарища Антонова: кажется, того самого матроса, который снимал с меня показания. В сумерки, 7-го ноября, я, моя жена, полковник Попов и подхорунжий Кравцов, забравши кое-что из платья и белья, сели на сильную машину штаба корпуса и поехали за город. Мы все были в форме, я с погонами с шифровкой III корпуса, при оружии.

В наступившей темноте мы промчались через заставу, где что-то махал руками растерявшийся красногвардеец, и понеслись, минуя Царское Село, по Новгородскому шоссе. В 10 часов вечера мы были в Новгороде, где остановились для того, чтобы добыть бензин.

А в это время на Петроградскую мою квартиру явился от Троцкого наряд Красной гвардии, чтобы окончательно меня арестовать.

Александр Ильин-Женевский

Краснов не долго пробыл под арестом. Доставив его в Петроград, Военно-революционный комитет вскоре освободил его под честное слово, что он не поднимет больше оружия против Советской власти. Это было более чем наивно... Конечно, Краснов тотчас же по освобождении поспешил на юг и там принял самое активное участие в организации белогвардейских армий и борьбе их против Советской власти.

Приложение 5

НИКОЛ
В ТОБОЛ

ЛАЙ II ЛЬСКЕ

Он понимал,
что страна
идет к гибели...

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. НИКОЛАЙ II В ТОБОЛЬСКЕ*

София Буксгевден (*фрейлина императрицы Александры Федоровны*)

В ноябре жители Тобольска получили известие о большевистской революции. Но все это было так далеко, что поначалу не внесло никаких перемен в жизнь государственных заключенных. Представители Временного правительства, включая губернатора, остались на своих постах, банки и суды продолжали работать. Произошедшее в Москве просто игнорировалось, и пока хватало наличных денег, в Тобольске фактически существовало самоуправление. Стража успела привыкнуть к своим заключенным и, в целом, была с ними достаточно вежлива. Разумеется, не обошлось и без мелких происшествий.

Пьер Жильяр (*преподаватель французского языка в царской семье*)

Одним из наибольших наших лишений во время нашего тобольского заключения было почти полное отсутствие известий. Письма доходили до нас лишь очень неаккуратно и с большим запозданием, что же касается газет, то мы должны были довольствоваться жалким местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге; в нем сообщались нам лишь запоздавшие на несколько дней и всего чаще искаженные и урезанные известия. Между тем Государь с тревогой следил за развернувшимися в России событиями. Он понимал, что страна идет к гибели...

Я тогда в первый раз услышал от Государя выражение сожаления об его отречении. Он принял это решение в надежде, что те, кто пожелал его удаления, окажутся способными привести войну к благополучному окончанию и спасти Россию. Он побоялся, чтобы его сопротивление не послужило поводом к гражданской войне в присутствии неприятеля, и не пожелал, чтобы

* Все тексты приведены по изданию «Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны 1917-1918». Изд. ПРОЗАиК, 2012.

кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Но разве за его уходом не последовало в самом скором времени появление Ленина и его сподвижников, платных наемников Германии, преступная пропаганда которых привела армию к развалу и развратила страну? Он страдал теперь при виде того, что его самоотречение оказалось бесполезным и что он, руководствуясь лишь благом своей родины, на самом деле оказал ей плохую услугу своим уходом. Эта мысль стала преследовать его все сильнее и впоследствии сделалась для него причиной великих нравственных терзаний...

Мария Федоровна (*мать императора Николая II*)

4 ноября

Из Севастополя вернулись наш комиссар Вершинин и Жоржелиани и кое о чем рассказали, среди прочего о том, что дворец наполовину разрушен и разграблен, последнее в особенности касается покоев моего любимого Ники и Алике — какая подлость! Великолепный портрет Ники кисти Серова эти скоты вытащили из рамы и вышвырнули в окно, а когда какой-то мальчик поднял его, желая спасти, негодяи вырвали холст у него из рук и разорвали на куски. В настоящий момент никакого правительства нет и в помине. Мы уподобились судну, плывущему по штормовому морю без руля и ветрил. Керенский исчез, и все теперь в лапах у большевиков.

Николай II

17 ноября 1917. Пятница

Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром.

Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве!

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени.

20 ноября 1917. Понедельник

Мороз усилился, и день простоял ясный. У стрелков было брожение из-за неполучения суточных за три месяца из Петрограда, быстро приведенное к концу временным позаимствованием нужной суммы в банке. Днем работал с дровами. В 9 ч. была отслужена всенощная.

Евгений Кобылинский (*командир отряда особого назначения по охране императора*)

Как я уже говорил, Керенский обещал солдатам перед отъездом суточные деньги. Прошел ноябрь месяц, а никаких суточных нам не стали. Пришли ко мне опять солдаты и стали говорить: «Вот обещают все только, а ничего не дают. Мы сами себе достанем суточные. Пойдем и разгромим магазины, вот и будут у нас суточные». Пришлось мне пойти к Пигнатти и занять у него, как комиссара, 15000 рублей. Раздал солдатам по 50 копеек суточных, замазал рты. Солдаты тогда же решили послать в Москву или Петроград делегатов по этому поводу и выбрали солдат Матвеева и Лупина. Приехали они (Матвеев тогда вернулся уже офицером) и сказали, что деньги обещали прислать. Снова мне пришлось идти к Пигнатти и «просить» у него еще 15000 рублей, так как «обещаниям» солдаты уже не верили и, распустившись до последней возможности, могли натворить много дурного.

Пьер Жильяр

Между тем доктрины большевиков начали свою работу по дезорганизации в отряде, который нас охранял и который до того времени довольно хорошо противостоял этому. Состав его был самый разнообразный, но солдаты 1-го и 4-го полков были в большинстве очень расположены к царской семье и особенно к детям. Великие княжны с чарующей простотой любили поговорить с этими людьми, которые, как и они, чувствовали себя душой еще связанными с прошлым. Великие княжны расспрашивали солдат об их деревнях, семьях или о сражениях, в которых они принимали участие во время великой войны. Алексей Николаевич, который оставался для них «наследником», тоже пользовался их уважением, и они всячески старались доставить ему удовольствие и придумать ему развлечение. Часть охраны от 4-го полка, состоявшая почти исключительно из солдат старших возрастов, особенно обнаруживала свою привязанность к царской семье, и для всей семьи было радостно видеть этих честных людей в карауле. В эти дни император и дети тайно ходили в помещение караула и разговаривали или играли в шашки с солдатами, из которых ни один никогда не позволил себе отступить от самой строгой корректности. Однажды их застал там комиссар

Панкратов, который остановился изумленный у порога двери, наблюдая сквозь свои очки неожиданное зрелище. Император, видя его смущенный вид, сделал ему знак войти и сесть за стол. Комиссар, однако, чувствуя себя неловко, был этим окончательно смущен: он пробормотал несколько невнятных слов и, повернувшись на каблуках, удалился.

Василий Панкратов (*комиссар при отряде особого назначения по охране императора*)

Сведения об этом перевороте достигали Tobольска отрывочно. Невозможно было составить истинного представления о том, что творится в столицах. Телеграммы Керенского были очень кратки и односторонни, газетные сообщения отличались яркой партийностью и блистали только полемикой. Мое положение в Tobольске было весьма щекотливое, и я более чем когда-либо желал, чтобы скорее собралось Учредительное собрание и освободило меня от тяжелой обязанности. Октябрьский переворот произвел гнетущее впечатление не только на бывшего царя, но и на свитских. Из газет они видели, что делается в Питере. Николай II долго молча переживал и никогда со мной не разговаривал об этом. Но вот, когда получились газетные сообщения о разграблении винных подвалов в Зимнем дворце, он нервно спросил меня:

— Неужели Керенский не может приостановить такое своеволие?

— По-видимому, не может... Толпа везде и всегда остается толпой.

— Как же так? Александр Федорович поставлен народом... народ должен подчиниться... не своевольничать... Керенский любимец солдат... — как-то желчно сказал бывший царь.

— Мы здесь слишком далеко от всего; нам трудно судить о событиях в России. Но для меня все эксцессы толпы понятны и не неожиданны...

По-видимому, мое объяснение было совсем непонятно бывшему царю. Он, помолчав несколько минут, сказал:

— Но зачем же разорять дворец? Почему не остановить толпу?.. Зачем допускать грабежи и уничтожение богатств?..

Последние слова произнес бывший царь с дрожью в голосе. Лицо его побледнело, в глазах сверкнул огонек негодования.

В это время вошли Татищев и одна из дочерей. Разговор на эту тему прервался. Потом я очень сожалел об этом. Мне очень хотелось уяснить для себя: как же в самом деле смотрел бывший царь на совершающиеся события?..

Отзвуки октябрьских событий понемногу стали проникать и в Тобольскую губернию. Еще не было известно, на чьей стороне останется победа. Сообразно с этим вели себя и тобольские деятели. По губернии распускались всевозможные нелепые слухи.

Пьер Жильяр

На следующий день — праздник Рождества Христова, и мы отправляемся в церковь. По указанию священника дьякон провозгласил многолетие (молитва о продлении дней Императорской Фамилии). Это было неблагоразумно со стороны священника и могло только повлечь за собою репрессии. Солдаты со смертными угрозами требовали смены священника. Этот инцидент омрачил светлые впечатления, которые должны были сохраниться об этом дне. Он окончился для нас новыми притеснениями, и надзор за нами стал еще более строгим.

Татьяна Боткина *(дочь лейб-медика Николая II Е.С. Боткина)*

Это маленькое событие имело очень большие последствия. Отец Алексей был арестован домашним арестом и вместе с диаконом подвергнут допросу. На этом допросе они оба держали себя самым растерянным образом, ни один не имея мужества взять на себя это несчастное провозглашение, и сваливали то друг на друга, то на Панкратова, будто бы это им разрешившего. Для охраны отец Алексей стал сразу подозрителен, а в глазах Их Величеств он приобрел славу человека, за них пострадавшего, и тем их очень к себе расположил. Часть свиты тоже восхищалась им, за исключением моего отца, совершенно справедливо находившего, что это была просто неуместная выходка, от которой отец Алексей несколько не пострадал, т.к. из-под ареста его скоро выпустили, Их же Величествам много повредившая.

Действительно, после этого случая их стали пускать в церковь все реже и реже и, наконец, совсем лишили этого, устроив только маленькую походную церковь в доме. Отца Алексея при Их Величествах сменил отец Владимир Хлынов, и можно глубоко

сожалеть о том, что он не занимал этого места с самого начала, так как тогда бы Их Величества не имели случая войти в сношения с Васильевым (о. Алексеем), бывшим одним из виновников их гибели.

common place
издательская инициатива /
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Бакен», «Фаренгейт
451», «Пиотровский», «Князь Мышкин», «Факел», «Порядок
слов», книжном клубе «Петровский»,
а также заказать с доставкой на сайте izd-siyanie.ru
Больше информации о проекте: vk.com/common_place

ОКТАБРЬ

История одной революции

Корректоры — Оксана Алексеева, Елена Антонова
Выпускающий редактор — Екатерина Гончаренко
Макет — Евгения Ставицкая
Обложка — Евгения Ставицкая

Подписано в печать 7.11.2016
Формат 70х100/16
Тираж 700 экз.
Заказ № 161

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80